

ВОРОШИЛОВ

В. Кардашѣ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Новая книга В. Кардашова рассказывает о жизни и деятельности одного из организаторов нашего государства, прославленного командарма К. Е. Ворошилова. Еще в юности Клим Ворошилов вступил на путь революционной борьбы. После победы Октября он сражается с гайдамаками и белоказаками, деникинцами и врангелевцами. Кончается война, и К. Е. Ворошилов все свои силы отдает укреплению Красной Армии. В период Великой Отечественной войны маршал Ворошилов вновь на защите нашего Отечества, а по окончании ее активно участвует в мирном строительстве.

- [Владислав Кардашов](#)
  -
  - [ПРОЛЕТАРИЙ](#)
  - [РЕВОЛЮЦИОНЕР-ПРОФЕССИОНАЛ](#)
  - [СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ](#)
  - [НАРКОМВОЕНМОР](#)
  - [МАРШАЛ](#)
  - [ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Е. ВОРОШИЛОВА](#)
  - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
  - [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
-

Владислав Кардашов ВОРОШИЛОВ

ПРОЛЕТАРИЙ

В 80-х годах прошлого столетия путешественник, въезжавший с севера в пределы Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, внезапно и приятно бывал поражен изменением ландшафта. Начиная от станции Попасная, после бескрайних, ровных и несколько однообразных картин южнорусской степи, местность мало-помалу становилась все более лесистой. Железная дорога, подковой обогнув расположившееся в долине реки селение, следовала далее вдоль крутого откоса горы и уходила в лес, тянувшийся по обоим берегам Донца.

Это село называлось Верхнее, оно же — Третья рота и было одним из старейших в том краю. Возникло оно как пограничный пункт в 1720 году, а в 1753–1755 годах здесь по указу императрицы Елизаветы была поселена 3-я рота Бахмутского гусарского полка, состоявшего из сербов и молдаван. Отсюда и название — таких «рот» в Бахмутском и Славяно-сербском уездах насчитывалось то ли 15, то ли 16, соответственно числу их в полку.

Строители Екатерининской дороги намеревались было провести линию прямо через Верхнее, но обыватели заломили за землю такую ни с чем не сообразную цену, что строители предпочли обойти дугой это живописное село. Железнодорожный путь прошел по склону горы.

Вблизи от села Верхнего, между станцией Переездная и разъездом Волчяровка, на косогоре примостилась сторожевая будка, смотревшая единственным своим окном прямо на рельсы. Здесь 23 января 1881 года у Марии Васильевны и Ефрема Андреевича Ворошиловых родился третий ребенок. Нарекли его при крещении Климентием.

С детских лет были знакомы маленькому Климу меловые кручи берегов извивающегося в глубокой долине Северского Донца, заросшие лесом и кустарниками буераки, глубокие омуты и пронизанные солнцем перекаты реки, где барахтался он с ребятами. Навсегда запечатлелись в его памяти просторы раскинувшейся кругом степи, наполненные весной неповторимыми ароматами ковыля, типчака, пырея...

Сын путевого обходчика начал жизнь так, как и многие другие мальчишки той поры, — в нужде и в раннем труде. Судьба его отца была своеобразной. Ефрем Андреевич Ворошилов родился на хуторе Воронов Старобельского уезда Харьковской губернии в 1844 году и был шестым сыном в большой русской семье. Крестьянствовать ему, однако, не пришлось — не в свой срок, вместо старшего брата, пошел он в армию, а по возвращении со службы остался без земельного надела, покинул родной хутор и стал работать в помещичьих имениях, на шахтах, на железной дороге — повсюду, где находился спрос на его труд. О своей деревенской родне Ефрем Ворошилов вспоминал неохотно, да и братья не очень-то интересовались его судьбой.

Мария Васильевна Ворошилова, в девичестве Агафонова, была на 13 лет младше мужа. До замужества она не покидала село Боровское того же Старобельского уезда, но по выходе замуж ей пришлось немало поскитаться — семейство Ворошиловых то и дело меняло местожительство. Причиной тому были не только нужда, но и характер ее мужа.

Ефрем Ворошилов был своенравным, беспокойным человеком. Нанимаясь на самую разную работу, он нигде не уживался подолгу. Не мирился с обидами и несправедливостями, а сыпалось их на голову наемного работника множество: и со стороны хозяев, и от слуг их.

В таких случаях Ворошилов-старший давал отпор сразу и в результате оставался без места. Можно отметить, что эта же черта — нежелание молча переносить обиды и несправедливость — присуща и Климу Ворошилову.

Неуступчивость Ефрема Ворошилова часто приводила к тому, что ему приходилось подыскивать новое место работы, нередко вдали от жены и детей. Семья бедовала в такие периоды особенно. Детей было пятеро: старше Клима — брат Иван и сестра Катя, младше — Анна и Соня. В отсутствие отца все заботы о большой семье ложились на плечи матери, и она занималась работать то прачкой, то кухаркой.

Жилось Ворошиловым нелегко. Сверстник Клима вспоминал: «Я с Ворошиловым рос вместе и хорошо его помню. Клим одевался в детстве по-крестьянски. Носил фуражку с широкими полями; черные или голубые сатиновые рубахи были у него. Ходил летом всегда босиком. Жили Ворошиловы очень бедно. Питание было слабое. Борщ постный ели, ржаные галушки, замешенные на воде... В землянке Ворошиловых было очень темно, пол глиняный, обстановка самая бедная: вместо кроватей — нары, вместо стульев — сбитая из досок скамья». Не слишком-то разнообразные впечатления остались у Клима от той поры и сохранились скорее горестные, чем светлые. Помнил он, как играл с сестренками в хате в пятнашки, ударился лбом об угол плиты, лицо залила кровь, и навсегда остался заметный шрам (впоследствии — особая примета в полицейских документах). В другой раз он качался с ребятами на доске, положенной поперек большой колоды. По временам кто-нибудь становился посередине доски и помогал ее раскачивать. Клим тоже хотел взобраться на доску, оперся руками на бревно, и внезапно тяжелая доска прижала ему пальцы: дикая боль, ногти на руках сорваны. Домашнее лечение —

примочки, гусиный жир, нашептывание знахарок — и руки постепенно заживают.

Запомнилась ему болезнь и смерть сестренки Сони. Оспа поразила только ее в семье, о противооспенных прививках думать не приходилось. С ужасом и болью следили родные за мучительным угасанием маленького существа...

Крепко сохранились в памяти у мальчика впечатления о жизни помещичьей семьи генерала Суханова в селе Смолянинове. Тайком, сквозь ограду сада наблюдали дети батраков-поденщиков за господами. Костюмы, занятия, поведение господ — все вызывало удивление и любопытство, но особенно нравилась Климу игра оркестра в помещичьем саду — то была первая его встреча с музыкой...

Главное, что запомнил мальчик, — это постоянную нужду и голод. Рано, очень рано пришлось ему думать о том, как прокормить себя и по возможности помочь матери. Особенно нелегко было семье во время безработицы отца — не однажды маленький Клим с сестренкой вынуждены были просить у добрых людей хлеба. Уже на седьмом году жизни он получает вполне определенное и, пожалуй, единственно посильное для ребят его возраста и происхождения занятие.

В двух верстах от станции Юрьевка, рядом с волостным селом Васильевка, раскинулось богатое поместье Алчевского. За 60 рублей в год Ефрем Ворошилов подрядился пасти здесь скот, а его жена — кухарничать. Жить все же было очень тяжело, поэтому на заработки идет сначала тринадцатилетняя Катя, а за нею — и Клим. Вместе с десятилетним напарником Васей каждое утро по пыльной степной дороге, щелкая кнутом, гонит маленький пастушонок стадо помещичьих телят. Так начинается он свой трудовой путь.

Целыми днями гонялись малолетние пастушки за телятами, шкодливыми и беспокойными, особенно в

летнее знойное время. Вася был хорошим напарником, не обижал младшего товарища, и в редкие минуты отдыха они вместе разжигали костер, любовались степными далями или же, лежа на спине, глядели в безбрежное, привольное небо, где восточный ветер от Волги и Дона стремительно гнал далекие тучи.

В такие свободные минуты товарищи мечтали, болтали, а иногда и баловались. Однажды Вася, расположившись у костра, вытащил из-за пазухи пачку махорки, подмигнул напарнику:

— Закурим? — и, не дожидаясь согласия, приказал: — Помогай вертеть.

Наделали самокруток.

Выкурили по одной.

— Давай еще?

— Давай, — храбро согласился младший.

Вторая самокрутка прошла гораздо хуже, Клим несколько раз поперхнулся, махорочный дым драл ему горло.

— Что, не можешь больше? — поддразнил Вася. — А я вот могу сколько угодно.

Сызмальства Ворошилов был азартным человеком.

— Я тоже могу, — упорствовал он.

Ребята наглотались дыма до обморока, оставленные без присмотра телята разбрелись, а малолетних курильщиков взрослые обнаружили лежащими без сознания. Этот урок Клим Ворошилов запомнил навсегда и до конца своих дней оставался непримиримым врагом курения.

Уже в эти годы стали проявляться черты характера гордого, не склонного мириться с обидой. Как-то случилось следующее. По вечерам ребяташки собирались в близлежащей степной балке, где хранились дрова для имения, играли в казаков-разбойников, в прятки. Друг друга не обижали, но отличался дерзостью лишь сын приказчика Колька

Цыплаков. Пользуясь тем, что ребята боялись его отца, Колька обижал младших и слабых.

Проделки приказчиьего сына сходили ему с рук, пока он не вздумал «пошутить» так с Климом. Пастушонок не стал откладывать расплату с обидчиком, выбрал подходящий момент и с силой ударил Кольку поленом по затылку. Трудно соизмерять удары в драке, и Клим, видимо, перестарался: обидчик его повалился на землю и стал кататься, крича от боли. Женщина, проходившая мимо с ведрами, поспешила на помощь, окатила Кольку водой, и он очнулся.

— Кто ударил? — сквозь слезы и все же со злобой спросил он стоявших молча вокруг ребят.

Клим и не думал скрываться:

— Я, — он старался быть спокойным. — Понял теперь?.. Попробуй тронь кого-нибудь, еще хуже будет!

Наука подействовала — больше Колька не трогал ребят.

...Около двух лет пас телят Клим, а затем получил «повышение по службе» — стал подпаском у отца и вместе с ним стерег стадо коров. Как ни старались отец и сын, избежать потрав им не всегда удавалось, и тогда следовали выговоры приказчика или, что хуже, вычеты из заработка. После одного столкновения с хозяевами Ефрем Ворошилов в очередной раз бросил работу. Сыну шел лишь десятый год, когда отец, разругавшись с приказчиком, опять ушел искать новое место. Без работы оказался и Клим. К этому времени семья лишилась и Катиного заработка. Она вышла замуж и вместе с мужем, Иваном Ивановичем Щербиной, переехала на Голубовский рудник, где Щербина работал машинистом подвесной канатной дороги. Мать осталась теперь единственной кормилицей семьи. Посоветовалась с зятем:

— Что делать? Неужто ребятам по миру идти?

— Найдется место на руднике и для Клима, — заверил тещу Иван Щербина.

Жалко было матери расставаться с сыном, но ничего другого не оставалось. И Клим пошел на шахту.

Голубовский рудник был уже и в начале 90-х годов большим предприятием. Владельцы его, как и все горнопромышленники России, без зазрения совести использовали детский труд. В России существовали законы, ограничивавшие его применение, но они всегда и везде оставались на бумаге. «Чтобы судить о применении законов, ограждающих детский труд, — писал один из дореволюционных исследователей положения рабочих в Донбассе, — стоит на любом руднике зайти в здание углеподъемных или других машин или же в так называемое «ламповое отделение...». В этих помещениях, особенно в «ламповых», воздух которых до такой степени насыщен парами наливаемого в лампы бензина, что вызывает головокружение и тошноту, вы увидите целые вереницы крошек-мальчугов. С бледными, истомленными лицами, перепачканными копотью и сажей, с черными руками, замасленные донельзя, быстро движутся они по огромному зданию под недремлющим оком десятника».

Никого, по сути дела, не интересовал возраст малолетнего работника. «Большинству из них, — писал тот же автор, — трудно дать и 13 лет, сплошь и рядом попадают дети лет одиннадцати. Но если вы спросите любого, сколько ему лет, он, к вашему изумлению, ответит: «пятнадцать»... Не в интересах и самого мальчугана открыть истину: он может лишиться места, а это открывает перед ним перспективу недоедания и вечных попреков дома».

Клим, разумеется, также не хотел потерять работу и старался изо всех своих детских силенок. Его приобщение к шахтерскому труду состоялось так: дали

ему специальный ящик и поставили выбирать примеси из выданного на-гора угля. Рабочий день, как у взрослых, с шести утра до вечера, с двумя перерывами; полчаса на завтрак и час на обед. Мокрый и грязный от угольной пыли, въедавшейся в кожу, таскал десятилетний мальчик тяжелый ящик по крутым штабелям угля. Оступишься — сорвешься вниз, искалечишься, а выпустишь ящик — тогда пропала работа: жалованье зависело от количества набранных ящичков с породой. И за этот каторжный труд — 8, редко 10 копеек в день! К вечеру Клим еле волочил ноги.

Однако, как ни тяжела была эта работа, ни в какое сравнение не шла она с трудом горняка — в этом Клим убедился, когда знакомые шахтеры взяли его посмотреть, как добывается уголек. Навсегда запали в его память узкие и душные штреки, навсегда запомнил он забойщиков, долбивших кайлом, согнувшись в три погибели, а то и лежа, уголь, и саночников, впряженных в постромки тяжелых волокуш.

Да, жизнь и работа на руднике была куда как тяжелой. Но если натуры слабые и податливые в такой обстановке разрушались и гибли, если на большинстве людей работа шахтера сказывалась угнетающе, то для натур сильных, упорных и готовых к борьбе она была закалкой, и тот, кто выдерживал, проявлял характер — мог считать, что он готов к любым жизненным испытаниям. Таков был и Клим: его, уставшего, замученного, интересуется и отчего горят электрические лампочки, впервые увиденные им на шахте, и как устроена подвесная канатная дорога, его тянет все увидеть, дойти до всего собственным умом или при помощи взрослых. Смышленного малыша замечают, и вот он уже смазчик машины, подающей уголь из шахты на-гора, он ходит с масленкой и повинуется окрикам машиниста:

— Эй, Кли-и-им! Посмотри, где нужна смазка!

Старательность маленького смазчика и благосклонность механика послужили и причиной тяжелого испытания. Вместе с Климом уходом за машиной занимался пятнадцатилетний паренек. Опасаясь, видимо, конкуренции, он подговорил группу старших ребят, и они, воспользовавшись удобным моментом, избили мальчугана, избили зверски. Очнулся он лишь через несколько дней на койке рудничной больницы.

Болезнь была долгой, и даже спустя несколько лет ощущались последствия избиения — головные боли. Родители на некоторое время забрали сына на соседний, Шепиловский, рудник, но вскоре отец возвратился в Смоляниново. Клим вновь оказался среди сборщиков колчедана в Голубовке, и вновь началась изнурительная, изматывающая работа. Теперь, однако, мальчик окреп, набрался опыта и ухитрялся наполнять по несколько ящиков породы в день. С гордостью приносил он домой заработанные деньги. Сестра не тратила их, приберегала. Однажды настал день, когда вся семья отправилась выбирать обновы. На свои собственные, кровные деньги купил малолетний горняк рубашку, штаны, полотенца. Особенно гордился он шевровыми сапожками на высоких каблуках.

Головные боли не прекращались, и мать решила забрать сына в Смоляниново. До весны он не работал — мать хотела, чтобы мальчик немного оправился от болезни. Поэтому, когда в гости к Ворошиловым заехал племянник, сын дяди Спиридона, и позвал Клина погостить на хуторе Воронов, родине отца, мать охотно согласилась — ей казалось, что в деревне сыну будет лучше. Вышло, однако, не совсем так — после тяжелого труда отборщика породы ему пришлось познакомиться с долей батрака в хозяйстве богатого крестьянина.

Дядя Спиридон — человек зажиточный, у него много земли, арендовал он и помещичью, держал три пары

быков, несколько лошадей, коров, отару овец. Большая семья жила вместе, все трудились с утра до вечера, и все же рабочих рук не хватало. Появление племянника пришлось кстати, и вот он снова пасет скот, как и в имении Алчевского, только на этот раз бесплатно, ведь он «гостит» у родственников.

Через пару месяцев Клим уже заправский батрак и работает на совесть, как и всю свою жизнь. Причина проста: «Я с детских лет был приучен отцом и матерью, да и всей обстановкой, в которой мне приходилось жить, к честному, добросовестному труду. Сказались в этом и особые материнские наставления. Она постоянно внушала нам, детям, добродетельные чувства, приучала быть честными, трудолюбивыми».

Благородная эта привычка сказывалась во всем. Мальчик работал усердно, и, главное, что бы он ни делал — пахал ли, сеял, косил, — во всем и всегда сохранялось у него ощущение того, что он совершает важное и нужное дело. Так рано, очень рано, в тяжелом труде формируется характер юного Ворошилова. Чтобы понять этот характер, чтобы осознать, почему деревенский мальчик — луганский слесарь занял столь видное место в совершенно особенном, уникальном ряду людей, оставивших глубочайший след в истории нашей страны, надо всегда помнить о его отношении к труду. Это одновременно даст возможность постичь, почему он был так любим народом: с незапамятных времен наш народ почитает людей, которые умеют и жаждут трудиться, истинными народными героями у нас всегда называют тех, кто воспринимает труд не как неизбежную, но постылую обязанность, а как радостное, праздничное действо. Это ощущение праздничности труда, как бы тяжел он ни был по временам, сохранил Ворошилов на протяжении всей его долгой жизни.

Дядя не мог пожаловаться на него. Одиннадцатилетний парнишка работал без устали. Осенью, однако, произошел случай, запечатлевшийся в памяти Клима неизгладимой обидой.

Дядя выравнивал глиняную площадку — готовил ток для молотьбы. Клим не работал, отдыхал. Надев единственную свою обновку — неизношенные сапожки, неосторожно вышел он на еще не затвердевшую площадку, не сообразив, что может оставить на ней следы каблуков. Невинная оплошность вызвала бешеный гнев хозяина. С дикими ругательствами бросился он на племянника и швырнул в него вилы. К счастью, промахнулся, но все же рукоятка больно ударила мальчика по плечу; он испугался и убежал. Дяде этого показалось мало, и вечером он отобрал сапожки, отдал их своему внуку, а племяннику бросил изношенные опорки:

— Носи да помни, что с тобой еще милостиво обошлись.

Несправедливость запомнилась, да к тому же батрацкая жизнь становилась с каждым днем тяжелее, и Клим уже подумывал о побеге. Когда ранней весной следующего года за ним приехала мать (она, видимо, почувствовала настроение сына, хотя тот и не жаловался), он решительно сказал, что уедет в Васильевку, к семье.

Была и еще одна причина, побудившая мать взять сына с собой: ей хотелось, чтобы он пошел в школу. Да, вплоть до осени 1893 года, до двенадцати с половиной лет, Клим оставался неграмотным. Учиться ему было некогда, да и негде — в деревнях и поселках, где он жил, школ не было. Между тем родители, в особенности мать, очень хотели, чтобы сын учился. Простые труженики, они хорошо знали: «ученье свет, а неученье — тьма». Правда, мечты матери не шли далее того, чтобы увидеть своего сыночка читающим Псалтырь и

Евангелие, но она, как только представилась возможность, послала сына в школу.

В Васильевке земская школа открылась осенью

1893 года, и с трепетом, с жадным желанием учиться переступил ее порог Клим. Поначалу ему не слишком-то повезло — учитель оказался неважным, но все же за первую школьную зиму мальчик научился писать и читать по складам. Дальше дело пошло лучше — осенью в школе появился новый преподаватель, Семен Мартынович Рыжков, — человек, к которому Ворошилов до конца жизни сохранял глубочайшую признательность.

Талантливый педагог, еще очень молодой (ему в

1894 году едва исполнилось двадцать лет), Рыжков сразу же заприметил любознательного и настойчивого мальчика, сумел заинтересовать его, увлечь, направить — и вот Клим начал читать. Сначала это были, разумеется, небольшие рассказы или повести. Постепенно пришла настоящая страсть к чтению, и вскоре Гоголь и Крылов, Пушкин и Лермонтов, Толстой и Тургенев стали его учителями и наставниками. Учение увлекло Клима, шло оно у него легко и споро. Рыжков даже начал поручать ему читать вслух другим ученикам в классе, проводить несложные занятия. Это еще более привлекло Клима, и он занимался теперь с утроенным старанием.

Молодой педагог всячески стремился привить своим ученикам любовь к родине, к родному языку, литературе, истории. В школе он устраивал вечера, где со сцены ученики читали стихи, плясали, пели. Непременным участником этих вечеров был Клим. Он, кроме того, пел в хоре, созданном церковным регентом Ф. Поляковым. Народные песни, как русские, так и украинские, он сизмальства любил и умел петь, а в хоре ему поставили голос и, главное, научили понимать музыку. Эту любовь Клим Ворошилов сохранил на всю

жизнь, так же как и благодарную память о людях, приобщивших его к музыке.

Старательность и рвение позволяли ему наверстать то, что было упущено в раннем детстве. Ясный ум, отличная память и способности сделали его первым учеником в классе. Педагоги и сверстники-ученики впоследствии согласно утверждали, что учился Клим прекрасно. «Учись как Ворошилов», «Читай столько, сколько Ворошилов читает», — говорили родители его одноклассников. Пройдет много лет, и вся огромная страна будет говорить своим защитникам: «Стреляй так, как стреляет Ворошилов!» Так уж повелось у него с детских лет — все делать споро, умело, надежно...

Между Рыжковым и Климом установились теплые, дружественные отношения. Вот что писал Рыжков спустя сорок лет, будучи в эмиграции: «Смуглый, коренастый, с большими, умными глазами, он резко выделялся своей смышленостью, детской непринужденностью, наивной прямоотой и независимостью характера, удивительной для его возраста. Он был очень правдив, никогда не запирался в проказах, не перелагал вину на товарищей, не лгал и не подхалимствовал перед своими более счастливыми товарищами... Это был живой, общительный и очень толковый мальчик, всегда жизнерадостный, несмотря на свою бедность, хороший товарищ и ученик». Рыжков, видимо, искренне полюбил ученика, он приглашал его к себе домой, снабжал книгами и говорил коллегам, что Ворошилов — «юноша с будущим». В ту пору, однако, сыну батрака не приходилось подолгу учиться...

Весной 1895 года он вновь вынужден устраиваться работать.

Впрочем, искать работу далеко и долго не пришлось: тут же рядом, у Васильевки, близ станция Юрьевка, на землях поместья Алчевского, где когда-то Клим с Васей пасли телят, уже несколько лет шло

огромное для той поры строительство. Донецко-Юрьевское металлургическое общество (ДЮМО) вознамерилось соорудить здесь большой металлургический завод. Одна за другой вырастали доменные и мартеновские печи, бессемеровский и пудлинговый цехи, работа кипела, и строительство напоминало муравейник. Нашлось место и для Ворошилова. Но теперь грамотный подросток мог рассчитывать не только на физическую работу. Его взяли рассыльным в заводскую контору.

Служба была простой — Клим разносил по цехам приказы заводоуправления, собирал сводки. Должность рассыльного имела и то свойство, что давала возможность познакомиться с огромным заводом. Вскоре Клим знал всех начальников, мастеров, служащих конторы и множество рядовых рабочих. С присущим ему желанием все понять присматривался он к сложной жизни завода, о которой ранее не имел и представления.

Через некоторое время ему доверили более сложную работу: отвозить корреспонденцию в почтовую контору, находившуюся верстах в десяти от завода, отправлять и получать крупные денежные переводы и посылки. Для ежедневных поездок ему дали лошадь. Ездить верхом Клим умел с детства и теперь с сумкой через плечо с удовольствием трусил на смирной лошаденке по степи. Лошадей он любил, умел за ними ухаживать и обращался ласково.

Да вот беда, головные боли, следствие зверского избиения на Голубовском руднике, не прекращались, и это иногда мешало исполнению обязанностей рассыльного. Кроме того, и это главное, Климу хотелось иметь профессию, и, конечно, профессию рабочую — его тянуло на завод, в цехи. Так он стал помощником машиниста на водокачке.

Первым наставником Клима был машинист-поляк Сгожельских. Терпеливо обучал он паренька обращению с машинами, разъяснял их устройство и назначение. Клим стремился во все вникнуть. Точно так же прилежен он и в электротехническом цехе, куда его вскоре перевели. Прилежание — немалое достоинство для всякого молодого паренька, а этот к тому же грамотен, постоянно расспрашивает старших об устройстве различных машин. И вот он сначала помощник, затем машинист электрического крана в чугунолитейном цехе. Обычно для того, чтобы проделать такой путь, требовалось два-три года работы, Климу удается это в полгода.

Он понимает, что знания его недостаточны, что надо учиться и читать. Рыжков помогает молодому рабочему, он подбирает книги для Ворошилова, и тот основательно знакомится с классикой мировой и в первую очередь русской литературы. Память у него великолепная, и многое из прочитанного, в особенности стихи, Клим знает наизусть.

Каждый молодой пролетарий той поры имел сундучок, где хранил свое нехитрое имущество. Сундучок Ворошилова уцелел и после революции занял почетное место в музее на родине героя. Примечательно содержание сундучка: в нем было немало книг по естественнонаучным вопросам. Здесь «Популярная астрономия» К. Фламариона, «Научные основы психологии» В. Джемса, «Звери, птицы и насекомые среднеевропейского леса» В. Гааке, «Вулканы и землетрясения» М. Неймайера и другие — круг интересов молодого рабочего был, как видно, достаточно широк. Так как на заводе не имелось библиотеки — печальное, но обычное для той поры обстоятельство — и книги доставать было трудно, Ворошилов стал выписывать газету «Биржевые

ведомости» и очень популярный в дореволюционной России литературный журнал «Нива».

Рыжков познакомил своего ученика с преподавателями школы при заводе ДЮМО. Ворошилов с увлечением играет в спектаклях школьного театрального коллектива. От тех дней у него сохранится любопытный документ:

«Господину Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Правление общества учащихся и учивших выражает Вам, Милостивый государь, свою глубокую благодарность за горячее содействие в устройстве спектакля в Юрьевском заводе и активное в нем участие. Спектакль дал сто десять рублей шестьдесят восемь копеек чистого сбора, который и пойдет на пособия учителям, впавшим в крайнюю нужду.

Председатель *Е. Радаков*.

Секретарь *С. Рыжков*».

Круг знакомств Ворошилова постоянно расширялся. По вечерам со своими сверстниками — рабочими Сергеем Сараевым, Павлом Пузановым, Иваном Придорожко, Епифаном Плуготаренко — он часами обсуждает положение рабочих, события в стране. Многие еще неясно Климу и его товарищам, они еще не готовы к решительной борьбе. Характер Клим толкал его к яростному сопротивлению.

Еще во время учебы в школе, на каникулах, летом, Клим подрабатывал в имении Алчевского: вместе с двумя старшими товарищами обслуживал помещичью молотилку. Работали они от зари до сумерек, получали гроши и решили забастовать. Сказано — сделано: бросили молотилку и ушли. На следующее утро управляющий вызвал всех троих, кричал и грозил расправой с «бунтовщиками», но все же согласился увеличить оплату, приказав, однако, за простой молотилки оштрафовать рабочих. Больше всего

наказали Клима: вычли чуть не весь его заработок — 1 рубль 20 копеек. Управляющий добавил злорадно:

— В другой раз не станет бастовать!

Реакция Клима была неожиданной. «Тут случилось нечто невероятное, — писал он позднее. — Я потерял всякий контроль над собой. Крикнув что-то оскорбительное моему обидчику, я выскочил на улицу и запустил в окно конторы булыжником. Меня пытались догнать и наказать, но я скрылся в ближней балке и с тех пор стороной обходил этот дом...»

Или такой вот случай. Ворошилов на улице не поздоровался с полицейским приставом Грековым, так как не знал его в лицо — тот недавно появился в рабочем поселке. Полицейский счел себя оскорбленным и вознамерился было тут же, на месте, «проучить» молодого рабочего. Однако Ворошилов не позволил себя избить, стал сопротивляться — и оказался в околоте. Отпустил его пристав только наутро, пригрозив «присмотреться». На следующий день о столкновении рабочего с приставом говорил весь завод. Так началось долгое знакомство Клима Ворошилова с полицией.

Вскоре к нему действительно стали присматриваться: обнаружилось, что известный всем шпик по кличке «Москва» ходит за ним по пятам и особенно интересуется тем, что делают молодые рабочие в компании С. М. Рыжкова. Надо сказать, что и учителя инцидент с приставом затронул: честный, вспыльчивый, прямодушный человек, он не стал бездейственно наблюдать за расправой над своим учеником, имел резкое объяснение с приставом. Полиция вскоре произведя у него обыск. Ничего «опасного» не нашли, да и не могли найти, так как Рыжков не вел среди рабочих революционной пропаганды.

И все же полиция беспокоилась не зря...

Дело в том, что именно в этот период, в 1898 году, на заводе ДЮМО складывается рабочий кружок, один из первых социал-демократических кружков в Донбассе. Организатором его был Иван Алексеевич Галушко, с которым Ворошилов познакомился у матери, где Галушко столовался. Вот что писал о возникновении кружка один из друзей Ворошилова, Дмитрий Паранич: «К нам в Алчевск приехал только что освобожденный из ростовской тюрьмы рабочий-литейщик Галушко. Он привез нам кое-какую политическую литературу.

Клим Ворошилов набросился на литературу, как голодный на хлеб.

Вскоре у нас сколотился революционный подпольный кружок...

Учредителями кружка были Ворошилов, Пузанов и я».

Ворошилов в своих воспоминаниях значительную роль отводит И. А. Галушко. Он был старше и, что самое важное, гораздо опытнее. Именно он после очередной поездки к семье в Ростов привез первое марксистское произведение, с которым познакомился Клим, — «Манифест Коммунистической партии». О Марксе и его учении к тому времени он уже кое-что прочел. Многие в «Манифесте» тогда еще оставались непонятным, но одно он усвоил твердо: рабочие должны сплотиться, их сила — в единении, и только тогда они свергнут власть буржуазии.

Начав с самообразования, кружок рабочих постепенно перешел к чтению Добролюбова и Чернышевского, а затем и социал-демократической литературы. После отъезда Галушко руководить кружком стал Ворошилов. Теперь кружок пытается расширить свои связи с рабочими, вести среди них политическую агитацию. Собирались небольшими группками в близлежащих степных балках. Все громче звучит голос Ворошилова. «Говорил Клим резко,

решительно, чрезвычайно просто и понятно», — вспоминал один из участников встреч. Для того чтобы так говорить, надо было обладать уверенностью в правоте своих слов, а дается она знаниями, и Клим учится. Вскоре он становится инициатором и организатором открытого выступления рабочих.

Между тем полиция не забывала строптивного рабочего. На его квартире был произведен внезапный и тщательный обыск, но ничего противоправительственного найдено не было.

Работал он по-прежнему машинистом крана. Наверху, под самым потолком цеха, где двигался кран, скапливались испарения и газы, шедшие из формовок с раскаленным металлом, здесь было нестерпимо душно.

Обсудив положение с другими крановщиками, Ворошилов пошел к начальнику цеха и заявил, что без вентиляции они больше работать не станут. Однако тот, как обычно, не обратил внимания на протесты рабочих. Тогда они предприняли решительный шаг. Предварительно договорившись с крановщиками, в середине смены Ворошилов остановил кран и спустился вниз. Немедленно примчался начальник цеха:

— Почему прекратил работу?

— До тех пор, пока не поставите вентиляторы, не буду работать. Сколько раз можно обещать...

— Немедленно возвращайся в кабину, — закричал начальник, — а не хочешь — других позовем!

— Другие вам то же самое скажут, — стоял на своем Клим.

Собравшиеся вокруг рабочие поддержали его:

— Вентиляция нужна не только крановщикам, во всем цеху дышать нечем!

Неожиданное сопротивление подействовало. Уже к концу смены в крыше корпуса проделали отверстия, а вскоре установили и вентиляторы.

Выступление запомнилось рабочим завода, и все связывали его с именем Ворошилова. Но он, восемнадцатилетний паренек, еще не имел тогда опыта борьбы и не мог развить этот успех. Ему и товарищам стало ясно одно: если они будут выступать совместно, администрация не сможет не считаться с ними.

Администрация, конечно, со своей стороны, незамедлительно постаралась избавиться от «смутьяна». У Ворошилова вновь был произведен обыск, его арестовали, несколько дней продержали в полиции, но все же выпустили — не нашлось «состава преступления». Но слежку за ним полиция продолжала, а администрация завода, как только ей представилась возможность, уволила беспокойного крановщика.

Сделать это было тем проще, что свободных рабочих рук хватало и даже с избытком. На Россию надвигался крупнейший промышленный кризис 1900–1903 годов. У ворот заводов толпились тысячи безработных, готовых трудиться на любых условиях, лишь бы не погибнуть с голоду. И вот теперь эту «резервную армию труда» пополнил крановщик Ворошилов. Положение, однако, неизмеримо осложнялось тем, что полиция занесла его в «черные списки», и администрация предприятий не желала брать опасного бунтовщика. Началась пора скитаний.

К тому времени замуж вышла и младшая сестра Анна, и на иждивении его осталась лишь мать (отец вновь искал где-то лучшего места). Но устроиться на работу Клим ни в Алчевске, ни поблизости не смог, и пришлось отправиться в дальние странствия. С неделю он блуждал по предприятиям соседнего Луганска, а затем отправился дальше. Екатеринослав, Александровск, Харьков, Ростов-на-Дону — нигде работы не находилось, а если и удавалось устроиться, то вскоре, как только выяснялось, что Ворошилов числится в «черном списке», администрация увольняла

его. В Таганроге Климу посчастливилось получить место слесаря на небольшом котельном заводе «Нельфиль и К⁰». Но через несколько дней мастер-бельгиец вызвал его в контору и с виноватой улыбкой объяснил, что должен уволить. В конторе они были одни, и мастер (Ворошилов почему-то запомнил его фамилию — Стог) на ломаном русском языке сказал:

— Некарашо русский правительств поступай, некарашо. Русский рабочий должен защищай себя, защищай.

Затем Стог посоветовал устроиться так, чтобы полиция не знала, где он находится. Это Ворошилов понимал и сам, но получить место никак не удавалось. Более двух лет, перебиваясь случайными заработками, скитался он в поисках работы, мерз и голодал, терпел обиды и оскорбления. За эти два года он исколесил весь юг России. Впервые открылась перед ним широкая картина жизни родной страны. Для пытливого молодого ума это давало чрезвычайно много.

Его все время тянуло домой, на станцию Юрьевка, где жили родные. Но в тот же вечер, когда он наконец приехал в Алчевск, стало ясно, что полиция начеку. Остаться в Алчевске было невозможно. Ворошилов отправляется в Луганск. Здесь он встречается со старыми друзьями, ранее работавшими на ДЮМО, — Сергеем Петровичем Сараевым, Павлом Ильичом Пузановым, Дмитрием Константиновичем Параничем. Некоторое время он живет нелегально, а затем, в феврале 1903 года, поступает на работу на паровозостроительный завод Гартмана. Казалось, появилась возможность пожить оседло. Но через три месяца, в апреле 1903 года, его вызвали в контору и выставили за ворота завода.

Снова начались странствования, вновь Ворошилов объездил весь Донбасс, побывал на рудниках Лозовки,

Павловки, Жиловки. Надо подчеркнуть, что длительная безработица, преследования полиции, жизненная неустроенность не подорвали энергии молодого рабочего парня, не заставили его раскаяться, свернуть с пути. Напротив, во время своих мытарств он непременно ищет общения с единомышленниками. «Весь этот период я не прерывал сношений с целым рядом отдельных товарищей и с небольшими группами. Эти лица и группы, не будучи связаны ни с какой партией, представляли из себя уже подготовленный революционный материал...»

...Придет время, и большевик Ворошилов сумеет использовать эти связи.

Осенью 1903 года он снова в Луганске, некоторое время скитается без работы, и вдруг — встреча на улице. Рыжков к тому времени стал заведовать школой при заводе Гартмана и, конечно, принял горячее участие в судьбе ученика и товарища. Спустя тридцать с лишним лет, в 1935 году, в статье «Военморнарком Ворошилов» он напишет: «Я устроил его у своего доброго знакомого, начальника мартеновского отдела, инженера Граана, машинистом на мостовом кране. Я не скрыл от Граана прошлого Ворошилова». Видимо, аттестация Рыжкова была очень хорошей, так как Ворошилова взяли на работу. Мастер завода М. М. Вендерович вспоминал позднее: «У меня был знакомый Рыжков, которого я уважал. Однажды Рыжков привел ко мне молодого человека, очень моложавого на вид, прямо мальчика.

— Примите его, Моисей Моисеевич, на работу, — сказал Рыжков.

— А кто он такой?

— Вы меня знаете?

— Знаю.

— Ну вот, такой и он. Он мой воспитанник.

Больше я не стал разговаривать и принял молодого человека. Этот молодой человек был Климент Ефремович Ворошилов».

Так Ворошилов стал работать на заводе Гартмана. Здесь, среди донецких пролетариев, ему предстояло стать революционером, членом революционной партии.

Такая партия уже существовала — в августе 1903 года в Лондоне завершился II съезд РСДРП, создавший партию нового типа, партию большевиков, партию Ленина. Эта партия имела в своих рядах немало рабочих-революционеров, «которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию... Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс... Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение»^[1].

Эти слова, сказанные В. И. Лениным в адрес одного из корифеев русского рабочего движения, в адрес Ивана Васильевича Бабушкина, в полной мере могут быть отнесены и к Ворошилову. Такими людьми и была сильна партия большевиков. Солдатом ее становится Клим Ворошилов.

РЕВОЛЮЦИОНЕР-ПРОФЕССИОНАЛ

На несколько лет судьба связала Ворошилова с Луганском. Город этот в долине реки Лугани при впадении в нее речки Ольховой возник в конце восемнадцатого века, когда здесь построили казенный литейный завод. За последующее столетие Луганск не слишком-то разросся, пока в 90-х годах, как и повсюду на юге России, не началось промышленное строительство. В 1895 году стал действовать государственный патронный завод, в 1896 году немец Гартман перевез сюда оборудование Хемницкого паровозостроительного завода... За ним последовали другие, и спустя всего одно десятилетие Луганск стал крупным промышленным центром: 16 фабрик и заводов, железнодорожные мастерские, четыре десятка ремесленных предприятий, большое число торговых фирм...

Современнику-наблюдателю город с окраинной возвышенности казался лесом труб, дым от них, устремляясь ввысь, застилал небо над Луганском. Городское население стремительно увеличивалось, и по темпам роста среди городов России Луганск уступал только Баку и Екатеринославу: если по переписи 1897 года в нем насчитывалось 20400 жителей, то через семь лет — уже 34 тысячи, а в 1914 году — более 70 тысяч. В Луганске было две гимназии, железнодорожное училище и 14 низших школ, библиотека, театр, народный дом.

Город распадался на несколько районов. В центральной части, наиболее благоустроенной и чистой, лучшими считались Петербургская и Казанская

улицы. Почти каждый дом встречал прохожих затейливыми вывесками, вроде: «Самый обширный московский мясной, колбасно-гастрономический магазин Е. И. Ноткина и М. И. Воеводова», или: «Мужские и дамские шляпы, шапки и фуражки. Магазин Е. Маркус». Тут же располагались правления и конторы: «Азовско-Донской коммерческий банк. Управляющий П. М. Гольдштейн», или: «С.-Петербургский Международный коммерческий банк. Управляющий М. А. Бромберг», и так далее.

Окраины — Гусиновка, Каменный Брод, вокзальная часть — неблагоустроенные и грязные, изобиловали пивными и кабаками. Отношения между окраинами были напряженными, и житель одной из них, отправившийся в другую, или незнакомый приезжий очень часто рисковал попасть в неприятное положение. «Достаточно было вам, — вспоминал один из активных участников революционного движения в Луганске, И. Шмыров, — зайти со знакомой барышней в так называемый знаменитый Каменный Брод, как с вас требовали за «поземельное» бутылки две-три; если отказывались или не было денег, то заставляли петть петухом или плавать по пыли и грязи, и обязательно в присутствии вашей барышни; бывали случаи избиения и даже увечий».

Между жителями окраин нередко были массовые драки — один из видов развлечений. Участвующих с обеих сторон иногда набиралось до тысячи и более человек, свидетельствует другой луганский рабочий-революционер, И. Николаенко. «Помимо камней, пользовались болтами, гайками, заклепками, которые приносили с собой, в зависимости от профессии участвующих в боях. Сначала подростки бросали друг в друга камнями. Вдруг кому-либо разбили голову; со стороны «резервов» пострадавшей стороны стихийно вливалось в цепь дерущихся «подкрепление»; другая

сторона тоже не заставляла себя ждать. Увлечение все больше и больше разгоралось по мере того, как увеличивалось количество разбитых голов, и наконец к вечеру наступал решительный момент схватки... Редко полиции удавалось задержать трех-четырех человек, а иногда в горячие моменты ей самой приходилось отступать».

Пассивность полиции легко объяснялась: она не видела ничего особенного в том, что обыватели города «разряжаются» подобным образом. Но во время рабочих маевек или забастовок полиция стремилась появиться на сцене как можно раньше, действовала решительно и не стеснялась применять даже и оружие.

Время такое приближалось, и Луганску предстояло занять в русском революционном движении заметное место. В канун 1905 года промышленные рабочие города были внушительной силой — их насчитывалось около 10 тысяч. Правда, далеко не все они были сознательными революционерами. Однако все чаще и чаще встречались на заводах Луганска люди, готовые не только участвовать в революционных выступлениях, но и вести за собой других. К числу таких людей относился Клим Ворошилов.

Завод Гартмана — огромное по тем временам предприятие. Цехи его поражали современников своей грандиозностью — сборочно-паровозный цех, к примеру, имел в длину 300 сажень, в ширину — 25 и венчался полукруглой стеклянной крышей. На непривычного человека завод, особенно по вечерам, производил впечатление фантастического чудовища: заводские печи, плавившие сталь и чугун, пронзали ночную тьму светом, слепящим глаза, двенадцатитонный паровой молот, ковавший паровозные бандажы, как бы дышал, тяжело, хрипло, протяжно, а вальцовые шестерни прокатных цехов скрежетали и гре мели.

Работал Клим Ворошилов хорошо. Вот свидетельство мастера гартмановского завода: «Поражала меня всегда в Ворошилове его дисциплинированность и исполнительность. Дисциплинирован он был изумительно. Если дел «касалось не политики, а производства, дисциплинированней его трудно было бы себе представить. Он был хорошим, квалифицированным, знающим машинистом. Чугунное литье — это ажурная работа, а он справлялся с ней превосходно. Но насколько он был исполнителем в цеху настолько неукротим в политике. Он сразу же встал в центре революционных сил завода...»

Высокого мнения о Ворошилове был не только ближайший начальник — мастер. Несколько позднее, в 1905 году, когда речь зашла о рабочем контроле над производством, директор завода К. К. Хржановский считавший тогда возможным и необходимым либеральничать, заигрывать с рабочими, позволил себе высказывание:

— Если бы все рабочие были такими, как Ворошилов я бы не возражал против рабочего контроля!

Зарботок высококвалифицированного рабочего Ворошилова вскоре составлял 45–50 рублей в месяц. По тем временам это были весьма приличные деньги, но доставались они нелегко. И. Н. Нагих, подружившийся с Ворошиловым в это время, вспоминал: «С половины 1904 года мы жили с Ворошиловым на одной квартире в доме Крамаренко... Вот примерно как складывался наш с Ворошиловым день, когда мы жили с ним вместе: в пять с половиной часов вставали; с шести часов утра работали на заводе; завтракали на заводе во время работы; в двенадцать — в полпервого обедали дома, так как жили близко от завода; с полпервого до шести вечера работали на заводе, впрочем, иногда литье задерживало Ворошилова даже до одиннадцати часов

ночи; придя домой и умывшись, сразу же отправлялись на заседание коллектива или на кружок, или на массовку. Отмечаю, политработу подпольную вели ежедневно, вернее, еженощно...»

Перед нами ситуация, не всякому понятная: молодой, старательный, умелый, дисциплинированный в стенах завода, к тому же хорошо зарабатывающий рабочий целиком поглощен подпольной деятельностью революционера, главную свою цель видит в разрушении существующего порядка, при котором он, казалось бы, теперь-то сможет преуспеть.

Партия большевиков потому и была так сильна, потому и достигла невиданного успеха, что в ее рядах было несравненно больше людей, в той или иной степени похожих на Ворошилова, больше, чем в любой другой партии, считавшей себя революционной. Здесь далеко не достаточно встречающееся и ныне объяснение: если, мол, человек родился в бедной крестьянской или рабочей семье, с малых лет работал, недоедал, терпел обиды — поэтому ему прямая дорога в революционеры. Не так все просто в истории, и мы знаем ярчайшие примеры того, как люди, происходившие из высших социальных слоев, становились убежденными и последовательными революционерами. В то же время далеко не редкими были случаи, когда выходцы из трудовой среды оставались послушными слугами существующего строя.

Когда мы пытаемся установить, что же толкнуло Ворошилова на революционный путь, то, конечно, не должны сбрасывать со счетов и его детские и юношеские переживания, обостренное чувство социальной несправедливости, так же как и сам характер Ворошилова, непреклонный, бунтарский. Но прежде всего следует помнить: среди вожаков и активистов революционных партий в России было немало квалифицированных, развитых, сознательных

пролетариев, а в партии большевиков это стало незыблемой нормой. Именно этим и была сильна партия Ленина.

В двадцатом столетии свободолюбивые идеалы трудового народа России развил и понес дальше русский рабочий класс. Буржуазии не удалось, как это, к несчастью, случалось в разных странах и в разные времена, прельстить российский пролетариат перспективой получения добавочных гривенников. Пролетарии Петербурга и Москвы, Ростова и Екатеринослава, Баку и Луганска — все они не желали корыстно-унизительных компромиссов, они намеревались раз и навсегда сокрушить царство капитала.

Ленин и его партия в ожесточенной борьбе с врагами трудового народа сумели стать выразителями социальных интересов передового рабочего класса России, возглавили его, повели к победе. Вот почему дисциплинированный и хорошо оплачиваемый луганский рабочий Клим Ворошилов беззаветно и бесповоротно отдался опасной революционной работе, и как раз тогда, когда его материальное положение стало устойчиво обеспеченным.

Вероятно, современник преувеличивал, когда писал, что Ворошилов «сразу же встал в центре», но то, что он целиком был захвачен революционной деятельностью, в этом не может быть сомнения, в этом согласны все авторы воспоминаний. В Луганске, особенно на заводе Гартмана, почва для социал-демократической агитации была весьма благоприятной. Паровозостроительный завод приносил его владельцам огромные барыши. Только за изношенные машины и оборудование, перевезенные из Германии, Гартман получил чистоганом около 600 тысяч рублей и на эти и последующие доходы заново перестроил свой завод в Хемнице. В России Гартман и подобные ему

иностранные предприниматели чувствовали себя благодетелями — как же, ведь они «способствовали промышленному развитию» России и взамен считали возможным присваивать сотни тысяч и миллионы рублей прибыли, полученной в результате эксплуатации российских рабочих. Интенсивность труда на заводе Гартмана была велика. Таково же, если не хуже, было положение и на других предприятиях Луганска. Постепенно рабочие осознавали необходимость борьбы. Помогали им прийти к этому выводу социал-демократы. И среди них Ворошилов.

В Луганске он впервые вступил в постоянное общение с социал-демократами. К тому времени они приобрели в городе определенную опору и влияние. Первый социал-демократический кружок в Луганске возник еще в 1900 году, и организаторами его были соратник В. И. Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» В. А. Шелгунов и его друг К. М. Норинский. Основа, заложенная ими, оказалась весьма прочной, и после отъезда организаторов кружок не только не распался, но и расширился, стал успешно вести пропаганду среди рабочих.

Успеху способствовало то, что луганские социал-демократы внимательно прислушивались к идеям ленинской «Искры». В ноябре 1902 года, еще до появления Воротаинова на заводе Гартмана, под воздействием «Искры» возникает Луганский комитет РСДРП. Луганск стали навещать екатеринославские социал-демократы, они доставили литературу, помогали деньгами. Удалось впервые в Донбассе наладить выпуск «Летучего листка».

Размах социал-демократической агитации не мог не встревожить власти. Трижды за первую половину 1903 года полиция провела аресты среди луганских социал-демократов, и большинство активистов движения

оказались, по терминологии полицейских, «изъятыми». Это не могло окончательно сорвать работу социал-демократов, но положение их было сложным: сохранилось лишь два кружка, и в них всего лишь 25 человек. К тому же, по свидетельству Ворошилова, «организация в это время носила характер еще не определившийся, в смысле фракционности». Формально она входила в «Союз горнозаводских рабочих», где было сильно влияние «экономистов», и это сказывалось на работе. Представитель этого союза на II съезде РСДРП адвокат И. Мошинский (Львов) оказался в лагере меньшевиков и по возвращении со съезда повел неистовую борьбу против В. И. Ленина и решений съезда.

Вот в это время, в октябре 1903 года, Клим Ворошилов стал членом РСДРП. Надо напомнить, что вступление во всякую противоправительственную организацию было тогда очень опасным делом, а особенно в РСДРП. Это могло повлечь за собой арест, ссылку, а в некоторых случаях — и каторгу. Социал-демократы, спасаясь от слежки и возможных провокаций, строго конспирировались. Не существовало и не могло существовать ни списков участников организации, ни партийных билетов, ибо обнаружение их при аресте было бы несомненной и неопровержимой уликой. Вся работа, в том числе и прием новых членов, основана была на доверии к новому товарищу, и проверялся он ежедневно своим поведением, самим делом. В то же время среди ленинцев всегда царила строжайшая сознательная дисциплина, ею и была сильна партия, в значительной степени благодаря ей большевики в конечном счете одержали победу.

Заводской мастер ошибался — Клим Ворошилов был дисциплинированным и в политике. Охотно и искренне подчинившись партийной дисциплине, он вскоре стал требовать соблюдения ее от других и бороться за нее.

Мы можем уверенно сказать, что уже в первые месяцы своего пребывания в РСДРП Ворошилов выступал, действовал как большевик, ленинец.

Разобраться во фракционных взаимоотношениях внутри партии молодым рабочим было не просто, но сама логика происходящего, логика борьбы, помогала им понять, что правильный путь указывают большевики. Ворошилова, склонного всегда (и тогда уже, и позднее) к решительным и энергичным действиям, влекло в ряды большевиков, так как ему претили нерешительность, расплывчатость, характерные для мелкобуржуазной тактики меньшевиков.

Ворошилов и его товарищи сумели сориентироваться в тонкостях фракционной борьбы и определить свою позицию, став на сторону большевиков. Луганский комитет одним из первых начал борьбу с меньшевизмом. 20 ноября 1903 года на партийной конференции в Луганске была отвергнута меньшевистская резолюция, а в начале следующего года тамошние социал-демократы порвали с меньшевистским комитетом Донецкого союза. Луганская организация РСДРП становится на революционный путь и к лету 1904 года, по свидетельству Ворошилова, «определяется как большевистская».

Заслуга самого Ворошилова в этом несомненна. Ужо с первых шагов он делается заметным среди товарищей-партийцев, а вскоре становится и одним из вожakov луганской большевистской организации. О характере и разнообразии его обязанностей в 1904–1905 годах можно судить по простому их перечислению. Он не только учится в кружке, но и сам обучает других. Он превосходный агитатор и пропагандист, он любит и умеет говорить с рабочими, а они его хорошо понимают и верят ему. На рабочих «массовках» Ворошилов —

постоянный оратор. Он пишет, редактирует и распространяет листовки. Он же их печатает, сначала на гектографе, а затем участвует в организации подпольной типографии. Он привлекает в партию новых людей, и рекомендованные им кандидаты всегда заслуживают доверия. Наконец, с 1904 года он стал членом луганского социал-демократического комитета.

Вокруг него группируются рабочие-революционеры: И. И. Алексеев, Т. Л. Бондарев, В. Е. Евтушенко, Г. К. Иванов, К. А. Карилов, С. К. Крюков, И. Д. Литвинов, Д. П. Осипенко, А. Я. Пархоменко, П. И. Пузанов, А. А. и И. А. Рыжовы, И. И. Шмыров, Ф. Р. Якубовский. Кропотливая, черновая, но необходимая для революции работа Ворошилова и его товарищей приносила плоды: благодаря их усилиям к началу первой русской революции луганская социал-демократическая организация стала одной из самых боевых в стране.

Приближение революции ощущалось на протяжении всего 1904 года. Война на Дальнем Востоке принесла новые бедствия. Расширялось рабочее и крестьянское движение, возросла оппозиционность буржуазии и либеральных помещиков, усилились колебания правительства — все предсказывало назревание революционной бури.

События войны, особенно после того, как она приобрела неблагоприятный, а потом и трагический характер для русской армии и флота, очень волновали рабочих. Правда, они не всегда могли разобраться в сообщениях газет, да и сами эти газеты не так-то легко было раздобыть. Среди рабочих было много неграмотных, газеты они просили читать вслух, и это открывало новые возможности для социал-демократической пропаганды. Большевики Луганска воспользовались интересом рабочих к политике. На заводах и в степных балках поблизости от города одна

за другой собирались «массовки», и очень часто звучал на них голос Ворошилова.

Началась революция, как известно, с событий 9 января 1905 года, о которых В. И. Ленин сказал, что «революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»^[2]. Забастовки и стачки прокатились по всей стране. В Луганске на предприятиях говорили повсюду об этих событиях: у станков и верстаков, у печей, наковален, за формовкой в литейных. Цифры убитых в народной молве все возрастали.

Луганские большевики готовили всеобщую забастовку в городе, причем намеревались превратить ее в политическую, в отличие от большинства рабочих выступлений, происходивших тогда в Донбассе. Это требовало тщательной подготовки. Решено было начать забастовку на крупнейшем предприятии города — гартмановском заводе, где большевики располагали наибольшим влиянием. Были выделены ответственные за остановку работы в цехах. Выяснилось, что более всего можно рассчитывать на рабочих паровозомеханического, сборочного и литейного цехов. Однако были сомнения в успехе: удастся ли поднять 4-тысячную массу рабочих, до того не участвовавших в подобных стачках, захотят ли рабочие дружно, все вместе, бросить работу? Приходилось считаться с действиями полиции: за поведением рабочих на заводе ревниво наблюдали 70 полицейских. Все же было решено выступить 16 февраля.

Накануне большим тиражом была напечатана листовка «К рабочим завода Гартмана». Утром рабочие нашли ее в своих ящиках. Призыв «Пора и нам присоединиться к общей борьбе», требования, перечисленные в листовке, взбудоражили всех. С утра

на заводе царила необычная атмосфера: кучки рабочих читали и обсуждали листовку, смелость и решительность ее были многим внове. Все чего-то ждали, и, когда в неурочное время, около трех часов дня, над заводом поплыл тревожный гудок, у всех забило сердце: «Началось». Вскоре слышались крики:

— Ура! Бросай работу! Собирайся на заводском дворе!

Это рабочие механического цеха, первыми оставив работу, звали поступить так и тех, кто колебался. Гасли печи, из топок кочегары выгребали огонь, заливали водой... Работа на заводе остановилась.

Со всех сторон на заводской двор стекались люди. Полиция растерялась, митингу никто не мешал, и вот над толпой поднимается коренастая, энергичная фигура молодого рабочего. Это Клим Ворошилов, впервые в жизни выступает он перед такой большой аудиторией. Но голос его не дрожит. В затихшую толпу падают слова о событиях Кровавого воскресенья, о солидарности трудящихся, о целях забастовки. Он старается говорить просто, ведь в толпе много рабочих, для которых это первый в жизни митинг, первая встреча с революционным словом. Заканчивает речь так:

— Если наседка имеет яйцо с зародышем, то при нормальных условиях из него обязательно должен вылупиться цыпленок. Зародыш революции налицо. Дело революции зреет, и никто не в состоянии помешать нашей победе. Надо готовиться...

Выслушана речь была одобрительно. Клим встали другие ораторы, и вот уже густая толпа рабочих направилась в город, чтобы остановить и другие предприятия. Однако сделать это везде не удалось. Вот что говорилось в донесении местного жандармского начальства: «Часть забастовавших толпой, около 400

человек, отправилась по линии железной дороги к казенному патронному заводу с намерением остановить работы на нем. Шедшему навстречу пассажирскому поезду рабочие не очистили рельсов, так что последний должен был остановиться и пропустить толпу, которая разбила на паровозе стекла фонарей. Подойдя к патронному заводу, забастовавшие пробовали проникнуть в завод и прекратить работы, но безуспешно. В 6 часов вечера начальник патронного завода, ген. — майор Кабалевский сам прекратил работы во избежание беспорядков. Требования рабочими гартмановского завода еще не предъявлены...»

В то время когда жандармский офицер составлял свое донесение, участники стачечного комитета, и в их числе Ворошилов, как раз и обсуждали требования к администрации завода. Они спорили о том, что надо и что не надо включать. Осторожность следовало соблюдать, особенно в политических вопросах, чтобы не отпугнуть недостаточно подготовленных рабочих, а их на заводе Гартмана и на других предприятиях города было немало. Революция еще только начиналась...

Учитель гартмановской школы П. М. Седашов вспоминал, что в этот вечер Ворошилов прибежал к Рыжкову и с порога объявил:

— Мы сейчас составляем требования дирекции. Говорите, какие пункты нам надо внести относительно школы.

Рыжков, будущий трудовик и депутат Государственной думы, был настроен скептически и к самой забастовке, и к требованиям рабочих, он все еще считал своего ученика «юношей с будущим» и не видел, что это будущее уже пришло. Поэтому он ответил:

— Стоит ли, Клим? Вряд ли что выйдет...

— Обязательно выйдет, и эти требования администрация примет быстрее, чем остальные, ей их

легче выполнить!

Вместе они сформулировали пункты о школе, и стачечный комитет внес их в текст. Решено было созвать митинг для утверждения требований.

Митинг состоялся на следующий день, 17 февраля. Председателя рабочие толком еще выбирать не умели, и, когда с трибуны спросили: «Кто будет читать требования?» — собравшиеся хором ответили: «Ворошилов!» Его уже знали на заводе.

Поднявшись на трибуну, он стал читать бумагу, объясняя каждое положение. За два часа все 29 пунктов были обсуждены и приняты. Затем митинг избрал для ведения переговоров 56 депутатов (по 2 человека от каждого цеха), и они отправились в дирекцию. Имеющиеся ныне в распоряжении историка источники единогласно свидетельствуют, что главную роль во время переговоров и в этот день, и в последующие играл Ворошилов, он становился руководителем гартмановских рабочих.

Долго совещались депутаты с директором Хржановским. Он соглашался пойти на уступки в отдельных вопросах, но не желал принять основные требования, в том числе и 8-часового рабочего дня. Неоднократно директор и Ворошилов обменивались колкими замечаниями. Резким было и завершение переговоров:

— Ваши условия чрезмерны, нам не о чем больше говорить, — устало произнес директор. — Предлагаю вернуться на рабочие места.

— Не выйдем до тех пор, — отвечал от имени всех Ворошилов, — пока вы не удовлетворите наши требования. Подождем до завтра, посмотрим...

Уверенное поведение рабочих объяснялось тем, что они знали, насколько убыточен для хозяев каждый час простоя, — в месяц тогда завод выпускал 20–22 паровоза, пятую часть производившихся в России; за

них хозяева получали огромные барыши, а забастовка грозила крупными потерями, пришлось бы платить неустойку заказчику.

Кроме того, забастовщики надеялись, что их поддержат и товарищи на других заводах. Покуда депутаты вели переговоры, большое количество гартмановских рабочих отправились в город, там остановились патронный завод, железнодорожные мастерские и другие предприятия.

Забастовка в Луганске стала всеобщей. Это испугало городские власти. Полиция растерялась и была не в состоянии предпринять что-либо. В Луганск срочно вызвали роту солдат. Но применить оружие власти не решились, и 19 февраля Хржановский был уже гораздо более сговорчивым. 21 февраля решено было со следующего дня прекратить забастовку, так как администрация приняла основные требования. Наряду с сокращением рабочего дня паровозостроители добились значительного увеличения зарплаты и т. д.

Удалось Ворошилову и поколебать скептицизм Рыжкова: администрация обещала увеличить средства для школы, расширить ее, устроить библиотеку и обещания свои вскоре выполнила.

Успех первой стачки серьезно сказался на событиях, имевших место в Луганске в последующие два года. Он воодушевил не только пролетариев Луганска, но и самих социал-демократов. Поднялся интерес рабочих к политике, кружки стали расти, увеличилось их число. Вот только пропагандистов, которые могли растолковать рабочим хотя бы основы партийной политики, постоянно не хватало.

Круто изменилась судьба Ворошилова. Он и раньше отдавал все свое время социал-демократической пропаганде, а теперь у него буквально не было ни единой свободной минуты. «Володя», «Володька» (такова была подпольная кличка Ворошилова)

становится признанным лидером и на заводе Гартмана, и во всем городе. Вскоре он возглавил Луганский комитет РСДРП.

Здесь ему сразу же пришлось столкнуться с делами внутрипартийными. Надо подчеркнуть, что в бескомпромиссной борьбе между революционным крылом РСДРП — большевиками — и оппортунистами луганская организация немедленно определила свою позицию. 10 мая, к примеру, 22 луганских агитатора и партийных организатора, обсудив положение в партии, выразили «свое полное согласие с принципами большинства II партийного съезда». Таким образом, луганская организация, в руководстве которой именно с того времени главенствующую роль стал играть Ворошилов, недвусмысленно демонстрировала свою большевистскую принадлежность и в повседневной работе следовала ленинским путем.

С наступлением весны луганские большевики усилили свою пропаганду. Одна за другой следовали «летучки» на предприятиях, «массовки» за городом. Нередко в конце смены большевистские агитаторы появлялись в дверях цехов и звали на митинг уходивших рабочих и пришедших на смену. Несколько человек поднимали оратора на руки, он кратко и деловито рассказывал рабочим о том или ином событии политической жизни страны. Пока заводская полиция собиралась с силами, речь заканчивалась, и агитатор, оберегаемый группой рабочих, исчезал.

Еще более своеобразными стали «массовки» за пределами города. В распоряжении рабочих не было ни клубов, ни иных помещений, и потому для своих собраний они уходили в степь. Находили глубокую балку, заросшую густым и колючим кустарником. Здесь, либо вечером, либо в воскресенье, собирались заранее подобранные люди. На подходах к месту сбора устанавливались дозоры, со временем для них стали

выделять вооруженных рабочих-дружинников. Это обеспечивало, как правило, относительно спокойное проведение «массовки».

Обыкновенно на «массовках» выступали профессиональные революционеры, приезжавшие в Луганск, или местные руководители, но особенно часто — Ворошилов. Вскоре он стал любимым оратором луганских рабочих, настолько просто, ясно и в то же время полно и ярко говорил он обо всем, что интересовало рабочих.

Выступал он и на «массовке», приуроченной ко дню 1 Мая. В этот день предполагали организовать всеобщую стачку рабочих города, но сделать это не удалось — власти были начеку. Полицию подняли на ноги, вызвали войска. Тогда решено было отпраздновать 1 Мая за городом, в балке за Ольховым мостом.

Весна в том году была ранней, поля уже начали зеленеть первой травой, и за городом гуляли горожане. Поэтому группы рабочих, пробиравшихся к условленному месту, не возбудили подозрений. К тому же организаторы меевки позаботились о дозорах. Собралось более сотни человек. Выступал Ворошилов. Он говорил о международном значении 1 Мая и призывал до конца бороться за победу рабочих. Были и другие ораторы.

Расходиться стали группами. Но около полусотни рабочих во главе с Ворошиловым направились к вокзалу, находившемуся поблизости. Здесь они построились в колонну и, нацепив на палки вместо знамен красные косынки девушек, с пением «Варшавянки» прошли по перрону — и как раз в момент прихода поезда. Прежде чем вокзальная полиция собралась с силами, демонстрантов уже и след простыл. Так Ворошилов и его товарищи отпраздновали 1 Мая.

Тем временем революционные события в стране нарастали. III съезд РСДРП, состоявшийся в апреле 1905 года в Лондоне, рассмотрел коренные вопросы революции и очередные задачи пролетариата.

Весной и летом 1905 года по всей России прокатилась волна стачек и забастовок, они захватывали все больший круг рабочих. Не ослабевало революционное движение и в Луганске. Оно приобретало все более организованные формы, и этому немало способствовало наличие Депутатского собрания рабочих завода Гартмана. После успешной февральской забастовки избранные тогда депутаты продолжали собираться. Руководил ими исполком, в который, кроме Ворошилова, входили Д. А. Волошинов, Д. М. Губский, Д. Н. Гуров, И. Н. Нагих.

Главную свою задачу рабочие депутаты видели в том, чтобы добиться выполнения условий февральского соглашения. Но это-то как раз и не входило в намерения фабрикантов. Они всячески изворачивались, и Ворошилову все время приходилось вести споры с правлением, по временам очень резкие. В начале июля дирекция категорически отказалась убрать с завода специальных шпииков, следивших за рабочими. Тогда 8 июля большевики призвали гартмановцев к забастовке. Увы, на этот раз они не рассчитали свои силы...

Администрация предвидела возможность забастовки и заранее к ней подготовилась. Как только в третьем часу дня прозвучал тревожный гудок и рабочие стали сходиться на заводской двор для митинга, дирекция подняла на ноги всех полицейских. Ворошилов, взобравшись на телегу, рассказал собравшимся о переговорах с администрацией и требованиях, которые надо выставить. Внимательно слушал эту речь и директор, вышедший на балкон главной конторы. Когда Ворошилов закончил,

Хржановский попросил слова и стал уговаривать рабочих не начинать забастовку.

— Не слушайте смутьянов вроде Ворошилова, они вас до добра не доведут...

Но тут его прервал сам Ворошилов.

— Долой кровопийц! Долой шпионов! — поддержала толпа митинговавших своего «Володьку». И в этот момент появились полицейские.

Завод Гартмана расположен в излучине реки Лугани, и полицейская цепь рассыпалась так, что свободным оставался путь только к реке. По приказу пристава полицейские открыли огонь, правда в воздух, и немедленно среди толпы, в которой было немало женщин и подростков, началась паника. Кое-кто из молодых рабочих схватился за «оружие пролетариата» — кирпичи, в изобилии валявшиеся на дворе. Несколько полицейских были ранены, и они еще более остервенились. Огонь усилился.

Паника нарастала, большинство собравшихся бросились к Лугани, намереваясь переплыть ее. Почти всем это удалось, но Ворошилов, который не хотел бежать и пытался как-то организовать отступление, попал в руки полиции. «Когда я добежал до реки, — вспоминал он четверть века спустя, — мне стало совестно и за рабочих, и за себя, и я остановился на месте. Тогда разъяренные полицейские, стрелявшие в упор, но, ft счастью, не задевшие ни одного раза, подскочили ко мне со взведенными курками револьверов и потребовали следовать за ними. Я повиновался. Но подскочила еще группа полицейских, и меня начали бить смертным боем».

Очнулся он в заводском полицейском участке. Избиение возобновилось, били всем, что попадалось под руку...

Озлобление полицейских понятно — в их власти оказался известный заводской «смутьян», «заводила»,

да к тому же опасный государственный преступник — как тут не дать волю рукам! Но, с другой стороны, полицейские очень нервничали — приходилось считаться с возможностью того, что рабочие попытаются отбить своего вожака и любимца.

В такой напряженной обстановке полиция сочла за благо отправить арестованных в более надежное место. Их связали самым жестоким образом: сначала правую руку Ворошилова привязали накрепко к левой руке его товарища, затем обоих оплели веревками и, держа веревочные концы, выволокли во двор.

Здесь их ожидала толпа полицейских и конных казаков. Напутственное слово пристава к охране было кратким:

— Господа! Есть основания ожидать, что сообщники этих мерзавцев, опасных преступников, попытаются их освободить. Помните, что этого нельзя допустить!..

После этого предупреждения процессия отправилась в путь. Оказалось, что маршрут был заранее определен: полицейские останавливались у некоторых домов, врываются туда и выволакивали людей, присоединяя их к Ворошилову.

Шествие продолжалось до рассвета, когда арестованных, еле живых от побоев и усталости, доставили в полицейское управление на Патронной улице. Здесь Ворошилова еще раз избили, да так, что он очнулся только после полудня. Очнулся в карцере...

Началось знакомство его с российскими тюрьмами.

Неудача забастовки тяжело отразилась на революционной работе в Луганске: кроме Ворошилова, арестовали и других руководителей луганских большевиков, около двухсот гартмановцев были высланы из города. Полиция усилила слежку, непрерывно производила аресты.

Июльские события многому научили Ворошилова и его товарищей. Уж такова природа революционеров-

большевиков: и из поражения они умели извлекать уроки. Ведь революция еще только набирала разгон. Все лето и осень 1905 года по стране бушевали стачки и забастовки, в деревнях множились выступления крестьян.

Продолжали борьбу и рабочие Луганска...

Все эти горячие месяцы Ворошилову пришлось провести на казенных харчах, в тюрьме. Его больше не били, но положение оставалось очень серьезным: его и других луганских большевиков обвиняли в том, что они оказали вооруженное сопротивление полиции и при этом ранили нескольких полицейских. За такое дело можно вполне было рассчитывать на немалый срок каторги.

Естественно, что, находясь в тюрьме, Ворошилов стремился знать: как там, на воле, обстоят дела. Некоторое время связаться с товарищами не удавалось, пока на помощь не пришла Анна Лукинична Гущина. Эта пожилая женщина, и ранее сотрудничавшая с революционерами (она укрывала их, помогала печатать листовки), выдала себя за мать Ворошилова. Сумев убедить в этом жандармов, Гущина стала носить Климу передачи и весточки от товарищей, поддерживать его словом утешения.

Впрочем, он не унывал и в тюрьме, по-прежнему шутил и смеялся, хотя и признавал серьезность своего положения. Однажды один из посетителей поинтересовался на свидании:

— Чем ты там занимаешься, что делаешь?

— Ловлю клопов, тьма их тут тьмущая, — смеялся Ворошилов, — сажаю в коробочку — пусть плодятся.

На самом же деле и в тюрьме он не терял времени — читал все, что можно было достать, заучивал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина. Так как тюрьма была переполнена — в одиночных камерах содержалось по 4-5 человек, — то в

обществе недостатка не было. Заключенные беседовали, спорили и, естественно, с нетерпением гадали: что же будет дальше?

Тем временем в Луганске, как и во всей стране, происходили невиданные дотоле события. На «массовки» за городом собирались теперь сотни рабочих, а с начала октября и тысячи.

Всероссийская политическая стачка заставила русское правительство выступить 17 октября 1905 года с манифестом. Подданным Российской империи обещались «незыблемые основы гражданской свободы, на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Но правительство только маневрировало, оно хотело выиграть время.

Весть о манифесте достигла Луганска 18 октября, и тотчас же на его улицах возникли тысячные демонстрации. Различные ораторы растолковывали слушателям свое понимание происходившего. Почти все утверждали, что одержана окончательная победа, и только большевики предупреждали: не следует успокаиваться, надо продолжать борьбу.

Вечером 18 октября у завода Гартмана состоялся митинг. Речи и на этом митинге были горячими. Выступавший последним представитель луганских большевиков призвал всех идти к городской тюрьме и освободить политических заключенных. Двухтысячная толпа дружно двинулась в город.

Можно представить радость заключенных, когда у стен тюрьмы раздались возгласы:

— Да здравствует свобода! Свободу заключенным!

Большинство политических заключенных пришлось тут же выпустить, но Ворошилов остался в тюрьме: торжественные заверения манифеста были, как видно, писаны не про него...

Сидеть в тюрьме в такое время особенно тяжело, но делать нечего — приходилось ждать. Утешением было лишь то, что товарищи о нем не забывали и популярность его среди луганских рабочих не убавилась. Один из очевидцев рассказывал: «Организация наша состояла почти исключительно из рабочих, к ней примыкали лишь отдельные интеллигенты, преимущественно учащиеся. Возглавляли организацию также рабочие (конечно, от станка — другого положения тогда быть не могло)... Но особенной популярностью и даже любовью среди луганских товарищей, особенно гартмановцев, уже тогда пользовался тов. Ворошилов. Когда я приехал в Луганск, тов. Ворошилов сидел в луганской тюрьме... Уже с первых дней имя его не переставало фигурировать в рассказах товарищей, и произносилось оно, повторяю, очень любовно. Такое же отношение было к тов. Ворошилову и со стороны беспартийных рабочих...»

Между тем революция в стране ширилась. 19 и 20 октября в Луганске состоялись бурные демонстрации, митинги. Городские власти растерялись, полиция была бессильна. Активность луганских рабочих росла, все большее место в городских делах приобретало Депутатское собрание. Там главенствовали большевики, и все чаще раздавались требования об освобождении Ворошилова.

Свободу ему принес декабрь 1905 года. К тому времени чуть ли не ежедневно в Народной аудитории происходили собрания, и одним из самых частых тезисов ораторов было: освободить политических заключенных. 14 декабря в Народной аудитории обсуждался вопрос о деятельности городской думы и необходимости сбора денег среди буржуазии на вооружение рабочих — все время ощущалась нехватка оружия. Из зала раздались голоса:

- Освободить Ворошилова! Долго ли ждать еще!
- Мы его сами освободим!

Сказано — сделано. Тысячная толпа двинулась к тюрьме. Приникший к окну Ворошилов видел все это... Прибыли исправник и другие полицейские чины. Положение их было еще серьезнее — железные дороги Донбасса находились в руках бастующих рабочих, в Ясиноватой, Авдеевке, Горловке рабочие дружины вели бои. Можно было с часу на час ожидать восстания и в Луганске, а сил для его подавления не было. Поэтому Ворошилов, Т. Л. Бондарев, В. Т. Абросимов-Архипкин и другие были освобождены под залог. С триумфом их ведут на митинг. Едва собравшиеся увидели Ворошилова, как из зала раздались возгласы:

— Клима председателем! Пусть выступит Володя! Ворошилов смущен: только что из тюрьмы — и сразу на митинг, выступать перед тысячами людей, да еще председательствовать!

— Увольте, товарищи! Из камеры я только... Трудно мне будет, уж больно много народу...

Но выступить все же пришлось. И вот Клим Ворошилов призывает товарищей действовать — вооружиться и свергнуть власть царя.

В декабре 1909 года революция достигла высшей своей фазы, приняла в ряде мест характер вооруженного восстания. Чтобы успешно сражаться с войсками, надо было вооружить рабочих, ибо только с оружием в руках можно было свергнуть правительство — так учил Ленин. Он призывал собирать имевшийся уже опыт, «готовить упорно и терпеливо новые боевые силы, обучать и закалять их на ряде партизанских боевых выступлений»^[3]. В Луганске создание и вооружение рабочих дружин началось еще в середине 1905 года. Многие купцы были вынуждены безропотно выполнить решение собрания рабочих и внесли деньги

на вооружение рабочих дружин, но кое с кем пришлось повозиться. Наиболее строптивые имели неприятные беседы с Ворошиловым...

Немало денег дали сами рабочие, в целом составила сумма в 10 тысяч рублей, и можно было бы закупить порядочную партию оружия. Но найти его и доставить в Луганск оказалось непросто. В январе 1906 года Ворошилов съездил в Ростов-на-Дону и привез оттуда 20 револьверов. В Луганске при его участии создали лабораторию для производства бомб, и вскоре луганские большевики снабжали ими другие организации.

По выходе из тюрьмы Ворошилов возглавил Депутатское собрание. Только с его энергией можно было справиться с новыми многочисленными обязанностями. Один за другим следуют митинги и демонстрации, рабочие берут под свой контроль действия администрации. Депутатское собрание все более превращалось в орган революционной власти.

С начала 1906 года, расправившись с восстаниями и забастовками в других местах страны, власти перешли в наступление и в Луганске. В ночь на 22 января была разгромлена типография большевиков, последовали облавы, аресты. Луганская организация лишилась многих своих руководителей. Основная тяжесть борьбы падала теперь на Ворошилова. Год революционной борьбы, истекший с января 1905 года, не прошел для него даром: теперь он был опытным, закаленным народным вожаком.

Работать было трудно еще и потому, что внутрипартийная борьба в РСДРП, продолжавшаяся на протяжении всего предшествующего года революции, еще более обострилась. Революционная обстановка требовала объединения сил, и большевики во главе с В. И. Лениным выступали за ликвидацию раскола в РСДРП, находя в то же время необходимым продолжение

идейной борьбы с меньшевиками. В этой борьбе луганская организация неизменно оставалась верной ленинскому курсу. Так, к примеру, было во время избирательной кампании в I Государственную думу. Строго следуя тактике большевиков, Ворошилов и его товарищи добились того, что луганские рабочие бойкотировали выборы в Думу.

Для Ворошилова призывать к бойкоту Думы было тем сложнее, что депутатом в нее от города Луганска местная интеллигенция выдвинула не кого иного, как Рыжкова. Вчерашний учитель и его любимый ученик волею законов классовой борьбы оказались в разных лагерях: субъективно честный, добрый и правдивый Рыжков стал товарищем секретаря Думы, предполагал там отстаивать «законное решение» социальных проблем, мучивших страну, а его ученик Клим Ворошилов вооружал рабочих, чтобы ликвидировать самую основу этих социальных неурядиц. Разумеется, это не могло не сказаться на личных отношениях Ворошилова и Рыжкова. Полного разрыва, однако, тогда еще не произошло.

Спорить в ту пору о путях революции Ворошилову больше приходилось не с интеллигентами-либералами, а с меньшевиками, состоявшими формально в рамках одной и той же партии — РСДРП. Особенно яростными стали эти споры весной 1906 года, непосредственно перед IV съездом партии. Ворошилов неизменно отстаивал большевистскую точку зрения. Он выступал перед рабочими с докладом о предстоящем съезде, о его повестке дня, о сути разногласий, разделявших большевиков и меньшевиков. Несмотря на то, что меньшевики выставили против Ворошилова необычайно красноречивого оратора, подавляющее большинство рабочих высказались за большевистскую резолюцию. Вскоре Ворошилов был избран делегатом на съезд — он

вошел в историю КПСС под названием Объединительного.

Можно легко понять его волнение, когда он отправился в Петербург. Приходилось ему быть и в Харькове, и в Ростове, и в Екатеринославе, но все же он оставался провинциалом, а тут столица — Петербург! Облако дыма, стоявшее над городом, когда поезд приближался к нему, багрово-красное пламя мартеновских печей, мелькавшее за окнами, — это не могло удивить Клим Ворошилова, к этому он привык у себя в Донбассе. Но вот улицы города, заполненные столичной толпой, невиданное дотоле движение, роскошные экипажи и, главное, автомобили, редкость для того времени, — это все не могло не поразить 25-летнего луганского рабочего.

Но смущало его прежде всего другое: как найти в этом чужом городе своих? Волнение усиливалось от необходимости соблюдать крайнюю осторожность: полученная Ворошиловым явка ЦК, где его должны были зарегистрировать и проинструктировать, была конспиративной. И еще одно обстоятельство волновало Ворошилова: мысль о возможной встрече с Лениным.

На явке ЦК Ворошилова встретил дежурный — ярый меньшевик Загорский (В. Н. Крохмаль). Узнав, что Ворошилов (Володин — так он значился в протоколах съезда для конспирации) из Луганска, Загорский первым же делом спросил:

— Разумеется, б...б...большевик? — Он сильно заикался.

— Да, — отвечал Ворошилов.

— В...в... этом случае... в... вам следует идти к большевикам.

Это Ворошилов знал и сам, его интересовало другое.

— Скажите, а Ленина случайно нет здесь?

Невинный этот вопрос привел меньшевика в совершеннейшее исступление, и он набросился на

Ворошилова с ругательствами. Не споря, тот поторопился уйти. Но мысли своей увидеть Ленина немедленно, в этот же день, он не оставил и настойчиво добивался и у В. Д. Бонч-Бруевича в большевистском издательстве «Вперед», и у Н. К. Крупской в Технологическом институте, когда же он сможет встретиться с Лениным, хотя бы увидеть его.

Об этом он думал, выйдя вновь на улицы города. Был весенний день, один из тех дней в конце марта — начале апреля, когда в обыкновенно пасмурном городе на Неве необычайно светло и радостно сияет солнце. Впоследствии Клим Ворошилов не один год проживет в Петербурге, привыкнет к нему и полюбит этот город, прекрасный и в дождь и в ведро. Но в этот день, в день первого знакомства с «Северной Пальмирой», ярко запечатлелся в его памяти момент, когда он вышел на набережную, увидел покрытую ноздреватым, посеребрившим льдом Неву, за нею на фоне ярко-синего мартовского неба серую глыбу Петропавловской крепости, венчающий ее шпиль и почувствовал холодящий лицо ветер с реки.

Ворошилов помнил: ему надо, необходимо увидеть Ленина... Возможность такая представилась на следующий же день.

С утра он расположился в издательстве «Вперед», но вскоре его позвали на совещание депутатов-большевиков. В небольшой комнатке, — вспоминал он, — «народу сидело человек 10-12. Мы втиснулись и, не нарушая порядка, кое-как устроились сидеть. Заседание началось, мы опоздали. Говорил один из делегатов. Речь шла о настроении рабочих масс в связи с выборами в I Государственную думу. Говоривший все время упорно смотрел на одного из товарищей, который, сидя рядом с другими, как-то особенно изредка, сощутив глаза, бросал взоры то на оратора, то на другого кого-либо.

«Это он, — подумал я, — это — Ленин». Почему-то мне показалось, что я уже где-то и когда-то видел его, что я его знаю. Стал всматриваться в лицо, фигуру, в движения. Хотелось возможно скорее и основательнее запечатлеть в памяти все относящееся к тому, о ком так много думал и кого так хотелось увидеть. Тут же представляю себе, как я, возвратясь к себе, буду описывать нашего Ленина своей пролетарской братве. Знаю, что будут требовать рассказать «все», «подробно»... Наконец моя очередь. Взгляд в мою сторону Владимира Ильича. Вопрос об имени и организации, мною представляемой. Помню ласковую улыбку и поощрительное какое-то замечание. Ободренный и успокоенный, я очень коротко сообщил об организации, настроении рабочих, выборах в Государственную думу и пр. Доклады окончились. Владимир Ильич сжато формулировал общее положение и тут же перешел к беседам с делегатами... В разговорах Владимир Ильич много шутил и между шутками задавал кучу разных, часто неожиданных вопросов. Его интересовало буквально все. Он с одинаковым интересом слушал и о том, как прошли выборы в Государственную думу, и о кознях меньшевиков, и о кадетях, и о наших боевых дружинах, их обучении и вооружении, и о казаках близлежащих от Луганска станиц, и о крестьянах, захвативших земли помещиков, и проч., и проч. Как сейчас помню, с каким воодушевлением Владимир Ильич подхватывал то или иное сообщение, которое отвечало его мыслям, подтверждало его предположения. Раза два и на мою долю выпало услышать от Ильича одобрительные замечания. Это было для меня истинным счастьем».

Совещания с рабочими-делегатами были для Ленина крайне важны — он прикидывал свои силы на предстоящем съезде и считал долгом поддержать

товарищей, так как предвидел, что борьба на съезде будет острой и нельзя заранее рассчитывать на победу.

Ворошилов узнал, что ему предстоит выехать за границу. В России съезд такой революционной партии, как РСДРП, провести было невозможно, и потому решили отправиться в Швецию, в Стокгольм. Большинство делегатов ехали вместе на пароходе, но кое-кому из делегатов и в том числе Ворошилову Е. Д. Стасова, организовывавшая переезд, посоветовала добираться в одиночку. И вот он, с документами на имя Володина, отправляется на поезде в Або.

Первая опасная остановка в Белоострове — какая ни есть, но граница. Заграничного паспорта для поездки в Финляндию не требовалось — Великое княжество Финляндское входило тогда в состав империи, обладая, правда, автономией. В вагоне появляются жандармы, они пристально вглядываются в лица, и кто знает, может, они ищут его, делегата съезда? Нет, поезд трогается. Хоть спать приходится сидя, но можно и вздремнуть — Ворошилов привык к этому во время скитаний. Проснувшись утром, он смотрит в окно. Равнину сменили скалы, они громоздятся по сторонам дороги, на вершинах — сосны и ели, солнце, поднявшись над скалами, освещает их с одной стороны. Мелькают чистенькие мызы, красиво, но красота эта суровая, непривычная для того, кто родился и жил на юге России.

Пересадка, короткое путешествие на пароходе — и он в Швеции. Впечатлений много, все внове Ворошилову — и природа, и архитектура, и люди. Все хочется посмотреть, везде побывать. Но русские социал-демократы приехали в Стокгольм не на экскурсию.

Организаторы съезда не располагали обильными денежными средствами, потому делегатов размещали на жительство в весьма скромных комнатках по два-три человека вместе. Вечером у Ворошилова появился

сосед. На вид ему было лет 27-28. Кавказское происхождение его было очевидно — по-русски он говорил с довольно сильным акцентом, хотя очень правильно.

Коба (такова была одна из его партийных кличек) имел уже за спиной десятилетие суровой революционной борьбы, пребывание в кутаисской и батумской тюрьмах, ссылку в отдаленнейший Балаганский уезд Иркутской губернии, побег оттуда и вновь подпольную работу. На съезде этот человек выступал под фамилией Иванович, на самом же деле его звали Иосиф Джугашвили.

Соседи по комнате быстро познакомились, разговорились и подружились.

Кроме того, на Стокгольмском съезде он встретился и познакомился со многими революционерами, составлявшими цвет партии большевиков,—А. С. Бубновым, Ф. Э. Дзержинским, И. И. Скворцовым-Степановым, С. Г. Шаумяном и другими. С некоторыми он особенно сблизился: это были Артамонов (Ф. А. Сергеев-Арте́м), Арсеньев (М. В. Фрунзе), Никаноров (М. И. Калинин). Они выступали на съезде под партийными кличками. Все они имели много общего, поэтому часто собирались и обсуждали работу съезда.

Обсуждать было что. На съезде, открывшемся 10 апреля в здании Народного дома, предоставленном шведскими социал-демократами, перевес сил был у меньшевиков: они располагали 62 голосами против 46 большевистских. Ожесточенная схватка разгорелась с первых же минут, с выборов бюро съезда, продолжалась вплоть до его закрытия. И не мудрено: в повестке дня стояли коренные вопросы революционной стратегии и тактики, здесь все имело значение. Достаточно перечислить темы, обсуждавшиеся на съезде, чтобы понять, насколько острой и бескомпромиссной была борьба между большевиками и

их противниками. Делегатам предстояло высказать свое мнение: 1) о пересмотре аграрной программы; 2) об оценке текущего момента и классовых задачах пролетариата; 3) об отношении к Государственной думе; 4) о вооруженном восстании; 5) о партизанских выступлениях; 6) о профессиональных союзах; 7) об объединении с национальными социал-демократическими организациями; 8) об Уставе партии.

По каждому из этого длинного перечня вопросов выступали многочисленные ораторы, мнения их сшибались и перекрещивались, следить за полемикой рядовым делегатам было и интересно и трудно, так как в полемике затрагивались самые тонкие, сложные аспекты политики, а некоторые ораторы в горячке спора, желая поразить оппонентов, не щадили ни соперников, ни своих сил.

Центральной фигурой был, разумеется, Ленин, именно на него обрушивались меньшевики, и именно к его словам с волнением прислушивались делегаты-большевики. «Я впервые тогда видел и слышал В. И. Ленина как оратора, трибуна партии, — вспоминал впоследствии Ворошилов, — и буквально ловил каждое его слово, каждую мысль. Особенно ярко запомнился его доклад по аграрному вопросу, может быть, потому, что... эта проблема была очень близка нам, местным работникам... И хотя для меня в то время не все было ясно в теоретических рассуждениях и исторических данных, приводимых Владимиром Ильичем в докладе, и даже не были попятны некоторые термины — абсолютная и дифференциальная рента, латифундии и другие, — я, как и все рабочие, с которыми мне довелось обмениваться мнениями после ленинского доклада, очень хорошо понял главный смысл ленинской аграрной программы — стремление развязать революционную инициативу крестьян...»

Ворошилов, безусловно, с полным правом мог отнести себя к числу сторонников и последователей Ленина. Выступить на съезде ему не привелось, но знакомство с протоколами съезда показывает — голосовал Володин с Лениным.

Благодаря перевесу меньшевиков Стокгольмский съезд не выполнил полностью своих задач. Многие решения, навязанные съезду меньшевиками, не отвечали коренным интересам пролетарской партии. Ленин сразу же по окончании съезда написал специальное «Обращение к партии...», где заявлял, что большевики должны и будут бороться против этих решений^[4]. Вместе с другими ленинцами это обращение подписал и делегат Володин.

Он спешил в Луганск: надо было поскорее передать своим товарищам весь практический и теоретический опыт, приобретенный на съезде. Ныне мы знаем, что революция к маю 1906 года уже прошла высшую точку, но тогда самым ее участникам это не могло казаться безусловным фактом. Революция отступала, но и в 1906 и 1907 годах она давала истории примеры того, что на отдельных участках, в отдельных районах еще возможна борьба, и притом успешная. Таким островком был Луганск.

Отступление революции сказывалось и здесь, но положение в городе оставалось весьма своеобразным. Крупная, революционно настроенная большевистская организация, искусно применявшая все возможные легальные и нелегальные средства, прочная поддержка пролетарского населения города — все это сделало Луганск в 1906, да и в 1907 году заметным революционным центром.

Наиболее примечательной была деятельность Депутатского собрания, возглавляемого Ворошиловым. Собрание становится органом рабочего контроля над

производством. Предприниматели были вынуждены согласовывать с представителями рабочих не только вопросы зарплаты, но и внутренний распорядок на заводе. К примеру, депутатам удалось добиться, чтобы была отменена унижительная процедура обыска после смены. Против этого Ворошилов энергично протестовал еще задолго до революции, в 1903 году, но тогда ему пришлось довольствоваться тем, что перестали обыскивать лично его, и только. Так как хищения на заводе все же случались, рабочие сами организовали охрану и тех, кто попадался на кражах, судили своим судом и вывозили на тачках с территории завода.

Это средство — вывоз на тачке — гартмановцы в ту пору применяли нередко, в особенности против тех административных лиц, чаще всего мастеров, которые притесняли рабочих.

Влияние депутатов собрания распространялось и на личные дела рабочих. Так, по решению собрания получка в тех семьях, где мужья пьянствовали, выдавалась на руки женам. Собрание повело борьбу с хулиганством.

По примеру гартмановцев собрание создали и рабочие другого крупного предприятия Луганска, патронного завода, и, объединившись под главенством большевиков, они фактически стали органом общегражданского управления. Авторитет его продемонстрировал день 1 Мая 1906 года.

Большевики Луганска тщательно подготовились к празднику, и уже с утра рабочие, бросив станки, вышли на улицы, построились в колонны и, не обращая внимания на полицию и казаков, отправились на митинги. Ворошилов и его товарищи позаботились о том, чтобы в день рабочего праздника не оставалось в стороне и другое население города. По распоряжению Депутатского собрания были закрыты все лавки города. Двадцать лет спустя Ворошилов вспоминал: «Только

три наиболее махровых черносотенных купца рискуют не закрыть своих лавок. Спустя два часа двое из них, получив требование подчиниться воле Луганского комитета и Депутатского собрания, лавки закрыли: упорствует только один купец, Грудинин. И вот этот господин впоследствии почувствовал всю тяжесть революционной руки Луганского комитета и Депутатского собрания: в продолжение трех с лишним месяцев магазин Грудинина, который до тех пор пользовался широкой известностью и популярностью, не видел ни одного покупателя... Неся огромный убыток, Грудинин обратился с письмом в Луганский комитет, где он вымаливал прощение...»

1 мая жителей города поразило необычное зрелище: на одной из самых высоких труб завода Гартмана развевался красный флаг. С риском для жизни поднял его туда кто-то из молодых рабочих. Желających снять флаг не оказалось, полицейские отговаривались: одни тем, что не переносят высоты, другие — боязнь расправы рабочих. Лишь после долгих переговоров Ворошилов пошел навстречу администрации и велел ночью снять флаг.

Все лето в степных балках собирались на массовках, не очень и скрываясь, сотни рабочих. Несколько раз, в июне и июле, происходили демонстрации. Когда в Луганске стало известно, что 20 июня в Петербурге начнется суд над депутатами Петербургского совета, по предложению Ворошилова была проведена забастовка.

Через несколько дней в связи с приездом в Луганск депутата Думы С. М. Рыжкова на дворе Народной аудитории собрался многолюдный митинг. Депутат-трудовик пытался представить Думу защитницей народных интересов. Большевики противопоставили ему своего оратора — Никиту (А. Ф. Агарева). Речь его была принята на «ура!». Местная газета в отчете о митинге писала: «Резолюция с.-д. была покрыта громом

аплодисментов и поднятием рук принята абсолютным большинством».

Влияние большевиков в Луганске возрастало. Городские власти явно побаивались Ворошилова и его товарищей, и не только из-за поддержки пролетариата города, но и потому, что за спиной Луганского комитета была реальная сила: вооруженные рабочие-дружинники.

Такие дружины начали создаваться летом 1905 года. Военным руководителем их был Т. Л. Бондарев, унтер-офицер гвардии. Он разбил дружинников на 20 десятков, наладил обучение. В Вергунском лесу дружинники учились стрелять из револьверов, строить баррикады, охранять трибуны, оттеснять полицию.

Вместе со всеми учился владеть оружием и Ворошилов. Через двадцать лет, беседуя с французской делегацией, на вопрос о том, какова его специальная военная подготовка, он ответит: «Моя военная «карьер» началась с того, что в 1906–1907 годах я... строил вместе со всей нашей организацией большевистские военные рабочие дружины». Знание военного дела пригодится, Ворошилов в этом убежден. Однажды на эту тему он разговаривал с рабочими и закончил беседу словами:

— Не надо забывать, что во время революции массы должны быть вооружены, только тогда она будет успешной. Нам надо научиться руководить вооруженными массами. Мы должны иметь своих командиров...

Последние слова вызвали шутку П. Мальцева:

— Мы, Володя, тебя назначим красным генералом!

— Эк куда хватил, — засмеялся Ворошилов, — какой я, к черту, генерал!

Жизнь, да еще в революционное время, круто изменяет судьбы людей, и луганский рабочий ошибся

несущественно: Клим Ворошилов не был генералом, но маршалом стал!

Пока же будущего наркомвоенмора заботили не военные звания, а прежде всего то, что у дружинников не было оружия. И Ворошилов берется его достать.

Сразу же по возвращении со съезда, в мае 1906 года, он отправляется обратно в Петербург в надежде раздобыть там оружие. Однако в столице это не удалось, и Ворошилов едет в Финляндию: там только что распущена Красная гвардия, и оставшееся оружие можно было купить сравнительно дешево. Помогали Ворошилову И. И. Рябков («Пчела») и известный организатор боевых дружин Свиягин.

Купить оружие в Финляндии оказалось не так уж сложно, лишь бы знать, к кому обратиться. Несравненно труднее и опаснее была транспортировка его через всю страну на юг, в Луганск. Не говоря уж о том, что ноша — револьверы и патроны к ним — сама по себе очень тяжела, за такое «мероприятие» его участникам в случае ареста грозила тюрьма, и если было бы доказано, что оружие применялось в деле против властей^[5], то и каторга. Всей осторожности и осмотрительности могло оказаться недостаточно, требовались и присутствие духа, и выдержка, и смелость... Ворошилов вдвоем с Рябковым привезли в Луганск 60 браунингов, 20 маузеров и много патронов.

Но и этого оружия было мало. Тогда Ворошилов вновь едет в Финляндию. Действовал он на этот раз один и, выдавая себя за представителя известной в стране фирмы «Зингер», торговавшей швейными машинами, привез в Луганск несколько тяжелых чемоданов с «детальями» к этим машинам. Теперь почти все дружинники имели оружие.

Снабдив своих товарищей оружием, вместе с ними учась владеть револьвером, Ворошилов в то же время

добивается, чтобы употреблялось это оружие только для дела и только по приказанию Луганского комитета РСДРП. Вот, к примеру, рассказ П. Мальцева: «Пошел я на митинг и взял бомбу (был я в боевой дружине). Как, думаю, увижу казаков, так и садану бомбой. Боевая дружина наша обычно охраняла митинг от казаков, оцепив нужное место. Я дежурил на мостике. Копнула меня нелегкая сказать кому-то, что я иду бомбу метнуть в казаков. Сказал и пошел. Не успел отойти и 50 сажен, слышу Володин (Ворошилова) голос:

— Мальцев, иди сюда.

Я подошел. Вижу — Ворошилов дюже сердит.

— Ты чего дуришь?

— Отомстить хочу.

— Я тебе отомщу. Нельзя из-за личных делишек дело подводить. Как тебе не стыдно!

И давай, и давай. Горяч он был и сердит, когда нужно. Напоследок сказал:

— Вот когда будут стрелять — бросай бомбу...» Осмотрительность и выдержка, проявляемые Ворошиловым в подобных случаях, тем более примечательны, что сам он по свойствам своего характера был, и не только в юные годы, действительно горяч и вспыльчив.

Однажды к нему на улице подошел городской Дубина, позвал к себе и показал сверток с несколькими револьверами, запасными частями и патронами к ним.

— Это ваше, господин Ворошилов, — уверенно заявил Дубина.

Оружие действительно было припрятано Ворошиловым дома, но признаться в этом он не мог и не понимал, как оно попало к городскому. Дубина объяснил: сверток принес пьяный зять Ворошилова, в ту пору сильно Щербина злоупотреблял выпивкой. Городской не стал докладывать по начальству:

— Заберите да запомните, может быть, мою услугу.

Ворошилову ничего не оставалось, как поблагодарить, забрать оружие и поспешить для объяснения с зятем. Вот что было дальше:

«Щербина был высок и могуч и, судя по всему, значительно сильнее меня физически. Но я не думал об этом: во мне бушевала ярость, которую не могло сдержать ничто. Выхватив из кармана пистолет, с которым я в последнее время не расставался, я со всего маха ударил Ивана Ивановича в висок. Чуть вскрикнув, он мешком повалился на пол, а я кинулся к нему, собираясь, видимо, проучить его как следует. Прижав его голову к полу, я разъяренно допытывался:

— Как же ты, пьяная рожа, дошел до такой жизни — стал своих предавать? Ты знаешь, что полагается мне за все то, что ты отнес в полицию? Где ты все это взял?

Иван Иванович отрезвел, наверное только сейчас поняв всю глубину своего падения. Он начал просить прощения за совершенную им по пьянке «глупость». Объяснил, что перевернул весь дом в поисках каких-либо ценных вещей, чтобы снести их в кабак, и в это время наткнулся на мой тайник.

— Убить тебя мало, — сказал я ему уже более спокойно, но ярость еще кипела во мне, и это хорошо понимали невольные свидетели этой сцены — моя матушка и сестра Катя. Они хорошо знали мою вспыльчивость и понимали, что, если Иван начнет препираться или вырываться, я могу совершить непоправимое. Поэтому они стали ругать его и упрасивать меня, чтобы я пожалел семью и детей, которые — мал мала меньше — жались в испуге по углам.

Это меня окончательно образумило. Но я не мог оставаться здесь ни минуты, потому что все так и кипело во мне».

Приведенный эпизод подтверждает характеристику Ворошилова, данную близко знавшим его Д. Параничем:

«Он был горячим и очень порывистым». Качества в иных случаях жизни и необходимые, но не всегда уместные в жизни революционера-профессионала, который должен сочетать горение души с трезвым расчетом, уметь использовать и оружие, и слово. Ворошилов учился этому, и учился успешно.

К середине 1906 года, когда стало очевидно, что революция идет на убыль, луганские большевики старались использовать любую возможность влияния на массы. Такую возможность представляли дозволенные правительством «профессиональные общества».

Еще весной 1906 года на заводе Гартмана была создана ссудно-сберегательная касса, материальной базой которой стали 100 тысяч рублей, пожертвованных собранием акционеров общества. Господа акционеры, получившие даже в бурном 1905 году огромные прибыли и напуганные революционными событиями на заводе, сочли возможным сделать этот широкий жест, надеясь подкупить рабочих. Однако это не удалось, так как и касса, и ее работа попали под контроль большевиков и Ворошилов был одним из самых деятельных ее руководителей.

Он же был и одним из авторов устава профсоюза, и главным докладчиком на учредительном собрании 1 октября 1906 года. Речь Ворошилова сохранилась в газете «Северный Донец». «Нам, товарищи, — говорил Ворошилов, — прекрасно уже известно, и мы опытом уже убедились, что для борьбы с нашими хозяевами мы должны всегда прибегать к забастовке. Нам также известно, что победителем в забастовке выходит тот, кто сильнее, у кого больше сил и средств для борьбы... При каких же условиях возможна упорная борьба и продолжительность забастовки? Только при одном условии, если между нами, рабочими всех паровозостроительных заводов России, т. е. между всеми рабочими данного производства, будет тесная

связь, которая объединит нас единой великой целью для борьбы с капиталом».

Собрание было очень длинным и завершилось торжественно. По предложению Ворошилова кандидаты в правление союза выходили на трибуну и клялись отстаивать интересы рабочих. Ворошилов был избран председателем правления.

Результаты работы нового правления не замедлили сказаться: в январе 1907 года из 3800 рабочих завода Гартмана членами профсоюза были 2137, то есть 56 процентов — самый высокий в стране процент организации металлистов! Но этого мало — вслед за гартмановцами решили объединиться в союз пролетарии других предприятий города, и не только они. На заводе ДЮМО в союз вошли 1700 человек из 4700 работающих. Влияние профсоюза в Луганске увеличивалось с каждым месяцем.

Председатель Депутатского собрания, председатель правления профсоюза, организатор рабочих дружин, наконец, глава Луганского комитета РСДРП... Все эти заботы, все без исключения, связаны с опасностью и риском, за каждую из них можно поплатиться тюрьмой и ссылкой, а то и каторгой. Но Ворошилов не колеблется, он всего себя отдает революции. Поэтому его знают и любят рабочие Луганска.

Ведь он по-прежнему, с декабря 1905 года, числится под следствием, выпущен под залог из тюрьмы. По этой причине он, к примеру, не может быть избран во II Государственную думу, а предвыборная кампания уже началась, и большевики, отказавшись от тактики бойкота, участвуют в ней. Авторитет Ворошилова в городе велик, и он, безусловно, мог бы стать депутатом, но вместо этого 29 ноября вместе со своими товарищами он предстает перед выездной сессией Харьковской судебной палаты. Обвинение суровое:

организация вооруженного сопротивления полиции 8 июля 1905 года.

Однако заседание еще не открылось, еще не собрались все свидетели, а атмосфера предвещает что-то необыкновенное. Взгляды всех присутствующих в зале обращены к окнам: там, на площади, гудит толпа рабочих, они пришли защитить своих товарищей. Ворошилов и его соратники спокойны, зато нервничают другие. Вне себя от волнения Хржановский, вызванный в качестве свидетеля. Он только что пробирался сквозь толпу, и его встретили ошеломляющим свистом и криками:

— Ты виноват! Ты суд устроил!

— Если Володьку тронут — берегись!

Растерян и председатель суда, он, конечно, не ожидал подобного и поступает так, как подсказывает благоразумие. Объявив заседание открытым, председатель удаляется с членами суда на совещание, вскоре возвращается и обрадованно объявляет:

— Слушание настоящего дела переносится на рассмотрение следующей сессии!

Восторгу рабочих нет предела — на руках уносят они Ворошилова и его товарищей из здания суда.

Это большой успех, и большевики Луганска стремятся его развить. Им удастся это: от Луганска во II Государственную думу едет депутат-большевик И. Н. Нагих.

К началу 1907 года в социал-демократической организации Луганска насчитывалось 1070 членов — сила немалая для того времени. Организация делилась на 4 района: гартмановский, патронный, железнодорожный и городской. На более крупных предприятиях (например, на заводе Гартмана) имелись даже цеховые комитеты, что было редкостью в эпоху первой русской революции.

Луганские социал-демократы тщательно готовились к предстоящему съезду партии, приходилось тратить много сил на внутрипартийную борьбу. Борьба эта проходила очень остро, но верх взяли ленинцы: попытки меньшевиков послать на съезд от Луганска своих делегатов провалились. Луганскую организацию на съезде представляли Володя Антимеков — Ворошилов и Наташа Большевикова — К. Н. Самойлова.

К этому времени городские власти пришли к выводу, что настала пора покончить с влиянием социал-демократов в Луганске, с повторяющимися забастовками, существованием рабочих дружин. Особенно напугали их убийство пристава Григорьева и другие «эксцессы». В Луганск были направлены лучшие филеры, в социал-демократическую организацию «внедрили» опытного и хорошо замаскированного провокатора. Результатом были массовые обыски в городе, во время которых на квартире «Наташи» и «Антон» — К. Н. Самойловой и А. А. Самойлова — нашли гектограф, печать Луганского комитета и много нелегальной литературы. Хозяевам квартиры удалось скрыться, но 19 руководящих работников организации арестовали. Это был тяжелый удар.

Он был тем тяжелее, что пришелся на момент, когда и на заводе Гартмана, цитадели большевиков, дела стали осложняться. Администрация решила, что настало время рассчитаться со «смутьянами». Директор Хржановский, ранее склонный полиберальничать с рабочими, теперь стал неузнаваем. Видимо, подействовало и то, что кто-то из рабочих-анархистов стрелял в него трижды, но промахнулся. К тому же сократились заказы: вместо 30 паровозов в месяц теперь выпускали только 8—10. Администрация решила попытаться поправить дела за счет рабочих: уволить 840 человек. Против этого категорически возражал профсоюз во главе с Ворошиловым.

После неудачи переговоров на заводе рабочих депутатов вызвали на прием к прибывшему в Луганск вице-губернатору. По предложению Ворошилова депутаты решили демонстративно встретить вице-губернатора сидя. Кроме того, Ворошилов уговорил товарищей называть вице-губернатора не «господином генералом», как полагалось, а «господином полковником», то есть чином ниже.

Вид сидящих депутатов ошеломил и рассердил чиновника.

— Почему вы сидите? Я ведь стою! — только и нашелся он сказать.

— Господин полковник, — отвечал, не поднимаясь со стула, Ворошилов, — кто же вам не разрешает сесть?

После такого начала беседа пошла кувырком. Вице-губернатор требовал, чтобы профсоюз «приструнил» рабочих. В особенности возмущали его продолжавшиеся случаи вывоза с завода на тачках неугодных рабочим мастеров.

— Все эти забастовки и безобразия дело рук профсоюза, ваше дело!

— Нет, это делает сам народ, — отвечал Ворошилов и был прав, так как социал-демократы считали вывоз на тачке крайним средством, применимым лишь в отдельных, особых случаях.

— Ну, представьте себе, если в Италии рабочие стали бы вывозить мастеров на тачках, что бы было?

— Ну, представьте, — настаивал Ворошилов, — если бы в Италии стреляли в рабочих, как у нас?

Вице-губернатор побагровел:

— Вы председатель профсоюза и потому обязаны сдерживать рабочих!

— Я, — отвечал Ворошилов, — председатель профсоюза и потому обязан защищать рабочих...

Разговор, разумеется, ни к чему не привел. Администрация решила, что настало ее время.

Хржановский вызвал Ворошилова:

— Я немедленно увольняю рабочих, а если будут продолжать вывозить мастеров на тачках — закрою завод!

Но 2 марта вывезли на тачке еще одного. Директор уволил пять рабочих и пригрозил ввести войска на завод. В этих условиях Ворошилов и другие большевики считали необходимым избегать конфликтов и уговаривали рабочих быть сдержаннее. Никакие переговоры с администрацией не помогли, и 8 марта дирекция заявила о закрытии завода и расчете почти четырех тысяч рабочих. Правление профсоюза попробовало бороться с локаутом и призвало не брать расчета. Но время было тяжелым, наступал экономический кризис, дирекция могла выжидать сколько угодно и взять рабочих измором. С 16 марта было объявлено о новом наборе 3200 рабочих. Теперь, после поражения революции, озлобленные хозяева могли диктовать свою волю. Записалось в очередь на работу 3409 старых гартмановцев и 1256 безработных. Среди не принятых на завод 586 человек оказались бывшие депутаты и все девять членов правления профсоюза во главе о Ворошиловым.

Может быть, Хржановскому и не так легко досталась бы победа, не окажись рабочие в середине марта без своего вожака — Ворошилова. Дело в том, что именно в это время он и ряд его товарищей вновь предстали перед судам, теперь уже екатеринославским, по обвинению все в том же «вооруженном сопротивлении» полиции.

Ворошилов мог бы избегнуть суда, скрыться из города, ведь уже многие месяцы он жил на нелегальном положении, строго конспирировался, менял квартиры и т. д. Но он считал, что должен выступить на суде и защитить не только себя, но и свою социал-демократическую организацию. Он не мог

оставить своих соратников в момент, когда они вели битву с администрацией завода. Кроме того, было и еще одно обстоятельство: в самом начале локаута Ворошилов и другие члены правления кассы взаимопомощи, опасаясь, что власти наложат арест на ее средства (а они были немалыми), изъяли их из банка, чтобы иметь возможность помогать безработным. Полиция стала распространять слухи о присвоении руководителями профсоюза общественных денег. Разумеется, в такой ситуации Ворошилов, свято чтивший свою честь рабочего-революционера, не мог скрыться из города.

19 марта 1907 года в Екатеринославе начался суд. И тут произошло неожиданное: полицейские, бывшие единственными свидетелями обвинения и страшно боявшиеся пристава Григорьева, теперь, после его убийства, видимо, осмелели и единодушно заявляли, что Ворошилов и его товарищи не могли стрелять и не стреляли в полицию, а что она сама открыла огонь. Более того, все они согласно утверждали, что Ворошилов хотя и «политик», но исключительно дисциплинированный рабочий и всегда выступал против «безобразий» на заводе. Результатом было полное оправдание обвиняемых.

Подобный исход решено было отпраздновать на квартире у одного из екатеринославских большевиков. Ворошилов, и не только в молодые годы, был не прочь провести время в дружеской веселой компании, как в домашней обстановке, так и на лоне природы, но никогда не забывал меры в веселье. В этот же вечер его еще и что-то тяготило. Почему-то тянуло домой. Распрощавшись с товарищами, он уехал. И вдруг на станции Алчевская в окно он увидел мать и сестру Анну. Предчувствуя несчастье, он выпрыгнул на перрон. Родные спешили в Луганск, где умирал отец. Сквозь слезы и рыдания женщин он узнал: накануне Ефрем

Андреевич попал под паровоз, был искалечен. Умер он вскоре после приезда родных в больницу...

В Луганске Ворошилов вынужден был скрываться, переходить тайком с одной квартиры на другую. Но он продолжает бороться. Луганская организация нуждалась в руководстве, и Ворошилов сознает свою ответственность перед товарищами. К тому же ему предстоит ехать на съезд партии, на руках у него сохраняется отчет луганской организации, а местопребывание второго делегата, К. Н. Самойловой, никому не известно. С большим трудом Ворошилов находит «Наташу».

V съезд в летописях партии заслуженно получил наименование «путешествующего». Провести съезд в России и мыслить не приходилось. Но оказалось, что и в Европе не так-то уж много мест, где могли бы собраться без помех русские социал-демократы. Как и в прошлый раз, путь лежал через Финляндию, и правила конспирации пришлось соблюдать еще строже. Затем — пароход на Стокгольм. Делегатов собралось несколько десятков, сразу же по выходе в море они отбросили конспирацию, начали беседовать, затем спорить... Эти люди, привыкшие многие годы сдерживать себя, следить за словом, своим и окружающих, зная, что неосторожность ведет к тюрьме и ссылке и что, как ни стерегись, а их рано или поздно не миновать, здесь, вне власти царского правительства, почувствовали себя вольготно, и в самый короткий срок палуба парохода была заполнена смеющимися и даже дурачащимися пассажирами третьего класса. Капитан, не понимая, что происходит, глядел на все это в изумлении.

Но вскоре веселье поутихло — началась качка. Один за другим пассажиры бледнели и начинали искать укромные уголки. Ворошилову запомнилось, что дольше всех держался Н. А. Рожков, историк, приват-доцент.

Лихо заломив котелок, он, сидя на палубе, распевал песни. Но приумолк и он...

Из Стокгольма на поезде отправились в Мальме, оттуда на пароме — в Копенгаген: съезд намеревались провести там. Датский король состоял в родственных связях с русской императорской семьей^[6], и правительство распорядилось, чтобы неприятные гости немедленно покинули Данию. Делать нечего — возвратились в Швецию. Но шведская полиция заявила, что через три дня делегаты должны покинуть страну, таково решение правительства. Отказались пустить съезд в свою страну и норвежские власти. С большим трудом удалось договориться о транзитном проезде через Данию и оттуда пароходом в Англию.

Переход через Немецкое море прошел без помех. Ехали на этот раз вторым классом, так как пассажирам третьего класса при вступлении на английскую землю надо было предъявить сумму в два фунта стерлингов, а таких немалых денег по состоянию партийной кассы у делегатов не могло быть. Публика на пароходе ехала респектабельная, и потертые пиджаки, заплатанные ботинки многих делегатов, как и почти полное отсутствие багажа, возбуждали подозрение у команды и остальных пассажиров. Для западноевропейского буржуа скверно одетый человек — всегда подозрительный человек, а тут их целая толпа, да они еще русские революционеры! Особенно «живописно» выглядели делегаты с Кавказа — некоторые южане боялись ехать налегке и путешествовали в папах и бурках.

Лондон ошеломил Ворошилова. Бесконечные потоки людей, запрудившие тротуары, колоссальные витрины магазинов, залитых электрическим светом, двухэтажные вагоны трамваев, автобусы — многое в этом огромном городе было непривычным.

Русское правительство не смогло воспрепятствовать работе съезда в Англии, хотя и пытались сделать это. Долго не могли найти помещение. В конце концов заседания начались 30 апреля в церкви Братства на Саутгейт-Роуд.

Вновь, во второй раз, пришлось наблюдать Ворошилову, как сталкиваются две противоположные линии в революции. Только па этот раз перевес был на стороне большевиков. Революция, отступавшая в России, многому научила социал-демократов, подтвердила правильность большевистской тактики. Съезд был чрезвычайно представительным: 150 тысяч членов партии от 145 партийных организаций прислали 303 делегата с решающим и 39 с совещательным голосом.

Порядок дня, как всегда, был насыщен до предела: отчет ЦК; отчет думской фракции и ее организация, отношение к буржуазным партиям, Государственная дума, «рабочий съезд» и беспартийные рабочие организации, профсоюзы и партия, партизанские выступления, безработица, экономический кризис, локауты, организационные вопросы, международный конгресс, работа в армии. Если учесть, что ни один вопрос не вызывал согласного мнения, если знать, что каждый из них, за небольшим исключением, обсуждался страстно, с полемическими выпадами, то станет ясно, насколько напряженной была обстановка. И вновь Ворошилов видел, как умело, выдержанно и в то же время темпераментно ведет борьбу со своими идейными противниками Ленин.

Уже на первом заседании, когда меньшевик Дан начал зачитывать заявление своих петербургских единомышленников, направленное против Ленина, большевики взорвались от негодования. В протоколах съезда этот момент отмечен так: «Чтение прерывается

шумом, бурными протестами, криками, так что часть заявления нельзя было слышать».

Ленин, как и на предыдущем съезде, почти ежедневно беседовал с делегатами, расспрашивал их о положении дел на местах, о настроениях рабочих. Он очень смеялся над придуманным Ворошиловым псевдонимом — Антимеков. Запомнился Ворошилову заразительный ленинский смех и по другому поводу.

Вот как он писал об этом сам: на заседании большевистской фракции «он (В. И. Ленин) высказал мнение о возможном укреплении состава ЦК рабочими непосредственно с фабрично-заводских предприятий, хорошо знающими условия местной работы и настроения масс. В качестве возможных кандидатур для обсуждения он назвал фамилии нескольких рабочих-большевиков, в том числе и мою. При этом он пояснил, что рабочие в составе ЦК были бы своеобразными мостиками или балками, которые еще теснее связывали бы руководящий орган партии с рабочим классом и всеми трудящимися.

Не помню уж, как начался обмен мнениями по этому ленинскому высказыванию, но я в силу своей горячности и недостаточной зрелости в то время сразу же попросил слова и отвел свою кандидатуру. К тому же попытался бестактно иронизировать, заявив, что я никак не думал, будто нашей партии, являющейся сердцевиной и авангардом рабочего класса, для связи ЦК с рабочими нужны какие-то балки.

Владимир Ильич терпеливо слушал этот мой детский лепет, но наконец не выдержал и заразительно рассмеялся. Смеясь и в шутку грозя мне обоими кулаками, он как бы говорил: «Ну и зарываешься же ты, молодой человек». Но вслух он после моего выступления произнес самые безобидные слова:

— Ведь это же только предположение...

Мне долго после этого было стыдно смотреть в глаза Владимиру Ильичу. Но он ни тогда, ни в какое другое время, хотя мне впоследствии довольно часто приходилось встречаться с ним, ни разу не напомнил мне об этом моем промахе».

В эти майские дни в Лондоне собрался авангардный отряд партии, и Ворошилов встречался со многими видными революционерами. Вновь он увидел Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна, И. И. Скворцова-Степанова, Л. Б. Красина, познакомился с В. П. Ногиным, Юлианом Мархлевским. Очень понравился ему А. М. Горький, принимавший самое живое участие в делах съезда. Группа рабочих даже беседовала за самоваром и с вождем русского анархизма князем П. А. Кропоткиным. Ездили делегаты и на заводы, которые не слишком-то поразили Ворошилова: завод в Юзовке, по его мнению, был мощнее и более современно оборудован. Словом, было немало приятных, интересных, полезных встреч. Но случались и неприятные.

На съезде Ворошилов впервые увидел Троцкого (Л. Д. Бронштейна). Тот пытался сколотить центристскую группировку, но неизменно скатывался к поддержке меньшевиков. Бросался в глаза непробиваемый апломб этого самовлюбленного человека, за которым при ближайшем рассмотрении не скрывалось ничего стоящего внимания. Пройдет десятилетие, и Клим Ворошилов не раз столкнется с этим «позером», как характеризовал поведение Троцкого на съезде В. И. Ленин^[7].

Благодаря обструкционистской тактике меньшевиков съезд затянулся, а тут возникло еще одно препятствие: выяснилось, что если делегаты срочно не покинут Лондон, то партийных денег не хватит и уехать будет просто не на что. Меньшевики решили

воспользоваться спешкой и предложили закрыть съезд, не доведя его до конца. Вопрос о возможности и необходимости продолжения съезда обсуждался на 25-м (закрытом) заседании 14 мая. Меньшевик Елкин (С. И. Бердичевский) ратовал за немедленное закрытие съезда и утверждал, что делегаты съезда — рабочие в случае затяжки его останутся безработными по возвращении в Россию. Но сами рабочие не согласились с этим. В протоколе заседания так передается речь Ворошилова: «Говорили о рабочих. Хочу указать на одну сторону, о которой говорили здесь. Мы имеем дело не с простыми рабочими, а с социал-демократами, которые рисковали утонуть в океане. Елкин говорил, что сама идея съезда будет дискредитирована. Мы ничего еще не сделали. Те, которые предлагают уехать, хотят дискредитировать съезд». Вот и вся речь — первое выступление Ворошилова на столь высоких форумах, как съезд партии. Примечательно, что, когда председатель предложил ему взять обратно слова о меньшевиках, стремящихся подорвать доверие к съезду, Ворошилов категорически отказался.

Из тяжелого положения съезд выручил лондонский миллионер-мыловар Джозеф Фэлз. А. М. Горький обратился к нему, и этот несколько экстравагантный богач дал займы русским социал-демократам 1700 фунтов стерлингов, то есть 17 тысяч рублей золотом. Дал без процентов, но при одном обязательном условии — на заемном письме должны были оставить свои автографы все делегаты съезда^[8]. Заемное письмо было составлено. На одном из листов имеется и подпись Володи Антимекова.

Съезд в целом знаменовал собой крупную победу большевизма. По основным вопросам были приняты ленинские резолюции, и окрыленные успехом большевики-делегаты разъехались по домам.

Спешил в Луганск и Ворошилов, но ему следовало соблюдать сугубую осторожность — по поручению Ленина он вез в Петербург важные партийные документы. Доставив их, он отправился далее и в Луганск приехал 18 июня 1907 года.

Возвращение было нерадостным. Революция отступала по всему фронту. Свободы, дарованные в манифесте 17 октября, теперь не имели значения. 3 июня правительство разогнало II Государственную думу, члены социал-демократической фракции в ней были арестованы. В Луганске полиция также не дремала: 2 мая было арестовано 27 активных членов партии.

Но Ворошилов полон энергии и решимости проводить в жизнь постановления V съезда. Об этом он говорил на собрании рабочих в Вергунской балке в ночь на 24 июня. О том, каково было влияние большевиков в Луганске даже в эти тяжелые и опасные для них дни, можно судить по числу собравшихся: их было (по разным источникам) от полутора до двух тысяч. Главным событием дня стала речь Ворошилова. Он охарактеризовал положение дел, особо подчеркнув, что в создавшейся ситуации необходимо перейти в подполье, законспирироваться и в то же время использовать все легальные возможности работы.

Это было последнее, вплоть до 1917 года, выступление «Володьки» перед луганскими товарищами...

Полиция давно охотилась за вожакom луганских рабочих, и вот неизбежное случилось: в ночь на 31 июля 1907 года Ворошилова арестовали.

Для него начинался новый период. За четыре года, проведенных в Луганске, Климу Ворошилову открылось многое. Митинги и сходки товарищей-рабочих, слежка полиции и конспирация, листовки и оружие для дружинников, страстные диспуты на партийных

съездах — все эти жизненные грани сделались привычны ему. Он полюбил эту жизнь, она нравилась ему, в ней он видел свое призвание и смысл своего существования. Поражения и неудачи лишь подстегивали его. И вот теперь ему предстояло узнать и другую сторону бытия революционера — тюрьмы и ссылки.

В Луганске из простого рабочего парня он вырос в народного вожака. Теперь он знал: у него есть сила, позволяющая вести за собой людей, они охотно прислушиваются к его словам и идут за ним. В эти революционные годы была выплавлена основа, стержень характера Ворошилова. Теперь этой основе предстояло закалиться в тюрьмах и ссылках.

Пока же он сидит в знакомой камере луганской тюрьмы. «Матушка» Ворошилова — А. Л. Гущина получает письмо: «Многоуважаемая Анна Лукинична. Я арестован. Не знаю, долго ли буду сидеть, или нет, но дело не в этом. Я прошу вас теперь сделать вот что: сходить к Пузанову на Московскую улицу № 141, дом Золотуна против Преображенской церкви, сказать им, чтобы они прислали мне черную сорочку, брюки какие-нибудь грязные и какое-нибудь одеяло... Меня арестовали по предписанию из Петербурга, где сказано, чтобы меня обыскать и поступить по результатам. Так как у меня при обыске ничего не найдено, то меня должны освободить после допроса...»

«Матушка» не только выполнила просьбу Ворошилова, но и сама принесла ему в тюрьму подушку, одеяло. Арестованного и не думали выпускать. Теперь его судьба решалась местным жандармским ротмистром, губернским жандармским управлением и министерством внутренних дел.

5 сентября 1907 года в Петербург была послана переписка по делу Ворошилова, в которой екатеринославский губернатор ходатайствовал о

«высылке крестьянина Ворошилова в одну из отдаленных местностей под гласный надзор полиции сроком на три года». Ответ не слишком задержался—9 октября 1907 года департамент полиции секретно уведомил екатеринославского губернатора: «По рассмотрению... обстоятельства дела о содержащемся под стражей в луганской тюрьме крестьянине Клименте Ефремове Ворошилове, изобличенном в революционной деятельности и в подстрекательстве рабочих к забастовкам, г. министр внутр. дел постановил: выслать Ворошилова в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции на три года, считая срок с 1 октября 1907 года».

Ворошилов готовится к ссылке. П. Пузанов получает записку: «Достань валенки, капелюху и теплую тужурку». Товарищ принес в тюрьму вещи, но только вместо тужурки — кожух. Смеется Ворошилов:

— Зачем ты принес кожух? Если удирать придется, так зацеплюсь еще где-нибудь, порву, испорчу...

Пузанов поинтересовался:

— А ты что, думаешь?.. — пауза была многозначительной.

— Жди, скоро буду, — еле слышно ответил Клим, Попрощались.

23 октября 1907 года Ворошилов этапным порядком был отправлен в Архангельск.

Правительство России в своем арсенале орудий борьбы с революционным движением издавна располагало таким средством, как ссылка, но после поражения революции оно стало практиковать ее в гораздо больших размерах.

Тюремный вагон набит битком. Большинство составляют уголовные, публика эта весьма несимпатична и часто опасна, поэтому политические стремятся держаться вместе. Быстро возникают знакомства, определяются симпатии и антипатии.

Делятся пережитым, но осторожно: кто знает, нет ли среди ссыльных провокатора, осмотрительность никогда не бывает лишней в жизни революционера. Тут же начинаются неизбежные споры.

Вот и Москва белокаменная. Здесь предстоит этап. Плетутся по улицам арестанты. Впереди — каторжане, их сопровождает звон кандалов, затем — политические ссыльные, за ними следуют уголовные. Завершают шествие подводы. Если каторжане и уголовники одеты одинаково, в казенную тюремную одежду, то ссыльные являют собой знаменательное разнообразие. Мужчины и женщины, возраст — от убеленных сединами до юнцов гимназистов, национальность — от белесых прибалтов до иссиня-смуглых закавказцев. Но более всего разительно различие одежды: от «приличных» котелков и ботинок до рваных картузов и лаптей.

В московскую пересыльную тюрьму в ту пору стекались со всех концов России тысячи людей, направлявшихся в ссылку. В общих камерах здесь можно было встретить представителей всех существовавших в стране революционных организаций, а их было очень много. Администрация отправляла ссыльных к месту назначения по частям, тем временем заключенные успевали перезнакомиться, и знакомства эти, как правило, начинались и заканчивались в диспутах на животрепещущую, интересующую всех без исключения тему: революция, революция, ее пути, ее победы и поражения...

В Ярославле арестантов встречает зима. Яркое солнце сопровождает их на всем пути по городу, оно ослепляюще отражается в куполах ярославских церквей. Губернская тюрьма переполнена до отказа — снят вповалку в коридоре. Но еще теснее в тюремном поезде до Вологды: низкие потолки, закрытые окна...

Долог путь на север России, она велика, необъятна. Со смутным, тревожным чувством смотрит из окна

тюремного, зарешеченного вагона административно-ссыльный Клим Ворошилов. Он вправе считать себя бывалым человеком: видел и обе российские столицы, и Стокгольм, и Копенгаген, и Лондон... Что ждет его впереди, надолго ли станет его обиталищем Север? Про себя он уже давно решил: как только представится к тому удобный случай — бежать, но кто знает, как все сложится?

За окном тем временем менялась природа. За рекой Сухоной пошли леса, леса необозримые, непривычные тому, кто родился и прожил молодость на юге. Все меньше населенных пунктов, кругом сосны, ели. Вскоре лес сплошной стеной подступил к дороге, и поезд двигался между Шпалерами высоких и стройных еловых деревьев. Жутко становилось при мысли о том, что на сотни верст простирается эта безмолвная, безлюдная лесная чаща. Ближе к Архангельску железнодорожный путь просек великолепные строевые леса, потом спустился в низины, и по сторонам пошли засыпанные снегом болота.

В Архангельск этап из 81 человека, в который входил и Ворошилов, прибыл 15 ноября 1907 года. Северная Двина уже давно скована льдом. Запомнились Ворошилову только уходящие вдоль реки по льду, тянущиеся, словно тонкие нити, санные дороги, проложенные обозами, да розоватый отблеск только что зашедшего солнца, оживлявший бесстрастный и тем не менее величественный вид замерзшей северной реки.

Протянувшийся вдоль реки на пять верст узкою полосой город был завален снегом. Две главные улицы — набережная и Троицкая да десятка два-три поперечных коротких улочек, упиравшихся в болотистую тундру, — вот и все.

Появление этапа на улицах города не произвело особого впечатления на его обывателей: они привыкли

к подобным процессиям, считали их будничным, заурядным делом. Проследовав по улицам, ссыльные перешли по мосту через реку Кузнечиху и оказались в предместье Архангельска — Соломбале. Здесь, налево от моста, находилось обнесенное забором двухэтажное здание Соловецкого подворья. В нем временно и разместили ссыльных.

Из окон подворья, служившего в летнее время помещением для многочисленных богомольцев, направлявшихся в Соловецкий монастырь, открывался изумительный вид на город и Двину. Зимой, правда, он был не так прекрасен, но позднее, когда Ворошилову довелось увидеть город на северной реке летом, полный жизни и движения, он показался ему совсем иным.

Тогда, после плавного и мощного ледохода, на широком, порой пятиверстном пространстве реки было очень оживленно: маленькие шустрые пассажирские парходики сновали между городом и Соломбалой, буксиры, по временам протяжно гудя, пенили воду, как сказочные птицы, плыли парусники, а вдалеке, на горизонте, появлялись очертания океанских кораблей, и воздух дрожал от их гудков.

Ворошилова, однако, ждало гораздо более отдаленное место — уездный город Пинега, до которого надо было тащиться еще 213 верст. 26 ноября в сопровождении стражника Ворошилов отправляется в путь. Он едет в санях по зимней дороге. Перед глазами, впереди и по сторонам, все те же северные виды. Изредка на пригорке возникнет деревушка, десяток домов, за ними амбары и вновь — стелющаяся на многие версты пелена никем не примятого снега. Опять обступают дорогу столетние ели, плавно, в такт ветерку покачивающие заснеженными лапами, как бы приветствуя ссыльного: добро пожаловать! Добро ли?

Первое, что увидел Ворошилов, приближаясь к Пинеге, была высокая колокольня церкви да выделяющаяся красным пятном среди серых бревенчатых построек крыша казармы. Сотня с небольшим домов, растянувшихся вдоль высокого берега Пинегы, больница, три церкви, несколько лавок, около тысячи жителей — вот и все. По словам дореволюционного путеводителя, городок этот «в обыкновенное время не представляет ничего интересного, но оживляется Никольскою и Благовещенскою ярмарками, на которые съезжаются купцы из Галича, Каргополя, Архангельска и Холмогор и выезжают из тундр с продуктами своих промыслов — рыбой, жиром, шкурами, мехами и дичью самоеды и жители Устьцильмы, Ижмы, Пустозерска, Мезени...»

Что и говорить — не слишком-то оживленное место! Но ссыльный, оказавшийся в Пинеге, мог благодарить бога, если его не посылали дальше, в глубь уезда: здесь все же была пристань для пароходов, каждую неделю прибывала почта. Но именно о возможности отправиться дальше сообщил Ворошилову уездный исправник. Он еще раз напомнил ему «Положение о полицейском надзоре», регулировавшее жизнь ссыльного.

Ссыльный находился в полном распоряжении полиции. Параграф 6-й гласил: «От лица, отданного под надзор полиции, отбираются документы о его звании, если таковые у него имеются, и вид на жительство, взамен которых ему выдается свидетельство на проживание в назначенной ему местности». Следующий параграф обязывал поднадзорного «жить в определенном ему для того месте» и воспрещал «отлучаться из оного без разрешения надлежащей власти».

Параграф 17-й: «...поднадзорный как в месте своего жительства, так и временного пребывания обязан

являться в полицию по первому ее требованию».

Параграф 18-й: «...местная полицейская власть имеет право входа в квартиру поднадзорного во всякое время».

Параграф 19-й: «Полиции предоставляется право производить у лиц поднадзорных обыски...»

И так далее, и так далее...

В такой глуши, как Пинега, полиция не считала нужным, пока будет определено дальнейшее (в полном смысле этого слова) место жительства Ворошилова, держать его под стражей. Непредусмотрительность, по крайней мере в отношении таких людей, как Ворошилов, непростительная. Он побывал у проживающих в городе ссыльных, расспросил, и его решение укрепилось — тут он не намерен задерживаться, у него есть дела и поважнее.

Покуда жандармы раздумывали, куда бы подальше заслать Ворошилова, он готовился к обратному пути. Для этого нужны деньги, и в Луганск, к А. Л. Гущиной, отправляется письмо с просьбой одолжить их. Но посланные «матушкой» 25 рублей возвращаются обратно — адресата уже нет на месте.

Большевик Павел Лагутин через других ссыльных сумел договориться с местным жителем Иваном Кабеевым, который зарабатывал извозом. Кабеев согласился довезти Ворошилова до Архангельска. Нашлась и попутчица — одесская студентка Мария Найда тоже не хотела зимовать в Пинеге. 21 декабря 1907 года Ворошилов, употребляя выражение жандармского документа, «из-под надзора полиции скрылся».

Добраться до Архангельска удалось раньше, чем властям стало известно о побеге. Некоторое время пришлось выжидать у товарищей в доме Розенталя на Финляндской улице, в непосредственной близости от губернской тюрьмы. Товарищи достали Ворошилову

подложный паспорт, купили железнодорожный билет и загримировали под священника. Вот когда пригодилось участие в любительских спектаклях! Загримированный беглец благополучно сел в поезд и через несколько дней уже был в Петербурге, на одной из партийных явок. Но оставаться здесь ему было нельзя.

Поздней ночью в середине января 1908 года в окно квартиры П. Пузанова постучали. Хозяин отворил — в дверях стоял Ворошилов. Объятия, торопливые расспросы, кто сохранился, кто арестован. Впрочем, все ясно и без вопросов — в Луганске Ворошилову работать невозможно, его все знают. Но он не хочет прятаться, он хочет активной работы, и он уже имеет указание ЦК: путь его лежит на другой конец Российской империи — в город нефтяников Баку.

Велика Россия и разнообразна: Архангельск, когда Ворошилов покидал его, был завален снегом, в Луганске трещал мороз, в пути поезд был задержан заносами, а январский Баку встретил приезжего холодным дождем. Сквозь его пелену со станции железной дороги город, раскинувшийся амфитеатром по берегу моря, казался сероватой расплывчатой массой. Дым, поднимавшийся из труб заводов на окраинах города, смешивался с дождем, и оттого город становился еще сумрачнее.

Не приходилось Ворошилову до сих пор бывать в таком городе. Прежде всего бросалась в глаза оживленность, какая-то особенная, не свойственная великорусским городам. На улицах Баку нарядно, элегантно, одетые по-европейски люди шли рядом с мусульманами, бороды которых были окрашены в красный цвет, в кафтанах, опоясанных шарфами, и мусульманками в чадрах, в широких шароварах и туфлях без задников. Смешанным был и транспорт: наряду с шикарными фаэтонами, запряженными породистыми лошадьми, по улицам тянулись тысячи осликов, навьюченных и с седоками. Крики извозчиков,

разносчиков воды, шум и суета многочисленных чумазных ребятишек...

Баку к этому времени был уже очень заметным промышленным центром России, и положение, сложившееся здесь, было настолько уникальным, что его необходимо, хотя бы вкратце, описать.

В самом деле, к началу 1908 года во всей России революция потерпела поражение, но в Баку правительство еще не перешло в решительное наступление. В обзоре, составленном ЦК РСДРП весной 1908 года, сообщалось, что «Баку является единственным городом в России, где еще существуют сравнительно свободные условия для деятельности организации профессиональных союзов».

Причины такого явления сложны. Одной из главных было особое положение нефтяной промышленности в системе хозяйства страны. Правительство не без основания опасалось, как бы не повторились события 1905 года, когда во время армяно-татарской резни чрезвычайно сильно пострадали и город, и нефтяные промыслы.

Кроме того — и это было, пожалуй, главной причиной особого положения Баку, — правительство и не могло быстро подавить революционное движение здесь ввиду чрезвычайно упорного сопротивления, оказанного бакинским пролетариатом. Сила же рабочих была определена исключительно большим влиянием революционных партий, в особенности большевиков. С некоторыми из них Ворошилов уже встречался ранее, с другими познакомился в первые же дни по приезде в Баку.

Он вновь встретился с И. В. Сталиным. Сталин познакомил Ворошилова с другими большевиками — их тогда в Баку работало немало. Достаточно назвать некоторых — М. А. Азизбекова, П. А. Джапаридзе, А. С. Енукидзе, Г. К. Орджоникидзе, С. Г. Шаумяна, С. М.

Эфендиева, — чтобы понять, насколько сильной была здесь большевистская организация. Работать, однако, приходилось в необычайно сложной обстановке, и это Ворошилов почувствовал с первых же дней.

Баку был тогда не только одним из основных центров революционного движения, но и местом, где всевозможные противоречия — классовые, политические, экономические, национальные, религиозные — переплелись в тугом клубке. Одним из наиболее важных обстоятельств был многонациональный состав как населения города, так и бакинских рабочих. Всего их насчитывалось более 50 тысяч. Рабочие-мусульмане были заняты в основном в бурении нефти, в то время как русские и армяне доминировали на более квалифицированных работах — на нефтеперерабатывающем и механическом производстве. Оплата труда здесь, естественно, была выше. Разница в оплате труда совпадала часто с национальными и религиозными различиями, и это вызывало дополнительные трудности в сплочении рабочих для революционной борьбы.

Главная масса рабочего люда жила не в самом Баку, а на его окраинах и даже за городской чертой, там, где добывалась и перегонялась нефть. Лишь в центре города были прямые, широкие улицы с домами на европейский манер. Остальная его часть была совершенно другой: узенькие, кривые, бегущие в гору улочки, низкие, приземистые здания, укрытые за глухими каменными стенами. Доступ за эту стену почти невозможен — его хозяева ревниво стерегли свое жилище от постороннего взгляда.

Уже в первые дни по приезде в Баку Ворошилов с изумлением наблюдал процессию фанатиков мусульман — «шахсей-вахсей». Впереди — ослы, украшенные лентами, затем — группы верховых, в руках у них зеленые знамена. За ними тысячные толпы молящихся:

обнаженные спины, заунывные песнопения, и в такт им — удары через плечо плетками, цепями. Всадники с кинжалами в руках в экстазе ударяют кинжалами себя в голову, кровь ручьями течет по лицам... Натолкнуться здесь, в последнем оплоте отступающей революции, на подобную процессию было дико и неожиданно. Но в революционной работе приходилось считаться с наличием самых древних, укоренившихся обычаев этой многонациональной окраины Российской империи. Нужно было уметь найти общий язык с любым рабочим, будь то высококвалифицированный русский пролетарий или вчерашний горец-мусульманин. Местные большевики в совершенстве владели этим искусством, и Ворошилов многому у них научился.

Не следовало забывать, что прогулка по ночным улицам Баку — дело очень небезопасное. В газетах чуть не ежедневно сообщалось, что ночью там-то и там-то, у такого-то дома подобран труп. Убийца чаще всего оставался не найден. Полиция, и та боялась по ночам соваться в окраинные районы, а ведь именно там приходилось жить революционерам. Поэтому Ворошилов не расставался с оружием. Впрочем, наличие револьвера или кинжала у бакинцев тогда считалось обычным делом.

Очень беспокоились о безопасности местные богачи; это и не мудрено при той степени ненависти, которую они возбуждали у рабочих. Для своей охраны они содержали особых телохранителей, так называемых «кочи».

Однако главным назначением «кочи» была расправа с непокорными на промыслах. Тут уж они не стеснялись применять оружие. Подобную перспективу приходилось брать в расчет и Ворошилову.

Большевистский комитет направил его на ответственный и сложный участок — в нефтяной район Биби-Эйбат. Устроившись под чужой фамилией работать

котельщиком на заводе фирмы «Олеум», Ворошилов начинает вновь свою революционную деятельность. Большевики на Биби-Эйбате имели твердую опору — летом 1907 года тут действовали 15 большевистских ячеек, насчитывавших 175 членов партии. По тем временам масштабы гигантские. Правда, в конце года часть большевиков была арестована, но с приездом Ворошилова дело оживилось. Были восстановлены связи, стали регулярно собираться ячейки, а в кружках изучали программу партии. Словом, чувствовалась опытная рука партийного организатора из Луганска. Вскоре Ворошилов становится секретарем Союза нефтепромышленных рабочих — самой влиятельной организации бакинских трудящихся.

Одним из основных вопросов, волновавших социал-демократов Баку в начале 1908 года, была подготовка совещания с нефтепромышленниками и выборы Совета уполномоченных для ведения переговоров с ними. В ходе этой важнейшей кампании большевикам приходилось преодолевать сопротивление меньшевиков. В Баку их тогда набралось немало: М. Н. Лурье (Ю. Ларин), С. Вайнштейн (Секерин), Б. Гинзбург (Кольцов), С. Цедербаум (Ежов), П. Мельситов-Вольский. Присланные в Баку меньшевистским руководством, они пытались захватить ведущие позиции как в партийных организациях, так и в профсоюзах. Острые схватки, которые вели с ними в Баку большевики, были частью общепартийной борьбы против ликвидаторства, за сохранение и укрепление боевой революционной марксистской партии. Лидерство в Баку меньшевикам захватить не удалось.

Тем временем к середине мая 1908 года правительство пришло к выводу, что пора уступок и проволок в Баку прошла. Из Петербурга последовало указание прекратить переговоры с рабочими и ликвидировать Совет уполномоченных.

Предприниматели, почувствовав изменение обстановки, начинают рассчитывать неугодных им рабочих, прибегают к локаутам. В августе хозяева «Олеума» объявляют расчет 700 рабочим. В их числе, разумеется, и Ворошилов.

Остаться в Баку было невозможно, и Ворошилов покидает город. Путь его лежит на север, в Петербург, но он не может отказать себе в удовольствии побывать в Луганске. Это опасно, полиция следит за всеми подозрительными. Тем не менее он решает все же рискнуть.

В городском саду идет пьеса «Рабочая слободка» — местный актер Азамат Рудзевич справляет бенефис. Выходит на сцену читать поздравительный адрес и загримированный Ворошилов. Грим удачен, но вот голос, голос массовика, агитатора! Его немедленно узнали слушатели, и раздались возгласы:

— Володька! Это Володька!..

Ворошилов не стал больше испытывать судьбу, прошел через оркестр под сцену и скрылся. В тот же вечер он исчез из Луганска и направился в Петербург.

Тут его уже ждали. 31 августа 1908 года канцелярия петербургского губернатора разослала всем уездным исправникам и полицмейстерам секретный список департамента полиции. В нем под № 7604 значилось: «Климент Ефремович Ворошилов. Крестьянин Боровской волости Харьковской губернии, 26 лет, рост два аршина пять с половиной вершков, глаза карие, волосы темно-русые...»

Столица империи — большой, очень большой город. Здесь, казалось бы, легче всего затеряться, спрятаться, но и полицейский сыск в Петербурге поставлен лучше всего. 20 сентября 1908 года Ворошилов, проживавший в столице по паспорту Филиппа Максимовича Качаловского, был задержан. Теперь ему предстояло

познакомиться с петербургскими тюрьмами. И вот он в знаменитых «Крестах».

Правительство России, заимствуя изощренный опыт «западных демократий», в 1892 году построило «Кресты» по образцу прославленных своей «рациональностью» и «строгостью» американских тюрем. В свою очередь, «Кресты» послужили моделью и для других узилищ России — Бутырок, Таганки, Лефортовской, Ярославской каторжной. Все, кто имел несчастье попасть сюда, навсегда сохранили память об этом «новом слове» тюремной архитектуры.

Тюрьма была построена в виде двух громадных коридоров, пересекавшихся под прямым углом, в результате чего и получался крест. Всего было четыре этажа, в коридорах вместо потолков, отделяющих один этаж от другого, — свободное пространство, для прохода же в камеры над стеною каждого этажа сделаны узкие металлические галереи. В центре, где коридоры пересекаются, была устроена высокая стеклянная вышка, откуда в тюрьму проникал свет. Тот, кто стоял внизу, под вышкой, мог, не сходя с места, а только поворачиваясь, видеть все, что происходило в корпусе.

Почти немислимо было не только завести знакомство с надзирателями или уборщиками, но и просто перемолвиться словом с кем-нибудь: всех всегда и отовсюду было видно. Каждое мгновение надзиратель чувствовал — за ним следит либо старшой с центрального поста, либо другие надзиратели, либо случайно проходящее начальство, а потому ни в какие разговоры не вступал.

Поскольку «Кресты» считались образцовой, так сказать, показательной тюрьмой и именно сюда жаловали иностранные гости для знакомства с местами заключения в России, тюремное начальство считало необходимым, кроме чистоты и порядка, следить и за

питанием арестантов. Революционер, попавший в «Кресты» чуть раньше Ворошилова, в мае 1908 года писал: «Предметом удивления явилась Крестовская пища, не идущая ни в какое сравнение с обычной тюремной. Ее можно было есть без всякого отвращения...» Был при тюрьме и кооператив служащих, продававший заключенным товары. Но для этого требовались деньги, а их у Ворошилова не было. Да и наслаждаться тюремной пищей в «Крестах» ему, к счастью, долго не привелось.

В начале октября 1908 года начальство уже решило: возвратить ссыльного Ворошилова «по принадлежности» — в Архангельскую губернию. 6 октября в Петербургском губернском жандармском правлении на Ворошилова был составлен «открытый лист», в котором наряду с уже упомянутыми приметами указывалась и особая — «на лбу шрам». А после этого его этапным порядком отправляют в Архангельск. 15 октября он уже в тамошнем тюремном замке — теперь его стерегут: вдруг убежит опять?

20 октября архангельский губернатор уведомлял пинежского исправника: «...скрывшийся из Пинежского уезда поднадзорный Климентий Ефремов Ворошилов задержан и ныне вновь доставлен в Архангельскую губернию, причем местом водворения ему мною назначен Мезенский уезд. Переписку о Ворошилове предлагаю Вам отправить Мезенскому исправнику».

Далеко на севере Архангельск, не близко и Пинега, но Мезень — несравненно дальше. В летнюю пору дороги по суше туда не было, добраться можно только морем. Начальство выдержало Ворошилова около месяца в тюремном замке, и лишь в ноябре, когда установился санный путь, отправился он в сопровождении жандарма мимо Холмогор и Пинеги в дальнее, 600-верстное путешествие.

Вновь уже знакомая дорога от Архангельска по правому берегу Двины, вновь покрытый снегом лес. Смеркается. Тяжело на душе, кто знает, что ждет его?

Город Мезень поблизости от Полярного круга — на 66-м градусе северной широты — и так невелик, что не требовалось и двадцати минут, чтобы пройти по единственной его немощенной улице. В конце ее стояла городская тюрьма, обыкновенный деревянный дом, отличавшийся от других оградой — тыном из вековых бревен. Концы их, словно заточенные карандаши, торчали чуть ли не выше самого дома. Ни единого каменного строения, кроме маленького зданья уездного казначейства, две деревянные церкви — вот и все достопримечательности Мезени. Задворки городка уже стояли на краю бесконечной тундры.

В этом городке Ворошилову пришлось пробыть около года. Жизнь политических ссыльных была очень нелегка, и первая забота, одолевавшая их, — как добыть средства для существования. Правительство, посылая революционеров в ссылку, выдавало им пособие на прожитие, но оно было совершенно недостаточным: 6–8 рублей в месяц рабочим-революционерам, 12–13 рублей тем из ссыльных, кто имел образование не ниже среднего. Большая часть этих денег уходила на плату за квартиру. Получить же квартиру было непросто — местные жители относились к врагам «веры, царя и отечества» настороженно, нередко неприязненно. Поскольку и питание в северных областях было недешевым, становится понятным, что большинство ссыльных, не имевших собственных денег, обрекалось в буквальном смысле на голодное прозябание. Приходилось всеми способами искать заработков, но уже упомянутое «Положение о надзоре» запрещало ссыльным заниматься всякой педагогической, врачебной, торговой и многими другими видами деятельности, к физической же работе

были привычны далеко не все. В то же время параграф 37 положения гласил: «Поднадзорные, уклоняющиеся от занятий по лености, дурному поведению или привычке к праздности, лишаются права на получение пособия от казны».

К счастью для него, Ворошилов с детских лет был знаком как со многими рабочими профессиями, так и с крестьянским трудом, в котором больше всего и наблюдался спрос в Мезени, да и в других местах его ссылки. Но средства к пропитанию давались нелегко, и пришлось бы, наверное, нередко голодать, если бы не охота и рыболовство — страсть к ним он приобрел в ссылке. На родине Ворошилову не слишком-то часто приходилось заниматься этим, а здесь к тому представлялись особые и очень благоприятные возможности. С этих лет и полюбил он бродить с ружьем по болотам или сидеть с удочкой над тихими протоками.

Особенно хорошо было весной — эта пора прекрасна и здесь. В разгаре весны, в начале лета в окрестностях Мезени мягко и ласково греет почти не заходящее солнце, кажется, что видно и слышно, как растет трава, пробуждается жизнь. Погружена в тишину уходящая вдаль равнина тундры. Нарушают это спокойное величие лишь звуки свободной, первобытной, едва тронутой человеком жизни. Иногда чуть не прямо из-под ног сорвется с криком петушок куропатки — тогда не зевай, стреляй... И вновь на время все стихнет, лишь неподалеку переливается, падает с небольшого откоса весенний, радостный ручей... Эти часы благодетельны для души человека, умиротворяют ее.

Такое успокоение очень и очень часто было нужно Ворошилову. Кроме постоянных и нелегких забот о пропитании, жизнь ссыльного давала немало и других хлопот и огорчений. Ворошилов усердно занимается делами колонии ссыльных.

В тот год в Мезенском уезде было свыше четырехсот «поднадзорных». Исключительное положение, в котором они пребывали, побуждало ссыльных к сплочению, объединению. Они создавали мастерские, кооперативы, коммуны, в которых было все же легче прокормиться. Тайком от властей организовывались дискуссии. Конечно, и здесь точки зрения распределились на строго партийных принципах, и споры во время этих дискуссий были столь же ожесточенными, как и на воле.

Известия, приходявшие в Мезень, не были утешающими: вследствие поражения первой революции начался распад революционных партий России, развал их. Единственной политической группировкой, твердо и целеустремленно преследовавшей революционные цели, оставались большевики. Но и среди них были отщепенцы, попутчики, покидавшие ряды партии. Имелись такие и в Мезенской ссылке. С ними в первую очередь, как и прежде, непримиримо и страстно боролся Ворошилов.

Он много и систематически читал, восполняя здесь, в ссылке, пробелы в знаниях. По-прежнему он все время не в ладах с полицейскими. Тем, конечно, не нравится, что Ворошилов пытается сплотить ссыльных в Мезени. 24 ноября 1909 года его переводят в другой город — Холмогоры.

Холмогоры, родина Михаила Ломоносова, тоже уездный город и тоже очень маленький. Несколько улочек, обстроенных деревянными домишками, в которых ютились едва полторы тысячи жителей, несколько старинных церквей, несколько лавок... На улицах — никакого движения, тишина, лишь изредка пройдет, спотыкаясь в сугробах, обыватель да пробежит собака.

Жить по-прежнему тяжело, но постоянное общение с природой севера России, с его людьми вскоре привело

к тому, что Ворошилов любил и этот суровый и прекрасный край, поневоле ставший ему тюрьмой. Он любил Двину. Обычно нахмуренная и недоброжелательная, весной, когда солнце заливает зелень лугов, река, отражающая лазоревый свод неба, преображается, становится неузнаваемой. Особенно хороша она летней ночью, когда и в час, и в два пополудни — ни сумерек, ни густых теней. Воздух, молочно-белый, затапливает далекие горизонты. И Двина кажется безмятежно кроткой...

Надежды полиции на то, что перемена места ссылки скажется на поведении Ворошилова, не оправдались. По-прежнему он заводила во всех предприятиях колонии ссыльных, он весел и общителен, знаком чуть ли не со всеми обитателями Холмогор и, уж конечно, со всеми своими товарищами-ссыльными. В Холмогорах же он познакомился с Екатериной Давыдовной Горбман. Еще в 1907 году двадцатилетняя одесситка была сослана на север за революционную деятельность. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре поженились.

Поселился Ворошилов поначалу в угловой комнате второго этажа дома Т. П. Песошниковой на Никольской площади. В комнате жили трое: Ворошилов, Овсей Захарин и Иосиф Избицкий. Всего же в доме и флигеле проживало 14 ссыльных. К ним все время приходили другие «поднадзорные», и дом стал центром колонии. Такой «рассадник смуты» не мог остаться без внимания полиции.

С точки зрения полиции, Ворошилов очень беспокоен. Он организует протест холмогорской колонии против репрессий в тюрьмах и собирает деньги в пользу пострадавших, он помогает товарищам устраивать побеги, он устанавливает связь с подпольным Красным Крестом, получает деньги на содержание столовой и библиотеки для ссыльных, он

ведет обширную переписку. При обыске 21 июня 1910 года полиция отбирает у Ворошилова более 40 писем, а 30 января 1911 года — 128 писем.

После обыска 21 июня против 13 ссыльных было возбуждено дело. В декабре 1910 года дознание закончено, и полиция боится, что Ворошилов скроется вторично. 28 января 1911 года холмогорский исправник получает две телеграммы: «Предупредите побег Ворошилова...», «Произведите обыск. Произведите аресты...»

15 февраля у Ворошилова вновь проводят обыск и вместе с группой других ссыльных сажают в арестантскую камеру при уездном полицейском управлении. Через два дня начальник архангельского губернского правления просит губернатора послать беспокойного ссыльного в более отдаленное место — в Кемь. На следующий день согласие на эту «меру предосторожности» получено. Ворошилова переводят в губернскую тюрьму, где он должен ждать отправки в Кемь.

Но отправка эта не состоялась, потому что Ворошилова привлекают к следствию по делу холмогорской группы политических ссыльных. Перед нами секретное дело канцелярии архангельского губернатора (по особо секретному столу) о поднадзорных: Клименте Ворошилове, Иосифе Избицком и Василии Липаеве:

«Высланный под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию за революционную деятельность и подстрекательство рабочих к забастовке Ворошилов вошел в состав Холмогорской группы политических ссыльных, причем активная деятельность его в этом направлении выразилась в агитации среди ссыльных Архангельской губернии, направленной к возбуждению в них революционных стремлений...»

Срок надзора для Ворошилова кончился 28 июля 1911 года. Жандармов очень беспокоило, что он, «находясь по сему делу под стражей в Архангельской губернской тюрьме, старался восстановить заключенных против администрации, за что и подвергался неоднократным наказаниям».

Действительно, Ворошилов вел себя и в тюрьме независимо, а по временам с точки зрения тюремной администрации и дерзко. 19 мая в знак протеста против нарушения тюремщиками правил содержания заключенных он объявил голодовку и голодал до 24 мая. Одновременно Ворошилов призывал к выражению недовольства и товарищей по камере. «Ввиду такого неодобрительного поведения Ворошилова, — отвечал начальник тюрьмы на запрос губернского жандармского управления, — последнее время он был совершенно изолирован от других арестантов и помещен в отдельную камеру». С февраля по август 1911 года трижды попадал Ворошилов в изолятор и просидел там в общей сложности три недели.

Тем временем следствие продолжалось, и окончание его грозило Ворошилову суровым наказанием: ввиду «крайне вредной деятельности» архангельские жандармы предлагали выслать его еще на три года, но уже гораздо дальше — в Восточную Сибирь. К счастью, все обошлось «хорошо»: 20 июля 1911 года министр внутренних дел решил оставить Ворошилова под надзором в Архангельской губернии еще на год.

Вновь следует он по этапу в хорошо знакомую Мезень. Но теперь и уездный город не для него.

На берегу Мезенского залива, там, где в него впадает река Кулой, расположилось рыбацкое село Долгощелье. Ко многому привык Ворошилов за последние три года, но и его поражала природа своей дикостью. Темно-серые массы гранита, низины болот,

серая, даже серовато-белая вода... Тяжело оказаться в таком месте. Мог ли знать Клим Ворошилов, что спустя 30 лет народная сказительница Марфа Семеновна Крюкова напоеет об этом времени сказ:

У того ли у моря у славного,
У славного моря у Белого,
На самой на стороночке на северной,
На крутом бережочке, у желтого песку
Сидел добрый молодец Клим Ефремович,
Свет Ефремович Ворошилов-млад.
Он сидел да призадумался,
Призадумался, запечалился.
А для него-то, для добра молодца,
Не шумит, не поет да море Белое,—
У него на душе тоска-горюшко,
Есть обидушка да великая,
Есть заботушка да немалая:
Не по своему-то приехал он хотеньицу,
А по государеву указу в ссылку дальнюю...

Государевы слуги заслали к Белому морю не одного Ворошилова — тогда в Долгощелье проживало еще шесть «поднадзорных». Тотчас же дом, где поселился вновь прибывший, стал местом сбора ссыльных, они подолгу беседовали, спорили. Питались тоже вместе — = так было все же легче. Стали посещать Ворошилова и местные жители...

Близится зима, а у Ворошилова нет одежды, и он просит вспомоществования от казны. 10 сентября полицейский урядник с понятым обследовали имущественное состояние просителя. Из составленного ими акта мы узнаем, что в это время Ворошилов имел одну летнюю фуражку, один летний пиджак, одно суконное без ваты пальто, одни брюки, три тельные

ситцевые рубашки, трое кальсон, одни сапоги и две пары портянок. Все перечисленные вещи, как отмечалось в акте, «ветхи и требуют замены новыми». Однако в помощи ссыльному администрация отказала.

Длительное пребывание в тюрьме отразилось на здоровье Ворошилова, и он ходатайствует о переводе в такое место, где бы он мог лечиться. «Мезенский врач, — пишет он в прошении, — меня освидетельствовал и нашел меня здоровым, хотя все освидетельствование заключалось в том, что меня заставили показать язык».

Неугомонного ссыльного переводят в Мезень, не ослабляя надзора. Ворошилов же и не думает успокаиваться. 22 января у него производят очередной обыск, и в руки полиции попадает опасный документ: черновик корреспонденции о жизни ссыльных в редакцию неизвестной жандармам газеты. Этого мало — в начале 1912 года среди ссыльных Архангельской, Вятской и Пермской губерний подпольно была проведена анкета об условиях жизни в ссылке. В феврале такой опрос состоялся в Мезенском уезде, и, разумеется, одним из главных инициаторов и осуществителей его был Ворошилов. Как только это стало известно губернатору, последовал приказ выслать смутьяна вон из уездного города.

Верстах в ста пятидесяти вверх по реке Мезени — деревушка Юрома. Деревушка-то маленькая, а ссыльных в ней — 70 человек. Они охотно принимают новичка в свой круг, и в этом доме начинаются собрания! То же и в селе Дорогорском, куда, поближе к городу Мезени, 3 июня 1912 года переводит его начальство.

Четвертую весну встречает Ворошилов в ссылке. По ночам долго не гаснет свет в его окошке — он читает, читает, читает, изучает классиков марксизма и французский язык. Днем же нередко с ружьем в лесу.

Природа великолепна и здесь. Наслаждаться ее красотами, однако, в полной мере возможно только тогда, когда ты свободен, а человеку, уже почти четыре года подряд пребывающему во власти полиции, неизменно идет на ум — скорее бы кончился срок! Но «власти предержащие» точны: ни днем ранее, ни днем позднее.

Четвертушка бумаги, машинописный текст: «1912 года июля 28 дня. Я, нижеподписавшийся политический ссыльный Климентий Ворошилов, дал настоящую расписку г. Мезенскому Уездному Исправнику в том, что сего числа мне объявлено об освобождении меня от надзора полиции, в чем и подписуюсь». Столь же точен и Клим Ворошилов — ниже следует рукописный текст: «Даю настоящую подпись в том, что мне объявлено об окончании надзора 28 июля в 4 1/2 час. пополудни. *Климент Ворошилов*».

Свобода! Можно уезжать. Но куда? Пребывание в обеих столицах, так же как и в большинстве губернских городов, ему запрещено, и путь один — на родину, в Донбасс. Там ждет его Екатерина Давыдовна, срок ссылки у которой окончился в 1910 году. И Ворошилов снова в Алчевске. Но работы по специальности для него нет и не будет — слишком хорошо знает администрация заводов, кто такой Клим Ворошилов. Выручают товарищи: на заводе ДЮМО есть рабочий кооператив, и правление его берет Ворошилова в пекарню. Жить очень трудно, ничего нет у революционера, которому уже за тридцать. Вся мебель в его комнате — стол, кровать да два ящика.

Но его заботит совсем другое. За то время, что он провел в архангельской глуши, многое изменилось в России. Отступление революции кончилось. В апреле 1912 года на Ленских приисках произошел кровавый инцидент, и эхо далеких выстрелов громом прокатилось

по России. Рабочее движение стало набирать разгон, и по-прежнему во главе его была партия большевиков.

Вновь организует в Алчевске подпольные кружки Ворошилов, вновь стремится укрепить влияние большевиков повсюду, где только возможно, — в профсоюзах, кооперативах, ссудно-сберегательных кассах... Как будто и не было четырех лет ссылки! Но за ним надзирают очень пристально, и в октябре того же года следует арест. Правда, улики особых нет, и в декабре ему удается освободиться, но новый арест в январе 1913 года более серьезен. Трехмесячное пребывание в тюрьме, и в марте 1913 года Клим Ворошилов, опять не по своей воле, отправляется на север. Срок новой ссылки — два года, и местом ее назначен Чердынский край. Вместе с мужем едет и Екатерина Давыдовна.

Город Чердынь — уже Пермской губернии, и зимний путь к нему не менее далек, чем в Мезень. К тому же и в Чердыни Ворошилова не оставили, а поместили в глухом селе Ныроб, в сорока пяти верстах к северу от уездного города. Примечательно это малолюдное село тем, что в 1601 году Борис Годунов сослал сюда дядю будущего царя Михаила — Михаила Никитича Романова, который здесь и умер в заточении.

Провести в ссылке назначенный срок до конца Ворошилову не пришлось: в феврале 1913 года торжественно праздновалось 300-летие дома Романовых, и многим категориям осужденных была «высочайше пожалована» амнистия. Вдвое сократили срок ссылки и Ворошилову. Весной 1914 года он снова в Донбассе.

Устроиться на работу ему здесь невозможно — полиция продолжает преследовать обысками и угрозами, не оставляя в покое и на день. Оставаться в Донбассе нельзя, Климентий Ефремович и Екатерина Давыдовна уезжают в Царицын, где на орудийном

заводе Ворошилов получает место. Тут его и застаёт начало первой мировой войны.

Август 1914 года! Этот месяц был началом, прологом трагедии, дотоле невиданной в привыкшем ко многому мире, и России выпало сыграть в ней главную роль. На Париж триумфальным маршем шествовала армия Германии. Спасая союзника, перед которым уже маячило повторение разгрома 1870 года, правительство России бросило на весы судьбы свои еще не полностью отмобилизованные дивизии. В Восточной Пруссии, в Польше, в Галиции шли на врага русские солдаты... Они выполнили свой союзнический долг, но чего это стоило и им, и стране!

Если в 1907–1913 годах революционеру-большевику требовалось немало веры в конечную победу, чтобы не впасть в уныние и отчаяние, не отойти от революции, то еще больше понадобилось ее в дни июля — августа 1914 года. Во всех европейских странах, начавших войну, все политические партии, от крайне правых до ультрареволюционных, объединились под одним лозунгом: «Защита своего отечества». И в этом ошалевшем от пороха и крови мире была лишь одна партия, которая с самого начала решительно и бесповоротно заявила: эта война захватническая, империалистическая, мы против этой войны, и мы будем делать все от нас зависящее, чтобы превратить ее в войну революционную, гражданскую. Этой единственной партией была партия российских социал-демократов большевиков, партия Ленина.

Клим Ворошилов недаром уже десятилетие состоял в ее рядах. В воспоминаниях его мы читаем: «С момента объявления войны не только я, но и та группа социал-демократов большевиков, которую удалось сколотить, собрать воедино, как один человек была враждебно настроена против начавшейся бойни. Между прочим, из-за отношения к войне я окончательно порвал с моим

старейшим другом и учителем Рыжковым. Я мог все извинить моему старому учителю, но однажды мы от разговора о войне перешли врукопашную, то есть он на меня набросился как на врага родины, и с тех пор я с болью вырвал из моего сердца этого человека».

Вести антивоенную и антиправительственную пропаганду в условиях войны оказалось невероятно сложно. Один из виднейших большевиков, депутат Думы А. Е. Бадаев, писал, что «первый период войны для революционной деятельности представлял такие трудности, с которыми не приходилось сталкиваться нашей партии даже в наиболее тяжелые годы реакции». Казалось, обстоятельства обернулись против большевиков: аресты и высылка всех, кто высказывался против войны, мобилизация и отправка в армию каждого недовольного, годного к военной службе, строжайший полицейский надзор за теми, кто оставался на свободе, оторванность друг от друга, невозможность обмениваться мнениями о событиях с товарищами социал-демократами... Но главным обстоятельством, до исключительной степени затруднявшим работу большевиков, была искренняя вера рабочих и крестьян России в то, что им необходимо защитить свою страну от посягательств немецких захватчиков. На этой вере искусно играло правительство, и пройдет немало месяцев, прежде чем основная масса трудящихся России станет восприимчивой к антивоенной пропаганде большевиков.

И все же они действовали, использовали любую малейшую возможность, нелегальную и легальную. Действует и Ворошилов. Здесь, в Царицыне, подходящее место для него, располагающего десятилетним стажем общения с рабочими массами. Вместе с С. К. Мининым Ворошилов организует рабочий потребительский кооператив. Легальная вывеска этого

невинного общества позволяет возобновить революционную пропаганду. Ворошилов организует хор рабочих. Между спевками можно обмениваться парой слов о войне... На квартире Ворошилова, поражающей обилием книг (они лежат всюду: на полках, на столе, под кроватью), собираются рабочие, беседуют, слушают бывалого хозяина. Слова этих бесед эхом, пусть пока еще слабым, отзовутся на заводах Царицына, скоро и здесь, как в Луганске, будут знать Ворошилова. В Царицыне расквартирован запасной полк, и Ворошилов считает своим долгом разъяснять рабочим и крестьянам, одетым в серые шинели, какой должна быть их истинная позиция, за что на самом деле они должны бороться и против кого повернуть оружие.

Тем временем полиция нащупывает группу большевиков в Царицыне, начинаются обыски и аресты. Кроме того, Ворошилову грозит призыв в армию, и он решает уклониться от мобилизации: большевик Ворошилов не мог служить ненавистному ему делу и предпринял все, что было в его силах, чтобы положить конец империалистической войне. Но не пройдет и трех лет, большевик Ворошилов возьмет в руки оружие и пойдет без сомнений и колебаний сражаться с врагами новой России, и с тех пор на целые полстолетия отдаст он всю свою энергию армии государства рабочих и крестьян. Ждать этого не так уж долго...

В мае 1915 года Ворошиловы переезжают в Петроград — так с августа 1914 года стала именоваться столица империи. Устроиться на работу ему и здесь было нелегко, но все же Ворошилов получил место котельного мастера на небольшом заводике Сургайло в самом конце Лиговского проспекта. Добираться на работу приходилось долго, так как жили Ворошиловы в другом конце города — на Васильевском острове.

В Петрограде революционную пропаганду вести было еще сложнее, чем в провинции, здесь Жандармы

были особенно бдительны. И все же большевики не сложили орудия: на протяжении всей войны в столице существовал Петербургский комитет большевиков^[9]. Много раз за это время полиция арестовывала его членов — и неизменно, спустя не слишком продолжительный срок, комитет возрождался, появлялись новые активисты. В городе имелись районные большевистские комитеты.

Осторожно, осмотрительно устанавливает Ворошилов связи с товарищами-революционерами, начинает присматриваться к обстановке и переходит к революционной пропаганде. В сферу его влияния нападают несколько солдат лейб-гвардии Измайловского полка — это знакомство впоследствии пригодится. Выполнять задания Петербургского комитета приходится чрезвычайно осторожно, так как полиция неотступно следит за Ворошиловым. На квартире у него не раз делают обыск, и, если бы нашлись подходящие улики, арест и высылка были бы неизбежны.

К осени 1916 года все в России предвещало приближение революции. Революция была неизбежна, она была не за горами.

Надвигался 1917 год, за двенадцать месяцев которого Россия испытает два извержения народного вулкана: первый из них уничтожит династию Романовых, второй — сметет власть буржуазии. Судьба предоставила Ворошилову возможность и счастье быть сопричастным к этим великим событиям.

Тревожен предреволюционный Петроград. Каждый день, проезжая утром по его улицам, видит Ворошилов огромные хвосты у хлебных лавок: в городе, особенно в рабочих районах, недостает хлеба. Зима в этом году суровая, на морозе часами выстаивают в очередях женщины, подростки, старики, и разговоры их таковы,

что охранное отделение охватывает страх: эти очереди хуже для него, чем десятки тысяч революционных листовок, хуже митингов! Все чаще, громче и требовательнее звучит: «Хлеба!» — грозное предзнаменование для власть имущих в России.

Празднование Международного дня работниц — 23 февраля 1917 года — петроградские большевики намеревались использовать для организации собраний и митингов и на них потребовать прекращения войны и улучшения условий жизни рабочих. Трудящиеся массы Петрограда живо откликнулись на призывы большевиков.

Утром 23 февраля Ворошилов добрался до работы спокойно, но уже среди дня одно за другим стали поступать сообщения о митингах и демонстрациях на Выборгской стороне, у Нарвских ворот, о том, что рабочие со всех концов города идут к Невскому, что начались стычки с полицией...

Движением пролетарских масс столицы руководили большевики. В этот день Бюро ЦК РСДРП (б) и Петербургский комитет решили всеми силами способствовать начавшимся революционным выступлениям. Поздно вечером на Выборгской стороне состоялось совещание большевиков, где было решено продолжать забастовку, организовывать демонстрации в центре города, вооружать рабочих и усилить агитацию среди солдат гарнизона.

С утра 25 февраля город весь был наполнен атмосферой необычайности, невиданности. Заводы стояли, трамваи перестали ходить. На улицах то здесь, то там скапливались группы оживленных, жестикулирующих людей, и городские-одиночки не пытались их разогнать. Незнакомые люди запросто заговаривали друг с другом, обменивались рассказами о событиях, о столкновениях с полицией.

Этот день был знаменательным: впервые в значительных размерах обнаружилось нежелание войск идти против демонстрантов. Они, правда, еще разгоняли манифестации, в некоторых местах даже стреляли в них, но все очевиднее было: опора правительства совсем ненадежна. Понимая это, Петербургский комитет большевиков в специальной листовке призывал гарнизон столицы к единению с рабочими и совместному свержению самодержавия. Все большевики, которые имели хоть какие-нибудь связи с солдатами, были направлены в казармы. Среди солдат Петроградского гарнизона вели пропагандистскую работу опытные большевики: Н. А. Милютин, Г. В. Емин, С. И. Петриковский, С. А. Черепанов и другие. В Измайловский полк был послан Ворошилов. Нелегко было пробраться в казармы, еще труднее — начать разговор с солдатами. Офицеры пытались помешать, но их время уже ушло, и в ближайшие дни солдаты Измайловского полка показали, что не пропали даром слова Ворошилова.

Воскресенье, 26 февраля. Заводы и предприятия не работают, не торгуют магазины, не ходят трамваи. С утра в центре Петрограда тихо, безлюдно, и генерал Хабалов, командующий Петроградским военным округом, отправляет царю в ставку радостную телеграмму: «Сегодня, 26 февраля, с утра в городе спокойно». Но это затишье перед бурей. С середины дня рабочие окраин вновь прорвались в центр города, и мостовая обильно обагрилась их кровью: выполняя волю царя, войска во многих местах стреляли в народ. Таким путем властям удалось к вечеру разогнать демонстрантов. Но это была пиррова победа.

Вечером этого дня Выборгский районный комитет большевиков вместе с представителями Бюро ЦК и уцелевшими от ареста членами ЦК решил осуществить вооруженное восстание и наметил план действий:

братание с солдатами, разоружение полиции, захват складов с оружием и вооружение рабочих. Вместе с товарищами-большевиками готовил восстание и Ворошилов.

Даже для того, кто пережил четыре предыдущих дня революции, вид города в понедельник, вид заполнявшей его улицы толпы, предвещал нечто необыкновенное. Ворошилов с трудом продирался сквозь толпу, направляясь к Измайловским казармам, а навстречу один за другим неслись автомобили, легковые и грузовики, переполненные сидящими и стоящими солдатами, рабочими, студентами. Все возбуждены до крайности, винтовки и револьверы в их руках направлены угрожающе в разные стороны, вот-вот раздадутся выстрелы...

Рабочие, захватив оружие, атаковали полицейские участки, тюрьмы, административные здания. Важно было добиться, чтобы рабочих поддержали солдаты.

У Нарвских ворот шеренги измайловцев преградили путь рабочей демонстрации. Командир роты кричит:

— Приказываю немедленно разойтись! Даю десять минут! Иначе открою огонь!

Толпа подалась назад, глухо загудела. И вдруг вперед решительно продвигается человек. Это Ворошилов. Без колебаний идет он навстречу солдатам, останавливается в двух десятках шагов.

— Товарищи! — голос его тверд. — Товарищи солдаты! В кого вас заставляют стрелять? В ваших братьев и сестер! Стрелять надо, но надо стрелять во врагов революции! В них надо стрелять! — И он указывает на офицера.

Командир роты, казалось, окаменел от неожиданности, а Ворошилов продолжает, теперь он уже кричит:

— Долой царя! Переходите на сторону революции!.. Ротный опомнился, он командует:

— Прямо по бунтовщикам, пальба ротой!..

Но никто из солдат не стреляет в рабочих. Более того, унтер-офицер Миронов ударом приклада сбивает с ног ротного...

Спустя несколько минут рабочие и солдаты, смешавшись в одну радостную толпу, слушают речь Ворошилова...

Когда вечером Ворошилов пробирался домой, толпа, запрудившая улицы, пестрела серыми шинелями. Солдаты шли группами и в одиночку, с винтовками и без них... Ворошилов вышел на набережную Невы. Направо, над рекой, расстилались огромные клубы дыма, несмотря на значительное расстояние, было видно пламя большого пожара: это горело здание окружного суда, разгромленное и подожженное восставшими.

В то время как на улицах Петрограда вершилась судьба революции, в Таврическом дворце рождался Совет рабочих и солдатских депутатов. Сюда со всех концов города стекались десятки и сотни депутатов от заводов и воинских частей. Они собирались, чтобы организовать новую, свою власть. Рождение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — событие всемирного значения. Клим Ворошилову выпало счастье быть в эти дни в Таврическом дворце.

Впервые Совет собрался вечером 27 февраля в левом крыле дворца, в комнате № 13. Здесь стоял большой стол, накрытый сукном. Тут же регистрировали прибывавших депутатов. Атмосфера первых заседаний была поистине необыкновенной. Вот как внимательный и точный свидетель нарисовал картину заседания Совета на следующий день, 28 февраля: «Вначале картина напоминала вчерашнюю: депутаты сидели на стульях и скамьях, за столом, внутри «покоя» и по стенам; между сидящими, в проходах и в концах залы, стояли люди всякого звания, внося беспорядок и

дезорганизацию собрания. Затем толпа стоящих настолько погустела, что пробраться через нее было трудно и стоящие настолько заполнили все промежутки, что владельцы стульев также бросали их, и весь зал, кроме первых рядов, стоял беспорядочной толпой, вытягивая шеи... Через несколько часов стулья уже совсем исчезли из залы, чтобы не занимали места, и люди стояли, обливаясь потом, вплотную друг к другу; «президиум» же стоял на столе, причем на плечах председателя висела целая толпа взобравшихся на стол инициативных людей, мешая ему руководить собранием. На другой день или через день исчезли и столы, кроме председательского, и заседание окончательно приобрело вид митинга в манеже».

Обстановку, которая тогда царила в Таврическом дворце, другой свидетель сравнивал с узловой станцией во время посадки войск: «Пахло кожей, солдатским сукном, хлебом. Всюду вдоль стен спали вповалку солдаты. А по коридорам, по лестницам сновали тысячи других солдат, матросов, штатских, вооруженных винтовками студентов, офицеров».

В зале заседаний один за другим, поднявшись на табуретку, выступали представители заводов и полков. Они говорили о положении дел, о своих мыслях, чаяниях. Это были, как правило, бесхитростные, часто корявые речи, речи людей, выступавших публично впервые. Но то, что говорили депутаты, присутствующие в зале слушали затаив дыхание, вытянув шеи.

Протоколы заседаний, если они и велись в эти суматошные первые дни существования Совета, сохранили нам далеко не все из того, что было сказано в Таврическом дворце. Буквально по крупицам приходится историкам восстанавливать содержание протоколов, расшифровывать неопишуемые закорючки карандашного текста. Тем более примечательно, что до

наших дней дошли протокольные записи трех выступлений Ворошилова в марте 1917 года.

Первое из них относится к 1 марта, когда представители частей гарнизона обсуждали в Совете положение солдат и меры, необходимые для коренного изменения его.

— Положение в полку ужасное, — говорил Ворошилов, — то же и в учебной команде. В этом гвардейский полк ничем не отличается от армейских частей, о которых только что рассказывали товарищи.

Затем Ворошилов присоединился к выступавшим до него депутатам, которые критиковали военную комиссию во главе с полковником Энгельгардтом, созданную Временным комитетом Государственной думы.

— Был я в военной комиссии. И что же, товарищи? Придрались ко мне, что я штатский, хотели арестовать. От имени полковника Энгельгардта хотели арестовать. Видно, хотят господа офицеры пользоваться народным движением, чтобы пули в других пускать.

Вообще же, товарищи, хаос царит кругом. И военная комиссия неудовлетворительна, потому что сформирована не на демократической основе.

В результате настойчивых требований представителей гарнизона в ночь с 1 на 2 марта в Совете был составлен и принят знаменитый приказ № 1, установивший принципы взаимоотношений между солдатами и офицерами в послереволюционной армии. Приказ этот вызвал ярость как офицерства, так и буржуазных кругов. Отметим, что будущий наркомвоенмор принимал участие в подготовке этого акта, послужившего первой ступенью в перестройке старой армии в армию Союза Советских Социалистических Республик.

Нелишне будет напомнить читателю, что здесь же, в здании Таврического дворца, рядом с Советом,

лихорадочно функционировал Временный комитет Государственной думы. Думские деятели стремились образовать свое, буржуазное, правительство и не допустить того, чтобы власть ушла из-под их контроля.

Эсеро-меньшевистские лидеры, захватившие руководство в Совете, пошли навстречу думцам и, будучи единственными обладателями реальной власти, позволили буржуазии создать Временное правительство. Около двух часов дня 2 марта началось заседание Совета, обсудившее вопрос о власти. Пользуясь своим большинством, соглашатели уверили неискушенных в политике рабочих и солдат, рядовых членов Совета, в том, что создание буржуазного Временного правительства — единственно возможный путь. Голоса большевиков, выступавших против уступки буржуазии, резко критиковавших соглашателей, тонули в гуле неодобрения, их не хотели слушать. Выступил в Совете и Ворошилов.

— Товарищи, нам, большевикам, трудно говорить среди раздающихся здесь окриков. И это в тот ответственный момент, когда выбирают Временное правительство!

В зале послышались восклицания:

— Хватит! Довольно! Слышали уже!

Но Ворошилова нелегко было заставить замолчать — он прошел хорошую школу митингования еще в Луганске.

— Мыслимо ли, допустимо ли, — продолжал он, — такое обсуждение, когда тебе кричат «цыц!»... Станет поздно, товарищи, когда будет революция уже против существующего сейчас порядка...

И вновь шум, но голос Ворошилова прорывается сквозь него:

— В Исполнительном комитете, когда сегодня ночью я там потолкался, решали колоссальной важности вопросы. Но как решали! Я, товарищи, как и вы, доверял

им всем. Мы сделали Исполнительный комитет ответственным за переговоры о формировании правительства. И что же? Из тех речей, что произносятся здесь, можно услышать, будто создаваемое правительство идеальное. Но это же буржуазное правительство! И вы идете на уступки буржуазии! Дальше — больше, вы будете вынуждены пойти не только на уступки...

— Что же вы предлагаете? — прервал Ворошилова враждебный выкрик.

— Что? — подхватил Ворошилов. — Вы должны прийти к правительству и сказать: воля революционного пролетариата и народа такова и такова. Если они не примут наших требований, что же, мы можем решить вопрос о власти и сами, здесь, в Совете...

Но большевистская точка зрения не могла восторжествовать тогда в Петроградском Совете. Сложившаяся в результате февральской революции своеобразная, неповторимая политическая обстановка исчерпывающим образом охарактеризована В. И. Лениным. В апреле 1917 года он писал: «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*... В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов»^[10].

Для того чтобы добиться перехода власти в руки рабочих и крестьян, потребуется восемь месяцев упорнейшей политической борьбы, потребуется гений В. И. Ленина и постоянная, неутомимая работа большевиков как в столицах, так и в провинции.

Петроград и Москва, безусловно, основные центры революционного движения в стране в 1917 году. Поэтому так важно было укрепить и расширить влияние большевиков в обеих столицах. Но без провинции, без ее поддержки невозможна окончательная победа социалистической революции. На местах же, в провинциальных городах, силы большевиков далеко не так велики, как хотелось бы, там просто не хватает людей. И ЦК партии большевиков посылает лучших, испытанных товарищей на работу в провинцию. По указанию ЦК партии Ворошилов отправляется в Донбасс. С ним едет и Екатерина Давыдовна.

В Луганск они приехали 28 марта. Недалеко от железнодорожного моста через Лугань встречали Климента Ефремовича и Екатерину Давыдовну товарищи. Радостный, взволнованный, обнимался, жал им руки Ворошилов. Сразу же оживленная беседа, его расспрашивают о Петрограде, о революции, а он, в свою очередь:

— Как у вас тут дела? Как работаете? Кто в Совете? Много ли большевиков?

Ответы далеко не утешительны. В Луганске ситуация примерно такова же, как и в Петрограде, как и во всей стране. Силы большевиков были невелики: 90—100 человек, на выборах в Луганский Совет они смогли получить лишь 15 мест из 60. Председателем Совета стал земский деятель, меньшевик Г. М. Ларин-Римский, и под его главенством соглашатели ведут яростную борьбу с большевиками.

— Позавчера они резолюцию о войне провели в Совете, — рассказывали товарищи Ворошилову, — требуют «бороться с германской военной силой»!

Однако были и отрадные вести. Рабочие Луганска не забывали, кто их вел в революцию 1905 года, не оставались глухими к голосам большевиков и охотно

вступали в их ряды: на конец марта организация насчитывала 800 человек.

В последующие месяцы рост организации продолжался. В мае стала членом РСДРП (б) Екатерина Давыдовна, активно участвовавшая и до того в политической борьбе.

Чувствуя свою слабость, меньшевики еще до приезда Ворошилова попытались предложить большевикам объединение.

— Когда мы спросили их, — рассказывал И. Николаенко, — под каким же флагом думаете вы образовать комитет, они ответили: «Зачем сейчас разговаривать о флаге? Создадим комитет, а потом посмотрим, под каким флагом идти!» Мы, разумеется, отказались. Да вы сами, Климентий Ефремович, увидите, что это за публика...

— Ничего, — смеялся Ворошилов, — я с этой отщепенческой братией в Петрограде уже сталкивался. Мы и здесь с ними поборемся.

В ближайшие дни ему действительно довелось не только познакомиться, но и вступить в острый конфликт с меныпевистско-эсеровским руководством Совета.

Сразу же по приезде в Луганск Ворошилова избрали председателем Луганского комитета большевиков и ввели в состав Совета. Встретили в Совете Ворошилова, по его же словам, «радушно»:

— Приветствуем вас, старого луганчанина, — рассыпался с трибуны опытный оратор Римский, — приветствуем здесь, в центре общественной жизни города. Здесь хорошо помнят и вас, и вашу борьбу. Я, граждане, предлагаю предоставить гражданину Ворошилову в знак его заслуг право председательствовать на сегодняшнем заседании..«, Предложение вызвало одобрение депутатов, многие действительно хорошо знали Ворошилова, но он и не думал соглашаться на «заманчивое» предложение.

— Благодарю вас, я отказываюсь! — был его ответ. Ворошилову хотелось присмотреться, познакомиться с составом собрания, настроением его. Это сразу же удалось, как только собрание перешло к главному пункту повестки дня. Следовало решить: праздновать ли день 1 Мая.

Большинство выступавших заявляли: в этот день надо работать. Особенно старались меньшевики, они высчитывали, сколько патронов и снарядов для обороны можно сделать в сутки.

— Во время великой войны, ведущейся за свободу человечества, — распинался Римский, — недопустимы какие бы то ни было празднества, и те, кто требует праздника, — тут он покосился на большевиков, — содействуют врагу!

Выступления немногочисленных большевистских депутатов тонули во враждебном гуле. Ворошилов послушал, послушал и выступил с речью сам. Поначалу его слушали внимательно, но, по мере того как он излагал точку зрения большевиков на войну и возможность празднования 1 Мая, настроение аудитории менялось, симпатии к Ворошилову исчезали, и закончил он речь при криках «Долой!».

Тотчас же против Ворошилова выступили недавно приехавшие из Петрограда официальные представители исполкома столичного Совета И. Н. Нагих (когда-то депутат Думы от Луганска, обратившийся в ссылке в меньшевика) и уездный комиссар Временного правительства Нестеров, метивший сам на пост председателя Совета. С этим Нестеровым в последующие месяцы Ворошилову пришлось сталкиваться не раз.

Видя, что бессмысленно уговаривать соглашателей в Совете о необходимости демонстрации пролетарской солидарности, Ворошилов, Н. Афонин, И. Николаенко, И. Шмыров потребовали перенести решение вопроса на

предприятия. Они были твердо уверены, что там-то, в рабочей среде, они быстро сумеют объяснить свою точку зрения и получают поддержку. Так и случилось.

Для понимания сложности и запутанности политической обстановки в городе надо знать хотя бы основные политические течения, на которые раскололись его жители. Картина здесь была столь же пестрой, как и во всей стране. Россия в эти месяцы 1917 года была, по выражению Ленина, самой свободной страной в мире из всех воюющих стран^[11]. Февральская революция разбудила к общественной жизни десятки миллионов людей, ранее не принимавших сознательного участия в политике. Люди эти неопытные, нередко неграмотные, в особенности политически, тянулись к любому оратору, хотели знать хоть что-то о любой партии. Партий же этих было чрезвычайно много. Если крайне правые, монархические партии в обстановке всеобщей революционной настроенности были вынуждены маскировать свои намерения, не высказываться откровенно, то другие партии, начиная с кадетов, скрытно мечтавших о восстановлении монархии, до анархистов, открыто проповедовавших уничтожение всякого порядка и закона, получили полную свободу для выступлений и пропаганды.

В Луганске, кроме большевиков и меньшевиков, вышли на политическую арену и эсеры. Они добились некоторого влияния на заводах, сумели было укрепиться в рабочих дружинах, но скоро были вытеснены оттуда большевиками. Из мелких социалистических партий, групп следует упомянуть украинских и польских социал-демократов. Правое крыло составляли не слишком сильные кадеты, «народные социалисты», Союз домовладельцев, Крестьянский союз (секретарем в последнем был

Рыжков). Наконец, открыто националистическое движение было представлено в Луганске украинской «Просвитой» и еврейскими националистическими партиями и группами, претендовавшими на голоса довольно значительного еврейского населения города: Бундом, объединенной еврейской социалистической партией, еврейским общественным комитетом, еврейской трудовой группой и организацией сионистов. Итого 15 партий и групп! И это в сравнительно небольшом Луганске, в столицах же и других крупных городах России политическая мозаика была еще цветистее.

Не мудрено, что жители Луганска очертя голову окунулись в «политику». Центральные улицы города по вечерам превращались в своего рода политический клуб. Сотни групп и кучек людей ежевечерне заполняли город. Стоило кому-нибудь затеять спор, как немедленно вокруг собирались жители: рабочие, служащие, солдаты, приказчики, купцы. Собравшиеся тотчас же делились на противоположные лагеря и спорили, спорили, спорили — до хрипоты. Случалось, что спорщики не могли разойтись и с наступлением ночи; нередко в темноте на улочках Луганска слышались охрипшие голоса, обладатели которых отстаивали свое понимание происходящего. В первые месяцы диспуты редко доходили до физических столкновений, но случалось и такое. По мере же поляризации политических сил, по мере того как обстановка в стране накалялась, споры становились все резче, ожесточеннее, а действия — решительнее. Буржуазная демократия, которой Россия имела счастье «наслаждаться» восемь месяцев 1917 года, была чревата гражданской войной, и эта война была не за горами.

Впрочем, достаточно острыми дебаты были и уже в апреле 1917 года. Большевики, конечно, не ошиблись,

когда настояли на перенесении дискуссии о праздновании 1 Мая в рабочие коллективы. Здесь они нашли понимание, хотя, по словам самого Ворошилова, «мои и других товарищей речи в первое время встречались не только сдержанно, но в некоторых местах даже враждебно». Тем не менее после нескольких дней агитации большевиков им удалось достичь перемены настроений рабочих, и соглашатели в Совете были вынуждены объявить о праздновании 1 Мая.

В политической линии луганские большевики руководствовались ленинскими идеями. 10 апреля 1917 года Луганский комитет РСДРП (б) обсудил и единогласно одобрил Апрельские тезисы В. И. Ленина. В последующие дни и на заводских собраниях, и на общегородском митинге Ворошилов выступал с изложением этих тезисов и характеризовал обстановку в стране, исходя из ленинской ее оценки. На митинге 14 апреля в родном заводе Гартмана меньшевики пытались было помешать речи Ворошилова, прерывая ее истошными криками. Однако сами рабочие быстро навели порядок — им хотелось послушать, что же скажет постаревший на десять лет, но такой же простой, близкий, хорошо знакомый «Володька». Он довел речь до конца и завершил ее призывами:

— Ни капли доверия Временному правительству! Долой войну, она не наша! Вся власть Советам, и только Советам!

Гром аплодисментов был ответом.

Триумфом большевиков было и празднование 1 Мая. Когда в этот день тысячные колонны демонстрантов вышли на улицы Луганска, оказалось, что они идут под большевистскими лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!»

Радость заполняла сердце Ворошилова, когда он в колонне гартмановцев шел к Ярмарочной площади. О

таком моменте он мечтал эти долгие десять лет, когда в глуши ссылки, на берегу холодного Белого моря, думал о неизбежности возвращения революции. И вот он вместе с товарищами идет по улицам Луганска, и мощные звуки «Марсельезы» и «Варшавянки» взлетают над толпой.

Вдруг при повороте колонны на Петроградскую улицу показалась небольшая группа, человек тридцать, одетых в красочные украинские костюмы. Желто-голубой флаг колыбался на ветру, слышались звуки националистического гимна: «Ще не вмерла Украина». Это была только что сколоченная украинско-националистическая группа, состоявшая из любителей украинской сцены и актеров железнодорожного театра. Демонстрация под «жовто-бла-кытным» флагом была одним из первых проявлений политической активности украинских националистов в Луганске, с которыми большевикам в 1917 году немало пришлось повозиться. Ворошилов долго не раздумывал.

— Ребята, за мной, — кивнул он окружающим и решительно направился к сепаратистам. Подойдя вплотную и загородив им дорогу, он громко и отчетливо произнес: — Первое мая — праздник рабочих! Те из граждан, кто хочет участвовать в нем, должны относиться с уважением к рабочим и выходить с красным флагом! А ну! — Тут Ворошилов повернулся к товарищам. Через минуту «прапор» был свернут, и процессия, не задержавшись, проследовала в центр.

В тот день Ворошилов выступал так часто, что даже охрип. Успех был полным. В какие-то две-три недели луганские большевики, впитав старые кадры и расширив ряды за счет новых приверженцев, стали мощным фактором в жизни города. Теперь меньшевики побаивались выступать на рабочих митингах. С апреля 1917 года Луганск, как и десять лет назад, становится цитаделью большевиков в Донбассе.

Об этом Ворошилов с гордостью доложил на VII (Апрельской) конференции РСДРП (б), проходившей 24–29 апреля в Петрограде. Да и было чем гордиться: полторы тысячи большевиков, введение 8-часового рабочего дня, увеличение заработной платы, создание большевистских профсоюзов, организация вооруженных дружин... Особенно весомо звучит фраза в протоколах конференции: «Сейчас фактически Луганск в руках рабочих».

Апрельская конференция, на которой под руководством В. И. Ленина была разработана конкретная программа борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, способствовала идейному и организационному сплочению большевиков. Вернувшись из Петрограда, Ворошилов много раз выступал перед товарищами, рассказывал о конференции и разъяснял ее решения.

Наступление большевиков соглашатели в Совете встретили яростным сопротивлением. Возникло странное положение: в органе, носившем название Совет рабочих и солдатских депутатов, представители рабочих находились в меньшинстве, солдат же вообще не было (они входили в гарнизонный совет, где верховодили офицеры). Зато в Луганском Совете было много учителей, лиц свободных профессий, домовладельцев и даже товарищ прокурора.

Такой Совет, разумеется, не мог считаться представителем рабочего населения Луганска, но все попытки Ворошилова и большевиков добиться перевыборов Совета отвергались эсеро-меньшевистским руководством. В непрекращающемся конфликте с ним прошли май — июнь 1917 года. По временам столкновения достигали крайней остроты. Особенно часто Ворошилов схлестывался с

меньшевиком Нестеровым, добившимся все-таки поста председателя Совета.

Решительная схватка состоялась 17 июня на заседании исполкома Совета. Спор разгорелся из-за того же состава Совета. Выступая один за другим, большевики требовали перевыборов, настаивали на том, чтобы Совет взял власть в городе в свои руки.

— В Совете, — говорил Ворошилов, — каждый завод должен быть представлен строго пропорционально количеству рабочих, а не так, как сейчас: и патронный завод, и небольшие мастерские одинаково. Исполком же должен быть работоспособным, а как он может быть таким, если в течение двух недель не собирается общее собрание?

Справедливые требования вызвали недовольство соглашателей. Особенно возбудились они, когда Ворошилов атаковал Нестерова:

— Не может гражданин Нестеров успешно нести функции председателя Совета, он для этого совмещает слишком много должностей: он еще и уездный комиссар, он и председатель общественного комитета города. Это идет во вред советской работе... Ведь было же постановление общего собрания, что ни один член исполкома не может входить ни в какие комиссии...

В ответ Нестеров, выскочив на трибуну, принялся «разоблачать происки» большевиков:

— Они сами не хотят работать в исполкоме, — кричал он, — поскольку они в меньшинстве здесь! Поэтому они и занимаются дезорганизацией...

Такое утверждение вызвало негодование присутствующих, раздались крики, с мест начали требовать, чтобы Нестеров взял свои слова обратно, но он уже не мог остановиться:

— Я хорошо понимаю Ворошилова! Он сам создает конфликты на заводах с администрацией, — кричал

он, — а потом их улаживает и тем пытается нажить авторитет среди рабочих...

То, что произошло далее, в газетном отчете о собрании зафиксировано кратко: «Такая явная клевета слишком задела т. Ворошилова, которого с трудом удалось удержать от эксцесса». Негодование большей части присутствующих было столь велико, что Нестеров был вынужден закрыть собрание и со своими приверженцами поспешно покинуть зал. По сообщению «Донецкого пролетария», «оставшееся большинство открыло частное заседание, на котором была освещена деятельность т. Ворошилова, которого все приветствовали, а в отношении г-на Нестерова решено прибегнуть к партийному суду за сознательную клевету».

В последующие дни большевики смогли организовать обсуждение инцидента 17 июня на всех крупных предприятиях города и получили одобрение. Это испугало соглашателей, и они сочли за благо 24 июня снять Нестерова и посадить на его место Макарова, тоже меньшевика. На следующий же день Ворошилову пришлось столкнуться и с ним.

Дело в том, что 25 июня по инициативе большевиков Луганский Совет решил организовать демонстрацию, подобно демонстрации в Петрограде 18 июня. Как и в столице, большевики сумели возглавить народную манифестацию.

С утра этого воскресного дня колонны рабочих под большевистскими лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой контрреволюцию!», «Да здравствует перемирие на всех фронтах!», «Да здравствует социализм!» — стали сходиться к Преображенской площади. Был лишь один лозунг «За Временное правительство!», его несла группа солдат. Это ясно показывало, на чьей стороне луганские рабочие.

В колоннах было мало женщин, совсем отсутствовали дети. Вся масса демонстрантов состояла почти сплошь из рабочих, вид у них был сосредоточенно-серьезный. По городу ходили слухи, что на демонстрации произойдет вооруженное столкновение с казаками, и потому обыватели предпочли остаться дома. Из предосторожности большевики собрали на площади свои вооруженные дружины, а партийные работники, в том числе и Ворошилов, были снабжены револьверами.

На площади параллельно тротуару выстроились двумя рядами казаки на лошадях, во главе с начальником гарнизона полковником Ратаевым. Как выяснилось позднее, их вызвал уездный комиссар — все тот же Нестеров. Это создало нервную обстановку, и уже озо время первого выступления — открыл митинг Макаров — в толпе стали раздаваться возгласы: «Долой!», «Бей их!» Возгласы эти усилились, когда меньшевика сменили эсеры Штанько и Ханзон.

— Держите грудь единения с Временным правительством! Все силы для продолжения войны до победного конца! — надрывался Ханзон. В ответ — свист и улюлюканье рабочих.

В свою очередь, когда на трибуне появился большевик А. Каменский, несколько человек — писарей местного гарнизона — начали кричать «Долой!». Столпившись поблизости от казаков, меньшевики и эсеры чувствовали себя в относительной безопасности и потому шумели так сильно, что Каменский не смог закончить речь. Этим воспользовался Нестеров и попытался взобраться на трибуну. Но его не стали слушать и под крики «Долой предателя!» стащили с трибуны.

Теперь на ней появился Ворошилов. Но едва он начал: «Война не может быть закончена, до тех пор пока рабочие, революционные рабочие не возьмут

власть...» — как его прервали вопли: «Долой! Изменник! Немецкий шпион!»

К меньшевикам и эсерам присоединились казаки, шум все нарастал. Ворошилов сначала выжидал, но говорить ему не давали. Тогда он спокойно спустился с трибуны, сказал что-то неслышное в шуме окружавшим трибуну товарищам и уверенно, с угрожающим видом направился к кучке крикунов. Вслед за ним сквозь толпу устремились десятки рабочих-дружинников. Казачий офицер отдал команду, казаки обнажили шашки...

Но столкновение не произошло — на помощь Ворошилову с винтовками в руках бросились солдаты гарнизона, и казаки предпочли ускакать. С ними бежали и активные крикуны.

После этого митинг было решено перенести на другое место. Демонстрация двинулась на Садовую улицу. Здесь она пополнилась горожанами, появились женщины, дети. Обстановка стала спокойной, и митинг продолжался. Последним выступал Ворошилов. Слушали его очень внимательно и, когда положенное время истекло, потребовали, чтобы речь все же продолжалась.

В завершение было выдвинуто три резолюции: меньшевистская, эсеровская и большевистская. Приняли почти единогласно последнюю. По сообщению газеты, после принятия резолюции «т. Ворошилова качали, и была видна победа революционного пролетариата».

Подобные конфликты были характерны тогда не для одного Луганска, они происходили по всей стране. Заканчивался мирный период развития революции. Спустя всего неделю, 3–4 июля 1917 года в Петрограде разыгрался новый, третий по счету за четыре месяца революции политический кризис. Результатом его было окончание двоевластия. Теперь, в новых условиях,

большевикам предстояло завоевать власть с оружием в руках.

После июльских событий в Петрограде по всей стране прокатилась волна преследований большевистской партии, ее лидеров, ее газет. Вооруженные юнкера явились и в Луганский комитет большевиков, потребовав отчета, на какие средства существует организация. Как выяснилось позднее, их послал все тот же Нестеров. Спокойно, с документами в руках Ворошилов разъяснил юнкерам, что организация располагала только членскими взносами и деньгами, собранными среди рабочих. Юнкера, ожидавшие, что обнаружат пресловутые «немецкие деньги», удалились ни с чем. Неудачей окончилась и их попытка ворваться в редакцию «Донецкого пролетария». Тут их ждали вооруженные рабочие, сумевшие защитить свою газету.

В целом июльские события не подорвали ни силы, ни влияния большевиков в Луганске. Мало того, рабочие, ранее примыкавшие к меньшевикам и эсерам, возмущенные травлей большевиков, стали переходить к ним. К концу июля луганская организация насчитывала 2596 человек. Настроение их было боевым, и Ворошилов писал 23 июля в «Донецком пролетарии»: «Думается, что вы, коршуны, рано слетелись терзать народное тело. Оно еще живо, и обессиленный, но не поверженный гигант найдет еще в себе достаточно силы, чтобы вырвать ваши гнусные клювы, впившиеся в его мышцы». В этот же день Ворошилов уехал в Петроград на VI съезд РСДРП (б).

Кроме него, делегатом от луганской организации на съезд ехал А. З. Каменский. Столица, которую Ворошилов оставил совсем недавно, в апреле, теперь была иной. Жестче, решительнее, суровее стали лица людей в рабочих районах. Что-то тревожное, невиданное висело в воздухе, чего-то ждала толпа, заполнявшая Невский в летние, теплые, еще светлые

вечера. Это был город, вступавший в преддверие величайшей революции — минует всего три месяца, и она разразится.

Съезд большевиков — крупнейшей партии России — вынужден был собраться полулегально: было объявлено о его созыве, но не сообщалось, где он состоится. Заседали делегаты с соблюдением мер предосторожности. И конечно, непривычным было то, что на партийном форуме отсутствовал вождь — преследуемый Временным правительством, В. И. Ленин скрывался в Разливе. Оттуда через специальных посланцев Ленин руководил съездом, наиболее важные документы подготавливал именно он.

На первом же заседании 26 июля Ворошилова избрали в мандатную комиссию. Тут он узнал, какой массовой стала большевистская партия: теперь она насчитывала 240 тысяч членов. Это была огромная сила, и о том, как употребить ее с пользой для революции, куда направить, какую применить тактику — об этом и шла речь на съезде. И в отчете о политической деятельности ЦК, и в выступлениях делегатов больше всего говорилось о событиях июня — июля, об изменившейся обстановке.

Съезд, продолжавшийся до 3 августа, одобрил ленинский анализ текущего момента, глубоко проанализировал основные этапы и особенности революции, раскрыл ее перспективы. Отныне большевики взяли курс на вооруженное восстание.

Озабоченные предстоящим, покидали Петроград делегаты. Проезжая по Невскому к Николаевскому вокзалу, Ворошилов любовался городом и думал: «Увижу ли я его вновь?» Впереди — опасность, которая всегда сопряжена с таким делом, как вооруженное восстание. Конечно, Ворошилов верил в победу, иначе и не стоило бы начинать, но все-таки... Не мог он представить, что придется ему увидеть этот город

довольно скоро и впоследствии еще не раз, что встречи эти будут выпадать на особые, исключительные моменты в жизни города и его, Клим Ворошилова.

Он увидит Петроград через четыре месяца, в ноябре 1917 года, и Петроград большевистский, город только что свершившейся революции, будет разительно отличаться от покидаемого им в августе. Тогда это будет уже не столица рухнувшей империи, это будет кратер невиданного в истории революционного вулкана.

Ворошилов и Каменский возвратились в Луганск 7 августа, а за день до этого в городе состоялись выборы в городскую думу, и на них большевики получили 29 мест из 75. Рухнули надежды соглашателей на то, что им удастся удержать городское управление в своих руках. Председателем думы был выбран Ворошилов. Хозяевами города стали большевики.

В первые же дни на луганских большевиков свалились многосложные заботы, связанные с жизнью крупного промышленного города. Не хватало продовольствия, и достать его было непросто. На предприятиях, где их хозяева, предчувствуя приближение революции, норовили свернуть производство, саботировали его, приходилось думать и о материалах, и о топливе, и о кредитах. Но главная опасность, которую всегда следовало иметь в виду, надвигалась с другой стороны. Страна стояла на грани гражданской войны, враждебные революции силы объединялись, торопились нанести удар, боясь опоздать. Первой ласточкой гражданской войны был мятеж Корнилова. 25 августа этот решительный, энергичный, люто ненавидевший революцию генерал двинул свои войска на Петроград, и тотчас по всей стране активизировались враги революции. Для Луганска мятеж был особенно опасным, так как город находился в непосредственной близости от Области

Войска Донского, где под водительством атамана Каледина уже несколько месяцев вызревали силы казачьей контрреволюции, сделавшие этот район ареной исключительно ожесточенной схватки на протяжении двух с половиной последующих лет. Слухи о том, что казаки собираются напасть на Луганск, еще до мятежа Корнилова поползли по городу.

Сведения о начале корниловского мятежа начали приходить в Луганск 27 августа. Днем Ворошилов выступал на митинге солдат, предупреждая их об опасности контрреволюции. Вечером же он побывал на объединенном митинге рабочих и солдат. Ночь прошла в тревожном ожидании. На следующий день, выступая на заводе Гартмана с докладом об итогах шести месяцев революции, Ворошилов говорил:

— Жизнь, сама жизнь, убеждает нас, товарищи, что большевики — единственная партия революционного пролетариата. Эта партия правильно учитывает положение дел в стране, состояние сил, действующих в революции и сопротивляющихся ей. Эта партия, уверяю вас, будет отстаивать достижения революции.

На следующий день, 29 августа, по получении достоверных известий о мятеже Ворошилову пришлось делом доказывать правильность сказанных им на митинге слов. Немедленно он созывает актив большевистской организации. Обсудив положение, решили создать специальный орган — Комитет спасения революции, — в который, кроме большевиков, вошли эсеры и поначалу меньшевики. Поставленный во главе комитета Ворошилов действует энергично: в тот же вечер почти все офицеры местного гарнизона во главе с полковником Ратаевым были арестованы и свезены в горно-коммерческий клуб. Туда же попал кое-кто из городской буржуазии. Перепугавшийся Нестеров бежал, и больше в Луганске о нем не слышали. Во все правительственные учреждения, в банки, на почту,

телеграф были назначены комиссары-большевики. Они получили приказ наблюдать за нормальным ходом работы.

30 августа во всех частях луганского гарнизона были проведены митинги, и солдаты полностью пошли за большевиками. Были избраны новые командиры. Затем войска строем промаршировали мимо здания Народного дома, на балконе которого стояли члены комитета во главе с Ворошиловым.

— Да здравствует революция! — приветствовал Ворошилов солдат. — Слава ее защитникам!

В ответ звучало «Ура!». Это был первый в его жизни парад войск.

Во всех этих, скажем, не совсем обыкновенных делах Ворошилову и луганским большевикам сопутствовала удача лишь потому, что в их распоряжении была вооруженная и немалая сила — несколько сот дружинников. С августа — сентября 1917 года Красная гвардия, как стали именовать вооруженные рабочие формирования, превращается в оплот власти большевиков в Луганске. Рабочие, взявшие на себя обязанности красногвардейской службы, относились к ним с чрезвычайной серьезностью и ответственностью. «С тех пор я много видов видывал, — вспоминал спустя четыре года Ворошилов, — по по совести должен сказать, такой добросовестной, такой самоотверженной и бескорыстной службы революции на боевых постах, как ее выполняли луганские пролетарии, я видел мало. В дождь, в невылазную грязь и холод, страшную темень ночи, шли по группам красногвардейцы после трудового дня на заводе, за город, в степь до утра, верными стражами оберегали всевозможные подступы к городу. И так не день, не два, а целые месяцы».

Быть настороже следовало потому, что постоянно ждали нападения на Луганск казаков. Так, уже в

первые недели руководства жизнью Луганска Ворошилову более всего приходилось думать о делах военных. 19 сентября он сообщал в ЦК партии: «Мы в нашем Луганске, разогнав милицию и изгнав комиссара, должны были около двух недель обходиться без всяких комиссаров и начальников милиции — все было на руках у красногвардейцев».

Письмо это было отправлено в день, когда произошло знаменательное для Луганска событие: наконец-то состоялись перевыборы Совета, и большевики на них одержали полную победу. Из 120 вновь избранных депутатов 82 были членами РСДРП (б). Ворошилов теперь стал и председателем Совета. В качестве такового он 22 сентября докладывал в ЦК: «Все организации города в наших руках. Ежедневно из уезда обращаются в наши организации за агитаторами, лекторами, но нет людей, и мы не можем удовлетворить все запросы. Нам приходится вести большую работу. Голова в городе, члены управы, председатель Думы, Совет депутатов, профессиональные союзы, газета — все это в наших руках».

Итак, более чем за месяц до вооруженного восстания в Петрограде большевики и фактически и формально были хозяевами крупного промышленного города в Донбассе. Конечно, основными причинами этого, можно сказать, уникального события следует считать наличие в Луганске крупного отряда сознательных пролетариев и большой, сплоченной большевистской организации. Но несомненно также и то, что успех луганских большевиков в немалой степени зависел от их руководителя, его энергии, твердости, решительности.

Последующие недели сентября — октября 1917 года прошли в ожидании неизбежного перехода власти во всей стране в руки большевиков. Поэтому, когда настала пора посылать делегатов на II съезд Советов,

то решено было не отправлять Ворошилова и других ответственных луганских товарищей в Петроград — им следовало в решительный момент присутствовать в Луганске. На съезд поехали М. К. Афонин и Н. В. Кравцов^[12].

Телеграмма из Петрограда о свержении Временного правительства послужила сигналом к действию. Немедленно был собран Совет, приглашены представители заводов, фабрик, городской общественности. Сообщение о переходе власти к Советам присутствующие, по словам Ворошилова, восприняли радостно, «но как нечто само собой разумеющееся, в чем не было никакого сомнения». Это и естественно — всем ходом событий Луганск был подготовлен к такому исходу.

Председателю Совета пришлось отвечать на чисто деловые вопросы: что предполагает он предпринять для защиты порядка в городе и уезде, как будут работать почта, телеграф, суд, банки... Тут же были внесены предложения: усилить охрану, провести аресты среди крупной буржуазии, принять меры к снабжению заводов топливом и материалами, а населения — продовольствием. За все это теперь должен был отвечать председатель Совета.

Но больше всего волновала Ворошилова непосредственная угроза, исходившая из Области Войска Донского. Уже в ноябре здесь подняла голову казачья контрреволюция. Поэтому Ворошилов со свойственной ему энергией формирует и вооружает Красную гвардию: если до Октябрьской революции в ней числилось 800 человек, то через месяц — уже 1500. Были приняты меры к разоружению военных формирований других партий. Красногвардейцы во главе с А. Я. Пархоменко без труда отобрали оружие у меньшевистско-эсеровских дружин и распустили их, так

же как и сионистскую самоохрану, пытавшуюся закрепиться в местной синагоге. Сложнее обстояло дело с украинскими националистами.

Надо знать, что на Луганск, так же как и на весь Донбасс, претендовала контрреволюционная Центральная Рада, располагавшая к осени 1917 года определенным количеством националистических частей. В Луганске ее опорой были солдаты 25-го украинского полка во главе с неким Малашко. Без лишней скромности он именовал себя «комиссаром всего Донецкого края». Больше всего националистов прельщал луганский патронный завод, ведь, как известно, винтовки не стреляют без патронов. Но для Малашко столкновение с Ворошиловым кончилось так же, как и для Нестерова: среди солдат националистического полка большевики провели соответствующую разъяснительную работу. В результате солдаты стали разъезжаться по домам, а Малашко в декабре пришлось поспешно бежать из Луганска.

Правда, к этому времени Ворошилова уже не было в Луганске: в конце ноября он и Ю. Х. Лутовинов, избранные в Учредительное собрание, выехали в Петроград. Выборы в собрание также принесли крупный успех большевикам Луганска: они получили 80 процентов всех голосов в городе и уезде. Гегемония большевиков в Луганске была полной.

Ворошилов покидал Луганск, не предполагая, что вернется сюда не так уж скоро...

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

Ноябрьское утро было сумрачным. Когда приезжие вышли на Знаменскую площадь, снег валил не переставая густыми липкими хлопьями. Народу на привокзальной площади немного, прохожие толпились только около мальчишек-газетчиков. Ворошилов прислушался и поспешил к ближайшему — хриплым, надтреснутым голосом мальчишка вопил:

— Сегодня контрреволюционное выступление! Ожидается контрреволюционное выступление!

— Что такое? Давай скорее газету!

В руках у Ворошилова «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета». На первой странице в глаза бьет воззвание «К рабочим и солдатам Петрограда»; жирно набранные строчки: «Темные силы буржуазии под видом празднования дня созыва Учредительного Собрания готовят сегодня контрреволюционное выступление. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов по этому поводу постановляет: Всем рабочим и солдатам воздержаться от участия в сегодняшних демонстрациях»... Ворошилов и Лутовинов бросились к извозчику:

— Быстрее к Смольному!

Так с первых же минут по приезде в Петроград Ворошилов погрузился в водоворот событий, оказался в самом центре его. Действительно, в этот день состоялись манифестации мелкобуржуазных слоев населения, чиновничества, интеллигенции. Они требовали немедленного открытия Учредительного собрания. Политическая подоплека лозунга была проста: подменить власть Советов буржуазным парламентом. Рабочие и солдаты в манифестациях не участвовали...

Как член ЦИК Советов Ворошилов сразу же вовлекается в работу. Людей, которых можно было бы назначить на самые важные, ключевые посты, тогда в большевистской партии, ставшей правящей партией, не хватало: управление гигантским государством, именовавшимся ранее Российской империей, дело сложное и многообразное. Ворошилову сразу же достается трудная и хлопотливая должность — 2 декабря 1917 года его назначают председателем комитета по охране Петрограда.

...Город жил очень беспокойно. Именно с конца ноября началась волна так называемых «пьяных погромов». Уголовники и деклассированные личности, а их немало было тогда в столице, нападали на многочисленные винные заводы и склады, вовлекая в погромы часть горожан и солдат. Наибольшего размаха погромы достигли в ночь на 4 декабря, когда по городу было зарегистрировано 69 нападений на винные лавки. Лишь к концу декабря благодаря усилиям и выдержке революционных рабочих-красногвардейцев и матросов погромы были пресечены.

Немало совершалось в городе и уголовных преступлений: за декабрь возглавляемая Ворошиловым комиссия зарегистрировала 1368 нарушений революционного порядка. Благодаря принятым мерам, благодаря упрочению сурового революционного порядка в январе 1918 года их количество резко снизилось — до 699 случаев. Теперь в городе ежедневно происходило значительно меньше преступлений, чем до революции; если в среднем в начале октября 1917 года в городе насчитывалось максимально 198-205 крупных преступлений, то в январе — 34-54. Тем не менее уголовники доставляли немало хлопот стражам революционного порядка. Бандиты в одиночку и группами действовали с чрезвычайной наглостью, нападая как на частных лиц и

их квартиры, так и на государственные учреждения. В январе грабители среди бела дня сняли шубу с будущего председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого, когда он на извозчике следовал в Таврический дворец. 22 января у самых дверей комиссариата юстиции бандиты остановили извозчика, на котором три сотрудника комиссариата привезли из казначейства крупную сумму денег для выплаты жалованья служащим. Угрожая оружием, налетчики отобрали деньги и скрылись на автомобиле...

До революции охрана порядка в столице исполнялась Петроградским градоначальством. И в этом важном государственном учреждении, так же как и во всех прочих, появление большевиков чиновники встречали в штыки, отказывались выполнять распоряжения комиссаров. 5 декабря 1917 года СНК на своем заседании постановил: «Поручить тов. Ворошилову ликвидацию бывшего Петроградского градоначальства согласно плану тов. Дзержинского и организацию специального органа для поддержания спокойствия и порядка в Петрограде...»

Ворошилов немедленно стал принимать дела, имущество, кассу и здание градоначальства. Дело было хлопотное. Чтобы читатель мог представить характер и разнообразие забот Ворошилова, приведем несколько пунктов из его доклада на коллегии Наркомата внутренних дел 14 декабря. Ворошилов предлагал:

«1) Адресный стол из градоначальства передать в ведение Городского самоуправления.

2) Типографию взять в свое распоряжение Комиссариату внутренних дел, так как типография прекрасно оборудована...

3) Уголовно-розыскное отделение немедленно ликвидируется. Это «милое» учреждение мало чем отличается от охранки, никогда не служило рабочим и крестьянам и теперь будет служить не им, а против

них. Если же нам потребуется когда-нибудь создавать такие паскудные учреждения, то мы их создадим такими, какие нам потребуются.

4) Полицейский архив придется временно взять под охрану...

5) Собачий питомник необходимо сохранить...»

И так далее, и тому подобное, всего около 20 пунктов. В заключение Ворошилов отмечал, что у градоначальства имеется 8 автомобилей, 2 лошади и «битком набит весь дом всякой мебелью и домашней утварью»...

По роду своей деятельности Ворошилов в этот период нередко встречается с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным. Общие дела связывают его постоянно с М. И. Калининым, который был городским головой Петрограда, и Г. И. Петровским, возглавившим Народный комиссариат внутренних дел. Порученные Ворошилову обязанности сложны и непривычны для него. Поэтому он часто обращается за советом и помощью к Ф. Э. Дзержинскому.

Председатель ВЧК по горло завален важными и неотложными делами, но никогда не отказывается помочь товарищу. Аппарат Чрезвычайной комиссии в декабре еще только складывается — к концу года в нем насчитывалось всего 23 человека. «Канцелярия» помещалась в портфеле Дзержинского, а касса — тысяча рублей — в ящике стола Я. Х. Петерса. Не было и помещения, а оно требовалось. Однажды, во время очередной встречи, Дзержинский спросил:

— Послушайте, я узнал, что в градоначальстве есть «внутренняя тюрьма»?

— Есть, там огромный дом, — подтвердил Ворошилов.

— Давайте работать вместе. Нам необходимо помещение, вот и переедем к вам.

Так ВЧК перебралась в ставший впоследствии знаменитым дом на Гороховой улице № 2 (теперь улица Дзержинского). Вскоре и Ворошилов был введен в состав ВЧК. Теперь они встречались с Дзержинским по нескольку раз в день.

На сотрудников Чрезвычайной комиссии были возложены труднейшие обязанности. Они должны были пресечь саботаж — все бывшие государственные служащие, начиная с министров и кончая делопроизводителями и машинистками, устроили стачку, игнорируя новую власть и ее комиссаров. Чекисты должны были бороться со спекуляцией — в Петрограде после Октябрьской революции продовольствия оставалось до страшного мало, и все торговцы использовали подходящий случай, чтобы поживиться, набить карман. Но, конечно, главным, самым сложным и опасным делом ВЧК была борьба с контрреволюцией: Петроград наполнен офицерами, юнкерами, чиновниками, строящими планы свержения «хамской власти»; легально существуют и действуют буржуазные и мелкобуржуазные организации и партии, их печать извергает клевету на большевиков, на Советскую власть.

Контрреволюция собирала силы, переходила к действиям. Одним из первых проявлений ее активности было покушение 1 января 1918 года на Ленина, возвращавшегося с митинга. Террористы несколько раз выстрелили по его машине, но он остался невредим. 2 января Дзержинский подписал ордер на обыск в военной гостинице «Астория». Было арестовано несколько человек. В следствии участвовал и Ворошилов — сохранился протокол допроса, который он проводил в ту пору.

Работа Ворошилова в Петрограде, однако, скоро прервалась.

Советская власть, бесспорно признанная трудящимся народом России, триумфально шествовала по ее градам и весям. Не бывают, не могут быть бескровными великие революции. Правда, Октябрьское вооруженное восстание в столице прошло почти без жертв, было убито лишь несколько человек, но в других городах — в Москве, Киеве, к примеру, — жертвы были, и немалые. Тем не менее установление Советской власти во всей огромной стране ни в коем случае нельзя охарактеризовать как потребовавшее исключительных жертв — настолько един был порыв трудового народа России. С каждой неделей Советская власть утверждалась, крепла и в центре, и на окраинах. Внутренняя, собственная контрреволюция пыталась ей сопротивляться, но была эта контрреволюция настолько слаба, неорганизована, настолько оказалась не в силах противостоять почти поголовному стремлению населения России к новой, лучшей жизни, что терпела жестокие поражения. Не может удержаться в Киеве националистическая Рада, разбиты на Дону отряды генерала Каледина, и сам он застрелился, бежит в оренбургские степи атаман Дутов...

Близится весна 1918 года, и Советская власть день ото дня становится сильнее. Но этот новый путь, сулящий человечеству освобождение от власти капитала, не нравится, не может нравиться Ротшильдам и Дюпонам, Рокфеллерам и Нобиле... И, повинувшись их воле, правительства Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, Англии, Франции, США и Японии — с другой, объединяются в неприкрытом, яростном, животном желании подавить революцию в России, навязать ее народам свою волю. Но сделать это можно только одним путем — развязав в стране гражданскую войну. Они готовы пойти на все, на любые траты, на невиданные преступления, лишь бы остановить, задушить, распять этот непонятный, проклятый народ

России, народ, взявший на себя бремя спасения человечества от ига золотого тельца. И развязанная, поддержанная, прикормленная империалистами гражданская война расползается, растекается, раскатывается по просторам страны.

Первыми — они всегда спешили быть первыми в таких случаях — начинают германские милитаристы. Уничтожение Советской республики для них дело жизни или смерти, ибо народная революция назревала в самой Германии.

Из сообщений газет, из рассказов и писем товарищей с Украины Ворошилов знал уже многое. Националистическая Центральная Рада 27 января 1918 года, на следующий день после того, как красногвардейцы выбили ее из Киева, подписала мирный договор со странами Четверного союза. Теперь в обмен на хлеб и сало Украины националисты могли рассчитывать на австро-германские штыки против «своих» рабочих и крестьян.

28 января советской делегации в Бресте был предъявлен ультиматум: либо признание захватнического мира, либо война. Преступная политика Троцкого, который вопреки прямым указаниям Ленина на переговорах проводил свой лозунг «ни мира, ни войны», привела к тому, что 18 февраля 1918 года австро-немецкие войска начали наступление. Они захватили Прибалтику, Белоруссию, двинулись на Украину.

21 февраля Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет «Социалистическое отечество в опасности!». Пролетарский Донбасс должен был стать центром сбора сил для отпора нашествию захватчиков. Ворошилова направляют в Донбасс.

В конце февраля он уже в Харькове. Сразу же обнаруживается, что среди украинских партийных работников налицо довольно сильное течение против

заклучения мира с Германией. В спорах с ними, в особенности на совещании областного партийного актива, Ворошилов отстаивает ленинскую позицию.

Тем временем немецкие войска наступали; продажная Центральная Рада следовала в их обозе. 1 марта немцы заняли Киев и двигались на восток. Советские власти Украины располагали лишь разрозненными, отдельными отрядами, которые ни по численности, ни по боевой выучке не могли противостоять регулярным войскам захватчиков. Для спасения революции требовалось, чтобы все, кто имел силы, шли в армию. «Мы, — писал В. И. Ленин, — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г...Мы — за защиту Советской социалистической республики России»^[13].

Ворошилов едет в Луганск. Еще в феврале на заводе Гартмана начали строительство бронепоездов, и к моменту возвращения Ворошилова они готовы. Впрочем, грозное слово «бронепоезд» могло быть употреблено с большой натяжкой: железные полуоткрытые вагоны обшивали изнутри досками, в промежутки засыпали песок, устраивали площадки для пулеметов и орудий — и готово! Разумеется, такие бронепоезда могли защитить только от ружейного и пулеметного огня, да и то не всегда.

В здании Совета шла запись добровольцев. Их немало, около тысячи, и Ворошилов, понимая всю сложность и опасность предстоящего, стремился отобрать наиболее подходящих.

— Лучше скажи сразу, — говорил он, — не боишься умереть — возьмем, если боишься — оставайся дома, тут тоже дела есть.

С помощью своих старых товарищей и друзей — А. Я. Пархоменко, Д. Ф. Рудя, Ф. Р. Якубовского, А. В. Медведева и других — Ворошилову удалось быстро

сформировать отряд. Кой-кого, несмотря на все просьбы, Ворошилов не взял с собой.

Настал день отъезда — 10 марта 1918 года. Около трех часов пополудни по улицам Луганска колонной прошел 1-й Луганский социалистический партизанский отряд — всего 640 бойцов. Впереди ехал комиссар — Ворошилов. Гремел оркестр, за колонной шли родные и товарищи, несколько тысяч человек.

Звучали приветственные речи, настроение ораторов было торжественным. Один за другим партизаны говорили о готовности сражаться и умереть за революцию. Провожаящие желали побед... Ни те, ни другие не могли представить, каким долгим, трудным и кровавым будет путь к победе. Не знал этого и Ворошилов.

Не обошлось и без комичного происшествия. Комиссара отозвал в сторону один из товарищей:

— Климент Ефремович, тут вот какое дело... Ребята меньшевиков арестовали, так надо бы их выпустить.

— Почему арестовали? — удивился комиссар.

— Да говорят: «Они ведь кричали «война до победы», так мы их возьмем с собой, посмотрим, как они от пуль бегать будут».

— Вот еще, их только мне и не хватает! Скажи, что я приказал отпустить.

Красногвардейцы отпустили соглашателей с большой неохотой.

Бронепоезд и эшелон с бойцами трогаются...

В Харьков прибыли 13 марта, движение по железным дорогам уже и тогда стало медленным. Было ясно, что отряду надо довооружиться, хоть немного попрактиковаться в обращении с оружием. Но бойцы рвались вперед. Характерный пример: на вокзале в Харькове Ворошилов увидел человек 30 знакомых рабочих, которые, как он помнил, не числились в отряде.

— Вы что тут делаете? — поинтересовался он.

— Да мы, товарищ Ворошилов, — посмеиваются, переминаются ребята, — решили на свой риск от вас не отставать.

Выяснилось, что это были красногвардейцы, которые не попали в списки отряда. До Харькова они добрались на крышах вагонов и тормозных площадках.

— Ну ладно, — соглашается Ворошилов, — делать нечего. — И, обращаясь к коменданту эшелона Корочаеву, приказывает: — Разместить их в вагонах.

Главкомандующий вооруженных сил Украины В. А. Антонов-Овсеенко не мог предоставить луганцам, как и другим отрядам, дополнительного времени для формирования и обучения. Против 300-тысячной армии немецких оккупантов он мог выставить не более 15 тысяч бойцов, разбросанных на огромном пространстве. На счету был каждый человек, и поэтому вечером следующего дня, 14 марта, луганский отряд направляется в состав 5-й армии Р. Ф. Сиверса, которой было дано задание прикрывать направление Бахмач — Конотоп.

18 марта отряд прибыл на станцию Ворожба. Здесь уже собралось с полдюжины отрядов, в большинстве называвшихся по фамилии своих начальников и размещавшихся в эшелонах. Ситуация была очень своеобразной и характерной для начального периода гражданской войны. Каждый отряд имел своего выборного командира, и этот командир, как правило, не желал подчиняться не только ближайшему начальнику, но и главкому Антонову-Овсеенко, предпочитая действовать самостоятельно. Состав отрядов, их вооружение, наличие боеприпасов — все было невероятно пестрым. В таких отрядах, как луганский, где царило боевое воодушевление, нередко бойцы не имели необходимых военных навыков. В других же отрядах, состоявших из солдат старой армии,

отсутствовала спайка и политическая сплоченность. Попадались отряды с большим числом эсеров и анархистов, а иногда и просто уголовников. Эти последние имели только одну цель: «шикарно» пожить, по пьянствовать, пограбить. И в отряде Ворошилова обнаружились такие: еще по дороге в Харьков он арестовал и отослал в Луганск десяток человек, явно непригодных для революционной войны, — они устроили дебош на станции.

В Ворожбе выяснилось, что ситуация и грозная и неясная: немцы заняли Бахмач и Конотоп, но где они — точно неизвестно, поскольку разведки не ведется. Неизвестно также положение соседей, никто не объединяет действия разрозненных отрядов. Трудно в таких условиях сражаться с регулярными, хорошо вооруженными и опытными дивизиями 27-го германского корпуса. И все же Ворошилов решает воевать.

Он созывает партизанских вождей на совет. Решено ни мало ни много — перейти в наступление, попытаться захватить Конотоп. В решении этом, как в капле, отразилась неповторимая, героическая та эпоха, пора отчаянной смелости революционного народа.

Надо бы провести разведку, и Ворошилов на бронепоезде отправляется вперед. Удастся определить, что немцы в Конотопе, но пока не двигаются к востоку. Вдруг неожиданность: со стороны немцев по проселочной дороге вдоль железнодорожного полотна клубится пыль. Идет колонна солдат.

— Немцы? — спрашивает Ворошилов и тут же приказывает: — А ну-ка кинь пару снарядов!

Колонна рассыпалась, разбилась на небольшие группы, но движение их в сторону бронепоезда не прекращается.

— Что за черт? На немцев непохоже, — сомневается Ворошилов и высылает разведку. Спустя короткое

время разведчики возвращаются.

— Товарищ Ворошилов, это не немцы, это наши, русские солдаты, с румынского фронта идут.

Через полчаса Ворошилов разговаривает с ними. Сотни верст за спиной у этих людей. Они измождены, устали. Хотят только одного: скорее домой, домой к родным селам и хатам.

— Как вы прошли через фронт? Где немцы? — допытывается комиссар и не получает вразумительного ответа. Он пытается организовать митинг, но ничего не выходит даже у него. 400–500 ко всему безразличных, тоскливо глядящих людей лежат вповалку и не спорят, даже не разговаривают с задержавшими их красногвардейцами.

— Может, кто-нибудь из вас хочет вступить в наш отряд? — спрашивает Ворошилов. И не получает ответа.

— Хватэ з нас, навоювалысь, годи, — слышится лишь. Солдат не интересуется, кто перед ними, кто в кого стреляет. Да и саму стрельбу они воспринимают как нечто совершенно неизбежное. Они лишь рвутся домой, к семьям.

День боевого крещения Клим Ворошилова — 27 марта 1918 года. Разъезд Дубовязовка, в 15 верстах к востоку от Конотопа.

Морозной мартовской ночью эшелоны, возглавляемые бронепоездом, двинулись к Конотопу. На разъезде пехота была высажена, развернута в цепь. На землю скатили самое грозное оружие, две шестидюймовые пушки. Сочувствовавший большевикам бывший офицер-фронтовик повел цепь. Комиссар же отряда вместе с И. И. Межлауком^[14] на передней площадке самодельного бронепоезда отправился на разведку.

Представим себе положение Ворошилова и его товарищей. В этом первом для молодой армии

сражении огнем пулеметов мог управлять лишь матрос Львов, бывший фейерверкер — теперь начальник артиллерии — сам наводил трехдюймовку. Старшим по чину был Межлаук — он успел дослужиться до ефрейтора. В помине не было ни оперативного плана, ни связи. При этом защитники Советской республики понимали, что противник у них очень, очень серьезный. Какой же великой верой в правоту своего дела они обладали, если не колеблясь шли в бой!

Через несколько верст Ворошилов, стоявший на передней площадке бронепоезда с биноклем, обернулся к Межлауку:

— Смотри! — Голос его не был тревожным.

В окуляры бинокля, покачивающиеся от тряски поезда, Межлаук увидел мощное, приземистое туловище немецкого бронепоезда, сливающееся с голыми ветвями придорожных посадок. Это был грозный противник, и он не замедлил обнаружить свои намерения. В воздухе что-то просвистело, справа, под откосом, вырос фонтан земли.

— Задний ход! — закричал Ворошилов, его команду тут же передали машинисту, — А ты чего ждешь? — повернулся он к артиллеристу. — Огонь!

— Слушаюсь! — по привычке козырнул тот.

В начавшейся артиллерийской дуэли видимый перевес был на стороне противника. Но со второго выстрела русский артиллерист сумел поразить паровоз врага, и немецкий бронепоезд на время потерял способность передвижения.

Силы все же были неравны. Снаряды один за одним стали обрушиваться рядом с луганским бронепоездом. Появились раненые, убитые. Комиссар хотел подняться на площадку к орудию, откуда артиллеристы лихорадочно вели огонь. В это мгновение тяжелый удар потряс бронепоезд, Ворошилова отбросило к стенке... Открыв глаза, он увидел, что орудие разбито прямым

попаданием. У противоположной стенки Межлаук протирал глаза: осколком снаряда оторвало голову пулеметчику, и кровь его забрызгала Межлаука.

К счастью, паровоз остался цел, и бронепоезду удалось выйти из-под огня противника, так как тот все еще не мог двигаться. Медленно отползли к разъезду. Но к этому времени вражеский бронепоезд обрел способность передвижения, на разъезд полетели его снаряды, а в поле на расстоянии версты появились фигурки ландштурмистов...

Один из немецких снарядов поджег вагон с боеприпасами, прицепленный к бронепоезду, раздался взрыв. Возникла паника, бойцы начали покидать позиции. В довершение отступающие эшелоны столкнулись на стрелке, произошло крушение. Артиллерийский и пулеметный огонь, пожар, взрывы, крушение — это уж было слишком для необстрелянных красногвардейцев. И они побежали. Напрасно метался выборный командир:

— Стой, стой, куда? Назад! — кричал он, но ничто не помогало, все стремились поскорее попасть в эшелоны — и прочь с разъезда. После тщетных попыток остановить бегущих командир сел на землю и истерически зарыдал.

Не бежали только луганцы. Правда, и они попятиться было, начали покидать позиции, но остановились: с карабином в руках навстречу отступающим спешил комиссар:

— Назад ни шагу! Кто уходит — сейчас застрелю! Ворочайся!

Воротились. Пулеметным огнем отбили ландштурмистов, несколькими выстрелами из шестидюймовок заставили попятиться бронепоезд врага. Близился вечер. Положение оставалось опасным, луганцы одни удерживали разъезд, и отступить все же

следовало. Жалко было только оставлять свое детище — самодельный бронепоезд.

— Кто охотник выручать броневик? — спрашивает Ворошилов.

Охотники находятся — человек пятнадцать. С ними и комиссар. Сели на паровоз, поехали. Но выручить бронепоезд не удалось: его паровоз был разбит. Сняли луганцы с бронеплощадок пулеметы, вкатили на руках в вагоны шестидюймовки, подобрали рапёных и убитых и в полном порядке отошли.

Утром на следующий день Р. Ф. Сиверс докладывал в Харьков: «На Конотопском направлении противник наступал в течение вчерашнего дня на Грузское. Наши немногочисленные части стойко сопротивлялись. Под действительным арт. огнём противника, нанеся ему серьёзные потери пулемётным огнём, к вечеру вынуждены были, однако, отойти к востоку и югу от станции Грузское, взорвав последнюю. Отмечаю мужественное поведение Луганского отряда, сражающегося на передовой линии...»

Таким был первый боевой день Клим Ворошилова.

В последующие дни германские войска развернули наступление в сторону Харькова. Силы были слишком неравны, потому приходилось отступать. Но красные части отступали огрызаясь. Ежедневно следовали стычки с немцами, артиллерийские дуэли бронепоездов. Отряд Ворошилова нес потери.

Воина на Украине в тот период была особой. Сплошного фронта не существовало. Германские войска, располагая 10—15-кратным перевесом, вели методическое наступление вдоль железных и грунтовых дорог, к транспортным узлам. Одновременно кавалерийские части врага обходили эти узлы. Столкновения происходили почти исключительно на станциях железных дорог, забитых бесчисленными составами.

В конце первой недели апреля германские войска стали окружать Харьков. В городе шла эвакуация. Артем, В. И. Межлаук^[15], Н. А. Руднев^[16] отправляли ценности, имущество, людей. Чтобы хоть как-то задержать противника, были выделены специальные отряды, защищавшие подступы к городу. Оборонять его предместье, район станции Основа, было доверено отряду Ворошилова.

Тем временем к 1-му Луганскому отряду присоединился и второй, под командованием Латышева, сформированный также из рабочих Луганска. Вместе с Харьковским коммунистическим отрядом и бронепоездом «Черепеха» (настоящим, не самодельным), они и составили силы, оборонявшие станцию. Общее руководство взял на себя Ворошилов.

Весь день 8 апреля гремела канонада: это с севера наступали германские войска. К концу дня стало ясно — Харьков не удержать, и около часа ночи, когда противник был уже на Холодной горе, последние эшелоны покинули город. Перед отъездом спохватились: нигде нет Коли Руднева (так звали Руднева все, ибо было ему всего 24 года). Нашли его беспробудно спящим на диване начальника станции. Смертельно усталый Руднев не проснулся, даже когда его на руках перенесли в вагон.

На станции Основа ночь с 8 на 9 апреля прошла тревожно. Получено известие, что немцы уже перерезали путь отступления, захватив станцию Змиев, что железнодорожное полотно взорвано. Долго совещались, как быть, решили с боем прорываться через Змиев.

Едва начало сереть небо, как разведчики на велосипедах во главе с И. Локотошем ушли вперед. Следом ползла «Черепеха», сопровождаемая командой для восстановления пути, сбоку, низиной, двигалась

пехота, прикрывая эшелоны. Оба луганских отряда — в арьергарде. Они расположились цепью вправо и влево от Основы. Здесь было наиболее опасно, и Ворошилов, конечно, был тут, с товарищами.

Рассвело. Со стороны Змиева раздались артиллерийские выстрелы — это «Черепаха» выбивала немцев со станции. Тронулись вслед за бронепоездом и эшелоны. Но от Харькова по правому флангу луганцев нанесли удар немцы.

Под артиллерийским и пулеметным огнем, отстреливаясь, отходит цепь. В цепи Ворошилов, он как будто всю жизнь провел под огнем артиллерии.

— Спокойно, товарищи! Спокойно! — Хрипловатый его голос прорывается сквозь хаос боя, хладнокровие комиссара успокаивает людей.

Много лет спустя Семен Михайлович Буденный, боевой товарищ Ворошилова и сам храбрец не из последних, напишет: «Интересные бывают люди! Климент Ефремович — по натуре горячий, в бою же менялся и становился необычно хладнокровным. В самый разгар рубки он мог говорить самые обыкновенные вещи, высказывать свое впечатление о бое... По виду его казалось, что участвует он не в атаке, где могут убить, а словно бы в спортивном состязании».

Залп, перебежка... Залп, перебежка...

Но немцы все ближе, и все явственнее их намерение отрезать арьергард от ушедших вперед, к Змиеву, эшелонов. И вот:

— Товарищи! — кричит Ворошилов. — По вагонам! Быстрее! Скорее по вагонам!

А сам с наиболее стойкими продолжает дело: залп, другой, перебежка...

Вышло так: основная часть луганцев успела сесть в эшелоны и вслед за «Черепахой» прорваться под огнем противника мимо Змиева. Но человек двести во главе с Ворошиловым были отрезаны.

Спасение одно — прочь от железной дороги, по которой движутся главные силы врага. И вот отряд Ворошилова, отстреливаясь, отходит, используя каждую складку на местности, каждый перелесок. Луганцам удастся оторваться от противника. Привал.

Ситуация, хорошо известная в современной войне, — окружение. Враг, как кажется, везде. И более опытные люди, случилось, теряли голову, попав в такую передрагу. Растерян и кое-кто в отряде.

Спокоен и уверен вожак, комиссар Ворошилов.

— Никакой паники. Мы на своей земле, нам здесь каждый куст родной, а они — чужие...

Он смотрит карту.

— Пойдем на восток, на Чугуев, оттуда к Купянску. Тут не так далеко. Вряд ли немцы уже туда добрались. А оттуда поездом в Лисичанск — и мы дома.

Он окидывает взглядом бойцов, видит надежду на лицах, усмехается:

— Идти, конечно, придется ночью, по-волчьи, без дорог.

После нескольких изнурительных ночных маршей Ворошилов почти без потерь довел свой отряд до Купянска и затем, уже в Изюме, присоединился к отступавшим от Змиева основным силам красных.

К тому времени их положение стало еще запутаннее. Надежды руководителей Донецко-Криворожской республики [\[17\]](#) на то, что немцы не сочтут территорию республики входящей в состав Украины, явно не сбывались. Германские войска продолжали движение на восток, и где они остановятся — было неизвестно. Надо обороняться.

Для этого в первую очередь следовало сконцентрировать свои силы. Драться с грозным врагом по-прежнему, отдельными отрядами и отрядиками, бессмысленно, это пустая трата сил.

Идут переговоры о том, кого назначить командующим вновь формируемой 5-й армией. 15 апреля в ответ на запрос Антонов-Овсеенко получает телеграмму: «Сообщаю народным комиссарам Донецкой республики о разговоре с вами и о предложении принять на себя командование 5-й армией. Я согласен и прошу о телеграфном предписании тов. Сиверсу сдать мне армию со всеми поездами снабжения, вооружения, обмундирования, штаба и денежных сумм. Сегодня выезжаю в направлении Купянска. *Ворошилов*».

Ответственность, которую Ворошилов взял на себя, огромна. Предстояло защищать самое сердце Донбасса, а сил для этого было слишком мало. 5-й армии практически не существовало, ее следовало сформировать, а поступавшие в распоряжение командарма разновременные, пошелонно отдельные отряды и отрядики находились в таком состоянии, что для их приведения в порядок потребовалось бы немало времени. Его у Ворошилова не было — немцы наступали, и Антонов-Овсеенко уже 17 апреля телеграфировал командарму-5: «Ваш участок имеет исключительно важное значение. У Сватова вы прикрываете Юго-восточную ж. д. Луганск — Миллерово...»

Однако к началу боя у Сватова отряды Ворошилова не успели. У станции Кабанье луганцы встретили остатки отряда, защищавшего Сватово. Ворошилов немедленно выслал навстречу немцам бронепоезд, а прибывший с ним отряд харьковчан и луганцев развернул в цепь и сам отправился с ней.

Прошли несколько верст, поднялись на холмы у Сватова, начали окапываться. Дул резкий и холодный апрельский ветер, согреться трудно. От Сватова стали изредка прилетать снаряды. Необстрелянные бойцы тревожно поглядывали в ту сторону. А тут еще в небе заурчал аэроплан. Многие из красногвардейцев

впервые видели такую боевую машину, и когда аэроплан, спустившись пониже, начал обстреливать цепь из пулемета, среди бойцов чуть было не началась паника.

Ворошилов, убедившись, что его отряд в состоянии хоть ненадолго задержать немцев, возвратился в тыл, где попытался отправить на позиции и другие отряды. Добиться этого было нелегко. Под напором немецких войск кругом все отступают, фланги луганско-харьковского отряда не прикрыты, и командиры других отрядов не проявляют желания идти в бой. С ними приходится спорить, уговаривать, требовать, нередко и грозить.

Тем временем немцы, попытавшись наступать в лоб, от Сватова, и получив отпор, предприняли обходный маневр с востока. Есть сведения, что они то ли захватили, то ли в ближайшее время захватят мост через Северский Донец у Лисичанска и тем отрежут пути отступления 5-й армии. Приходится уходить.

Эшелоны идут одновременно по двум путям. На рассвете — остановка. Командарм выскакивает из бронепоезда, бежит вперед. Около эшелонов — толпа, шум...

— В чем дело? Почему стоим?

Оказывается, эшелон, двигавшийся по нечетному пути, был поспешно и неправильно загружен, на повороте зацепился за соседний эшелон, и в результате в одном составе сошла с рельсов платформа с броневиком, а в другом — платформа с грузом. Задержка нервирует людей, уже слышны голоса:

— Какого черта ждать! Под откос их, и баста! Надо двигаться...

— Как так под откос? — вмешивается Ворошилов. — Вы что? Ни одного гвоздя врагу! А здесь броневик! Что стоите? Немедленно поднять платформы на рельсы. Домкраты, веревки сюда!

Повинуясь властному голосу, те, кто только что требовал сбросить платформы, берутся за дело вместе с командармом. Сноровисто, ловко подводит он домкраты под оси платформ, рискуя, что броневик свалится на него, тащит камни и обрубки под рычаги... Дело идет споро, рубашки у людей потемнели от пота... Через час эшелоны вновь в движении.

Мост через Донец миновали благополучно, хотя и под огнем немецкой артиллерии.

Бронепоезд со штабом отходит в числе последних. Мимо тихо проплывают знакомые с детства места, скоро будет Верхнее, родина командарма. Вот и будка на скате насыпи... Тяжело уходить, но ипаче нельзя — то и дело над эшелонами гремят разрывы германских снарядов. Врагу отвечают орудия бронепоезда. Тяжело, но он еще сюда вернется, он уверен в этом, что бы ни случилось.

...В 20-х числах апреля эшелоны 5-й армии отошли к станции Родаково. Здесь уже собралось немало различных украинских и донецких отрядов, оттесненных непрерывным напором германских дивизий. Настроение в отрядах, бойцы которых были утомлены, обессилены, разобщены, оставляло желать лучшего. Враг был близко, артиллерийская канонада не прекращалась, над станцией летали вражеские самолеты и бомбили ее.

В довершение к этому времени отряды в Родакове полностью лишились руководства со стороны главного командования. И ранее это руководство было не слишком-то конкретным и действенным, чаще всего ограничивалось указанием путей отхода, а теперь связь со штабом и вовсе прекратилась. Неясно, кому же и кто должен подчиняться. Требовалась решительная и твердая рука, иначе гибель грозила всем отрядам.

Инициативу и здесь проявил Ворошилов. В здании вокзала в Родакове он созвал совещание командиров

красногвардейских отрядов Украины и Донбасса. После того как командиры рассказали о положении отрядов, выступил Ворошилов:

— Нам придется отступить, товарищи, ничего тут не поделаешь. Но отступить надо с умом, организованно, Так, как это делается сейчас, отступить нельзя. Надо учиться у врага, хоть и приходится за эту выучку дорого платить. Но если мы будем отступать в таком беспорядке, — Ворошилов кивнул в сторону окна, в которое видна была суматоха переполненной составами и людьми станции, — если мы не наведем порядка, то и сами пропадем, и людей погубим...

Тут было не до споров — все командиры согласились подчиняться командарму-5. Закончилось совещание под разрывы бомб: германские самолеты безнаказанно, с низкой высоты осыпали ими эшелоны с красногвардейцами.

Ночью Ворошилов и Руднев (последний в силу своего опыта — все же прапорщик старой армии — был назначен начальником штаба) подсчитывали людей, вооружение, боеприпасы, продовольствие. Мелкие отряды сводили в более крупные, чтобы можно было поручить им оборону отдельных боевых участков, а те, в которых заправляли анархисты, расформировывали и даже разоружали.

После бессонной ночи, дав приказ изготавиться к встрече врага, командарм поспешил в Луганск, где еще не закончилась эвакуация. Утренние часы прошли в лихорадке эвакуации, а после полудня с запада стали доноситься раскаты артиллерийского грома. Вскоре прибыл посланец от Руднева с просьбой срочно возвратиться.

Ворошилов на паровозе поехал к войскам. Здесь он узнал, что днем немцы крупными силами атаковали его отряды и оттеснили их к станции Меловая. Но именно оттеснили, не более: уже сказались меры по

реорганизации отрядов, большинство их сражалось храбро и упорно, лишь несколько частей самовольно покинули боевые участки.

Вечером отряды, составлявшие 5-ю армию, при поддержке артиллерии перешли в наступление. И вот успех: немцы отошли, оставив на поле боя убитых, около 20 пулеметов, 2 батареи и 2 подбитых самолета. После долгих недель отступления это была первая победа!

Тем не менее приходилось продолжать отступление. 5-я армия оказалась в мешке: немецкие войска охватили ее с севера, запада и юга. Поэтому Ворошилов 27 апреля приказывает оставить Луганск и отходить на северо-восток, к станции Миллерово, чтобы затем двигаться в направлении Воронежа, в пределы РСФСР, куда, по Брестскому договору, немцы не должны были бы вторгаться.

За частями, перемешавшись с ними, шли составы с семьями рабочих, луганских металлистов, донецких шахтеров. Они везли с собой немудрящий скарб: перины, подушки, самовары, домашнюю птицу, даже телят. Огромный эшелон в несколько сот вагонов, десятки тысяч людей потянулись на Миллерово. Над этим городом на колесах, как коршун над добычей, кружился немецкий аэроплан. К нему привыкли, он уже не вызывал паники, лишь иногда бойцы постреливали вверх из винтовок, впрочем, без особой надежды попасть.

В Миллерове, где все эшелоны собрались 29 апреля, было столпотворение. Через станцию двигались и другие украинские отряды, они не слушали предупреждений командования 5-й армии о близости немцев и рвались на север. Самолеты врага в этот же день начали бомбить станцию, где каждый клочок земли был выгодной и беззащитной целью. 30 апреля Ворошилов узнал, что пути на север нет: германские

войска заняли станцию Чертково. Положение 5-й армии стало катастрофическим. Дело в том, что после отхода из Луганска 5-я армия вступила на землю Войска Донского.

Так сложилось в истории России, что эта ее часть на протяжении долгого времени была предметом особых забот русских самодержцев. Отсюда, от окраин государства, к Москве белокаменной прорывались ватаги удальцов, их приближение несло смертельную угрозу правящему классу — достаточно вспомнить Степана Разина. Шли десятилетия, века, и донское казачество, когда-то ревниво отстаивавшее вольность свою, вынуждено было поступиться ею в обмен на призрачную автономию и несомненную обеспеченность. Верой и правдой служило казачество русским императорам и, к сожалению, не только на полях сражений, так что слово «казак», символ гордой вольности в народных песнях, стало дополнять понятия «гнет» и «произвол».

На Дону, как и по всей России, шла острая классовая борьба. Казачья верхушка — богатое, сословно замкнутое кулачество, офицерство — с лютой ненавистью встретила Советскую власть, так как революционная буря грозила ей лишением привилегий. Беднейшие казаки и «иногогородние» видели в Советах защиту от притеснений богатеев. Все же баланс классовых сил на Дону сложился не в пользу большевиков: значительная часть рядовых казаков пошла за антисоветской верхушкой. В химерической надежде сохранить свою обособленность антисоветское большинство казачества выступило против революции, противопоставило себя воле трудового народа России — и было разбито. Схватка, в самом начале которой мы сейчас находимся, дорого обошлась и самому казачеству, и его противникам.

Таким образом, с запада и севера армии Ворошилова угрожали немцы, а на юге и востоке находились враждебные белоказачьи станицы. Однако было известно, что в районе станицы Каменской красноказачьи и шахтерские отряды Е. А. Щаденко ведут упорнейшие бои с отрядами генерала Гусельщикова. Рассчитывая на помощь отрядов Щаденко, командование 5-й армии решило направить свои эшелоны к югу, через Каменскую-Лихую, чтобы затем повернуть на восток и пробиваться к Царицыну. Решение это было совершенно, единственно правильным, но оно требовало и крайнего напряжения сил, и настоящего героизма. В первую очередь — от командарма.

Был установлен строгий порядок передвижения. Впереди шел бронепоезд, по бокам, по грунтовым дорогам, охраняя эшелоны, — броневики. Несколько пульмановских вагонов, переоборудованных в бронеплощадки, замыкали шествие. И вот, растянувшись на 20 верст, все 80 эшелонов армии поползли к югу.

2 мая эшелоны армии приблизились к Каменской. Здесь Ворошилову стало известно, что казаки намереваются атаковать эшелоны в районе моста через Донец. Тогда он сам решил нанести упреждающий удар.

У станции Глубокая отряды 5-й армии были высажены из составов и вместе с Каменскими красnogвардейцами атаковали станицу Гундоровскую. Удар был так неожидан и энергичен, что казаки побежали и оставили станицу. В двух-трех верстах за Гундоровской, расположившись на высотах, красnogвардейцы начинали окапываться. В их рядах ликование, слышны возгласы:

— Даешь Луганск!

Но положение вскоре резко меняется.

Удивительно, как быстро казачьи генералы-монархисты нашли общий язык с заклятыми врагами России — германскими милитаристами. Тяжелая немецкая артиллерия принялась громить окопы красногвардейцев, по балкам и буеракам казаки и немцы начали обходить позиции красных, которые еще не умели тогда вести разведки, не держали связи между отрядами, иногда даже не выставляли охранения.

Ворошилов тотчас увидел угрозу, разослал ординарцев с приказанием отступить к станице Каменской, а сам поскакал к Луганскому отряду, вырвавшемуся вперед и уже почти окруженному.

Командарм взлетел на курган, где окопались луганцы, конь его был весь в пене:

— Вы что, не видите — вас обходят справа, от Донца! Немедленно отходить! Не успеете — всех порубят!

Отстреливаясь, цепью отходили луганцы через горящую Гундоровскую станицу, а командарм уже в других отрядах. Артиллерийский огонь и настойчивые атаки противника вызвали панику среди необстрелянных бойцов. Смешались отступающие цепи, люди бежали, падали, поднимались и вновь бежали. Почти единственным, кто не потерял присутствия духа посреди этого хаоса, был Клим Ворошилов. Верхом на коне, не обращая внимания на огонь, метался он среди бегущих людей. С ним — неустрашимый Александр Пархоменко. Они выхватывают в толпе наиболее стойких людей, заставляют их остановиться, залечь, открыть огонь. И вот уже первая, еще жидкая, цепь отстреливается. А Ворошилов устанавливает вторую...

К вечеру после отчаянных усилий Ворошилову удается восстановить порядок, начать медленный отход к Каменской. Окопавшись здесь, его отряды пытаются

задержать врага, тобы позволить эшелонам пройти через станцию Лихая.

Но здесь армию ждало новое испытание.

Вокруг станции и на железнодорожных путях творилось нечто трудноописуемое. К Лихой с различных направлений стекались эшелоны других украинских армий, в основном 3-й армии. На путях не слишком-то большой станции скопилось столько паровозов и вагонов с людьми, вооружением, боеприпасами, имуществом, что не было никакой возможности быстро протолкнуть их на восток. К тому же мост через Донец у Белой Калитвы был взорван, и для его восстановления требовалось время. Беспорядок и неразбериха усиливались вражеской бомбардировкой с воздуха.

Начальники различных отрядов, застрявших в Лихой и все еще прибывающих туда, из-за всего пережитого в последние недели находились в несколько нервном состоянии. Не желая никому подчиняться, они в то же время требовали без промедления пропустить на восток именно их отряды и требования эти сплошь и рядом подкрепляли угрозой применения оружия. Безначалие царило на станции, и это грозило полным уничтожением всех красных войск.

Ворошилов и его товарищи — Артем, Руднев, Пархоменко, Щаденко, Кулик, Алябьев — начинают действовать. Выставив сильные заслоны к северу против казаков и к западу — против немцев, командование 5-й армии буквально проталкивает составы через запруженную станцию на восток.

Пожалуй, это были самые критические часы в семидесятидневном походе к Царицыну. С утра 4 мая немцы стали обстреливать Лихую из орудий, 5 мая обстрел усилился. Горели вагоны, рвались боеприпасы. «На самой станции, — писали свидетели этого боя, — оставаться было почти невозможно... Чуть забрезжил рассвет... Обстрел усилился... К полудню положение

создалось невообразимое. Мчались группами, в одиночку кавалеристы, пехота, артиллерия, на ходу рубились построики, бросались орудия, пулеметы. Трудно было установить, кто же бегущие...»

И все же в Лихой были люди, сохранявшие и голову, и выдержку, и силы... Трое суток под огнем вражеской артиллерии, среди пожаров, взрывов, руководил командарм обороной. Не раз он ходил в атаку, чтобы отбросить и задержать врага, дать возможность уйти большому числу эшелонов. И лишь когда противник подошел вплотную к станции, Ворошилов приказал взрывать и поджигать оставшиеся вагоны. Под пулеметным огнем Ворошилов поскакал вслед за эшелонами, на Белую Калитву.

«По дороге, — вспоминал очевидец, — тов. Ворошилов подбирал пулеметы. В это время его настиг (всегда нюхом его отыскивающий) Пархоменко. Последний тоже мне говорил, что, когда все побежало, смешалось, его забеспокоила мысль — что с Климом, и он пустился на поиски его, сдерживая по дороге бегущих и заставляя подбирать оружие».

Не только личной храбростью и выдержкой привлекал людей командарм: ему по-прежнему свойственны чуткость и обаяние, которые, подобно магниту, притягивают к себе сердца шахтера и крестьянина, грузчика и казака, С русским он говорит по-русски, с украинцем — по-украински. С каждым он находит общий язык, с каждым беседует о том, что волнует.

До Белой Калитвы, до переправы через Донец, наиболее опасным противником 5-й армии были германские оккупанты. Будут ли они преследовать армию или же придется иметь дело с казачьими полками? Вопрос этот обсуждался 7 мая на совещании командиров отрядов в вагоне Ворошилова. Собрались

Руднев, Щаденко, Пархоменко, Кулик, Латышев, Локотош, Михайловский.

— Думаю, — говорил командарм, — что немцы за Донец не пойдут, драться будем с казаками. Давайте думать, как пробиться к Царицыну.

Обнаруживается, что налицо разногласие:

— Надо бросить составы, идти пешим порядком, — высказывается один из командиров. — Впереди взорваны мосты, мы не сможем двигаться быстро. А если сколотим крепкие отряды — быстро проскочим через Донскую область.

Такого же мнения держались и некоторые другие командиры, но против него категорически возражал Ворошилов:

— Я тоже знаю, товарищи, что поход в эшелонах будет и долгим, и трудным, но предложение идти пешим порядком гибельное. Сколотим крепкие отряды, говорите вы. А где их сразу возьмешь? Как только выйдем в степь, лишимся прикрытия бронепоездов — нас со всех сторон обложат казаки, и попробуй тогда сохрани дисциплину и порядок! У меня Лихая до сих пор в глазах! А куда мы денем женщин и детей? Ведь их тысяч двадцать! И наконец, у нас сотня паровозов, три тысячи вагонов, столько груза. Неужто это все бросать, к чертовой матери, казакам? Нет, товарищи, я решительно против.

Мнение Ворошилова возобладало в совете, и огромная, 50-тысячная масса людей двинулась на восток. Кроме луганских металлистов, здесь были отряды харьковских рабочих, донецких шахтеров, Полтавский, Нежинский, Изюмский, Киевский, Одесский отряды (последний состоял из черноморских моряков и одесских грузчиков). В Каменской в 5-ю армию вошли иногородние и казаки под командованием Щаденко, в Белой Калитве — богураевские горняки и т. д. Пестрота, разнообразие людского состава этих отрядов,

разнохарактерность командиров, часто их строптивость, упрямство делали чрезвычайно сложным управление такой армией. Кроме того, от Лихой вместе с отрядами Ворошилова двигались эшелоны 3-й украинской армии, командиры которой не желали признавать ничьего руководства. Попадались анархически настроенные отряды и отрядики. Заставить их признать общее руководство — почти невыполнимая задача. Только с энергией Ворошилова, его решительностью, настойчивостью и твердостью можно было сплотить эту массу людей, вести ее в бой.

Впрочем, такое же положение сложилось в ту весну 1918 года на всех зарождающихся фронтах гражданской войны, будь то Северный Кавказ, Урал или Дальний Восток. Сам этот период гражданской войны с полным правом позднее называли «отрядным периодом».

Ворошилову и его соратникам приходилось создавать дисциплинированное, способное к боевым столкновениям воинское объединение на ходу, в обстановке, когда каждую минуту следовало ожидать нападения коварного и жестокого врага.

Впереди вереницы составов, двигавшийся со скоростью 3-5 километров в день, шел бронепоезд «Черепаша» и бронеплатформы с орудиями и пулеметами. Их сопровождали сильные отряды рабочих. Затем следовали эшелоны с людьми и грузами. По обе стороны, на небольшом удалении, походным порядком шли небольшие, хорошо вооруженные отряды. В арьергарде, замыкая это необычайное даже для гражданской войны шествие, находились Луганский и Одесский отряды, располагавшие броневыми платформами с орудиями. Это ошестившееся во все стороны оружием «каре», по мысли его организаторов, должно было обеспечить, и действительно обеспечило, продвижение 50 тысяч людей сквозь враждебные донские станицы.

Начиная от Белой Калитвы, казаки не оставили в сохранности ни одной станции, разъезда, водокачки. Они взрывали мосты, стрелки, на протяжении нескольких верст разбирали железнодорожные пути, жгли шпалы, гнули рельсы, утаскивали их в степные балки. Пришлось создать специальные восстановительные отряды, они разбирали путь сзади эшелонов и укладывали его заново впереди. Это крайне задерживало продвижение эшелонов армии.

Население эшелонов так пообжилось на колесах, что чувствовало себя почти как дома. Во время стоянок у составов, не обращая внимания на стрельбу, играли ребятишки, женщины стирали и сушили белье, стряпали под откосом на кострах. Случалось, что, когда эшелоны наконец начинали двигаться, обитатели города на колесах протестовали и требовали обождать, пока они доварят обед.

На всем пути в степном, маловодном краю армия страдала от недостатка воды и топлива, из-за их отсутствия паровозы часто останавливались. Поскольку водокачки были взорваны, до ближайших речек или колодцев расставляли цепочки из бойцов, женщин и подростков длиной в два-три километра и по ним из рук в руки передавали ведра и котелки с водой. В топливо же шло все, что попадалось: тысячи людей разбредались по степи, собирали дрова, ветки, ломали заборы, строения.

Не хватало продовольствия. Агитаторы белых, поднимая казаков окружающих станиц на поход против эшелонов 5-й армии, соблазняли их тем, что в этих эшелонах будто бы красные увозили много продовольствия, мануфактуры, обуви, сахара, табаку и даже денег. На самом же деле груз состоял из ценного оборудования луганских заводов, орудий, пулеметов, снарядов, патронов. Продовольствия, за исключением сахара и крахмала, было очень мало, его следовало

расходовать экономно. Именно из-за попыток учесть продовольствие в станице Морозовской у Ворошилова возник конфликт с командирами отрядов 3-й армии.

Станица Морозовская была одной из наиболее революционных в Донской области, здесь возникли крупные отряды местной Красной гвардии и сохранилась Советская власть. Когда во второй декаде мая 5-я армия достигла станицы и на несколько дней задержалась здесь, возник вопрос: как быть дальше? На совещании командиров вновь прозвучало предложение покинуть эшелоны и прямо по степи идти к Царицыну, до которого оставалось 180 километров. Местные морозовские руководители вообще не склонны были покидать станицу, намереваясь защищать ее собственными силами.

Ворошилов сумел настоять: поход будет продолжен в эшелонах, морозовские же отряды получат вооружение — 10 тысяч винтовок, пулеметы, патроны — и будут защищать станицу до тех пор, пока смогут. Он выставил и еще условие — надо ввести строжайшую экономию продовольствия, боеприпасов, учесть их, централизовать расход. Это вызвало недовольство командиров отрядов 3-й армии: ворошиловская армия, как более сильная и дружная, хочет таким путем, утверждали они, забрать все в свои руки.

— Оставить все так, как есть, — агитировали противники Ворошилова в отрядах.

Конфликт зашел так далеко, что Ворошилов был вынужден арестовать левого эсера Вишневского, командовавшего 3-й армией. Тотчас же у штабного вагона собралась толпа возбужденных бойцов, требовавшая выпустить Вишневского. Ворошилов вышел к ним и объяснил, что Вишневский арестован ввиду его дезорганизаторских действий и что ко всем, кто будет проявлять неподчинение, командование не

замедлит принять строгие меры. Предупреждение подействовало.

Одной из главных тревог Ворошилова было полное отсутствие связи с центром. Больше месяца 5-я армия была оторвана от Советской республики, никаких газет никто не видел, распространялись слухи, что Советской власти нет уже и в Москве, и в Петрограде. Положение в Царицыне, куда с таким трудом прорывалась 5-я армия, оставалось также неясным, в эшелонах поговаривали, что все прибывающие в город отряды царицынские власти разоружают, а кое-кого и расстреливают. В Царицын была послана делегация во главе с Артемом.

С трудом, с опасностью и приключениями, она пробилась в город на Волге. Здесь Артем встретил Г. К. Орджоникидзе, чрезвычайного комиссара южного района. По сохранившейся телеграфной линии Орджоникидзе и Артем вызвали Ворошилова на станцию Чир для встречи. Ворошилов собрался ехать. Но прежде чем поехать самому, он отправил в Царицын под прикрытием «Черепахи» и небольшого отряда красногвардейцев эшелон с несколькими сотнями раненых.

Считалось, что линия, вплоть до станции Чир, была свободна. Поэтому, когда вечером 22 мая поезд, проделав значительную часть пути, остановился на ночь у станции Суровикино, раненые не волновались. Ночью бронепоезд ушел, а в четыре-пять часов утра станцию атаковали казачьи отряды полковника Попова. Охрана поезда и небольшой местный суровикинский отряд героически защищались, но все же около девяти часов утра казаки ворвались на станцию. Немедленно началась расправа с ранеными: беззащитных людей расстреливали и прикалывали штыками, рубили шашками. От этого гнусного занятия казаков отвлекла

лишь возможность грабежа имущества, находившегося в вагонах.

Вдруг около десяти часов утра с запада, со стороны станции Обливская, появился дымок паровоза. Это была так называемая «бронелетучка», состоявшая из нескольких больших, кустарно забронированных американских платформ. На тамбуре передней площадки виднелась крепкая фигура человека в кожаной куртке, опоясанной ремнем. Это Ворошилов вместе с Пархоменко и Рудневым спешили на станцию Чир. Но попасть туда им в этот день не привелось.

В трех-четыре верстах западнее Суровикина, у мостика через речку Осиновую, на бронелетучку напали казаки. Несколько часов, до полудня, шла ожесточенная перестрелка, и все же Ворошилову с товарищами удалось пробиться на станцию. Санитарный поезд стоял в тупике, и прицепить его к паровозу было невозможно. Тогда под градом пуль Ворошилов, Руднев, Пархоменко бросились перетаскивать уцелевших раненых в бронелетучку, при этом Пархоменко ранили в плечо. Следовало торопиться: казаки могли разобрать путь, и гибель стала бы неизбежной. Раненые ковыляли, ползли, цеплялись за колеса, лезли на буфера. Отстреливаясь, бронелетучка, обвешанная людьми, все же вырвалась со станции.

Вернувшись в Обливскую, где к тому времени уже находились основные силы армии, Ворошилов принимает меры к захвату станции Суровикино. Однако за станцию пришлось вести упорные бои, и лишь 27 мая красные части очистили ее от казаков. В последующие дни мая, отбивая атаки врага и восстанавливая разрушенный им путь, 5-я армия продвинулась к станции Чир. Но тут ее ждало новое испытание: 600-метровый мост через Дон был взорван. 5-я армия опять оказалась в западне.

Со всех сторон ее окружали враги, и с каждым днем они становились сильнее, увереннее и предприимчивее. К этому времени казачья контрреволюция успела упрочиться. 16 мая 1918 года собравшийся в Новочеркасске «Круг спасения Дона» избрал генерала П. Н. Краснова войсковым атаманом. Выполняя его приказы, казачьи полки генералов Фицхелаурова и Мамонтова стремились расправиться с 5-й армией.

Оказавшись перед новым препятствием, командарм так же настойчив и целеустремлен, как и прежде. Он беседует с путейским инженером:

— Сколько времени потребуется для восстановления моста?

— Трудно сказать, — колеблется тот, — но думаю, что месяца полтора-два, не менее. И то, — торопится уточнить инженер, — если из Царицына помогут.

После многих недель невзгод и мучений еще столько же стоять в голой степи! Кто знает, что намерены предпринять казачьи генералы, какими силами они будут располагать через месяц! Да и помощь из Царицына, будет ли она, бабушка надвое сказала.

Нет, надо восстановить мост, да побыстрее. Но сомневаются в успехе этого предприятия многие, в том числе и старик сторож, будка которого рядом с берегом реки.

— Ни, нэ можна, нэ выйдэ, — уверяет он, — Дон тут без дна, всэ унесэ, аж до Ростова!

— Выйдет, у большевиков выйдет, — смеется Ворошилов, — поедем по мосту и тебя, отец, прокатим!

Несколько тысяч людей начали земляные работы. Было много шума, неразберихи, но постепенно установился порядок. Весь день возили к мосту на подводах, носили на носилках, ведрами землю, песок и камни, бросали в реку, а она, казалось, бесследно поглощала, уносила их в бездну. Весь день Ворошилов у

моста организовывал работу, руководил людьми, сам таскал носилки и ведра... Шесть, восемь, десять долгих дней непрерывно штурмовали люди реку. Наконец начала проглядывать насыпь, ее закрепляли, разравнивали. Из бревен сколачивали клетки, укладывали их, скрепляли...

Поначалу казаки не верили, что красным удастся восстановить мост, и постреливали так, для острстки. На разрывы снарядов никто не обращал внимания. Если же они попадали в воду и белые брюшки оглушенной рыбы покрывали поверхность реки, строители бросали работу и спешили выловить неожиданную добычу...

По мере того как строительство продвигалось вперед, казачьи генералы стали понимать, что красные уходят от них, и попытались еще до переправы уничтожить войска 5-й армии. Они вынудили морозовских красногвардейцев покинуть станицу и присоединиться к Ворошилову. Окружив отряды 5-й армии плотным кольцом, казаки непрерывно атаковали их. Бои сплошь и рядом завершались рукопашными схватками.

В боях казаки придерживались примерно одной методы: около рассвета или же на вечерней зорьке внезапно появлялась конница и пыталась совершить набег, вслед за нею наступали цепи пластунов. Если намечался успех, для преследования противника высылались уже несколько конных сотен. Такие атаки происходили по всему фронту, казачье командование искало слабые места у врага.

Так как слабых мест в кольце обороны было достаточно, Ворошилов целыми днями скакал из одного отряда в другой. В одном месте приказывал, в другом советовал, в третьем помогал. И никогда не уклонялся от личного участия в бою.

Однажды он со своим адъютантом Михайловским оказался в цепи Харьковского отряда. Под возом, шагах

в двенадцати-пятнадцати от окопавшихся бойцов Иван Локотош стал поить начальство чаем из закопченного, видимо никогда еще не чищенного казанка. Беседа, разумеется, пошла о восстановлении моста. Вдруг из цепи крики:

— Товарищ командир, казаки!

Поднялись, посмотрели — верно, казаки, несколько цепей пехоты и справа, по балке, колонна конницы.

— Не стрелять без приказа! Пусть поближе подойдут! — распоряжается Ворошилов и обращается к Григорию Кулику, начальнику артиллерии армии: — Изготовь орудия, картечью!

Команда «Не стрелять!» передается по цепи. Лежат бойцы, ждут приближения врага, видно, как многие торопят: скорее бы, скорее, скорее...

Слышна команда казачьего офицера:

— На краснюков, в атаку, ур-р-ра-а! — И конница кидается вперед. Раздается зычная команда Ворошилова:

— Пли! — И цепь открывает огонь, настолько плотный, что казаки, сталкиваясь и падая, поворачивают назад. Под разрывами картечи смешались и пехотные цепи...

— Товарищи, за мной, вперед! Ур-а-а! — поднимается Ворошилов, и за ним, как один человек, встает цепь.

Страшна штыковая атака русской пехоты, никогда не выносили, боялись ее враги. Но здесь, в донских степях, как и по всей огромной России, от одного ее конца до другого, в то лето и еще два с лишним года подряд сходились в штыковых атаках противники, люди, поставленные законами классовой борьбы друг против друга.

Не выдержали казаки, побежали. Вслед за ними, стреляя на ходу, бегут Ворошилов, Михайловский, Локотош. Вдруг на Локотоша налетает всадник в

полковничьей форме, стреляет в упор из нагана — промах. Стреляет и Локотош, но в обойме уже нет патронов:

— Клим, Клим, стреляй... его мать! — не кричит, взвизгивает высоким фальцетом Локотош.

Вскидывает карабин Ворошилов, выстрел, валится с седла и виснет в стремях казачий офицер, прочь уносит его лошадь...

После боя к Ворошилову подходит красногвардеец:

— Это вам, товарищ командарм, — и протягивает шашку чудесной работы, украшенную серебряными насечками. — С полковника сняли.

...Это лишь один эпизод тогдашней жизни командарма, запечатленный очевидцами, а сколько их было?.. Никто не считал тогда подвигов, воевали ведь не для славы...

Стало известно Ворошилову, что в станине Пятиизбянской генерал Фицхелауров собирает войска, видимо, для нападения на строителей моста. Каково расположение казаков, далеко ли они — неизвестно. Не думает долго командарм, садится в броневи́к и по пыльной степной дороге катит в разведку.

На пути казачий хуторок. Онкак вымер, не видно ни людей, ни скота. Может, жители покинули его в предчувствии прихода войны? На полном ходу броневи́к выезжает на пустую хуторскую улочку, поднимая пыль, поворачивает в другую... И вдруг стоп, впереди тупик, надо разворачиваться. Вот тут-то и ожил хутор. Из-за углов, плетней, с крыш посыпались выстрелы, защелкали о броню пули. Притаились, схитрили казаки. Шофер растерялся:

— Товарищ Ворошилов, — а у самого капелька пота на верхней губе и дрожит губа, как у зайца, — товарищ Ворошилов, задний ход-то, задний ход... того, барахлит он, не выбратся нам...

Но Ворошилов не успел ответить: броневик наполнился грохотом пулемета и запахом горелого пороха. Это пулеметчик, заметив, что казаки осмелели и высовываются над плетнями, дал длинную, почти круговую очередь.

— Знай наших! — осипло (и у него перехватило горло) кричит Ворошилов. И обращается к шоферу: — Ты успокойся, давай разворачивай, да не торопись... А ты, — поднял он голову к пулеметчику, — береги патроны. Расстреляешь, тогда нам... понимаешь, крышка.

Каждый видел, как разворачивается в узком переулке тяжелый грузовик. Два метра вперед, полметра вправо, два метра назад, полметра влево... Так и здесь, только под непрерывный грохот пуль по броне и крики казаков:

— Сдавайтесь, антихристы, все равно не уйдете...

— Попробуйте возьмите! — кричит в ответ Ворошилов.

Пять минут, десять, двадцать...

— Только бы не догадались они перекопать дорогу, только бы не догадались! — шепчет сквозь зубы шофер.

Не догадались. Броневик взревел, надал ходу и вырвался на улицу. Напоследок, не жалея патронов, бил пулеметчик по хуторским плетням и сараям.

Когда командарм вылез из броневика, все лицо его и руки были в струйках крови: казачьи пули, бившие в упор, откалывали крошечные кусочки металла внутри броневика, и они иссекли лицо и руки Ворошилова.

Восстановление моста шло успешно, и в первых числах июля 1918 года наступил день, когда по мосту медленно, осторожно пополз состав. Напрасны были страхи — выдержал мост состав, выдержал и бронепоезд. Один за другим уходили эшелоны на левый берег Дона, уходили под обстрелом озверевших от бессилия казаков. 5-я армия прорвалась к Царицыну.

Свидетельство врага иногда дороже многих аттестаций начальства и похвал друзей. 3 февраля 1919 года в белогвардейском журнале «Донская волна» № 6 были помещены следующие строки: «Ворошилов — бывший слесарь, выдвинувшийся благодаря революции. Под станцией Морозовской его войска были окружены казаками со всех сторон, но благодаря его энергии и помощи Сталина он пробивается к Дону, восстанавливает связь с Царицыном, восстанавливает железнодорожный мост и наконец соединяется с царицынским гарнизоном, приведя ему свыше 15 тыс. штыков и многочисленные запасы. Эти заслуги, а вместе с тем ясный ум, здравые военные рассуждения сделали то, что Ворошилов через короткое время занимает выдающийся пост командующего X армией Южного фронта».

Мы немного опережаем события. Нет еще ни Южного фронта, ни 10-й армии, и отряды «группы войск Ворошилова» все еще переправляются через Дон, отбивая атаки казаков. Закончился героический поход от Харькова до Царицына, в котором бойцы и командиры 5-й армии набрались опыта, закалились душой. Они теперь на многое способны, и здесь, под Царицыном, их ждут новые бои и новые подвиги.

31 мая 1918 года в «Правде», рядом с воззванием Совета Народных Комиссаров к казачеству, рядом с обращением о борьбе с голодом, рядом с призывом организовывать продовольственные рабочие отряды, было опубликовано сообщение о том, что в Царицын с чрезвычайными полномочиями направляется Сталин. Сталин немедленно выезжает в Царицын. Сразу же по приезде он убеждается, что успех порученного ему дела в первую очередь и главным образом зависит от военной обстановки на юге России. Обстановка же эта со дня да день становилась все хуже и хуже.

На Северном Кавказе Добровольческая армия генерала Деникина, отдохнув и перестроившись после апрельского поражения, изготавилась к наступлению на Кубань. В Донской области белоказачьи войска перешли к активным действиям против Царицына, стремясь отрезать город и от центра страны, и от Северного Кавказа. 25 июня они, захватив станцию Торговая, прервали сообщение по линии Царицын — Тихорецкая. Таким образом, Северный Кавказ, основной источник пополнения хлебом, был потерян. В Царицыне не было ни подготовленных людских резервов, ни соответствующей организации. Кроме того, многие из людей, отвечавших за военные дела, либо не годились для этого, либо вызывали сомнения в своей благонадежности, и, как мы увидим позднее, не без основания. В первую очередь это относилось к военным специалистам из старых офицеров, присланным в Царицын Троцким. Вот почему Сталин внимательно следил за продвижением 5-й армии к Царицыну.

Еще до того, как по восстановленному мосту двинулись эшелоны, 22 июня, Ворошилов выехал в Царицын. Здесь его уже давно ждала Екатерина Давыдовна. Она очень волновалась за мужа, вестей от него не было долго, а слухи бродили всякие... Следующим днем датирован приказ № 4 по войскам Северо-Кавказского военного округа:

«1. Все оставшиеся части бывших 3-й и 5-й армий, части бывшей армии Царицынского фронта и части, сформированные из населения Морозовского и Донецкого округов, объединить в одну группу, командующим которой назначается бывший командующий 5-й армией тов. Климент Ефремович Ворошилов.

2. Всем названным выше воинским частям впредь именоваться «Группой войск тов. Ворошилова».

3. Все начальники частей, отрядов и армий, перечисленных выше, в § 1, обязуются беспрекословно подчиняться всем приказам тов. Ворошилова; предупреждается, что неповинующиеся будут предаваться Военно-революционному трибуналу...»

Командующему «группой войск» следовало в первую очередь заняться реформированием частей. В этом ему активно помогали как царицынские большевики, в первую очередь С. К. Минин, так и старые боевые товарищи: Н. А. Руднев стал формировать резервные части, А. Я. Пархоменко был назначен особоуполномоченным по поручениям Военного Совета, луганский большевик А. И. Червяков возглавил царицынскую ЧК. Проблемы, вставшие здесь перед Ворошиловым, очень специфичны. Бойцы, к примеру, не хотели покидать эшелоны, соглашались сражаться только рядом с ними. Вызвано это было главным образом тем, что в эшелонах у большинства находились семьи. Ворошилову и Сталину, специально приехавшему в Кривую Музгу, пришлось потратить немало времени и красноречия, чтобы убедить бойцов расстаться с семьями. Женщины и дети были расселены вокруг Царицына. Из отрядов, приведенных Ворошиловым, возникают две дивизии, послужившие костяком будущей 10-й армии: Коммунистическая дивизия и Морозовско-Донецкая, каждая численностью примерно в 12 тысяч человек. Ворошилов сколачивает партизанские отряды в подлинно регулярные части, способные перейти в наступление на казаков. Во главе частей и соединений были поставлены авторитетные среди бойцов командиры, проявившие себя в боях, — О. И. Городовиков, И. М. Мухоперец, А. Я. Пархоменко, С. К. Тимошенко.

Эти последние тем временем усиливали свои атаки на Царицын. На юге войска Деникина 14 июля взяли Тихорецкую, и советские армии на Северном Кавказе

окончательно были оторваны от остальной страны. Это не могло не вызывать тревоги.

Не откладывая дела, Сталин и Ворошилов 16 июля в сопровождении технического отряда отправляются на бронепоезде по линии Котельниково — Тихорецкая. От станции Гашунь им пришлось вести перестрелку с казаками. Тем не менее, исправив путь четырежды на расстоянии 15 верст, они добрались до Зимовников (в 270 километрах от Царицына). Это вызвало у них предположение, что железнодорожную линию можно было бы очистить, если бы двинуть по ней крупные, хорошо организованные части. Беда в том, что таких частей у Ворошилова не было, их предстояло еще собрать, сколотить.

Ворошилов по-прежнему с охотой участвует в самых рискованных предприятиях. Он любит опасность, заражая своей удалей других. Ему становится известно, что в нескольких десятках верст, в слободе Мартыновке, на правом берегу реки Сал, уже около месяца отбивает атаки белоказачков советский отряд Ковалева, состоящий из украинцев — жителей слободы. Мартыновцы окружили себя окопами, вооружили всех, кто мог носить оружие. С первых чисел июля их отряд (около 3 тысяч бойцов) подвергался самой настоящей осаде, но, несмотря на ежедневные обстрелы и атаки, держался упорно. Когда иссякли патроны, их стали изготавливать в самодельной мастерской. Было ясно, однако, что белые рано или поздно раздавят мартыновцев. Храбрецов следовало спасти во что бы то ни стало. Единственный путь — кавалерийский рейд в тыл противника.

Регулярных кавалерийских частей тогда на Царицынском фронте, как и вообще в Красной Армии, было очень мало. Если обучение и формирование стрелковых частей — трудоемкое дело, то создание кавалерийских частей сложно вдвойне: тут требовались

не только специально обученные люди, но и вышколенные кавалерийские лошади. Между тем значительную долю успеха казачьих войск в сражениях с красными и можно было отнести на счет многочисленной конницы. Веками привыкшие к лихим кавалерийским налетам, донские и кубанские казаки благодаря своим стремительным и дерзким передвижениям нередко получали преимущества перед красной пехотой.

В то же время на Дону и Северном Кавказе в распоряжении красного командования имелось достаточное для формирования кавалерийских частей количество и лошадей, и опытных кавалеристов, бойцов и командиров. Об одном из них, заместителе командира 1-го социалистического кавалерийского полка, рассказал Ворошилову Сталин после того, как он побывал в частях 1-й Донской стрелковой дивизии.

Заместителя командира кавалерийского полка Ворошилов застал за интересным занятием, полностью его захватившим, — он выезжал молодую лошадь. Впоследствии Ворошилов узнал, что это было любимым его отдыхом.

Когда один из бойцов сообщил замкомполка о приезде начальства, тот соскочил с лошади и, чуть раскачиваясь при ходьбе, направился к приехавшим. Протянув руку Ворошилову, он представился:

— Буденный.

Все во внешности этого человека говорило, что он врожденный кавалерист. Крепкое, ладное, очевидно физически очень сильное тело, резкий, гордый поворот головы, загорелое, обожженное степным солнцем лицо, на котором выделялись темные, с хитринкой глаза и огромные, залихватские усы... Человек этот был замечен и сразу же стал симпатичен Ворошилову^[18].

Они познакомились, Ворошилов также понравился Буденному. Был организован митинг для бойцов полка. Потом Ворошилов обсудил с начальником дивизии Шевкоплясовым и командиром полка Думенко, как помочь мартыновцам. Было решено совершить рейд в тыл врага, и Ворошилов отправился с полком.

Рейд прошел очень успешно. Проведя своих кавалеристов хорошо знакомыми местами, незаметно от врагов, Буденный внезапно с тыла напал на казаков, осаждавших Мартыновку. Поддержанные мартыновцами, конники Буденного обратили врага в бегство и торжественно вступили в слободу. Не было предела радости освобожденных — толпа измученных многодневной осадой бойцов, женщин, детей окружила Ворошилова и Буденного. В начале августа все население слободы вместе с буденновцами вышло в расположение красных войск, в район Куберле.

Так закончилась первая совместная операция Ворошилова и Буденного. Этому содружеству впоследствии суждено было принести нашей армии немало побед.

Всю вторую половину июля и начало августа Ворошилов находился на южном участке фронта, переформировывая отдельные отряды в регулярные части. Вскоре, однако, положение резко обострилось.

Белоказачьи полки перешли в решительное наступление с целью захвата города. 9 августа красные были вынуждены оставить Калач и далее, под напором белых, попятиться к Волге. 14 августа противник находился всего в 15 километрах от Царицына. Подковообразный фронт, упиравшийся флангами в Волгу, все время сжимался.

От непрерывного гула орудий в окнах лопались стекла; ночью было светло как днем: в городе начались пожары, горели дома и лесные пристани.

Как только обнаружилась угроза Царицыну, Ворошилов возвратился с юга и сразу же приступил к руководству войсками. Он перегруппировывает части, формирует новые, без колебаний и промедления устраняет трусов и паникеров. Он бросается на самые горячие участки. Если необходимо — он сам становится во главе лучших, испытанных бойцов и с ними идет в атаку.

15 августа 1918 года. Самый напряженный, самый решающий день. Рано утром Ворошилов и Щаденко едут в автомобиле по направлению к станции Воропоново. Над ней клубы дыма от пожаров, рвутся снаряды.

Навстречу по дороге тащатся фуры с ранеными, бредут одиночные бойцы со свежими перевязками. Автомобиль подъезжает к позициям Коммунистической дивизии. Ворошилов смотрит на своих товарищей, с ними он пришел сюда из Донбасса. На всех лицах печать безмерной усталости. Но он должен заставить их идти в бой. Он поднимается на сиденье машины.

— Товарищи! — Голос его сиповат. — Товарищи, нам нельзя отступать... Некуда отступать! Сзади Волга... Не для того мы сюда пришли, с Донбасса пришли, чтобы отступать... Вперед, товарищи! За мной, сыны революции! — кричит он, из последних сил напрягая голос.

С карабином в руке он выскакивает из машины, и бойцы идут за ним. Идут, потому что за такими вожаками люди последуют в огонь и в воду.

Отрезанные врагами на железной дороге бронепоезда Алябьева не сдаются, громят казаков из орудий и пулеметов. Вслед за бойцами Коммунистической дивизии в наступление переходит Донецко-Морозовская, и вот весь фронт в движении. Белые вновь, в который уже раз, откатываются...

— Теперь на другой участок, — торопит Ворошилов шофера Цыбаненко.

Проехали несколько верст. С высокого кургана в бинокль Ворошилов осматривает степь. Вдали, слева, у застывшего на путях бронепоезда, рвутся снаряды, звук разрывов перемежается с озлобленными криками «ура». Справа блестит озеро, около него ясно видна батарея, фигурки артиллеристов и лошадей.

— Это, конечно, твои морозовцы, — хмурится Ворошилов, обернувшись через плечо к Щаденко, — только уехали, они уже и остановились, невелик у них порыв...

— Да, может, не они, отсюда не видно, — защищается Щаденко.

— Как же не они! Поехали, сдвинем их с места, а то, глядишь, в обратную сторону начнут наступать...

«Фиат» направился к батарее. По мере приближения к ней, однако, сомнения начинают одолевать сидящих в машине: «А вдруг это враг?» Никто, правда, не высказывает это вслух — стыдно перед Ворошиловым, — но пальцы Щаденко непроизвольно сжали винтовку, Пархоменко начал вдруг проверять магазин пулемета.

Цыбаненко, чувствуя себя больше всех ответственным за безопасность командарма, набрался храбрости:

— Товарищ Ворошилов, а что, если того — повернуть нам машину... Она ведь задним ходом идет так же, как и передним. Надо будет — и задом подъедем...

— Пожалуй, — соглашается командарм.

Не доезжая до батареи, машина разворачивается. Прямо у дороги сестра милосердая с крестом на груди. Белые!

— Чья батарея? — громко спрашивает, почти кричит Ворошилов. Но сестра не в состоянии вымолвить слово, глаза на ее красивом личике округлились от ужаса, она

не может отвести их от звезды на фуражке Ворошилова. На батарее же человек сорок прислуги машут руками и фуражками, принимая, видимо, автомобиль за свой.

Ворошилов, поднявшись в автомобиле, тоже машет рукой и кричит:

— Что же вы там пораскрыли рты? Идите сюда кто-нибудь!

Вахмистр на здоровенном темно-гнедом коне оторвался от толпы, полевым галопом поскакал к машине. За ним еще двое...

— Смотри, смотри, — шепчет Щаденко, — урядник, погоны на нем...

Осадив коня, вахмистр взял было под козырек, но в тот же момент Ворошилов, державший в руке опущенный карабин наготове, вскинул его и выстрелил в упор. Вахмистр полетел с лошади, товарищи Ворошилова дали залп из трех винтовок, шофер включил полный газ... За машиной погнались верховые, но догнать не догнали.

Спутники Ворошилова радостно пересмеивались.

— Но рисковать так нельзя, товарищ командарм, — заметил адъютант.

— Чудак ты, — загорелся румянцем Ворошилов, — как же на войне, да без риска? Зато теперь знаем, где белые.

Машина командарма помчалась на север.

В этот и последующие три дня, 16-18 августа, атаки казаков были особенно ожесточенными, 17 августа они даже захватили Ерзовку на Волге и пытались помешать движению судов на реке, но были отбиты. Положение оставалось крайне напряженным.

И вот в это время, в ночь с 17 на 18 августа, контрреволюционная организация предполагала начать выступление в городе. О том, что в Царицыне имеется широко разветвленное и довольно многочисленное

антисоветское подполье, можно было подозревать давно. Трудно было только представить, что одним из руководителей заговора был присланный сюда Троцким еще в мае для «организации штабной работы» начальник оперативного управления армии, бывший полковник Носович. Главой же заговора стал инженер Алексеев, прибывший в Царицын в июле, также с мандатом от Троцкого, в качестве «спеца-организатора по транспортированию нефтетоплива с Кавказа».

На протяжении двух месяцев Носович довольно беспрепятственно, пользуясь безнадзорностью со стороны советских властей и беспорядком, царившим в военных учреждениях Царицына, вел конспираторскую работу. Положение изменилось, когда 19 июля был создан Военный Совет Северо-Кавказского военного округа, в состав которого вошли И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и председатель Царицынского Совета С. К. Минин. Саботаж был раскрыт, и в результате 10 августа Носович и группа «военспецов» оказались на барже у берега Волги, где царицынская ЧК держала наиболее опасных преступников.

Только благодаря прямому заступничеству Троцкого Носович был освобожден^[19]. Заговор же был раскрыт спустя несколько дней из-за неосторожности Алексеева. Группу контрреволюционеров арестовали и расстреляли.

Расчеты врага на захват города не оправдались. С 20 августа Красная Армия под Царицыном перешла в наступление. Противник поначалу ожесточенно сопротивлялся, а затем покатился прочь от города. К 1 сентября левый берег Дона был очищен от казаков.

В боях под Царицыном отличились многие бойцы, командиры и целые части. Для награждения их Военный Совет 10 сентября устроил праздник. Сначала состоялся парад, затем концерт. В перерыве Ворошилов

выступил с речью о международном положении. Он завершил ее такими словами:

— Когда мы очистим Дон от контрреволюции, украинская буржуазия лишится помощи с этой стороны, и мы перебросим свои войска на Украину на помощь страдающим от ига буржуазии братьям...

Настанет время, когда мы сумеем устраивать праздники, как в мирных свободных условиях. Теперь же у вас торчат штыки, и это наша гордость, ибо мы исполняем свой социалистический долг...

Я горжусь, что состою в рядах столь доблестных, героических революционных войск!

От Конотопа я шел вместе с вами (гром аплодисментов) и вместе с вами буду продолжать борьбу до конца! (Продолжительные, восторженные аплодисменты.)

Ворошилов не ошибся — возвращение на Украину было не за горами. Но до этого ему в Царицыне предстояло еще многое совершить и немало пережить.

С 20 сентября войска Краснова, отдохнув и пополнившись, начали второе наступление на Царицын, и положение красных войск стало очень серьезным.

Опасность усугублялась тем, что красные части под Царицыном, и ранее страдавшие от недостатка боеприпасов и снаряжения, в сентябре 1918 года вообще оказались на голодном пайке. Боеприпасы, снаряжение и обмундирование в ту пору требовались повсюду, их не хватало, и раздираемая гражданской войной Советская республика не могла полностью снабдить своих защитников. Но и на фоне общего недостатка положение войск 10-й армии^[20] выглядело катастрофическим.

Сталин и Ворошилов много раз обращались в высшие инстанции, прося, настаивая, требуя. Но там их обращения не только не встречали должного внимания,

но, более того, вызывали странную реакцию. Речь в первую очередь идет о Троцком, занимавшем тогда пост председателя Революционного Военного Совета (РВС) Республики.

Этому крайне амбициозному и тщеславному человеку, в сугубо карьеристских целях примазавшемуся к партии большевиков, внутренне всегда чуждому делу революции, не понравилось обхождение Сталина и Ворошилова в августе 1918 года с присланными им, Троцким, военными специалистами. В данном конкретном случае недоверчивое отношение Сталина и Ворошилова к тем «специалистам» имело совершенно определенное основание: ведь и заговор существовал, и мятеж был подготовлен, и Носович перебежал к белым.

В своих действиях руководители обороны Царицына исходили из целесообразности и знаний местных условий, а потому далеко не всегда соблюдали многочисленные и многословные инструкции Троцкого. Сталин, хорошо знавший Троцкого и его методы работы, уже неоднократно вступал в конфликт с ним. Ворошилов же впервые столкнулся с Троцким. Со своей стороны, Троцкий, посылая в Царицын грозные и путанные приказы, прибегнул к испытанному средству авантюристов — клевете. В телеграммах Ленину и Свердлову он всячески пытался опорочить работу Сталина и Ворошилова, искажая и подтасовывая факты, обвиняя их в недисциплинированности и партизанщине, в срыве обороны города.

Эти утверждения Троцкого тем более несправедливы, что именно Ворошилов и Сталин были главными лицами в Царицыне, не на словах, а на деле устанавливавшими дисциплину в войсках, стремившимися превратить революционные отряды в регулярные части. Конечно, они могли в азарте спора допускать неверные суждения. Но кто не ошибается!

Столкновение обострялось, вылившись в конце сентября 1918 года в так называемый конфликт в Реввоенсовете Южного фронта.

Реввоенсовет Южного фронта был учрежден 17 сентября 1918 года. В состав его вошли Сталин, командующий фронтом П. П. Сытин, его помощник — Ворошилов и Минин. Положение Царицына оставалось угрожающим. В докладе Сталина и Ворошилова от 27 сентября в РВС Республики сообщалось, что казаки возобновили наступление, а войска «не одеты и не вооружены. Обещанных же в Москве винтовок и обмундирования до сих пор нет... В настоящее время в царицынских складах: 1) Нет снарядов (осталось 150 — сто пятьдесят штук). 2) Нет ни одного пулемета. 3) Нет обмундирования (осталось 500 комплектов). 4) Нет патронов (осталось всего миллион патронов)».

В этом докладе есть примечательная фраза: «Командующий же Сытин, странным образом не интересующийся положением фронта в целом (если не считать Поворинский участок), видимо, не принимает или не в силах принять меры для оздоровления северных участков Южного фронта. Более того, на наш двукратный запрос о состоянии северных участков он до сих пор не ответил ни единым словом...»

Выяснение отношений произошло 29 сентября на заседании РВС фронта в Царицыне. Присутствовали Сталин, Ворошилов, прибывший накануне Сытин, член РВС Республики К. А. Мехоношин и Минин. Возник спор как по вопросам управления фронтом, так и о местопребывании РВС и штаба фронта. Поскольку Сытин настаивал на невмешательстве членов Военного Совета, то есть Сталина и Ворошилова, в оперативные вопросы и требовал перенесения штаба фронта в Козлов, с чем Сталин и Ворошилов также не соглашались, решений принято не было. Сытин и Мехоношин апеллировали в РВС Республики.

Последовал обмен резкими телеграммами. 1 октября РВС Южного фронта принимает постановление: ходатайствовать перед РВС Республики о снятии Сытина с поста комфронта и назначении на его место Ворошилова. 2 октября Сталин послал в РВС Республики телеграмму, в которой, характеризуя положение Южного фронта, подчеркивал, что Царицын по-прежнему не получает боеприпасов, и ставил вопрос ребром: «1) Считаете ли вы нужным удержать за собой Юг?.. Имейте в виду, что положение под Царицыном становится все более серьезным... Мы ждем точных и безоговорочных указаний по вышеуказанным вопросам...»

Ответ Троцкого пришел незамедлительно. 3 октября в Царицыне получили телеграмму: «Приказываю тов. тов. Сталину, Минину немедленно образовать Революционный Совет Южного фронта на основании невмешательства комиссаров в оперативные дела. Штаб поместить в Козлове. Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры». Подобный тон, заносчивый и грубый, был характерен для обращения Троцкого с подчиненными ему работниками. Но в этом случае он не рассчитал своих сил.

В тот же день в 18 часов 30 минут из Царицына «Председательствующему ЦК партии коммунистов Ленину» была отправлена следующая телеграмма: «Мы получили телеграфный приказ Троцкого... Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на Юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет,

что Троцкий не Военный Революционный Совет Республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета Республики...

Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров.

Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первоочередном заседании, на которое в случае особенной надобности мы вышлем своего представителя.

Член ЦК партии *Сталин*.

Член партии *Ворошилов*».

Резкость выражений этой телеграммы показывает, сколь решительно и страстно ее авторы защищали свою точку зрения, и это очень хорошо. Но в тексте телеграммы бросаются в глаза как категорически-отрицательная оценка деятельности Сытина, так и фразы о «предателях из военных специалистов» и необходимости «пересмотреть вопрос» об их использовании. Это была ошибка, и серьезная. К тому времени вопрос о военных специалистах был уже давно и правильно решен Лениным и партией: без использования бывших военных, без их знаний и опыта невозможно было бы строительство регулярной Красной Армии.

Поскольку конфликт оставлен неразрешенным, 6 октября Сталин выехал в Москву. К этому времени белоказачьи войска вновь вплотную приблизились к Царицыну, нависла опасность потери города.

Как и в августовские дни, все нити обороны сходились к Реввоенсовету. Помещался РВС 10-й армии в центре города, на Московской, 12. В первом этаже были телефонные станции, телеграф, комендантская команда. Во втором помещался штаб, на третьем — канцелярия РВС, квартира Минина и приемная для прибывающих командиров. Через площадку — квартира командарма. По входе в нее направо почти пустая комната — стол да стулья — для собраний и совещаний, рядом спальня Ворошиловых. Через коридорчик — темная комнатка, в которой по временам, не раздеваясь, спал политический комиссар и особоуполномоченный РВС Щаденко. Впрочем, ему редко приходилось ночевать дома, должность у него была хлопотливой.

Против входа в квартиру помещалась вместительная столовая, где, кроме семьи командарма, всегда обедали пять-шесть посторонних: члены РВС, начдивы. Распоряжалась здесь Екатерина Давыдовна. Стол был простым; спиртных напитков не водилось никогда. Самому Ворошилову далеко не каждый день удавалось обедать дома — обязанности командарма требовали его присутствия на самых различных участках фронта.

Середина октября 1918 года как раз и была таким периодом. «Объехал Морозовскую дивизию, — телеграфировал Ворошилов в Царицын 10 октября. — Приняты все меры для восстановления положения... Еду в Чапурники... Положение не так плохо, как это многим трусам и дуракам кажется...» «Я и Кулик с ног сбились, пытаюсь остановить отходящих... Я напрягаю все силы и принимаю меры спасти положение. Еду опять на фронт, в цепь», — сообщал он 14 октября из Воропонова.

У этой станции на протяжении нескольких дней ходили в атаку друг на друга красноармейские и белые цепи, ходил и командарм.

15 октября в штабном вагоне на станции Воропоново он обсуждал обстановку. Над столом склонились начальник артиллерии армии чернобородый Кулик, начальник бронепоездов, горячий и отважный Алябьев. Тут же, навалившись на стол, сидел обросший щетиной, охрипший от крика начальник 1-й Коммунистической дивизии Худяков. Был он ранен, на забинтованной его ноге поверх чулка надета была огромная туфля. Время от времени он вставал, ковылял к окну и, взглянув туда, возвращался, бормоча ругательства.

Увиденное за окном не могло улучшить настроение начдива: вся станция была забита эшелонами, в теплушках которых полным-полно беженцев и раненых. Паровозов нет, вывезти их отсюда не успели, а белые близко, очень близко...

Внезапно до слуха командиров донесся дикий, пронзительный и тревожный крик, непонятно чей, мужской или женский:

— Каза-а-ки!.. Каза-а-ки!

Спустя несколько мгновений крик этот удесятился, вырос, распространился. Когда Ворошилов и его товарищи выбежали на перрон, на станции уже царила паника. Обитатели эшелонов — простоволосые женщины, босоногие детишки с воплями и плачем выскакивали из вагонов на пути, под колеса. Из дверей теплушек вываливались забинтованные бойцы. И вся эта толпа, запрудившая станцию, стремилась убежать подальше, в степь, ровную и гладкую, не дающую никакого укрытия: всем было хорошо известно, как расправлялись казаки не только с ранеными врагами, но и с их семьями.

Хуже всего было то, что паника захватила и красноармейцев станционной охраны, многие из них тоже бросились наутек, кое-кто даже оставил винтовки. Посреди всей этой кутерьмы метался, размахивая

нагайкой и извергая страшные ругательства, Худяков. Туфлю с раненой ноги он уже потерял и, кажется, даже забыл, что он ранен, настолько был охвачен желанием остановить панику и прежде всего вернуть караульных красноармейцев.

Опасность же была рядом. С юго-запада по балке рысью шла колонна казаков. Увидев ее, Ворошилов понял: еще несколько минут, и казаки ворвутся на станцию, не встретив отпора. Тогда быть беде — страшна кавалерия, преследующая бегущих, перерубят всех, скрыться в степи не удастся.

Он обвел взглядом начинавшую пустеть платформу и вдруг увидел у стены станционного здания забытый в панике пулемет! Командарм-10 бросился к «максиму», схватил за дужку хобота, выкатил за здание в канаву, развернул в сторону противника, улегся за щиток, вдел ленту, навел и... Грохот пулемета внес новый, совсем иной оттенок в станционный шум, сразу оборвал панику.

Товарищи Ворошилова один за другим прыгают в канаву, и в казаков, начавших уже было по выходе из балки разворачиваться в лаву, стреляет одна, другая, третья винтовка... Кулик и Худяков вместе с опомнившимися караульными красноармейцами тащат второй пулемет. Встреченные непрерывным пулеметным и ружейным огнем, казаки, решив, видимо, что станцию охраняет крупный гарнизон, рассыпались и скрылись в балке.

— Ну вот и все, — удовлетворенно говорит Ворошилов, отряхивая колени. — Надо только проследить, а то они могут вновь наскочить... Немедленно отправь раненых и беженцев, — обращается он к Худякову и, взяв из рук Кулика скомканную впопыхах карту, идет к вагону. За ним гурьбой, обмениваясь взволнованными замечаниями, следуют командиры.

День 15 октября был одним из самых тяжелых для защитников Царицына. Ожесточенные бои шли не только на западе от города, под Воропоновом, но и на севере, и на юге. На последнем направлении 15 октября возникла угроза прорыва врага через брешь у Бекетовки — Отрадного. Ворошилов приказал Коле Рудневу во главе вновь сформированной бригады контратаковать казаков. Руднев с честью выполнил поручение, но во время штыкового боя был ранен в живот и скончался на следующий день. Так погиб один из самых смелых и обаятельных командиров. «Памяти милейшего Коли Руднева» — так назвал Ворошилов свою заметку о погибшем. «Я знал Колю сравнительно недавно, — писал он, — всего лишь с февраля месяца, но с первых же дней нашего знакомства я почувствовал особенное влечение к этому чистому, всегда радостному и вечно занятому важными вопросами человеку...»

В последующие дни положение под Царицыном обострилось до предела. 16 октября вечером пришлось оставить Воропоново, на рассвете 17-го белые стали приближаться к Садовой. Но здесь их ждал неприятный сюрприз.

Понимая, что наступление противника достигло кульминационного пункта, и не располагая значительными людскими резервами, командование 10-й армии предприняло рискованный и смелый маневр, делающий честь и его решительности, и воинскому мастерству. Ослабив другие участки фронта, Ворошилов приказал в центре, на 4— 5-километровом отрезке, сосредоточить почти все свои артиллерийские батареи и бронепоезда. Когда утром 17 октября белоказачьи войска пошли в атаку на Садовую, их встретил огонь почти 200 орудий — концентрация, невиданная дотопе в истории гражданской войны! Сочетание столь мощного артиллерийского огня с решительными

контратаками красной пехоты привело к тому, что белые части смешались, стали отступать и вскоре побежали. У Ворононова их настиг красный бронепоезд. Под огнем его пулеметов бегство противника стало паническим. Белые были разгромлены и на центральном участке.

Командующий Донской белоказачьей армией генерал Денисов, по-видимому, недооценил своего противника, рассредоточил усилия своих войск по времени и направлениям, позволив тем самым командованию 10-й армии, маневрируя силами и средствами, бить врага по частям. Так луганский рабочий Ворошилов с честью вышел из столкновения с профессиональным военным — генералом старой армии. Враг был отброшен на 30-40 километров от Царицына, и наступление красных продолжалось.

Но чтобы его продолжать, остро требовались боеприпасы. Их по-прежнему было в обрез, и не предвиделось улучшений.

20 октября Сталин вновь уезжает в Москву, пообещав обо всем проинформировать Ленина. В адрес командования фронта и главкома из Царицына одна за другой летят тревожные телеграммы: «Волга замерзает, патронов нет, — телеграфирует Ворошилов 22 октября, — распорядитесь отправить патроны, снаряды...» На следующий день, 23 октября: «Утром заморозки. Ночью 7 градусов. Каждый день Волга может стать... Патронов нет. Противник усиливается. Что вами сделано, чтобы завтра или через два дня мы получили бы патроны, снаряды и обмундирование... Я просил, требовал, большего сделать не могу...»

Но боеприпасы и обмундирование, столь необходимые войскам в преддверии надвигавшейся зимы, поступали чрезвычайно скудно, а командующий армией получал выговор за выговором от троцкистского начальства «за паникерство». Ворошилов, сознавая

свою ответственность за судьбу армии, не уступал: «Я никому никаких обвинений не предъявлял, — отвечал он, — тревожных телеграмм во все учреждения давать не перестану...» Тогда «наводить порядок» в Царицыне пожаловал Троцкий.

Он, всерьез возомнивший себя стратегом, завел обыкновение разъезжать в специальном поезде, под строжайшей охраной с одного участка фронта на другой, оставаясь всегда, впрочем, на весьма почтительном расстоянии от разрывов снарядов и свиста пуль. Из этого-то поезда и летели во все концы страны длиннющие телеграммы, чаще всего требующие беспрекословного повиновения ему, Троцкому.

Ворошилов продолжал командовать 10-й армией. Снабжение ее улучшилось лишь после вмешательства Ленина. Получив от Сталина исчерпывающую информацию о положении дел и будучи взволнован телеграммами Ворошилова, Ленин совместно с Свердловым 24 октября послал запрос командующему Южным фронтом (копия Ворошилову):

«Получаем отчаянные телеграммы Ворошилова о неполучении снарядов и патронов вопреки его многократным требованиям и настояниям.

Предлагаем немедленно проверить это, Припать самые экстренные меры для удовлетворения и известить нас, что сделано. Указать ответственных в исполнении лиц.

Предсовнаркома Ленин^[21]».

С конца октября боеприпасы и обмундирование стали поступать в 10-ю армию более регулярно, и это позволило ей в течение ноября 1918 года вести активные действия.

Вся вторая половина ноября проходит для Ворошилова в хлопотах по организационному строительству войск. В 10-й армии, как и в других,

формируются регулярные дивизии, каждая по две-три бригады, а в них по два-три полка. Особо следует отметить, что в 10-й армии, впервые в строительстве Советских Вооруженных Сил, была сформирована кавалерийская дивизия, которой сначала командовал Б. М. Думенко, а затем С. М. Буденный.

Одновременно с организацией регулярных дивизий Ворошилов налаживает штаб армии. Работа эта для него затруднялась тем, что Троцкий явно для надзора за «своевольным» командармом прислал в качестве члена РВС своего представителя А. И. Окулова, и тот не нашел общего языка с Ворошиловым и другими членами РВС. Итогом конфликта было письмо командования 10-й армии от 12 декабря к Ленину, Свердлову и Сталину: «... Чувствуя колоссальную ответственность перед мировой революцией, мы не считаем положение безпадежным, мы напрягаем все наше умение и все наши силы... К сожалению, в этот ответственный и опасный в боевом отношении момент наша внутренняя спайка, наша дружная самоотверженная работа... разрушается нетактичностью, кичливой грубостью, полным непониманием практических задач, выполняемых армией, присланного сюда в члены реввоенсовета армии Окулова... Исчерпав все меры товарищеского воздействия, мы считаем печальной необходимостью честно сознаться, что наша дальнейшая совместная работа с Окуловым невозможна, если эта воля дезорганизатора будет по-прежнему превалировать здесь благодаря поддержке Троцкого...»

Окулова убрали из Царицына. Однако Троцкий был злопамятен, и Ворошилову пришлось оставить 10-ю армию. Нелегко было ему прощаться с боевыми товарищами, вместе с которыми он так много пережил. 19 декабря 1918 года он обратился к своим бойцам с последним приказом: «С болью в сердце расстаюсь я, товарищи, с вами. Вот уже семь месяцев, сражаясь

рядом с вами на Царицынском фронте, я полюбил вас, как боевых товарищей... Я верю, что и без меня вы, дорогие товарищи и братья, будете так же храбры, мужественны и тверды...»

Путь Ворошилова теперь лежал на Украину. С середины ноября там происходили важные события. Сбывалось предвидение великого Ленина, революция наконец настигла империю австрийских Габсбургов и кайзеровскую Германию. Под напором революционных войск австро-германские оккупанты уходили. Необходимо было восстанавливать Советскую власть, уничтоженную захватчиками на Украине. В 20-х числах ноября создается Временное революционное правительство Украины. Вместе с Ф. А. Сергеевым (Артемом), Э. И. Квирином, В. К. Авериним, В. П. Затонским, Ю. М. Коцюбинским в состав его тогда же был включен и Ворошилов.

С надеждой и тревогой возвращался Ворошилов на Украину. Что его ждет там? Обстановка на Украине тогда была исключительной. По всей стране в ту пору сталкивались, перекрещивались влияния и действия самых разнообразных классовых, политических, национальных, экономических факторов, но на Украине их переплетение было необычайно сложным, формы, в которые выливалась борьба, необыкновенно острыми, а последствия — тяжелыми и кровавыми.

После ухода австро-германских войск главным противником восстановления Советской власти на Украине была националистическая Директория, пришедшая на смену полностью обанкротившемуся режиму «гетмана» Павла Скоропадского, который держался у власти только благодаря штыкам оккупационных войск. На сторону Директории, созданной в середине ноября из националистически настроенных социал-демократов (В. Винниченко и С. Петлюра) и эсеров (Ф. Швец и А. Макаренко), перешли

войсковые формирования бывшего «гетмана»: атаман Балбачан захватил власть в Харькове, «сержупанская дивизия» — на Черниговщине. 14 декабря 1918 года «сичевые стрельцы» Директории вступили в Киев. Директория поспешила сговориться со странами Антанты, в первую очередь с Францией, надеясь получить у них помощь для борьбы с революционно настроенным народом Украины,-

Националисты спешили отгородить Украину от революционной России, отделить, изолировать украинский народ, противопоставить его народу русскому. Они повели оголтелую пропагандистскую кампанию, пытаясь разжечь ненависть ко всему русскому. Всерьез обсуждались планы выселения русских, возвеличивалась идея «Соборной Украины». Петлюровцы, подогревая аппетиты украинского кулачества и буржуазии, не стеснялись причислять к украинским землям территории Воронежской, Курской, Новороссийской губерний, Ставропольского края, Дона, Кубани, Бессарабии и некоторых польских областей.

Все это не имело ничего общего с чаяниями народа, настоящего хозяина «Неньки Украины». Теперь, когда солдаты оккупационных войск с красными флагами в дверях теплушек покидали Украину, украинский народ не мыслил себе иной власти, как власть Советов. Искусственное размежевание украинского и русского народов было глубоко чуждо рабочим и крестьянам: на протяжении многих столетий понимание общности судеб укоренилось в народном сознании. Не для того украинские рабочие и крестьяне совместно с русским народом сражались с врагами, чтобы теперь, в преддверии новой эры, открытой миру Октябрьской революцией, отделиться, обособиться в узконационалистической «щирой» замкнутости.

Восстания против националистической Директории одно за другим вспыхивали на Украине. А с востока, от

границ РСФСР, двигались полки 1-й и 2-й украинских советских дивизий, и петлюровские «сичевые стрельцы» не могли им противостоять: 3 января 1919 года был освобожден Харьков, 12 января Чернигов, 19 января Полтава, 27 января Екатеринослав. Затем настал черед и Правобережной Украины: 5 февраля петлюровцы в панике оставили Киев. Директория бежала в Винницу...

Местом своего пребывания Временное рабоче-крестьянское правительство Украины избрало первоначально Харьков. По приезде сюда Ворошилов был назначен народным комиссаром внутренних дел. Пост этот для тогдашнего положения на Украине был первостепенным. Органы Советской власти во многих местах еще не были восстановлены, а там, где они уже существовали, требовалось немало усилий, чтобы наладить их работу, и это было одной из главных задач наркома внутренних дел. Следовало обеспечить спокойствие и порядок, обезопасить граждан от нападений банд, и это также было прямой обязанностью Ворошилова. Он погружается в водоворот событий и не дает себе ни покоя, ни отдыха.

Ворошилов непременно участвует в совещаниях и съездах, проходивших на Украине. На Харьковском губернском съезде Советов в феврале 1919 года он говорил о государственном строительстве на Украине, призывал делегатов отдать все силы созданию советского государственного аппарата и в то же время отмечал, что на Украине этот процесс облегчается, так как «мы уже теперь имеем образец, опыт нашего старшего брата — российского советского строительства».

Особенно богатым на съезды был для Ворошилова март 1919 года. 1-6 марта он присутствует на заседаниях III съезда КП(б)У, где его избирают в состав украинского ЦК. 6 марта открылся III Всеукраинский

съезд Советов. Ворошилов входил в состав Центральной избирательной комиссии. Он же оглашал регламент съезда и его порядок дня. 7 марта Ворошилов выступил с речью, в которой дал отповедь украинским левым эсерам, нападавшим на политику Временного правительства Украины.

— Господа так называемые левые эсеры, — говорил Ворошилов, — стали за последнее время обвинять нас в семи смертных грехах, и здесь представитель этой вымирающей партии не удержался от того, чтобы не указать на один из этих самых тяжких грехов. А именно: что мы, коммунисты, создали здесь правительство без желания, без ведома левых эсеров. Да, это правительство было создано исключительно партией коммунистов, ибо эта партия коммунистов здесь, на Украине, как в свое время в России, вынесла всю тяжесть организованного восстания...

Вопреки злобным нападкам левых эсеров съезд одобрил линию, проводимую коммунистами на Украине, избрал Центральный Исполнительный Комитет, в подавляющем большинстве — из коммунистов. Ворошилов был избран членом ВУЦИКа, за ним остался пост наркома внутренних дел в правительстве УССР.

Через несколько дней делегация украинских коммунистов выехала в Москву: 18 марта там предстояло открытие очередного, VIII съезда РКП (б). Предполагалось, что одним из важнейших вопросов повестки дня высшего органа партии будут военные проблемы: гражданская война в России находилась в самом разгаре.

Еще до съезда, на предшествовавших ему партийных конференциях, в особенности армейских, обнаружились различные точки зрения по некоторым вопросам военной политики, раздавались возражения против линии, проводимой в военном строительстве, а также острая критика в адрес руководителей военного

ведомства, в особенности Троцкого. На съезде дискуссия по этим вопросам приняла чрезвычайно острый характер. Более того, сложилась даже особая платформа, с которой выступила так называемая «военная оппозиция». В нее входило около 40 делегатов съезда. Был среди них и Ворошилов.

Состав «военной оппозиции» был очень неоднородным. Наряду с «левыми коммунистами», расходившимися с партией по коренным вопросам марксистской теории и практики, в нее входили коммунисты, ошибочно представлявшие пути организации армии. Оказались среди оппозиционеров и такие военные работники, которые резкое недовольство Троцким переносили на общие методы руководства армией. Вот что говорится на этот счет в «Истории Коммунистической партии Советского Союза»: «Многие делегаты, как участвовавшие в «военной оппозиции», так и стоявшие на позиции ЦК, резко и в значительной мере справедливо критиковали деятельность военных учреждений. Глава военного ведомства Троцкий не считался с мнением армейских партийных организаций, нередко игнорировал права комиссаров, проявлял к ним пренебрежительное отношение, допускал администрирование в отношениях с коммунистами-военнослужащими. Своим барским поведением и диктаторскими замашками Троцкий восстановил против себя лично многих коммунистов — военных работников, вызвал в их среде недоверие к себе»^[22].

Не приходится сомневаться, что Ворошилова нужно отнести именно к этой последней категории военных работников. Сам он и до этого, и после потратил немало энергии и сил, чтобы способствовать созданию регулярной Советской Армии, внести порядок и дисциплину в ряды революционных войск. Однако горячность, запальчивость подвели его. В особенности

резко проявилось в трех выступлениях Ворошилова на заседаниях военной секции его неправильное отношение к военным специалистам. За это Ворошилова резко и справедливо критиковал Ленин.

На закрытом заседании съезда 21 марта Ленин сказал: «Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории. Это была действительно громаднейшая выдающаяся работа. Но сам же сейчас, рассказывая, Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины.

...Теперь на первом плане должна быть регулярная армия, надо перейти к регулярной армии с военными специалистами»^[23].

Критику своих ошибок Ворошилов, как и подобает настоящему коммунисту, воспринял без обиды и в дальнейшем доказал, что он искренне, не жалея сил, будет выполнять решения VIII съезда партии по военному вопросу.

Вновь Ворошилов при исполнении многотрудных обязанностей наркома внутренних дел. Основное его время занимает борьба с бандитизмом, политическим и уголовным, этим бичом жизни Украины той поры.

Весь край кишел бандами, большими и малыми, возглавляемыми атаманами с самыми дикими кличками. На Черниговщине банды атамана Ангела останавливали и грабили поезда, в Васильковском, Фастовском уездах Киевской губернии зверствовали бандиты Зеленого, в Радомышльском уезде — Соколовского и Струка... Не лучше было и в городах, в особенности в Одессе. Здесь многочисленные и наглые бандиты во главе с Мойшей Винницким («Япончиком») добились того, что богатый, многолюдный, шумный город жил затаясь, в

постоянном страхе. Население боялось выходить на улицы даже днем, тем более вечером или ночью.

Примером того, какой была ситуация в украинских городах по весне 1919 года, может служить город Радомышль Киевской губернии. Вот несколько выдержек из документа того времени:

«17 февраля. В Радомышле существует Совет рабочих и крестьянских депутатов и его исполком. На город напала банда Струка. Исполком распущен. Создан ревком. Нападение банды Струка отбито.

24 февраля. Налеты банды Соколовского. Арестован советский комендант.

26 февраля. Возобновилась власть ревкома.

4 марта. Радомышль захватила банда Соколовского, устроила кровавый погром, убив 44 человека...

22 марта. После изгнания из города банды Соколовского выбран исполком... Работе исполкома мешают частые нападения банды Соколовского...»

Так было почти повсеместно. Только в апреле 1919 года Народный комиссариат внутренних дел зарегистрировал 93 кулацких восстания, в том числе на Киевщине 38, Черниговщине 19, Полтавщине 17... От угрозы бандитских налетов не были ограждены даже такие города, как Киев.

В начале апреля Ворошилов находился в Киеве. Кулацкие восстания полыхали вокруг. В пригороде — Куреневке — еще в марте обосновались петлюровцы. 7–9 апреля им удалось спровоцировать антисоветские выступления. С утра 10 апреля поступили сведения, что бандиты ворвались в Киев, разбили небольшой отряд чекистов, проникли на Подол и начали грабеж. Ворошилов немедленно отправил все наличные силы (их было очень немного) и вместе с председателем ВУЦИК Г. И. Петровским поспешил вслед.

На Подоле шел настоящий, ожесточенный бой. Горели дома. Красноармейцы, чекисты, вооруженные

рабочие выбивали мятежников из зданий. Бой на улицах города — особый, специфический вид боя, тут возможны самые неожиданные ситуации. Неудивительно, что Петровский и Ворошилов внезапно попали в гущу мятежников. Хорошо, что бандиты не знали их в лицо, добыча была бы лакомой: сам председатель ВУЦИК и нарком внутренних дел! С трудом Ворошилову и Петровскому удалось ускользнуть от бандитов. Бой на Подоле продолжался весь день, и только к вечеру город удалось очистить от мятежников.

По инициативе Ворошилова были созданы специальные войсковые части для борьбы с бандами, усилены органы ЧК. Нарком отдал приказ организовать местные резервные коммунистические отряды, ввести обязательное военное обучение всех коммунистов. Немало партийных работников было послано в уезды, чтобы помочь местным Советам. В специальном обращении к украинским рабочим и крестьянам Ворошилов призывал: «Защищайте ваши Советы от восстаний, потому что если погибнут Советы, погибнете и вы...»

Принятые меры не замедлили дать результаты. В конце апреля в районе города Лубны красноармейцы ликвидировали банду атамана Ангела, к середине мая на Киевщине был разбит Зеленый. Одна за другой гибли крупные банды на Черпиговщине, Екатеринославщине... Но в это время Советской власти на Украине пришлось столкнуться с опаснейшими антисоветскими выступлениями Григорьева и Махно.

Если Григорьев являл собой тип обыкновенного авантюриста, ограниченного и беспринципного бандита, то Нестор Иванович Махно был, с одной стороны, личностью колоритной, с другой — чрезвычайно показательной для настроений и характеров определенного круга украинского, да и не только украинского, кулачества в эпоху гражданской

войны. Опираясь на богатых украинских крестьян, Махно сумел создать «армию» (порой довольно многочисленную). Идеология рядовых махновцев была зыбкой и расплывчатой, а их «батько», именовавший себя анархистом, руководствовался прежде всего желанием расширить и упрочить свои собственные власть и влияние. Отряды Махно сражались и с австро-германскими оккупантами, и с гайдамаками гетмана Скоропадского, и с петлюровскими «сичевиками», а позднее — и с деникинцами. Но вот на Украину возвратилась Советская власть. Перед Махно стоял вопрос: что делать? Вступать с ней в конфликт опасно, да и среди рядовых махновцев-крестьян наблюдалась широкая симпатия к Красной Армии. В ней украинские крестьяне видели защитницу от белогвардейцев, от помещиков, земли которых они поделили. Поэтому Махно решил выждать, посмотреть, что будет дальше, и начал переговоры с Красной Армией.

Советское руководство решило использовать махновцев для борьбы с белогвардейцами. «Армия» Махно была преобразована в 3-ю бригаду советской Заднепровской дивизии (командовал дивизией П. Е. Дыбенко) и с февраля 1919 года держала оборону против деникинцев на рубеже Мариуполь — Волноваха.

Советское командование понимало, что махновцы — очень ненадежный союзник, что за ними нужен, как говорится, глаз да глаз. Поэтому к Махно была направлена правительственная комиссия, в которую вошел и нарком внутренних дел Украины. Махно, однако, соглашался допустить в свое расположение только одного представителя «центра» и без оружия. Ворошилов не колебался принять эти опасные условия.

Вот он в логове «батьки». Махно, маленький, волосатый человечек, хитрит, притворяется скромным и

преданным, но никаких конкретных обещаний давать не желает. Наконец Ворошилов ставит вопрос прямо:

— Либо вы будете выполнять приказы и распоряжения, либо... — Ворошилов секунду помедлил. — Мы не поколеблемся за попытку измены расстрелять и вас, и ваш штаб...

Махно не очень испуган, по делает вид, будто обижен. Пряча свои хитрые глаза, он отвечает:

— Для меня дело революции — прежде всего! С врагами народа я сам беспощаден. Даю честное слово...

Махновцы кое-как начали воевать с белыми. Но в это время вспыхнул мятеж другого «батъки» — Григорьева.

В отличие от анархиста Махно он причислял себя к эсерам, но вряд ли у него были какие-нибудь убеждения: подвизался Григорьев и в войсках Центральной Рады, служил и гетману Скоропадскому, и петлюровцам. Когда же в феврале 1919 года на Правобережье Украины пришли красные войска, Григорьев счел за благо вступить в переговоры с советским командованием. В результате отряды Григорьева были сведены сначала в бригаду, а затем в 6-ю украинскую советскую дивизию.

Но, став формально командиром Красной Армии, Григорьев по-прежнему именовал себя «атаманом партизан Херсонщины и Таврии». В частях его по-прежнему было много кулаков, националистов, просто деклассированных элементов. Распоряжения советского командования Григорьев выполнял только тогда, когда они ему нравились. Так, он охотно повел дивизию на Одессу, и здесь григорьевцы «отличились» в грабежах и мародерстве. Реввоенсовет Украинского фронта надеялся «поладить» с Григорьевым и использовать его войска для освобождения оккупированной румынами Бессарабии. Но Григорьев отвел свою дивизию из Одессы в район Александрии для «отдыха». Когда же в начале мая от него потребовали выступления к

западным границам, Григорьев поднял мятеж. Располагая значительными силами и воспользовавшись отсутствием в советском тылу крупных воинских частей, мятежники захватили Екатеринослав, Кременчуг, Херсон, Николаев, обнаружили намерение двигаться на Киев и Харьков. Мятеж в тылу советских войск был чрезвычайно опасен.

10 мая ЦК КП(б)У принял срочные меры для разгрома мятежа, направив против него все имевшиеся части и поставив во главе их опытных и решительных работников. Ворошилов был назначен командующим Харьковским военным округом с подчинением ему в оперативном отношении всех войск, имевшихся в наличии. Без промедления Ворошилов собирает силы, формирует отряды добровольцев и, разумеется, сам спешит руководить подавлением мятежа.

Первоначальные успехи григорьевцев оказались непрочными. Красноармейские части действовали напористо, решительно, и мятежники не выдерживали столкновений с ними.

Поздно вечером 13 мая Ворошилов и Кулик приехали в Полтаву. В городе было тревожно: поговаривали, что мятежники уже недалеко. Ночью Ворошилов собрал партийных работников, командиров, объяснил им ситуацию, определил задачи. С утра же повел войска навстречу врагу, к Кременчугу.

Упорные бои на этом направлении шли несколько дней. Наконец 19 мая Кременчуг был очищен от мятежников; удалось захватить невредимым и мост через Днепр. Надо было не дать противнику опомниться, преследовать его, но сделать это пехотные части не могли — они слишком устали.

Взяв с собой в качестве прикрытия роту курсантов, Ворошилов и Кулик на бронепоезде «Коля Руднев», укомплектованном луганскими рабочими, преследуют бегущего противника. В районе станции Павлыш

Ворошилов и Кулик самолично ведут разведку и обнаруживают, что за поворотом, в глубокой выемке, стоят замаскированные бронепоезда григорьевцев, видимо поджидая красных. Но первым открывает огонь «Коля Руднев». Давно минул бой под Дубовязовкой, и луганские артиллеристы теперь умеют стрелять: прямыми попаданиями они сразу же выводят из строя два бронепоезда противника, а оставшиеся два поспешно уходят в направлении узловой станции Кориютовка. Путь загроможден разбитыми бронепоездами. Несколько часов команда бронепоезда и курсанты во главе с Ворошиловым расчищают путь, а затем следуют к Кориютовке и занимают ее.

Отсюда железнодорожный путь раздваивается: на запад, к Знаменке, и на юго-восток, к Александрии. Под огнем «Руднева» бронепоезда мятежников бежали к Знаменке, оставив неприкрытой Александрию. Там, всего в 9 верстах от Кориютовки, находился штаб Григорьева, его главные силы, склады, скопление эшелонов... Несмотря на то, что пехотные части еще не подоспели, Ворошилов решает нанести удар по Александрии.

Наступает ночь с 21 на 22 мая 1919 года. Чтобы обезопасить тыл, путь на Знаменку разбирают. В Кориютовке оставлено небольшое число бойцов с пулеметами, и по правому железнодорожному пути, свободному от поездов, «Руднев» направляется к Александрии. Навстречу ему по левому пути, не подозревая, что в Кориютовке красные, движутся эшелоны мятежников. «Руднев» набирает скорость и на ходу начинает расстреливать из пулеметов и орудий григорьевцев. Ошеломленные мятежники, не понимая происходящего, выскакивают под огнем из двигающихся составов, бегут прочь от дороги. Создается невероятная паника, и от Кориютовки до

Александрии по левому пути возникает сплошная пробка из разбитых составов.

«Руднев» на полном ходу подлетает к Александрии. Паника царит уже и здесь, сопротивления никто не оказывает, и штаб Григорьева еле успевает бежать на тачанках. Станция забита эшелонами, около них и на вокзале болтаются сотни вооруженных людей, немало пьяных. Они уже грабят вагоны с мануфактурой, обувью, спиртом, оружием. Надо срочно разоружить мятежников и прекратить грабеж. Ворошилов приказывает оставить у пулеметов и орудий только дежурных, оцепить станцию и по частям обезоруживать растерявшихся григорьевцев, загонять их в вагоны.

Григорьевцы почти не сопротивляются. Ворошилов с маузером в руке идет вдоль эшелона. Внезапно из-за вагона крик:

— Товарищи! На помощь!

Ворошилов ныряет под вагон, выскакивает с другой стороны и видит: верзила-григорьевец с дикими ругательствами рвет карабин из рук молоденького и хрупкого красноармейца. Кругом стоит толпа разоруженных мятежников, которых, как выяснилось, этот красноармеец конвоировал. Григорьевцы наблюдают за поединком, но не принимают в нем участия.

— Отойди немедленно! — кричит Ворошилов. — Отпусти карабин!

Бандит отталкивает красноармейца и тут же бросается на Ворошилова, хватает его за руку с маузером и, обладая огромной силой, начинает ее выворачивать. Ворошилов напрягается, отпихивает бандита, вскидывает маузер, стреляет... Так он спас жизнь Р. Хмельницкому, в будущем — своему адъютанту. Примечательно, что никто из разоруженных мятежников не пожелал вмешаться в схватку.

Активное участие в разгроме мятежа принимали А. С. Бубнов, П. Е. Дыбенко, А. Я. Пархоменко. Общими усилиями в две недели с Григорьевым было покончено^[24]. Однако мятеж отвлек немалые силы и как раз в тот момент, когда в борьбу на Украине вмешался, пожалуй, самый серьезный противник Красной Армии. 19 мая начали наступление в Донбассе войска Деникина, и первый удар был нанесен по махновцам.

Сражаться с регулярными частями воинство Махно было не в состоянии и бежало. Это дало возможность деникинцам нанести удар во фланг и тыл 13-й советской армии. В ближайшие дни весь Донбасс оказался во власти белых, фронт приближался к Харькову. 4 июня 1919 года РВС Советской республики отдает приказ преобразовать 2-ю Украинскую армию, присоединив к ней ряд частей, в 14-ю армию. Командармом был назначен Ворошилов, членом РВС стал В. И. Межлаук.

6 июня Ворошилов выехал в Александрову и на следующий день вступил в командование армией. Им были приняты меры к тому, чтобы остановить деникипцев и даже перейти в наступление. Но добиться этого было нелегко: формируемая армия в большинстве состояла из деморализованных, а то и анархистски настроенных отрядов, в том числе и махновских. Характерен следующий пример.

На станции Гайчур решено было, что следует провести разведку боем в направлении Гуляй-Поля, которое с 6 июня было занято белыми. Сделать это должен был «Коля Руднев», и Ворошилов, разумеется, не отказался от участия в опасном предприятии. Перед отъездом он приказал начальнику другого бронепоезда, «Освободитель», Кузьме Потерянскому оставаться на станции, защищать ее от возможного нападения и поспешить на помощь «Рудневу» в случае

необходимости. Прикрывать Гайчур был назначен кавалерийский дивизион Вознесенского полка под командой Павла Пежова. Руководить обороной станции было приказано Бурбыге — заместителю начальника штаба дивизии Махно.

«Руднев» ушел в южном направлении. Как и предполагали, противник находился поблизости, началась перестрелка с его бронепоездами. «Коля Руднев» был хорошо вооружен, у него была опытная, смелая команда, и деникинцы стали отходить. Громя их, красный бронепоезд дошел до самого Гуляй-Поля. Обстреляв и станцию, стали возвращаться к Гайчуру. Но на этой станции «Руднева» встретили огнем деникинцы: красные войска покинули Гайчур. Спаслись лишь потому, что Ворошилов и команда действовали энергично. Огнем орудий и пулеметов белые были отброшены со станции, и бронепоезд прорвался на север.

К негодованию Ворошилова, ни «Освободителя», ни кавалеристов и следов не было. Только по приезде на станцию Чанлино стало ясно, что произошло. Едва от Гуляй-Поля слышались звуки артиллерийской канонады, как на станции вспыхнула паника. Бронепоезд, а за ним и кавалеристы, даже не видя противника, бежали. Бурбыга, конечно, никаких мер к их задержанию не принял и сам поспешил покинуть Гайчур. Решение Ворошилова было немедленным: Бурбыга, другой махновец Михайлов-Павленко, Потерянский, его помощник Устмединский и Пежов были арестованы, с тем чтобы предстать перед ревтрибуналом.

Но на этом дело не кончилось. Не прошло и часа после ареста паникеров, как у вагона Реввоенсовета появилось несколько десятков кавалеристов Вознесенского полка, требовавших освобождения Пежова. Поначалу Ворошилов пытался уговаривать их,

но ничто не помогало, и уже раздавались угрозы применить оружие. Лишь с помощью командира Московского полка Садовникова и его красноармейцев бунтовщики были разоружены, а 35 человек — арестованы.

14-й армии противостояли тогда опытные и хорошо дисциплинированные белогвардейские соединения, сражаться с которыми было нелегко. Тем не менее борьба на Екатеринославском направлении продолжалась весь июнь, и только вечером 28 июня под натиском деникинцев войска красных оставили Екатеринослав.

Грозная опасность нависла над Украиной. Выполняя ленинские указания, Политбюро ЦК КП(б)У приняло ряд мер, направленных на усиление отпора белогвардейцам. Была объявлена всеобщая мобилизация, на фронт уходили коммунисты. Всего к сентябрю 1919 года в армию было направлено 20 тысяч членов КП(б)У, что составляло почти половину всех коммунистов на Украине. На руководящей партийно-политической работе в Красной Армии находились виднейшие партийные и государственные деятели Украины: А. С. Бубнов, В. П. Затонский, С. В. Косиор и другие.

Для Ворошилова в эти критические недели июня — июля 1919 года прибавилось новое осложнение: опять начались столкновения с Троцким. Тот не забыл прямодушного командарма-10, а Ворошилов стал еще более непримиримым в борьбе с извращениями военной политики партии. В начале июня Троцкий подписывает предложение председателю трибунала о возбуждении следствия по действиям командарма-14. В нем, в частности, говорилось, что командование 14-й армии якобы «повинно в нарушении ряда приказов и точных указаний, в преступном и небрежном отношении к

существующим уставам и положениям и в применении отрядно-партизанских методов».

Конечно, из начатого Троцким «дела» против Ворошилова ничего не вышло. Даже люди, ревностно исполнявшие указания Троцкого, не смогли обнаружить «нарушений приказов и точных указаний». Более того, следствие дало неопровержимые доказательства тяжелого состояния армии, ее материальной части, отсутствия должного внимания высшего военного руководства к нуждам войск. Все же из-за интриг троцкистов Ворошилову пришлось оставить пост командарма. На пленуме ЦК КП(б)У он был избран в состав его Политбюро, затем назначен командующим войсками Внутреннего фронта Украины, командующим Киевским укрепленным районом, с 22 августа — членом РВС 12-й армии, оборонявшей Киев.

Оборонять столицу Украины приходилось не только от деникинцев, продвигавшихся с востока, но и от петлюровцев. Сами по себе националисты к июлю 1919 года не располагали достаточными для борьбы с Советской властью силами. Их положение вполне точно характеризовалось словами насмешливой песенки: «В вагоне Директория, под вагоном — территория». Но с середины июля в схватку на Украине вмешались националистические западноукраинские формирования, так называемая «Галицийская армия». Она и спасла петлюровцев в тот момент от полного уничтожения. 12 августа националисты овладели Винницей, 20 августа Житомиром, 25-го Фастовом и Белой Церковью. Угроза для Украины нависла и с северо-запада: одновременно с деникинцами оживились белополяки.

Враги наседали на 12-ю армию со всех сторон, а многие части ее были расстроены, более того — ненадежны. С тревогой отмечал Ворошилов, что среди бойцов немало кулаков, бывших махновцев, григорьевцев. В боях же против белогвардейских

частей требовались войска «повышенной прочности». И Ворошилов формирует из наиболее проверенных, преданных революции людей пластунскую бригаду, хорошо проявившую себя в боях за Киев.

По должности командующего войсками Киевского укрепрайона Ворошилов постоянно в разъездах, как в тылу, так и на фронте, и по-прежнему он не очень-то заботится о своей безопасности.

Впятером — Ворошилов, А. С. Бубнов, секретарь Ворошилова С. Н. Орловский, шофер и его помощник — едут они к фронту по ухабистым, извилистым проселочным дорогам, а кое-где и без них, напрямик. Орловский пытается по карте определить, где должны находиться красные части.

— Как бы нам не въехать к белым, — озабоченно хмурит он брови и вновь водит пальцем по карте.

— Перестань, пустое дело, — останавливает Ворошилов, — сам знаешь, если в донесении сообщили, что заняли вчера такую-то деревню, то сегодня наверняка оттуда уже ушли...

— И обязательно назад! — смеется Бубнов. На окраине деревни, у оврага, остановились.

— По донесениям здесь наши, — Голос Орловского звучит неуверенно.

— Сейчас узнаем, — говорит Ворошилов и кричит старухе, замершей за плетнем от страха при виде автомобиля, вооруженных людей, пулемета: — Скажите, мамо, хто е в хуторе? Червони чи білы?

— Та ні, червоних нэма, — отвечает та, — з вечору нэма. Казаки — воны ось там, — и она указывает за овраг.

— Поворачивай немедленно, — командует Ворошилов шоферу, тот начинает крутить руль и... въезжает задними колесами в плетень, прокалывает шину. Надо ставить новую, а у шофера дрожат руки.

— Успокойся, не торопись, — говорит Ворошилов, — а мы, товарищи, посмотрим, где белые. — И с винтовкой в руках идет к соседнему перекрестку. Бубнов и Орловский — к другому.

Проходит десять томительных минут, шофер сменил шину, все собрались у автомобиля, положили пулемет на заднюю спинку, уселись... И в этот момент из узенького переулка шагах в четырехстах показались всадники. Но машина уже в движении, седоки ее с заднего сиденья бьют из пулемета... Автомобиль мчит полным ходом.

— Вот тебе и «по донесениям здесь наши», — передразнивает Ворошилов своего секретаря.

Красные войска обороняли Киев упорно, давая тем самым возможность провести эвакуацию города. Однако силы их иссякли, и они покинули Киев^[25].

Ворошилов уходил одним из последних, около десяти часов вечера. По шоссе Киев — Козелец к понтонному мосту тянулись отступающие: шли пешие, пробиралась кавалерия, громыхали артиллерийские орудия. Над хаосом отступления по временам раздавались взрывы; это рвались снаряды в киевских арсеналах.

В Броварах переночевали вместе со штабом 12-й армии. Решили переждать ночь, чтобы с утра разобраться в обстановке.

Утро это было немногим мудренее вечера: по шоссе продолжали катиться отступающие, и за ними уже надо было ждать белых. Тогда Ворошилов сам ведет в атаку пластунскую бригаду... Следует жестокий бой, бригада несет потери, отступает, но в конце концов под Козельцом удается на несколько недель стабилизировать фронт.

Как ни тяжела была утрата Киева для красных и как ни радовались тому белогвардейцы, все же основные,

решающие события развернулись в эту осень не на Киевском, а на Орловско-Курском направлении. Здесь была решена судьба деникинской армии, да и всей гражданской войны.

20 сентября 1919 года деникинские войска ворвались в Курск, 6 октября конница Шкуро захватила Воронеж, 13 октября белые взяли Орел... Грозная опасность надвигалась на Москву.

Коммунистическая партия, Ленин ясно видели угрозу, созданную для Советской республики наступлением Деникина. 9 июля 1919 года ЦК РКП (б) обратился к коммунистам с написанным Лениным письмом «Все на борьбу с Деникиным!». Сурово и прямо предупреждая об опасности, вождь революции подчеркивал, что «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»^[26]. ЦК партии требовал от всех коммунистов мобилизовать и свои силы, и массы трудящихся для отпора врагу.

На Южный фронт шли пополнения, все материальные ресурсы страна отдавала ему. 26 сентября Пленум ЦК рассмотрел представленный главкомом стратегический план борьбы с Деникиным. Выполняя указания ЦК, 27 сентября РВС Республики в целях лучшей организации управления войсками разделил Южный фронт на два: Южный и Юго-Восточный. Чтобы укрепить командные кадры Южного фронта, в тот же день РВС Республики решил подобрать и перевести на деникинский фронт наиболее способных, опытных и преданных командиров. Членом РВС Южного фронта был назначен И. В. Сталин; 8 октября вступил в должность новый комфронта — А. И. Егоров.

13 октября 1919 года в Серпухов, где находилось командование Южного фронта, приехали Ворошилов и

Бубнов. В беседе с командованием фронта шла речь и о назначении Ворошилова. Вскоре Сталин уехал в Москву, а по возвращении 17 октября предложил Ворошилову принять 61-ю дивизию. Ворошилов согласился.

На следующий день он выехал в Козлов, где сосредоточивались части 61-й дивизии. Но успела прибыть лишь одна бригада, вторая еще следовала с Восточного фронта. Знакомство с частями сразу же показало, что положение неблагоприятно: плохо было с обмундированием, комсостава во многих подразделениях и частях не хватало, хромала дисциплина. Ворошилову сразу же пришлось столкнуться с неповиновением бойцов 545-го полка. С трудом он добился выполнения приказа.

Время не ждало: 20 октября был получен приказ о формировании группы войск под командованием Ворошилова в составе 61-й и 11-й кавалерийской дивизий. Группе предстояло обеспечить стык между 13-й армией и конным корпусом Буденного, который именно в эти дни начинал свое победоносное шествие на Южном фронте.

Уже вечером 21 октября Ворошилов сумел установить связь с Буденным и сообщил тому, что стрелковые части его группы будут сосредоточиваться в Липецке, а кавалеристы займут Задонск и обеспечат фланг конного корпуса. В последующие дни Ворошилов в Липецке собирает, осматривает, готовит к бою части. Но 30 октября последовал приказ командования фронта о расформировании группы и передаче 61-й дивизии в резерв. Ее состав должен был пойти на пополнение других дивизий. В ноябре 1919 года Ворошилов получает новое назначение.

Дореволюционная «Военная энциклопедия», выходившая под редакцией знатока военного искусства генерал-лейтенанта К. И. Величко, определяла понятие «кавалерия» следующим образом: «Кавалерия

(конница), род войск, предназначенный, главным образом, для действия холодным оружием с коня... Будучи вооружена огнестрельным оружием, кавалерия может вести бой и пешком. Пользуясь своим исключительным свойством — подвижностью — и искусно применяя все имеющиеся у нее средства поражения (конь, холодное оружие, огонь), она содействует другим родам войск в бою в достижении общей цели. Прочими видами деятельности кавалерии являются: разведка, устройство завесы, набег и другие предприятия малой войны».

Из этого определения с очевидностью следует, что за кавалерией не признавалось самостоятельного стратегического значения, она должна была лишь «содействовать» другим родам войск — и только. Определение это в полной мере соответствовало взгляду на роль кавалерии, господствовавшему в высших военных кругах дореволюционной русской армии.

Первая мировая война могла только укрепить и действительно укрепила подобную оценку роли кавалерии. В условиях позиционной войны, когда боевые порядки сражающихся армий были в достаточной степени насыщены артиллерией и скорострельным оружием, кавалерии, казалось, только и оставалось, что вести разведку. Несомненно, однако, что в первый, маневренный период боевых действий на Восточном фронте, когда его линия еще не стабилизировалась и противники не успели обнести свои позиции бесчисленными проволочными заграждениями и глубокими траншеями, русская кавалерия не смогла достаточно проявить себя и потому, что ее неправильно использовали. Кавалерийские военачальники русской армии, как, впрочем, и кавалеристы других воюющих стран, оказались не на высоте.

Во время гражданской войны положение изменилось. Война эта была маневренной, и значение кавалерии в ней резко возросло. Прорывы, обходы позиций противника стали скорее правилом, чем исключением. Поскольку механизированных войск тогда еще не существовало, тот, кто располагал кавалерией, приобретал сразу же заметное преимущество в маневренности. Поначалу в распоряжении контрреволюционных сил на юге России кавалерийских частей было больше: уже в октябре 1918 года в белых войсках здесь насчитывалось 45 тысяч кавалеристов и лишь 40 тысяч пехотинцев. Донские, кубанские, терские казаки составили ядро этой кавалерии, и наличие ее в значительной степени определяло успех войск Деникина в борьбе с Красной Армией.

В распоряжении советского командования также имелось достаточное количество и бойцов-кавалеристов, и лошадей, для того чтобы сформировать крупные кавалерийские соединения. Но процесс этот шел медленно и не в последнюю очередь потому, что командование Красной Армии, особенно Троцкий, недооценивало кавалерию. Троцкий считал ее аристократическим родом войск и не раз открыто высказывал пренебрежение как к самой кавалерии, так и к кавалерийским военачальникам. Однако само положение дел на фронте требовало противопоставления многочисленной кавалерии Деникина соответствующих красных конных частей и соединений. Там, где такие соединения были созданы, они неизменно способствовали успеху красных войск. Особенно заметной была роль конного соединения Буденного.

На протяжении зимы и весны 1918-1919 годов Буденный и его кавалеристы (теперь это была 4-я кавалерийская дивизия) сражались в составе 10-й армии на Царицынском участке фронта и совершили

немало славных дел. В начале лета 1919 года к 4-й дивизии была присоединена 6-я кавалерийская дивизия. Они и составили Конный корпус Буденного. В летних и осенних боях кавалеристы корпуса не раз побеждали белогвардейские войска. Их командир, всего-то старший унтер-офицер дореволюционной русской армии, приобрел весьма лестную репутацию у неоднократно битых им белых генералов. Но громкая, поистине всемирная слава ждала его еще впереди.

В первых числах сентября 1919 года Конный корпус был выведен из состава 10-й армии и брошен в погоню за конницей генерала Мамонтова, прорвавшейся в тыл Южного фронта. Рейд Мамонтова принес серьезный урон тылам красных войск и способствовал ухудшению их положения. Но столкновение с Буденным было роковым для Мамонтова. 19 октября под Воронежем конники Буденного наголову разбили корпус Шкуро, а 24 октября, после ожесточенных боев с объединенными силами Мамонтова и Шкуро, освободили Воронеж. Форсировав Дон, Конный корпус продолжал преследование яростно огрызавшегося противника. 15 ноября, в метель, Буденный вдребезги разбил врага под Касторной.

Успех действий корпуса Буденного был поразителен. Прислушавшись к мнению Буденного, который считал необходимым создать еще более крупное кавалерийское объединение, командование Южного фронта 19 ноября 1919 года отдало приказ о сформировании 1-й Конной армии.

Известие о возможности нового назначения Ворошилов получил еще 8 ноября, а 13 ноября ему сообщили, что РВС новой армии будет состоять из С. М. Буденного — командарма, К. Е. Ворошилова и Е. А. Щаденко. В Лисках пришлось задержаться до утра 28 ноября: необходимо было сдать дела по 61-й дивизии. На станции Грязи Ворошилова догнали Щаденко и

Пархоменко, тоже направлявшиеся в 1-ю Конную. Вечером 29 ноября они были в Воронеже, где встретили Сталина и Егорова. Связи с Буденным не было: его армия, невзирая на оттепель и раскисшие дороги, преследовала противника. Командование фронта тоже хотело познакомиться с Конной армией, и дальше все поехали вместе. До Касторной, однако, удалось добраться лишь ранним утром 5 декабря, а к вечеру этого дня прибыли в Новый Оскол.

Поезду приходилось двигаться крайне осторожно, останавливаться и стоять подолгу: полотно дороги и мосты были разрушены во время боев, их еще только восстанавливали, и не всегда надежно. Такое положение было повсеместным на юге России, ставшем на несколько лет ареной ожесточенных сражений. От этого чрезвычайно страдало снабжение войск; боеприпасы, продовольствие, фураж чаще всего доставлялись к фронту на крестьянских подводах.

В Новом Осколе командование фронта ожидали сани, запряженные тройкой лихих рысаков, и полуэскадрон кавалеристов: так распорядился командарм Конной, он ждал начальство в Велико-Михайловке. Прибыли поздно ночью.

Утром 6 декабря впервые собрался РВС 1-й Конной армии. Буденный докладывал:

— Противник после нанесенных ему жестоких поражений подавлен морально и физически. Как только появляются наши передовые части, его полевые караулы и разъезды отходят, боя не принимают. Если верить пленным, а они в этом единодушны, как конные, так и пехотные части белых малочисленны...

Заседали долго, в два приема — утром и после обеда. Поскольку тут же присутствовало командование фронта, были разрешены самые насущные и важные дела: определена организационная структура армии, штаты, вопросы снабжения. Егоров охарактеризовал

задачу армии. В заключение же был составлен и подписан приказ № 1 по Конной армии. «Мы твердо уверены, — говорилось там, — что задача будет выполнена и армия, сильная не только порывами, но сознанием и духом, идя навстречу победе, беспощадно уничтожая железными полками и дивизиями банды Деникина, впишет еще много славных страниц в историю борьбы за рабоче-крестьянскую Советскую власть». Слова эти были пророческими.

На следующий день командование фронта пожелало посмотреть армию в деле. Егоров и Сталин поехали в санях, Буденный, Ворошилов, Щаденко — верхом. Был ясный морозный день. Ничто не предвещало опасности — и вдруг пулеметные очереди, разрывы снарядов. Выяснилось, что угодили ненароком прямо к полю сражения, на котором в очередной раз конница Мамонтова столкнулась с кавалеристами Буденного и в очередной раз была бита.

С высокого холма в бинокли следили Сталин, Егоров и Ворошилов за тем, как сходились в рубке конные массы. Довелось им увидеть и самого командарма, бросившегося во главе резервного дивизиона на мамонтовцев. Поле боя осталось за буденновцами, и командование направилось дальше. Ехали молча, так как окружающее не возбуждало желания разговаривать. Страшен был вид холмов и лощин, где снег был примят, растоптан и устлан телами убитых и раненых людей и лошадей.

Вечером командование фронта на бронепоезде уехало, и Ворошилов приступил к исполнению своих новых обязанностей. Хозяйство у него теперь было большим и хлопотливым.

Конная армия состояла из трех кавалерийских дивизий — 4, 6 и 11-й, — начальниками которых были соответственно О. И. Городовиков, С. К. Тимошенко и В. И. Матузенко. Каждая кавалерийская дивизия имела

три бригады двухполкового состава, одну конную артиллерийскую батарею и один автобронепоезд. Полк состоял из пяти сабельных и одного пулеметного эскадрона. В распоряжении командарма имелись бронепоезда, авиаотряд. Как правило, Конной армии придавали и пехотные дивизии. На совещании 6 декабря, к примеру, комфронта распорядился придать Конной армии для усиления 9-ю и 12-ю стрелковые дивизии.

Это была крупная боевая единица, она требовала особого управления, особого аппарата, а его не было. Поскольку военными операциями занимался командарм, Ворошилов стал создавать и налаживать армейский аппарат. Организационный опыт Ворошилова огромен, и это позволяет ему в кратчайший срок наладить работу. Вскоре штаб, Политуправление армии (Пуарм) по своей организованности, постановке работы, материальному состоянию были таковы, что им завидовали командующие другими армиями. Ворошилов не склонен был придерживаться формальностей и не колеблясь пренебрегал ими, если того требовали интересы дела. К примеру, с первых же дней встал вопрос о пополнениях. Конная армия ниоткуда не получала плановых пополнений, она укомплектовывалась в боях, за счет добровольцев, отчасти — пленных. Особенно ощутим бывал недостаток в командном составе. Не получая ничего из центра, РВС Конной по предложению Ворошилова создал Управление формирования (Упраформ). До конца войны Конная армия получала от этого не предусмотренного штатами учреждения командный состав, маршевые эскадроны, батареи, пулеметные команды.

Очень много сил отнимало у Ворошилова и снабжение. Дивизии армии все время находились в движении, никакие, даже самые расторопные,

снабжение за ними не поспевали, особенно при той разрухе, которая царила на железнодорожном транспорте. Оставлять же огромную массу людей и лошадей, так сказать, «на подножном корму» было и невозможно, и рискованно. Всегда существовала опасность того, что реквизиции могут перерасти в мародерство, как это и происходило в белой армии. Люди требовали продовольствия, а лошади — фуража, и Ворошилов со всей энергией налаживает снабжение. Выполнить это оказалось нелегко — уж очень тяжелым было состояние страны в ту пору.

Но, конечно, главной обязанностью Ворошилова, как члена РВГ армии, была политическая работа среди бойцов и командиров. Основное ядро Конной армии составляли казачья беднота и иногородние крестьяне Донской, Кубанской областей и Ставрополя. Только в 11-й дивизии большинство бойцов были из центральных губерний России. Крестьян в армии было 62 процента, казачьей бедноты — 14 процентов и рабочих — 24 процента. Словом, на три четверти Конная армия состояла из крестьян.

Командиры армии, как правило, в прошлом также были рабочими, батраками, деревенскими бедняками. Военная подготовка их ограничивалась службой в царской армии. В массе и бойцы, и командиры обладали блестящими боевыми качествами, были охвачены ненавистью к врагам революции, но ненависть эта была чаще всего стихийной. Принеся с собой в армию психологию мелкого крестьянина, кавалеристы далеко не всегда были политически и морально устойчивы.

Партизанская вольница первых месяцев гражданской войны, ее традиции сказывались еще на психологии бойцов, были свойственны и некоторым командирам. Высшим критерием ценности конармейца, в особенности командира, считалась личная смелость, даже лихость, в бою. Ею, как правило, и ограничивались

при оценке достоинств командира, а этого, конечно, далеко не достаточно в любой войне и особенно в войне гражданской, когда каждый из борющихся должен понимать, за что он сражается, какие идеалы отстаивает.

Вносить это понимание в умы рядовых бойцов было долгом комиссаров и политработников. Надо сказать, однако, что институт военных комиссаров, уже достаточно окрепший и завоевавший авторитет в других формированиях Красной Армии, в 1-й Конной не сразу достиг необходимого уровня. Политсостав армии был немногочислен и слаб, в отношениях к комиссарам и политрукам со стороны командиров сквозило ревнивое недоброжелательство. Иные кавалеристы-рубачи не могли примириться с тем, что к ним, считающим себя большевиками, приставляют каких-то политических контролеров. Нередки бывали утверждения, широко распространенные тогда и в крестьянской среде, что мы, мол, большевики, но отнюдь не коммунисты, мы против «коммунии».

Да и самих коммунистов в Конной армии насчитывалось очень мало: к моменту ее организации 200–300 человек. Ворошилов сразу же обратил на это внимание. Кропотливая каждодневная работа дала свои результаты. Забегая вперед, можно сказать, что к 1 марта 1920 года в Конной армии имелось уже 1300 коммунистов и кандидатов в члены партии, а на 15 мая — 3153. Ворошилов всю свою неистовую энергию и волю направил на то, чтобы закрепить за революцией талантливых командиров, рожденных в партизанских отрядах, сделать их последовательными большевиками, способными повести за собой массу рядовых бойцов.

В борьбе с политической отсталостью Ворошилов умело использовал печать и в первую очередь свое детище — газету «Красный кавалерист». Этому средству воспитания и партийного влияния на

кавалеристов Климент Ефремович отдавал много времени. Под опытным руководством Ворошилова армейская газета оказалась совершенным инструментом. Была газета такой же лихой и напористой, как и ее пропагандист Ворошилов, как и ее читатели. Номера «Красного кавалериста» неизменно зачитывались до дыр.

В обстановке непрерывных боев Ворошилов сумел открыть школы, чтобы ликвидировать неграмотность и наладить другие формы политико-воспитательной и культурной работы. Часто эта работа приобретала своеобразный характер. К примеру, в армии использовали свой собственный метод ликвидации неграмотности. Какой-то дотошный «ликвидатор», не удовлетворенный результатом, достигнутым в обучении грамоте бойцов на дневках, решил продолжить занятия в походах. Для этого один из бойцов выезжал вперед эскадрона. На спину ему привешивали лист с громадной буквой, которую учили неграмотные бойцы. Эскадрон хором распевал ее, если буква была гласной, или бубнил, если она была согласной...

Трудности в армейской политической работе были непомерны, и справлялся с ними Ворошилов лишь потому, что умело подобрал политаппарат и постоянно руководил им. Активную работу в частях 1-й Конной вела и жена Ворошилова Екатерина Давыдовна.

Работать ему приходилось не в тыловой обстановке, даже не в условиях затишья на фронте — 1-я Конная продолжала наступать.

Красная Армия гнала деникинцев по всему фронту. Еще недавно, еще несколько недель назад, столь грозно надвигавшиеся на Москву белогвардейцы теперь отступали, и нетрудно было предвидеть, что отступление это завершится их гибелью.

Решение командования Южного фронта использовать Конную армию в качестве маневренного

соединения, призванного расколоть фронт деникинцев, было чрезвычайно удачным. Конная армия непрерывно и успешно наступала. 16 декабря белые были разбиты под станцией Сватово, в ночь на 23 декабря красные кавалеристы форсировали Северский Донец и овладели Лисичанском, 27 декабря — Бахмутом, 29 декабря — Дебальцевом...

Вновь Ворошилов воевал в родных местах. Радостно было видеть счастливые лица своих товарищей — рабочих Донбасса, которым бойцы Конной принесли освобождение. Население пролетарского Донбасса помогало красноармейцам чем только могло. С оружием в руках рабочие освобождали целые районы, города, громили штабы и тылы белогвардейцев. Но самой главной помощью Красной Армии был приток в нее добровольцев. 7 тысяч сабель насчитывалось в Конной армии в момент ее образования, а к началу января 1920 года в ней, несмотря на потери в боях, состояло уже 12 тысяч бойцов. Прямым долгом Ворошилова было добиться того, чтобы пополнение немедленно в ходе боев использовалось полностью.

Не давая противнику опомниться от поражения в Донбассе, Конная армия преследовала его. В ночь на 7 января 11-я кавдивизия ворвалась в Таганрог. Это был огромный успех: отныне армии Деникина оказались разрезанными на две части. В тот же день, 7 января, 4-я и 6-я кавдивизии завязали бой на подступах к Ростову-на-Дону.

Два дня с переменным успехом шел бой. Белые части настойчиво сопротивлялись, и их командование рассчитывало удержать город, но вечером 8 января 4-я кавдивизия заняла Нахичевань, а 6-я ворвалась в Ростов.

Буденный и Ворошилов не стали ждать, пока кавалеристы очистят город, поздним январским вечером они въехали в Ростов. Не видно ни зги, и

только горизонт на севере освещается заревом пожаров. В городе спокойно, никто не ждет красных, а командование Конной армии в одиннадцать вечера уже собирается ужинать в доме какого-то коннозаводчика: к столу подан праздничный рождественский гусь. В штаб одного за другим приводят растерянных белогвардейских офицеров — всю ночь кавалеристы Буденного без лишнего шума громят белые штабы.

Проходит тревожная бессонная ночь. Рассвет 9 января ознаменован разрывом снаряда у дома, где расположился RBG армии. Вновь начинается бой. С чердаков, с крыш, из окон, из-за углов летят пули в конармейцев. На улицах рвутся снаряды, а юркие, как воробьи, мальчишки-газетчики пытаются продать вчерашние номера белогвардейских газет, в которых под рубрикой «Сообщения с фронта» напечатаны статьи об успехе белых к северу от Ростова, где им удалось потеснить части 8-й армии.

Бой продолжался весь день; к вечеру с помощью 33-й стрелковой дивизии сопротивление деникинцев подавлено, и 10 января в Ростове уже нет белых. Они понесли крупные потери. Следы ожесточенного сражения особенно заметны в районе железнодорожной станции. Здесь, взорванные, свалившиеся с рельсов и обгоревшие, лежат бронепоезда белых — «Генерал Каледин», «Иван Калита». Продолжают гореть и распространять удушающий смрад вагоны с мукой и сахаром. Время от времени весь город вздрагивает от мощных взрывов — это рвутся вагоны со снарядами. Ночь озаряют вспышки выстрелов орудий красных бронепоездов, обстреливающих противника, который отошел за Дон, в Батайск.

10 января Южный фронт переименовывается в Юго-Западный, Юго-Восточный же чуть позднее, 16 января, становится Кавказским, и Конная армия входит в его

состав. 14 января она вместе с 8-й армией получает приказ форсировать Дон и сбить противника с его позиций у Батайска.

Не следует думать, что после поражения в Донбассе, после отхода за Дон в рядах белой армии наступило полное разложение, что она совершенно потеряла боеспособность и не оказывала красным войскам сопротивления^[27]. Многократно битые и отступающие деникинцы сумели сохранить боевой дух, они все еще имели достаточно штыков и сабель, чтобы противопоставлять их частям Красной Армии. Военные действия на Северном Кавказе в январе — феврале 1920 года доказали это в полной мере.

Преследовать отступившего за Дон противника сразу же после взятия Ростова Конная армия не смогла, и это дало ему возможность закрепиться, подготовиться. Когда же 17 января 1920 года Буденный начал наступление на Батайск, то оно не принесло успеха. Используя благоприятную для обороны местность, противник отбил все атаки конармейцев и в этот, и в последующие дни. Поймы рек Дон и Койсуг были затоплены водой и покрыты тонким льдом, что крайне мешало наступлению кавалерии, она теряла в такой местности свою главную силу — маневренность. Ни артиллерия, ни пулеметные тачанки не могли последовать за бойцами, которые в пешем строю вынуждены были пробиваться через топь, сплошное месиво из воды, грязи и льда. В то же время противник, занимая господствующие высоты, наносил контрудары сильными группировками.

Несколько раз Буденный и Ворошилов во главе бойцов ходили на врага, но успеха не было. Не пришел он и

21 января, когда атака Батайска возобновилась. Ворошилов снова был в передовых цепях и в конце дня

чуть не погиб: близкий разрыв снаряда взломал и без того хрупкий лед, Ворошилов вместе с лошадью провалился в воду. Цепляясь руками за края льдины, он все же сумел выбраться из полыньи; лошадь же вытащили бойцы.

Убедившись в бесполезности лобовых атак на Батайск, Буденный и Ворошилов поставили перед командованием вопрос о перемене способа действий. Будучи уверены, что Конную армию используют неправильно, заставляя в пешем строю атаковать врага, не используя ее маневренности, члены РВС Конной армии предлагали прекратить наступление. 2 февраля в РВС Республики, главкому и в копии комфронта была отправлена следующая телеграмма: «С 12 января последними директивами командующего Кавказским фронтом Конная армия была брошена одна в бой без общего наступления всех армий. В ожесточенных боях между 12 января и 2 февраля Конармия потеряла 3000 кавалеристов и лошадей. Необходимы срочные меры по усилению пехотных частей Азов — Манычевская и немедленный переход в наступление по всему фронту. Красная кавалерия истекает кровью в неравных боях. Консостав уменьшился вдвое и приходит в полную негодность. Только безотлагательные, экстренные меры могут спасти положение. Все мои обращения к командующему фронтом остались без результатов. Жду срочных распоряжений.

Командарм I *Буденный*. Члены РВС *Ворошилов, Щаденко*».

Не ограничиваясь этим, Буденный написал личное письмо Владимиру Ильичу Ленину, вместе с Ворошиловым они отправили подробный доклад главкому С. С. Каменеву, несколько раз говорили по телеграфу со Сталиным. Вскоре командующим фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, в РВС фронта включен Г. К. Орджоникидзе. Новый комфронта изменил план

наступления: Конной армии предстояло, перегруппировавшись в район станицы Платовской и действуя в стык Донской и Кавказской армий противника, прорваться к станции Тихорецкая. Это было смелое и, как показали события, правильное решение. Оно ориентировало Конную армию на достижение главной цели — уничтожение сил противника путем искусного маневра. Результатом его были разгром основных сил конницы противника и решительное изменение обстановки.

11 февраля Конармия начала движение и к вечеру 14 февраля, проделав 130-километровый путь, достигла Платовской. Марш был исключительно тяжелым; шли без дорог, по левому берегу реки Сал. В рыхлом, метровом снегу тонули лошади, артиллерия, обозы. Лошадей буденновцы кормили неубранной пшеницей; чтобы добыть ее, приходилось разрывать снег.

15 февраля Конармия переправилась через Маныч, в ночь на 17 февраля совместно с пехотой 10-й армии очистила от белогвардейцев станцию Торговая и село Воронцово-Николаевка. К этому времени круто переменилась погода. После оттепели с обильным снегопадом ударил мороз: 15, 20, 25 градусов... Снег покрылся ледяной коркой, лошади, проваливаясь в сугробы во время марша по бездорожью, обдирали ноги, бойцы, в большинстве плохо одетые, обмораживались. Поэтому 17 и 18 февраля красные части отдыхали.

Командование Конармии не знало, что уже три дня навстречу ей движутся крупные силы противника. Получив сведения о переброске армии Буденного в район станицы Платовской, белое командование срочно объединило все наличные кавалерийские части, в том числе и отборные «мамонтовские полки» (в общем 10–12 тысяч сабель), под командованием генерала

Павлова^[28] и бросило их в направлении станицы Великокняжеской, чтобы ударить в тыл армии Буденного.

Для того времени это была огромная сила. На марше белая конница всей массой обрушилась на 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию Г. Гая и 28-ю стрелковую дивизию В. М. Азина. После скоротечного, но жестокого боя дивизия Гая, понеся очень большие потери, отступила. 28-я дивизия, одна из прославленных дивизий Восточного фронта, была окружена конницей в открытом заснеженном поле и практически уничтожена: из боя вышло лишь 160 пехотинцев и 174 кавалериста. Был захвачен в плен и замучен начдив Азии.

По бездорожью, в лютый мороз, без отдыха гнал вперед своих кавалеристов генерал Павлов. К вечеру 18 февраля измученная, полузамерзшая белая конница, заблудившись в степи, вместо Великокняжеской вышла на Торговую и завязала бой со сторожевыми заставами красных частей.

Ночь морозная, с сильным ветром. Издалека слышится редкая перестрелка — дело обычное, никто на нее не обращает внимания. В двухэтажном доме, где расположился РВС Конармии, полно людей. В небольшой, жарко натопленной комнате Буденный и Ворошилов разбирают донесения частей. Все, кажется, в порядке, Ворошилов оживлен, шутит. Вдруг докладывают: прибыл начальник 20-й стрелковой дивизии М. Д. Великанов и его начштаба Б. В. Майстрах. У них важные сведения:

— Мы только что захватили пленных, — докладывает начдив-20, — на Великокняжескую идет мамонтовская конница.

— Значит, в тыл нам, — полуутвердительно, полувопросительно думает вслух Буденный. — Если все

корпуса, то это тысяч десять бойцов, да артиллерия, да пулеметы... Сила немалая. — И он смотрит на Ворошилова.

— Не раз били, взгреем их и сейчас, — отвечает тот. Приводят казака-разведчика, захваченного почти у Торговой, допрашивают. Казаку и страшно в плену, и радостно — он в тепле.

— Конные корпуса идут на Торговую... — подтверждает он. — Сегодня верст сорок сделали... Уже четыре дня идем. Кони замучились, люди два дня без горячей пищи, немало и померзло уже...

— С ума он сошел, — удивляется Буденный, имея в виду Павлова, — четверо суток по сорок верст... По такой погоде!

— Тем хуже для него, — суровее Ворошилов.

Пленного уводят, и члены РВС продолжают свои дела. Но около одиннадцати часов вечера ружейная перестрелка внезапно усиливается и одновременно с нескольких сторон охватывает станицу. В сенях шум, и двое буденновцев в бурках и папах врываюся в комнату:

— Белые в Торговой!.. Тут, неподалеку!

Одеваясь на ходу, хватая оружие, все выбегают на улицу.

Произошло же следующее: понадеявшись на то, что в такой мороз белые не станут наступать, кое-кто из красных командиров ослабил сторожевое охранение. Мамонтовцы, не зная, что Торговая занята красными, еле живые от усталости и мороза, добравшись наконец до жилья, оставляли оседланных лошадей во дворах и бросались скорее в хаты. Но в хаты эти уже набилось по 30–40 красноармейцев... Между мамонтовцами, рвавшимися к теплу, и красноармейцами начались драки, переходившие, по мере того как выяснялась обстановка, в рукопашный бой.

Вспыхнула паника. По улицам уже неслись напролом обозные повозки, артиллерийские упряжки, давя друг друга, ломая пулеметные тачанки. Ездовые, дико настегивая лошадей, осатанело кричали: «Белые в станице! Белые!» Вдоль улиц безостановочно строчили пулеметы белых.

Буденный и Ворошилов бросились к бойцам. Начальники дивизий — Городовиков и Тимошенко — уже разворачивали боевые порядки. И вот Ворошилов на своем Маузере крутится на площади перед залегшими конармейцами:

— Вперед, товарищи! Ни шагу назад! Отступление — гибель!

Появление командиров так много значило, а дисциплинированность буденновцев была так велика, что они вскоре выбили белогвардейцев из Торговой. Тем, однако, деваться некуда: страшно ночевать в морозной, ветреной степи! Кавалеристы Павлова атаковали село. Но с каждой минутой сопротивление красных частей становилось организованнее, они перешли в наступление, начали преследовать отходящих казаков...

К двум часам ночи все стихло. Отчаявшись взять Торговую, Павлов увел свою конницу в сторону Крученой Балки и села Средний Егорлык. Всю ночь, до позднего утра зарево освещало степь: это казаки в тщетной надежде согреться жгли телеги, стога соломы...

Утром 19 февраля Конармия выступила в том же направлении, что и отошедшие белые. Много пережил Ворошилов за два года гражданской войны, но картина степи после ночного боя превосходила все до того увиденное им. День выдался солнечным, ярким, стоял мороз 18-20 градусов. На снежном просторе, среди умиротворяющей душу белизны, чернели брошенные орудия и пулеметы, зарядные ящики и обозные повозки,

а возле них, свернувшись в клубок, стоя на коленях, распластавшись во весь рост, лежали люди рядом с застывшими лошадьми... Специальная комиссия Конармии, обследовавшая поле боя в районе Торговая, Средний Егорлык, насчитала пять тысяч убитых и замерзших казаков, 2300 лошадей.

Разбив под Средним Егорлыком и отбросив на запад главную ударную силу белых — конницу Павлова, Буденный, верный своему правилу бить врага по частям, решил разгромить 1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Крыжановского и тем обеспечить свой левый фланг. Корпус под прикрытием трех бронепоездов оборонялся в районе станции Белая Глина.

В семь утра 22 февраля 4-я кавдивизия Городовикова начала обход противника в направлении на Горькую Балку. Здесь она натолкнулась на сводно-гренадерскую дивизию белых, разгромила ее и взяла в плен около трех тысяч человек. Взорвав железнодорожное полотно, красноармейцы отрезали путь отступления бронепоездам. К этому же времени 6-я кавдивизия Тимошенко выбила врага из Белой Глины. Штаб белого корпуса под прикрытием бронепоездов пытался прорваться на Тихорецкую, но эшелоны, дойдя до взорванного полотна, принуждены были остановиться.

Ворошилов и Буденный в бинокли следили за тем, как маневрируют бронепоезда. Было видно, что офицеры, покинув штабные вагоны, под огнем красных перебежали к бронепоезду.

— Будут отбиваться, — щурясь от солнца, заметил Ворошилов.

— Да, верно, не сдадутся, — кусая ус, проворчал Буденный. — Смотри, смотри!

По степи к бронепоезду мчались кавалеристы.

— Что они, с ума сошли, перестреляют же! — закричал Ворошилов.

И верно, подпустив красноармейцев ближе, команда бронепоезда ударила из пулеметов. На глазах у Ворошилова падает один, другой, еще, еще... Остальные поворачивают, несутся прочь и падают, падают... Через несколько минут подскочил начдив-4 Городовиков. Его калмыцкое лицо сурово:

— Мироненко убит!

Оказывается, это комбриг-2 Григорий Мироненко в конном строю атаковал бронепоезд.

— Сколько можно говорить! К чему это безрассудство! — Ворошилов огорчен и взволнован.

— Артиллерию сюда! — приказывает Буденный. Через полчаса прискакала батарея. Несколько выстрелов прямой наводкой — и бронепоезд загорелся. Но офицеры штаба Крыжановского не сдаются. В бинокль видно, как они, покинув горящую крепость на колесах, с винтовками в руках бегут в южном направлении, в степь.

— Преследовать! Не упустить! — кричит Буденный.

Далеко уйти белым не удалось, их окружили кавалеристы Городовикова. Попытка взять деникинцев живыми сорвалась: заняв круговую оборону, дружным залповым огнем офицеры отбивали атаки, красноармейцы вновь несли потери. Тогда вперед вылетели тачанки, пулеметы со всех сторон застрочили по оборонявшимся, а затем кавалеристы во главе с начдивом-4 бросились на белых. Все офицеры штаба и команды бронепоездов были зарублены. Генерал Крыжановский застрелился.

После разгрома врага у Белой Глины конармия повернула на север и северо-запад, чтобы покончить с основной группировкой противника — конницей Павлова, получившей к тому времени усиление. 25 февраля под Средне-Егорлыкской во встречном бою

кавалеристы Павлова были разбиты. В боевых порядках 1-й бригады 4-й кавдивизии Ворошилов и Буденный преследовали бегущих деникинцев. Поражение их было сокрушительным: 29 исправных орудий с зарядными ящиками, более 100 пулеметов, до 1000 подвод обоза — такова была добыча конармейцев.

Покончено с белой конницей было 1 марта в сражении под Атаман-Егорлыкской. Бой начался в десять утра и продолжался весь день. Не один раз белые и красные ходили в атаку друг на друга, и Ворошилову неоднократно пришлось участвовать в рубке. К вечеру белогвардейская конница была разгромлена. Инициатива окончательно была выбита из рук белого командования, и деникинцы отныне только отступали, изредка пытаясь задерживаться на удобных рубежах.

Ворошилов в этих боях проявил себя и как военачальник, и как храбрый воин. В приказе РВС Республики за № 314 от 26 июня 1920 года значилось: «Объявляется о награждении по постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов члена Реввоенсовета Конной армии тов. Ворошилова К. Е. орденом Красного Знамени за проявленные им мужество и доблесть в боях Конной армии на Кавказе, закончившихся полным разгромом противника и захватом в плен первого Кубанского корпуса».

То была первая боевая награда Ворошилова — первая среди множества последующих.

В разгроме деникинских войск на Северном Кавказе роль Конной армии, несомненно, велика. Что же позволяло красным кавалеристам одерживать верх в столкновениях с сильной, часто более многочисленной белой конницей? Прежде всего преимущество красной конницы, обладавшей талантливыми командирами, заключалось в том, что они правильно понимали

сущность конного боя, без стеснения отвергали устаревшие приемы его и смело вводили новаторские. Это признавали и враги. Вот свидетельство одного из них — начальника штаба казачьей Донской армии генерала Келчевского.

«Красная конница, — писал он, — во все внесла новые приемы, начиная с разведки. Высылая в разведку редко по одному, а большей частью по два и даже по три эскадрона на каждое направление, они снабжали эти эскадроны большим количеством пулеметов на тачанках, чего раньше никогда не бывало, они сбивали не только разъезды противника, но и крупные его части и всегда добивались цели разведки. Благодаря этому они подходили к полю боя и вступали в бой всегда с открытыми... глазами. Дальше, ведя главные силы в бой, они назначали в авангард полк и даже бригаду от дивизии. Главные силы, подходя к бою и сойдясь на дистанцию действительного артиллерийского огня, не прятали, а смело выдвигали вперед могучую артиллерию с огромным числом ездящих пулеметов (на тачанках) и с броневиками, которые, смело выдвигаясь, расстреливали головные части конницы противника. Во время действия своей артиллерии красные конные дивизии на широких аллюрах и огромными массами развертывались и безостановочно шли в атаку. Кавалерийские начальники красных никогда не боялись неудачи в атаке своих головных полков. Они часто даже пользовались этой неудачей. Когда противник начинал преследование этих головных полков при их неудаче, главные силы красной конницы, дав ему увлечься, наносили могучие удары, а часто окружали конницу противника своими шедшими на уступе лучшими и отборными полками. Если противник, потерпев неудачу, давал тыл, они жестоко преследовали его на десятки верст, сперва отборными по конскому составу полками, затем отдельными эскадронами и броневиками.

Преследование велось на один, на два перехода без боязни очутиться далеко в тылу превосходящих сил противника. По окончании успешного боя конница обычно шла на отдых в неглубокий тыл. Это у Буденного было введено в разумное правило, причем, в то время пока конница отдыхала, пехота, которая придавалась Конной армии, чего тоже до сих пор никогда не бывало, держала фронт, служа как бы щитом хорошо поработавшей коннице. Но стоило только врагу поднажать, как конница решительно выдвигалась вперед, наносила удар и дальше или преследовала врага, или вновь заслонялась пехотой. А пока конница преследовала противника или билась с ним, пехота совершала марш вполне спокойно и спокойно занимала указанные ей пункты, чтобы опять послужить щитом коннице. И вот благодаря умелому сочетанию действий пехоты и конницы не только пехота, но и конница всегда находилась в отличном порядке. Люди бодры и веселы, лошади сыты и хорошо убраны».

Так свидетельствовал сильный и опытный враг, которому на собственном опыте пришлось испытать мощь ударов Конной армии. Вскоре эту мощь довелось оценить и иностранным захватчикам.

Середину марта 1920 года Конармия пробыла в районе Егорлыкской. Отдохнув здесь, она 19 марта двинулась на Майкоп, куда и вступила 22 марта. Правда, город этот еще 20 марта был освобожден войсками красно-зеленой армии под командованием И. Б. Шевцова. Этим завершились боевые действия армии на Северном Кавказе. Не за горами были другие бои, и, пока конармейцы отдыхали, их начальники уехали сначала в Ростов, а затем в Москву.

Весной 1920 года Советской России выпала мирная передышка. Она оказалась кратковременной...

Воспользовавшись исключительно тяжелым положением Советской России, правящие круги буржуазно-помещичьей Польши захватили в 1919 году Западную Украину и Западную Белоруссию. Но этого им было мало, раздавались призывы к дальнейшим захватам украинских и белорусских земель, к восстановлению власти польских панов в границах XVIII века. Советское правительство еще 29 августа 1918 года торжественно признало право польского народа на восстановление единства, на образование самостоятельного государства и многократно предлагало польскому правительству урегулировать все спорные вопросы мирным путем. Но Пилсудский и его генералы, получая поддержку стран Антанты, главным образом Франции, не желали и слышать о переговорах. Рассчитывая на силу своей армии, они явно готовились к вооруженному конфликту. В таких обстоятельствах Советское правительство, располагавшее на западных рубежах весьма ограниченными вооруженными силами, считало необходимым перебросить туда некоторые освободившиеся после разгрома Колчака и Деникина соединения.

О том, что Конармии предстоит переброска в распоряжение командования Юго-Западного фронта, и шла речь в штабе Кавказского фронта, куда Ворошилов и Буденный прибыли 29 марта. Труднее всего было решить, каким образом перебрасывать армию: по железной дороге или же походным порядком. Члены РВГ армии считали, что транспортировка армии по железной *дороге* практически невозможна. Того же мнения придерживался и М. Н. Тухачевский.

В своей правоте Ворошилов и Буденный укрепились еще более по пути в Москву. Их поезд «особого назначения» тащился от Ростова до Москвы несколько суток: то железнодорожное полотно было неисправно,

то чинили мост, то не было топлива, то воды для паровоза. Поэтому в полевом штабе РВС Республики, где их приняли главком, начштаба и начальник оперативного управления^[29], представители Конармии аргументированно отстаивали необходимость переброски Конармии походным порядком. Ворошилов, в частности, говорил:

— Нам не удастся перевезти армию по железной дороге быстрее чем за четыре месяца, и это со всей очевидностью явствует из представленных нами сведений о боевом и численном составе армии. Чтобы погрузить людей, лошадей и вооружение, необходимо девятью два эшелона по 50 вагонов в каждом; чтобы перевезти автобронетанковые отряды, авиацию, тылы, штабы — еще 15–20 эшелонов; итого около 110 составов. В день мы будем в состоянии отправлять не более одного, в этом мы только что убедились по пути в Москву. Вот и получается: не ранее чем через четыре месяца, где-нибудь в конце июля, Конная сможет собраться в назначенном районе...

Доводы Ворошилова и Буденного поколебали было главкома, но все же окончательного решения он тогда не принял. Причина его нерешительности стала известна лишь впоследствии: против такой переброски Конармии возражал Троцкий. Не удовлетворенные исходом беседы в штабе, Ворошилов и Буденный пытались попасть к Троцкому на прием, но он не принял их, сославшись на то, что занят на IX съезде партии, заседания которого тогда происходили в Москве. Но не такими людьми были члены РВС Конармии, чтобы не попытаться отстоять свою точку зрения. Буденный позвонил Сталину и рассказал ему о своих заботах. Тот обещал организовать встречу конармейцев с Лениным и слово свое сдержал.

Ворошилов и Буденный были приглашены на съезд в Кремль. Они слушали выступление Ленина, а затем имели с ним длительную беседу. В заключение Ленин просил Ворошилова и Буденного передать главкому, что он склонен поддержать их предложение. Слово Ленина было решающим. 7 апреля дивизии Конармии сосредоточились на правом берегу Кубани, а 11 апреля — двинулись к Ростову.

Ворошилов возвратился в Ростов 17 апреля. День его был заполнен до предела всевозможными делами. Конная армия была сложным для того времени боевым организмом. О числе ее бойцов и вооружении в мае 1920 года можно судить из следующей таблицы:

Дивизии	Активных сабель	Пулеметов	Орудий
4-я кавдивизия	3 265	117	12
6-я кавдивизия	5 500	89	12
9-я кавдивизия	1 100	25	8
11-я кавдивизия	2 329	30	12
14-я кавдивизия	3 518	59	12
Итого . . .	15 712	320	56

Дивизии различались по составу и оснащенности, поэтому командование расформировало 9-ю кавдивизию, и состав ее пошел на пополнение других дивизий, в основном 11-й. С весенних дней 1920 года в Конармии сражалась и вновь организованная 14-я кавдивизия. Командовать ею стал А. Я. Пархоменко.

Назначение Пархоменко начдивом-14 особенно примечательно потому, что оно характерно для отношений Ворошилова с людьми. Незадолго до того, в марте 1920 года, Пархоменко совершил серьезный проступок и попал в ревтрибунал. Ворошилов был знаком с Пархоменко уже лет пятнадцать, с 1905 года, он знал Пархоменко как преданного революции до самозабвения и безумно смелого, но в то же время и

горячего, не всегда владеющего собой человека. Буденный, мягкий по характеру, был готов пойти навстречу просьбам окружающих, любивших этого героического человека, и заступиться за Пархоменко. Но Ворошилов, сам всегда очень требовательно относившийся к исполнению обязанностей, требовал того же от других и тем более не прощал дисциплинарных провинностей. Было бы даже вернее сказать, что чем более он уважал и любил того или иного человека, тем более требователен был к нему, тем менее был склонен к прощению ошибок. Под эту категорию людей подпадал и Пархоменко: на все просьбы о смягчении участи особоуполномоченного РВС армии Ворошилов отвечал, что он не считает возможным вмешаться в это дело, поскольку суд подчинен ему. Пархоменко был судим и приговорен к расстрелу. Но за него заступились Сталин и Орджоникидзе, они ходатайствовали перед ВЦИК, и Пархоменко был помилован. Его возвратили в Конармию. Ворошилов, никогда не отталкивавший товарища, совершившего ошибку, всегда предоставлявший такому человеку возможность исправиться, если была хоть малейшая надежда на исправление, не возражал против назначения Пархоменко начдивом-14. Он не ошибся: именно такой командир был нужен 14-й кавдивизии, составленной из добровольцев — шахтеров и металлистов Донбасса, и под водительством Пархоменко она совершила немало славных дел.

21 апреля Конармия сосредоточилась северо-западнее Ростова и отсюда двинулась на запад. Под ласковыми лучами весеннего солнца по раздольной степи, знакомой Ворошилову с того момента, как он стал помнить себя, едут конармейцы навстречу новым боям и новой славе. Несколькими колоннами льется по степи конница, грохочут знаменитые пулеметные

тачанки, щеголевато нахлестывают упряжки ездовые. Зрелище и внушительное, и пестрое. В колоннах можно увидеть буденновцев во всевозможном обмундировании: от старых русских шинелей и кавказских бурок до немецких мундиров и английских френчей. Встречаются бойцы и без военной формы, просто в рабочих и крестьянских костюмах. Что поделать: Республика Советов бедна, она не может еще одеть своих защитников в одинаковую, добротную, новую армейскую форму. Впрочем, форма не так уж и важна.

Столь же колоритны и лошади под кавалеристами, всевозможных пород и мастей: и вышколенные кавалерийские, и рысистые, и тяжелые ардэны, и добрые обозные, чистокровные и полукровные жеребцы, по временам — и матки с лошадьми. Седла тоже разные: офицерского образца, казачьи, драгунские, канадские. Отделка и украшения самые различные.

Вооружение буденновцев более единообразно: винтовки или карабины, шашки, револьверы. Пик мало, они не в почете у бойцов. Любимое их оружие ближнего боя — револьверы. Стрельба с коня на полном скаку — обычное дело в Конармии. Не последними стрелками числятся в Конармии и сам командарм, и член Реввоенсовета.

Пестр и людской состав армии: в большинстве это русские и украинцы, главным образом уроженцы южных областей России, но есть калмыки и немцы, татары и латыши, сербы и венгры... Вся эта многоликая, казалось бы, имеющая мало общего масса людей объединена единым революционным духом, сознанием общности справедливого дела, ради которого приходится проливать чужую и свою кровь, и единой волей командиров — Буденного и Ворошилова.

Высокий моральный уровень, отличный боевой дух конармейцев, спешащих навстречу неизвестности, навстречу тяжелым и опасным боям, еще более усиливаются благодаря радостным встречам, которые они испытали на своем пути с Кубани. Репутация Конармии у трудящихся страны уже огромна. Во всех городах и селах, через которые следует армия, на улицах шпалерами стоят люди, взрослые и дети, приветствуя буденновцев. Хорошо встречал Конармию Ростов, но особенно памятен Екатеринослав: весь он был украшен флагами, транспарантами, приветственными лозунгами, десятки тысяч людей стояли на тротуарах, букеты цветов летели под копыта лошадей из окон, с балконов и крыш. На торжественном вечере Буденного и Ворошилова буквально завалили цветами.

Но не все и не всюду ждали Конармию с любовью и радостью. На Украине, еще до подхода к Екатеринославу, первыми, с кем переводались конармейцы языком оружия, были махновцы. При подходе двигавшихся широким фронтом дивизий к Гуляй-Полю, «столице» Махно, бандиты всполошились. Не могло быть и речи об организованном сопротивлении, в столкновениях с буденновцами 28–30 апреля бандиты не выдерживали и десятиминутного боя, несли большие потери и разбегались. Тогда Махно применил испытанное средство: разделив банду на мелкие отряды, он со своими основными соратниками уклонился от прямой встречи с армией Буденного.

У Конармии не было времени окончательно расправиться с махновцами: 25 апреля польские войска начали наступление, малочисленные дивизии 12-й и 14-й армий, оборонявших Украину, не могли их остановить, и положение ухудшалось с каждым днем. 6 мая польские войска захватили Киев. Конармии следовало спешить, спешить...

Переправившись на правый берег Днепра, буденновцы основательно потрепали и петлюровских бандитов. С этими было проще, чем с махновцами: и по численности их банды были меньше, и вооружены они были хуже, и атаманы их были поплоче, да к тому же атаманы эти грызлись друг с другом как голодные собаки. Националистические атаманы находились в услужении у белополяков, и банды их образовывали своего рода сторожевое охранение перед боевыми порядками польских войск. Командование последних имело сведения о приближении Конармии и готовилось к встрече. Впрочем, польские генералы и в первую очередь сам Пилсудский, не верили в возможность успешного использования крупных конных масс в современной войне. Пилсудский даже называл Конармию «стратегической нелепостью». В этом нет ничего удивительного, Пилсудский только следовал установившимся взглядам на роль конницы. Впоследствии немецкий исследователь фон Фор писал: «По существу (в мировую войну), не было ни одного военачальника, который имел бы доктрину вождения больших масс конницы и который осмелился бы эту доктрину применять. Единственный, кто посмел, был генерал русской кавалерии, без образования, вышедший из рядовых, генерал Буденный. Он достиг потрясающего успеха...»

К 25 мая 1920 года Конармия сосредоточилась близ Умани. Был совершен более чем тысячеверстный поход — событие само по себе выдающееся. Но, главное, этот невиданный в истории современных войн переход конницы не привел к ее истощению, части прибывали в места сосредоточения готовыми к бою.

27 мая Конармия перешла в наступление.

Первые дни прошли в упорных боях, принесших значительный успех Конармии, но все же польский фронт ей прорвать не удалось. К тому были важные

причины: сражаться теперь приходилось в изменившихся условиях. Вместо открытых, степных, почти безлесных просторов, на которых привыкли действовать буденновцы, пересеченная, с большими лесами, болотами, многочисленными реками местность. Взамен встречных боев, обходов, маневров — необходимость прорывать заранее подготовленную, снабженную траншеями, проволочными заграждениями оборону. И наконец, сам противник, хорошо обученный, технически гораздо более оснащенный, чем красноармейцы. К тому же польские солдаты дрались с отчаянным упорством. Это объяснялось как шовинистическим угаром, охватившим значительные круги населения Польши, так и влиянием пропаганды, бесстыдно клеветавшей на Красную Армию. От Буденного и Ворошилова требовалось в считанные дни учесть изменение обстановки и в корне перестроить как тактические формы действия кавалерии, так и в значительной степени методы ведения пропагандистской работы в частях. Это было немедленно сделано.

РВГ армии 4 июня издал приказ, в котором разбирались итоги первых боев с поляками и излагались указания по тактике конницы в новых условиях. Чтобы не допустить излишних потерь, которые имели место в первые дни, Буденный и Ворошилов приказывали применять лобовую атаку лишь как исключение. Главными формами действий должны были оставаться обходы и обхваты польских укреплений, удары в стыке частей и соединений. В наступлении все командиры обязаны были иметь резервы и обязательно завершать бой ударами по ближним тылам противника, чтобы вызвать панику. Командный и политический состав в Конармии был опытным, и эти указания немедленно принимались к исполнению.

Перегруппировав войска, собрав их в мощный кулак в районе села Самгородок, Ворошилов и Буденный выехали в передовые части, чтобы руководить прорывом. Весь день 4 июня шел дождь. Серая его пелена затянула поле и лощины. Промокшие и продрогшие бойцы в колоннах на чем свет стоит кляли непогоду.

К вечеру дождь ослаб, а потом и вовсе прекратился. Поужинав, Ворошилов и Буденный собрались спать. Ворошилов постелил было на лавку свою потертую кожаную тужурку, улегся. Но сон не брал его. Не спал и Буденный. Одни и те же мысли одолевали их. Удастся ли прорыв?

Ворошилов сел, потом стал растирать большими пальцами виски. Буденный уже знал — это признак начинающейся головной боли.

— Выйдем во двор, все равно не спится, — предложил он.

Во дворе было сыро и прохладно, лошади хрустели сеном, под сараем переговаривались бойцы. Им тоже не спалось — завтра в бой. Так просидели до утра.

Перед зарей густой туман окутал все, и когда Ворошилов вместе с Буденным взобрались на колокольню, чтобы осмотреть местность, то они ничего не смогли разглядеть, кроме вспышек выстрелов артиллерийских орудий. Бой уже начался. Прорвав фронт врага, кавалеристы Буденного в этот день на 25 километров углубились в его тыл, громя по пути небольшие гарнизоны, обозы. За день и Ворошилов, и Буденный по нескольку раз вместе с бойцами ходили в атаку. Вечером же, вплоть до рассвета, изучали в штабе донесения начдивов и данные разведки.

Едва забрезжил рассвет, Конармия двинулась дальше. Уже к полудню 6 июня 4-я кавдивизия ворвалась на станцию Попельня. Польский бронепоезд «Генерал Довбор-Мусницкий» успел удрать в

направлении Казатина, но кавалеристы опередили его, разобрали путь, и бронепоезд сошел с рельсов. Со штабным эскадроном Буденный и Ворошилов прискакали к месту крушения: добыча была крупной. Однако поляки встретили их пулеметным огнем, и пришлось скрыться от него в лесу. Но вскоре команда бронепоезда — сотня солдат и офицеров — сочла за благо сдаться.

Главное было сделано. «Как вода смыкается, покрывая уходящий на дно камень, — писал позднее польский военный историк Клеберг, — так и польский фронт восстанавливается в тылу красной конницы. Но Буденный мало об этом заботится. Он достиг своей первоначальной цели; он в тылу польских позиций и в настоящее время не видит перед собой ни одной части противника, способной его остановить. Он тщательно избегает всякой задержки, уклоняется от всякого боя, стремясь прямо к своей основной цели: с одной стороны — к Житомиру, главной квартире командующего Украинской группой армий, с другой — к польским войскам, прикрывающим район Киева».

Рейд Конармии становился все стремительнее. 7 июня 4-я кавдивизия овладела Житомиром. Уничтожив польский гарнизон, красноармейцы освободили из плена 5 тысяч своих товарищей и 2 тысячи заключенных тюрьмы. В этот же день 11-я кавдивизия после ожесточенного боя захватила Бердичев. К 8 июня прорыв Конармии в расположение противника достиг 120-140 километров, польский фронт оказался расколотым на две части, а его 3-я армия в районе Киева под угрозой окружения. Атакуемые с востока и севера войсками 12-й армии поляки 12 июня оставили Киев. В последний раз за гражданскую войну переменялась власть в этом многострадальном городе, переменялась окончательно.

3-я польская армия понесла большой урон, все успехи польских войск на Украине были сведены на нет прорывом красной конницы, и захватчикам пришлось поспешно отступить, оставляя обозы и раненых. По временам это отступление становилось паническим: так велик был теперь страх перед кавалеристами Буденного.

В лесисто-болотистой местности на реке Уж, притоке Припяти, белополяки попытались задержаться, но после упорных боев были отброшены. 27 июня после ожесточенного пятидневного сражения был занят Новоград-Волын-ский. Разгромив во встречном бою 2 июля польскую группировку, пытавшуюся уничтожить Конармию, буденновцы 3 июля освобождают Острог, 4 июля достигают Ровно. Но поляки ожесточенно сопротивляются, контратакуют, Ровно переходит из рук в руки и лишь 10 июля окончательно закрепляется за буденновцами.

Этот успех дорого стоил Конармии. На следующий день Буденный и Ворошилов телеграфировали в Кременчуг, где находился командующий Юго-Западным фронтом: «Армии абсолютно необходим кратковременный, не менее семи дней, отдых, в течение которого возможно будет хотя бы отчасти пополнить убыль техники, подтянуть снабжение, восстановить боеспособность...»

Но отдохнуть не пришлось — к вечеру 11 июля была получена директива А. И. Егорова: «...Конармии, составляющей с частями 45-й стрелковой дивизии ударную группу фронта, стремительно преследовать отступающего противника, нанося главный удар в обход Брест-Литовского района в общем направлении на Луцк — Грубешов — Люблин — Луков». Тем самым Конармия должна была способствовать наступлению войск Западного фронта: они 11 июля освободили

Минск, 14 июля Вильну, 19 июля Гродно и развернули наступление на Варшаву.

Армия Буденного начала выполнять директиву, но противник и не думал отступать без боя. Лишь после упорных сражений с белополяками буденновцы 19 июля освободили Дубно, 21 июля — Кременец, затем форсировали Стирь. Наступление давалось нелегко, и Ворошилов постоянно находился в передовых частях, принимал участие в схватках с врагами. Пристально присматриваясь ко всему в армии, он отмечал и успехи, и недостатки. Вот несколько его записей того периода:

«17 июля 1920 года, с. Уженец, р. Стирь.

Посетил 31-й полк 6-й дивизии, убедился еще раз, что наши командиры по-прежнему не ведут должной разведки и охранения, вследствие чего противник смог сегодня утром целыми тремя пехотными полками уйти на шоссе из леса, где стоял наш 31-й полк».

«18 июля 1920 года, г. Млынов.

По-прежнему мы страдаем от отсутствия руководства, связи и действительной разведки. Красноармейцы выше всяких похвал. Комсостав лично безумно храбр и предан делу, тогда как многие руководители ниже всякой критики».

«19 июля 1920 года.

Противник, отбив атаку конницы 14-й кавдивизии, бросился в контратаку и, сбив наши пешие цепи, занял высоту, что на южной стороне д. Сморгдва... Наши командиры медлительны, нерешительны и плохо ориентируются в обстановке. Связь до сих пор налажена плохо. Рядом действующие дивизии не знают друг о друге. Сторожевое охранение отсутствует. Начдивы до безумия храбры, как и весь комсостав, но плохо справляются с управлением. Этому причиной еще и новая, незнакомая местность. Степи, равнины — вот родина нашей конницы».

19 июля сделана и такая запись: «Вечером, возвращаясь с позиции у Сморгды, на лугу один из ординарцев заметил лошадиную голову, торчащую из колодца. Я предложил С. М. Буденному вытащить лошадь, которая оказалась живой. Торчала одна голова. За уши, за гриву с большим трудом мы извлекли серенькую, небольшую, но хорошенькую лошадку. На ногах стоять не могла, поддерживали некоторое время руками. Вероятно, была в воде не менее 6–8 часов. Через 5 минут, взятая на чом-бур, поплелась за нами извлеченная буквально из пасти смерти наша маленькая лошадка. Это может служить минимальной компенсацией лошадиной породе за ее беззаветную и величайшую службу нашему делу. Кстати, лошадей гибнет у нас много, а пополнение ниоткуда не поступает...»

23 июля командование фронта изменило задачу Конармии. Теперь директива требовала от нее, разгромив дубно-кременецкую группировку противника, овладеть после стремительного рейда районом Львов — Рава-Русская и выбросить передовые части для захвата переправ через Сан в районе Сенява — Перемышль.

Новая задача была нелегкой. Польские войска, оборонявшиеся на сильно пересеченной местности и использовавшие окопы и укрепления, созданные здесь во время мировой войны, стремились задержать буденновцев. Бои были исключительно упорными, и лишь 26 июля Конармия заняла Броды. После этого ей пришлось выдержать встречное сражение с войсками 2-й польской армии, намеревавшимися разгромить красную конницу. Намерения этого они исполнить не смогли, но продвижение Конармии на Львов замедлилось. Броды несколько раз переходили из рук в руки.

После непрерывных боев и маршей, продолжавшихся уже два месяца, общее состояние Конармии было таково, что 4 августа ее командование сочло необходимым сообщить в штаб фронта: «В последний период боев в Дубно-Бродском районе противник сосредоточил не менее четырех пехотных и трех кавалерийских дивизий и, прорвавшись к нам в тыл, парализовал подвоз грузов. Дивизии почти не получают хлеба и фуража, крайний недостаток в боеприпасах. Люди питаются картошкой и зелеными яблоками... Лошади настолько изнурены, что не в состоянии даже отгонять разьедающих их кожу мух... РВС Конной с полным сознанием ответственности заявляет, что, каковы бы ни были политические задачи дня, но Конная свыше сил сделать ничего не может...» Однако комфронта 6 августа потребовал «с неослабной энергией выполнять боевую задачу по ликвидации львовской группы противника».

Прямой связи со штабом фронта не было, и Ворошилов в тот же день выехал в Бердичев, откуда имелась возможность переговорить с РВС фронта, проинформировать его о положении в армии. Кроме того, надо было позаботиться, чтобы тыловые армейские учреждения ускорили переброску боеприпасов и продовольствия. В результате разговора Ворошилова с начальством Конармии была предоставлена кратковременная передышка.

Возвратился к товарищам Ворошилов 10 августа с важными новостями: Конармию передавали в состав Западного фронта. Но пока она оставалась в прежнем подчинении. 12 августа была получена очередная директива: «Конной армии в самый кратчайший срок мощным стремительным ударом уничтожить противника на правом берегу реки Буг, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов».

Таким образом, задача оставалась прежней, и с 13 августа дивизии Конармии приступили к ее выполнению. На следующий день 11-я кавдивизия овладела Бродами, 16 августа был форсирован Западный Буг, и к вечеру передовые части армии находились в 15 километрах от Львова.

Противник сопротивлялся чрезвычайно, небывало упорно, и каждый шаг вперед доставался конармейцам после тяжелого боя в пешем строю. Бронепоезда поляков, маневрируя вокруг большого города, вели плотный огонь. Боевые самолеты враги, которых у него благодаря французской помощи было немало, сбрасывали бомбы и обстреливали кавалерию с воздуха.

Буденный и Ворошилов все эти дни были непосредственно в боевых порядках частей, атакующих Львов. Они видели, с каким воодушевлением рвались вперед их бойцы, какие потери они несли. 19 августа красные части достигли старых фортов крепости Львов, расположенных в 7-8 верстах от города. С трех сторон красные кавалеристы охватили его. Невооруженным глазом Ворошилов отчетливо видел купола львовских соборов. Казалось, еще одно усилие — и Львов будет взят.

В 21 час 15 минут 19 августа Буденный и Ворошилов получили директиву нового начальства. Командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский предписывал Конармии немедленно прекратить бои под Львовом и сосредоточиться в районе Владимир-Волынский — Устилуг, чтобы затем наступать в тыл ударной группировке противника.

Можно по-человечески понять Буденного и Ворошилова: после нескольких недель упорных боев их войска были так близки от Львова, огромный успех был совсем рядом. Поэтому они в телеграмме Тухачевскому попытались доказать необходимость продолжения боев за Львов и его захвата. Но командующий Западным

фронтом подтвердил свою директиву. Утром 21 августа Конармия отошла за Буг.

Что же произошло, что заставляло командование Западного фронта снять Конармию из-под Львова и перебросить ее в северо-западном направлении?

С 13 августа войска Западного фронта начали операцию по овладению Варшавой и в тот же день заняли Радимин, что всего в 25 верстах от польской столицы. И здесь, как и под Львовом, успех красных войск казался близким и несомненным.

Тревога охватила правительства буржуазного Запада. Что будет, если красные разгромят армию Пилсудского, возьмут Варшаву, Львов и революция распространится на Польшу? Что произойдет, если Красная Армия выйдет к границам Германии? Положение в ней очень неспокойно: забастовки, демонстрации, восстания... А Венгрия? Революцию здесь удалось задушить, но кто может поручиться, что она не вспыхнет вновь, как только кавалеристы Буденного в шлемах русских витязей появятся в Закарпатье? Да и в самих странах-победительницах очень уж тревожно, трудящиеся открыто демонстрируют свои симпатии к революционному народу России. В страхе за свою судьбу правительства Запада начинают действовать.

Они посылают в Польшу своих советников и инструкторов, в изобилии снабжают польскую армию оружием и боеприпасами, оставшимися от мировой войны; они угрожают Советскому правительству открытой интервенцией, если оно не остановит свои войска и не начнет переговоры.

И в этот момент на советско-польском фронте наступает изменение обстановки: сумев задержать красные войска, белополяки под Варшавой переходят 16 августа в наступление, и армии Западного фронта не могут его остановить.

Причины поражения Красной Армии под Варшавой многообразны и сложны. Несомненно, следует учитывать усталость красных войск, их потери и малочисленность, отрыв от баз снабжения, ошибки командования и чрезмерность задач, поставленных столь ограниченными силами; надо помнить о Врангеле, вылезшем из Крыма и грозившем повторить поход Деникина; не нужно упускать из вида и некоторый политический просчет: настроение польского населения и соответственно польских солдат не было уж столь благоприятным, как это тогда изображалось «ультрареволюционерами» из окружения Троцкого. Польскому политическому и военному руководству при помощи националистических лозунгов и угрозы нового «порабощения» удалось в значительной мере сдержать, нейтрализовать революционные настроения рабочих и крестьян Польши.

Но была и еще одна причина отступления красных войск, пожалуй, самая главная, и ее тогда же указал Ленин: «...нам не хватило сил довести войну до конца. Но нужно помнить, что наши рабочие и крестьяне были разуты и раздеты, но они шли все-таки вперед и преодолевали такие трудности и воевали при таких условиях, при каких не приходилось воевать ни одной армии во всем мире»^[30]. Страна была необычайно, небывало изнурена шестилетней войной, сначала империалистической, затем гражданской, и эта последняя отнюдь еще не кончилась. Вести в таких условиях внешнюю войну и рассчитывать на ее успех было бы нереалистично. Поэтому Советское правительство, все время изъявлявшее желание покончить конфликт мирными средствами, 17 августа 1920 года, немедленно по прибытии польской делегации в Минск, вступает в переговоры.

Тем временем Конная армия движется к Замостью. Настроение подавленное и у бойцов, и у командиров: взятие Львова, к которому так долго стремились и за овладение которыми принесены немалые жертвы, не свершилось. Исполнение приказа вышестоящего начальства — закон, на котором зиждется армия, но, выполняя приказ, подчиненный имеет право и даже обязан высказать свое мнение в более высокостоящих инстанциях в случае, если он считает почему-либо приказ ошибочным. 21 августа Ворошилов направил в РВС Республики обстоятельный доклад, где объяснял, почему Конармия задержалась с выполнением директивы командования Западного фронта о выходе в район Владимир-Волынский — Устилуг. Он писал:

«В момент получения директивы командзапфронта от 15 августа № 0361/сек. армия вела жестокие бои, и снять армию не представлялось никакой возможности, так как противник немедленно же перешел бы в решительное наступление и ударил бы нам в тыл... С отходом Конармии из Львовского района противник получает полную свободу действия не только в восточном, но и южном направлении.

В заключение позволю себе заметить, что, по моему глубокому убеждению, основанному на опыте, снятие Конармии с Львовского фронта в момент, когда армия подошла вплотную к городу, приковав к себе до семи дивизий противника, является крупнейшей ошибкой, чреватой значительными последствиями. Я не буду говорить о том, какое моральное действие оказывает подобный отход на армию. Вы это учтете сами, если вспомните огромные наши потери в последних боях, но я должен сказать, что, продолжая бои за овладение Львовом, мы не только служили бы магнитом для противника, но в то же время самой серьезной угрозой тылу его ударной группы, которой мы всегда смогли бы через Люблин нанести сокрушительный удар...»

Движение к Замостью продолжалось под непрекращающимся дождем. Дороги размокли, обозы с превеликим трудом пробивались сквозь грязь. Нелегко было и частям. Польское командование бросало навстречу буденновцам все, что имело под рукой. И тем не менее 28 августа Конармия была уже в районе Замостья и начала бои за овладение им. Но к этому времени положение войск Западного фронта еще более ухудшилось, они отступали по всему фронту, инициатива полностью находилась в руках польского командования. Конармия была единственным объединением Красной Армии, продолжавшим наступление. Она оказалась глубоко в тылу польских войск, и чтобы устранить эту угрозу, польское командование не жалеет ни сил, ни средств. 30 августа командующий 3-й польской армией генерал Сикорский отдает приказ окружить и уничтожить армию Буденного в районе Замостья.

Со всех сторон враги обрушились на кавалеристов Буденного, но разгромить их белополякам не удалось. Отбивая атаки противника, нанося ему мощные удары, Конармия к 1 сентября вырвалась из окружения. Много раз в эти дни Ворошилов поражался, с какой выдержкой, героизмом сражались его бойцы. Их боевой дух оставался непоколебимым, и в этом Ворошилов видел подтверждение их идейной, революционной стойкости.

1-я Конная вышла из окружения организованно, сохранив всю материальную часть. Но противник продолжал нажимать, и после кратковременной передышки, с 12 сентября она вновь в сражениях. В частях ощущается острый недостаток продовольствия, боеприпасов, обмундирования, и Ворошилов, покинув на время поля сражений, в армейском тылу организует снабжение армии.

На протяжении двух недель конармейцы медленно отходили под напором превосходящих сил белополяков. Лишь 26 сентября главком С. С. Каменев отдал директиву: «С 24-х часов 26 сентября 1-я Конная армия в составе всех входящих в нее конных частей переходит в мой резерв и в мое непосредственное подчинение. Имея в виду использовать всю силу грозной Конной армии для окончательной ликвидации Врангеля, рассчитываю, что она в полной мере оправдает надежды, возлагаемые на нее Рабоче-Крестьянской Республикой...»

На Южном фронте (он был образован 21 сентября 1920 года) 1-ю Конную ждали с нетерпением. На протяжении лета 1920 года красным войскам приходилось отбивать настойчивые попытки врагов продвинуться к северу. С 14 сентября врангелевцы наступали в Донбассе, 28-29 сентября им удалось овладеть Волновахой и Мариуполем. Можно было ожидать, что в ближайшее время белогвардейцы попытаются перебраться и на правобережье Днепра, поэтому появление на советско-врангелевском фронте 1-й Конной было бы очень кстати. По выходе из боев с белополяками ей предстояло сосредоточиться в районе Бердичева и в короткий срок (20-25 суток) совершить марш в район Берислава, чтобы затем нанести удар по врагу.

Широким фронтом (120-150 километров) спешили на Врангеля дивизии 1-й Конной. У ее командования немало хлопот: нужно пополнить ряды бойцов, раздобыть новых лошадей, обеспечить людей питанием и зимним обмундированием, а лошадей фуражом; к зиме их надо перековать... Все это надо сделать на марше, нигде не задерживаясь. К тому же буденновцы изо дня в день сталкивались с бандами, в огромном числе расплодившимися на Правобережной Украине. Немало времени у Ворошилова, как и всегда, занимала

политическая работа в войсках, и эту работу в тот период следовало усилить: в некоторых частях 1-й Конной наблюдалось падение дисциплины, кое-где происходили случаи насилия и грабежа.

В тревогах и заботах летели день за днем, и лишь изредка у Ворошилова и его товарищей выдавалось свободное время, когда можно было поговорить по душам.

В Знаменке, где к вечеру 21 октября расположился РВС армии, такой разговор затеял секретарь РВГ С. Орловский. В присутствии Ворошилова, Буденного и Минина он заявил, что если бы каждый человек стал откровенно говорить все, что думает, не считаясь ни с чем и ни с кем, то жить такому человеку было бы невмоготу.

— У него сразу же появилось бы так много врагов, что пришлось бы отказаться от попыток откровенности...

— Ничего подобного! — горячо запротестовал Ворошилов. — Такая постановка вопроса чужда нам, большевикам. Я всегда, издавна, стремлюсь говорить и о достоинствах, и о недостатках людей, невзирая на их чины и положение, и, как видишь, жив и здоров и по сей день...

— Это интересно! — засмеялся Минин. — Может, ты попробуешь сделать это и сейчас?

— Почему бы и нет? С тебя и начну, — пригрозил Ворошилов. — Ты, мой дорогой, чересчур сух. Да, да, сухость, доктринерство и, пожалуй, формальный подход к людям — основные твои недостатки. Я даже сказал бы, что у тебя нет любви к людям, ты надолго запоминаешь мелочи, тебе неприятные, и потому злопамятен. Потому вокруг тебя не сплачиваются люди, и это мешает работе. Кроме того, иногда я вижу, что ты как будто хочешь всех перехитрить, а в результате обманываешь и самого себя.

Такая характеристика, естественно, не могла совсем удовлетворить Минина, но он согласился:

— Допустим, ты прав. Даже, — поспешил он добавить, видя, что Ворошилов намерен продолжать, — пожалуй, ты прав в основном, в главном. Но что ты скажешь о себе?

— О себе? — Ворошилов на мгновение задумался. — Со стороны виднее, но кажется мне, что я излишне горяч, вспыльчив, что мне не хватает выдержки...

— Пожалуй, — Минин чувствовал себя удовлетворенным, — это главные твои недостатки. Ну а что ты скажешь о нем? — Тут Минин кивнул в сторону Буденного, до тех пор молчавшего и усмехавшегося в усы.

— Он, можно сказать, почти без недостатков, — обрадованно засмеялся Ворошилов, — если не считать, что характер у него чересчур мягкий. Даже странно как-то: унтер-офицер старой армии, а такой мягкий характер! И отношения со всеми хочет сохранить хорошие, не желает их портить!

— Семен Михайлович, а ты что молчишь, почему не режешь правду-матку? — Минин явно был заинтересован услышать мнение Буденного.

— Да что говорить, Клим, думаю, прав. О себе скажу только: мне его очень не доставало. С тех пор как он в армии, как мы вместе, я чувствую, что сам, как бы это сказать, — он помедлил, ища слово, — как бы «поднялся», что ли.

Спустя полвека С. М. Буденный в своих мемуарах напишет о Ворошилове: «В нашей совместной длительной работе не все было гладко. Вспыхивали порой горячие споры, длительные дискуссии. Но разногласия и жаркие схватки не заходили у нас дальше рубежа, где кончается дело и начинается личная «амбиция». Как бы спор ни разворачивался жарко, он заканчивался всегда общим единым и

обязательным решением. И это решение РВС дружно и совместно проводилось в жизнь.

Тут я должен отметить еще одну важную черту характера Ворошилова — если уж он сознавал свою ошибку, неправильность какого-либо решения или вывода, то никогда не пытался уклониться, славировать, а сейчас же прямо и откровенно признавал свою неправоту, принимал все меры к скорейшему ее исправлению. Прямота и даже внешняя резкость характера Ворошилова тесно переплетались в нем с большой чуткостью и сильно развитым чувством товарищества».

Командование фронта поторапливало 1-ю Конную: белые настойчиво пытались уничтожить плацдарм, занятый красными войсками у Каховки. Наступала осень, и до зимы следовало разделаться с последним серьезным врагом Республики Советов — бароном Врангелем. К 23 октября вся 1-я Конная собралась в районе Березнеговатое. На следующий день Ворошилова и Буденного вызвали к командующему фронтом на станцию Апостолово. Приказ был подписан двойной фамилией: Фрунзе-Михайлов. Буденный вспомнил, что в 1917 году в Минске встречался с Михайловым. Может, это он? Вскоре, однако, выяснилось, что и Ворошилов знал командюжа, и очень давно.

Можно представить удивление Ворошилова, когда, войдя в штабной вагон командующего Южным фронтом, он увидел «товарища Арсения», с которым познакомился еще в 1906 году на Стокгольмском съезде! Судьба революционеров развела их на 15 лет, чтобы теперь соединить и, отбросив партийные клички, оставить в истории нашей страны не «Арсения» и «Володю», но Фрунзе и Ворошилова.

В ночь на 26 октября 1920 года главком Каменев и Фрунзе во время совещания в Апостолове с командармами и членами РВС армий в деталях разобрали план разгрома войск Врангеля. 1-й Конной была отведена одна из главных ролей: с Каховского плацдарма она должна была прорваться в район Аскания-Нова — Громовка, отрезать противника от крымских перешейков, а затем совместно с 6-й и 2-й Конной армиями уничтожить главные силы противника в Северной Таврии.

Понимая, какое ответственное задание досталось им, Ворошилов и Буденный не колеблясь заверили командование, что армия выполнит приказ.

— После нескольких недель марша и боев с бандитами, — говорил Ворошилов, — в армий замечается усталость. Ведь мы прошли за месяц почти семьсот километров, и все с боями. Но боеспособность сохранена, и мы немедленно начинаем переправу на плацдарм.

Утром 26 октября Ворошилов и Буденный возвратились в армию, и вскоре кавалерийские колонны потянулись к Днепру. Ранним утром 28 октября началась переправа на левый берег. Погода была скверной: зима пожаловала в тот год рано, стоял 15-градусный мороз при сильном ветре, от которого в степи не спрячешься. Тем не менее к вечеру того же дня все дивизии 1-й Конной приготовились к наступлению.

Войска 6-й армии вели его с утра 28 октября. Бойцы прославленной 51-й дивизии В. К. Блюхера сбили противника с позиций и уже 29 октября захватили город Перекоп. К сожалению, им не удалось с ходу преодолеть укрепления Турецкого вала и ворваться в Крым...

Утром 29 октября в степные просторы Таврии рванулась и 1-я Конная. Во вражеском тылу она

разделилась на две группы: северную, в составе 6-й и 11-й дивизий, и южную — 4-я и 14-я дивизии. РВС и полевой штаб армии вечером разместились уже в Аскании-Нова.

На следующий день действия конармейцев были столь же успешными, и штаб армии переместился в Отраду (в 50 километрах восточнее Аскании-Нова). После жаркого боя в пешем строю кавалеристы Буденного захватили станции Ново-Алексеевка и Сальково, перерезав последний путь отступления врангелевцев на Чонгарский перешеек. Судьба армии Врангеля могла решиться именно здесь, у Чонгара. Понимая это, Врангель, отказавшись от обороны в Северной Таврии, начал расчищать себе путь в Крым. Собрав все силы в кулак, оставляя за собой лишь заслоны, врангелевцы двинулись к югу. Единственной преградой на их пути были дивизии 1-й Конной, другие соединения красных не успели в достаточной мере помочь им. Находясь в тылу врага, буденновцы не дрогнули, но пришлось им нелегко.

С утра 30 октября ударная группа белых около Агаймана обрушилась на северную группировку 1-й Конной. Лучшее кавалерийское соединение врангелевцев — корпус генерала Барбовича, поддержанный танками и 21 броневином, атаковал конармейцев. Многие из них никогда не видели танков — и побежали. Спасли положение начдив-11 Ф. М. Морозов и комиссар дивизии П. В. Бахтуров. Они остановили бойцов, повели их в атаку, отбросили врага... Но в бою погибли и начдив, и комиссар.

Не менее героически сражались и кавалеристы 6-й дивизии О. И. Городовикова, но все же белым удалось отбросить северную группу 1-й Конной на запад от Агаймана. Однако на их пути к Чонгару стояли 4-я и 14-я кавдивизии, и командование армии не думало уступать дорогу врагу без боя.

31 октября и 1 ноября отбивала атаки врангелевцев, двигавшихся вдоль железнодорожного полотна, 4-я дивизия Тимошенко. В районе Рождественки, окруженные с трех сторон, кавалеристы 14-й дивизии Пархоменко много раз ходили в атаку...

Полештарм (полевой штаб армии) 1-й Конной встретил врага к вечеру 31 октября в селе Отрада. При штабе находилась Особая кавбригада К. И. Степного-Спижар-ного — около тысячи человек при четырех орудиях да ординарческий кавдивизион. Буденный, предвидя близость основных сил противника, собрался в полки Особой бригады, которая расположилась на северной окраине Отрады. Командарму подали коня, но он решил еще заглянуть в штаб. У окна избы Ворошилов пришивал пуговицу к тужурке. Казалось, перестрелка, с каждой минутой приближавшаяся к Отраде, для него не существует.

— Ты что, не слышишь? — даже Буденный удивился.

— Что-нибудь случилось? — Ворошилов, откусывая нитку, совершенно спокойно взглянул исподлобья на командарма.

— Сейчас бой начнется, торопись!

— Куда же спешить, — засмеялся Ворошилов, — пуговицу успею пришить...

С тем и расстались. Бой этот, однако, мог быть и последним в жизни Ворошилова.

Кавалеристы Особой бригады отбили атаку врагов с севера, причем и сам командарм участвовал в рубке. Тогда врангелевцы пошли на село с юга, и полештарм оказался в самом центре боя. Во главе эскадрона Ворошилов схватился с белыми.

Горячая лошадь несет его вперед, прямо в гущу врагов. Навстречу, что-то крича, мчится всадник. Перекошенное от злобы лицо, пика направлена прямо в грудь ему, Ворошилову. Он стреляет в белого из револьвера — мимо. И в следующее мгновение — удар!

Но воинское счастье не оставляет Ворошилова: пройдя на вершок от тела, пика застревает в толстой бурке, накинутой на плечи. Бросив пику, врангелевец хватается было за шашку, но выстрел сзади валит его с лошади. Стрелял ординарец Иван Шпитальный. Этот храбрец в июле под Ровно вынес из вражеского тыла тело убитого Олеко Дундича, а теперь вот спас жизнь Ворошилову...

Первый натиск врангелевцев удалось отбить, но к ночи на Отраду накатились основные силы врага: соединения 1-й и 2-й белых армий под командованием генерала Кутепова. Под напором превосходящих сил врангелевцев буденновцы оставляют Отраду. Прорвавшись к Сивашу, белогвардейцы спешат перебраться по мостам в Крым, а затем сжечь и взорвать их.

За укреплениями, прикрывающими перешейки, врангелевцы надеются отсидеться до весны, а там., видно будет! Но командование красных не намерено задерживаться на зиму. Бойцы и командиры Красной Армии полны решимости — пора кончать гражданскую войну!

Приближается третья годовщина Октябрьской революции. И в десять часов вечера 7 ноября 1920 года, утопая по колено в соленой грязи Сиваша, идут на штурм Литовского полуострова полки 15-й и 52-й дивизий... Наступает туманное утро 8 ноября, и к Турецкому валу катятся штурмовые волны 51-й дивизии... 8, 9, 10 ноября, не считаясь с потерями, атакуют красноармейцы люто защищающихся белых. В ночь на 11 ноября по узкому, хлипкому мостику бросаются на Чонгарские укрепления полки 30-й дивизии И. К. Грязнова...

К вечеру 11 ноября белые не выдерживают, ворота в Крым распахиваются, и тогда вслед за проложившими им путь пехотинцами вырываются кавалеристы 1-й и 2-й

Конных армий. 13 ноября освобожден Симферополь, 15 ноября бойцы 1-й Конной и 6-й армий вступают в Севастополь... Спасаясь от неудержимых кавалеристов, бегут на кораблях десятки тысяч врангелевских офицеров, солдат, просто беженцы. Для красных героев наступает пора поздравлений и наград.

30 декабря 1920 года в приказе РВС Республики сообщалось «о награждении Почетным революционным оружием... члена Реввоенсовета Конной армии тов. Ворошилова Климента Ефремовича за то, что, лично участвуя во всех боях Конной армии на Южном фронте, он неустанно воодушевлял войска на подвиги, приведшие к полному разгрому армии Врангеля».

Да, Врангель был разбит, но это еще не значит, что бойцам и командирам 1-й Конной можно сложить оружие в арсеналы: существует еще немало врагов Советского государства, не желающих прекратить борьбу. На Украине главный из них Махно.

По окончании боев в Крыму 1-ю Конную перебросили в Екатеринославскую губернию, где продолжали бесчинствовать махновцы. Не следует думать, что после успешных сражений с регулярными войсками белых и поляков конармейцам ничего не стоило покончить с махновцами. Борьба с бандами — особый, нелегкий вид военных действий, требующий и специальных методов, и немалых усилий. К тому же и бандитский «батяко» Махно был недюжинным противником. С конца ноября 1920 года буденновцы неотвязно гонялись за махновцами, окружали, громили, уничтожали, брали в плен, но неизменно сам Махно с ближайшими соратниками уходил. Через несколько дней вокруг него вновь собиралась немалая банда, и все начиналось сначала...

12 декабря 1920 года по инициативе Ворошилова был проведен первый съезд бойцов 1-й Конной. Делегаты съезда обсудили вопросы усиления боевой и

политической учебы, обязались участвовать в налаживании мирной работы.

О борьбе с бандитизмом, о социальных причинах, порождающих его, Ворошилов и Буденный разговаривали с Лениным 22 декабря 1920 года в Москве на VIII Всероссийском съезде Советов. Поздравив конармейцев с победой над Врангелем, Ленин поинтересовался, как идет ликвидация банд Махно. Ворошилов и Буденный ответили, что это очень трудное дело, так как Махно, кроме кулачества, поддерживают и некоторые средние крестьяне, недовольные продразверсткой.

Уже тогда вождь Советского государства обдумывал, вырабатывал новый подход к вопросам экономики. Встречи с местными партийными работниками, беседы с ними помогали Ленину уяснить, выработать принципы новой политики, которая призвана была покончить и с экономическими трудностями страны, и с бандитизмом.

Между тем на Украине погоня за Махно продолжалась, и в этой погоне красноармейцы нередко несли потери. Об одной такой жертве Ворошилов и Буденный узнали сразу же по возвращении в 1-ю Конную: 3 января 1921 года вместе с группой командиров погиб от руки махновцев начдив-14 А. Я. Пархоменко. Это была невосполнимая утрата, особенно для Ворошилова, с которым Пархоменко бок о бок прошел все испытания гражданской войны. Сколько раз, презирая смерть, шел этот храбрец в огонь, и вот теперь... Очевидец рассказывал, что, услышав о гибели боевого товарища, Ворошилов схватился за голову и долго сидел, повторяя шепотом:

— Пархоменко, Пархоменко зарубили! Как же это? Вот ведь...

В Екатеринославском театре во время траурного заседания Ворошилов произнес прочувствованную речь,

завершив ее словами:

— Жизнь Пархоменко как прекрасная сказка... Память о своем боевом товарище Ворошилов сохранил навсегда и трогательно заботился о сыновьях Пархоменко. Разоренная страна голодала. Такая крупная масса людей и лошадей, какой была 1-я Конная, не могла не испытывать серьезнейших затруднений в продовольствии и фураже. На месте устранить эти затруднения было просто невозможно, и Ворошилов думал добиться помощи армии в Москве, куда он выехал, будучи избран делегатом на очередной, X съезд партии.

На первом же заседании 8 марта 1921 года Ворошилов был избран в Президиум съезда. Внимательно слушал он отчет Ленина о политической деятельности ЦК и развернувшиеся прения. На пятом заседании 10 марта Ворошилов был председателем. Но в этот же день ему пришлось оставить Москву.

Еще 2 марта в Кронштадте начался контрреволюционный мятеж. Первая попытка подавить его, предпринятая 8 марта, не привела к успеху. На закрытом заседании съезда по инициативе В. И. Ленина было принято решение послать большую группу делегатов и гостей под Кронштадт. Здесь было много военных специалистов — командиров и комиссаров, активно участвовавших в войне: Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько, В. П. Затонский, А. С. Бубнов, И. С. Конев и другие. Возглавил эту группу (около 280 человек) Ворошилов.

В ночь на 11 марта делегаты выехали в Питер. Вновь после долгого перерыва видит Ворошилов этот город. Тяготы гражданской войны разительно сказались на нем. Город пуст, усталость царит на лицах редких прохожих, усталость и голод. Только что на предприятиях Петрограда окончились беспорядки — «волынки» — на почве продовольственных затруднений.

Ознакомившись с положением войск, которым предстояло совершить исключительно сложное, невиданное в истории войн дело — штурмовать по льду морскую крепость, — Ворошилов сразу же увидел, что нужна напряженная предварительная работа, так как среди бойцов распространились нежелательные настроения. Спустя сорок лет он писал: «Низкое моральное состояние отдельных частей бросалось в глаза при первом же знакомстве. Неправильно представляя себе события в стране, в частности, причины и действительные цели кронштадтского мятежа, бойцы некоторых частей поддались паническим настроениям, выражали недовольство. Безусловно, и в этих частях было много бойцов, которые без колебаний сражались за Советскую власть. Полураздетые и полуразутые, они длительное время мужественно переносили лишения, понимая, что страна разорена, бедна. Но и у таких людей необычные условия предстоящего штурма, наступление против первоклассной морской крепости по льду залива вызывали неуверенность, сомнение, страх...»

Коммунисты, возглавляемые делегатами съезда, сумели в короткий срок ликвидировать колебания в красноармейской среде, должным образом поднять боевой дух бойцов. Когда после полуночи 16 марта штурмовые колонны спустились на лед, они шли уверенно и безостановочно.

Ворошилов, назначенный комиссаром южной группы войск, в эти критические часы, разумеется, находился в боевых порядках атакующих. Не обращая внимания на огонь мятежников и потери, к утру 17 марта красные части ворвались в город.

Бой на улицах Кронштадта длился всего день. Потери штурмующих были немалыми, особенно в командном составе. Тут же на улицах делегаты съезда объединяли группы красноармейцев и вели их в бой.

Много раз за день Ворошилов с группами бойцов численностью до роты бросался в атаки, выбивая мятежников из домов. Те, в свою очередь, контратаковали, и в середине дня он вместе с Бубновым и Дыбенко был окружен в помещении, наскоро приспособленном под штаб. И на этот раз враг был отбит. Мятежники отошли, перестрелка постепенно затихла.

— Сдавайтесь, — используя затишье, закричал Ворошилов, — немедленно сдавайтесь!

Из-за каменной ограды, где укрылись мятежники, стали появляться головы. Так как никто не стрелял, вскоре наружу вылезла группа матросов.

— Ваши условия? — слышались голоса. Видно было, что мятежники колеблются. Тогда Ворошилов поднялся и направился к кучке матросов.

— Товарищ Ворошилов, опасно! — адъютант его, Р. Хмельницкий, спешил рядом, не попадая в ногу, но Ворошилов не остановился. Они прошли шагов тридцать, и вдруг слева очередь из пулемета! К счастью, каменная ограда защитила Ворошилова, но Хмельницкий был ранен. Подобное вероломство возмутило красноармейцев, они кинулись на выручку и обратили в бегство мятежников.

Ожесточенные взаимные контратаки в городе продолжались и лишь утром 18 марта стихли окончательно. Мятеж был подавлен. В тот же день в приказе по 7-й армии было сказано: «За проявленное при штурме Кронштадтской крепости исключительное мужество, смелость и искусство наградить орденом Красного Знамени комиссара Южной группы т. Ворошилова (вторым орденом)».

20 марта Ворошилов и другие делегаты вернулись в Москву. Съезд закончил работу еще 16 марта^[31], но Ленин принял всю группу военных делегатов.

Ворошилов подробно рассказал о ликвидации мятежа, о настроениях в армии и Петрограде. Ленин сообщил делегатам о решениях съезда, разъяснил значение новой экономической политики. В заключение решено было сфотографировать-ся вместе. Оживленно беседуя, вышли во двор. Фотографы стали размещать делегатов. Увидев молодого бойца в буденовке, с рукою на перевязи, Ленин спросил у Ворошилова:

— Кто это?

— Это мой адъютант Хмельницкий, Владимир Ильич, он дважды ранен под Кронштадтом...

Ленин подошел к буденновцу и пригласил его стать рядом с ним. Так они и сфотографировались: Ленин, Ворошилов, Хмельницкий в центре большой группы людей в серых шинелях.

Вскоре Ворошилов выехал на юг, в 1-ю Конную. Еле ползет поезд. За окнами разоренная, голодная, больная Россия. Тяжело видеть Родину такой. В особенности тяжело тому, кто за ее счастье шел в бой.

НАРКОМВОЕНМОР

Первый мирный год — 1921-й — выдался для Советской России очень тяжелым. Страшная засуха, охватившая обширные районы страны, усугубленная хозяйственной разрухой, вызвала невиданный за последние столетия неурожай. От голода жестоко страдали десятки миллионов жителей городов и сел; миллионы людей погибли. Казалось, испытаниям, выпавшим на долю России, не будет конца.

Возвратившись из Москвы, Ворошилов убедился, что за время его отсутствия положение частей 1-й Конной еще ухудшилось: бойцы жили впроголодь, а лошади гибли от бескормицы. РВС Республики, куда командование 1-й Конной не раз посылало тревожные сигналы, не принял действенных мер. Приближение весны грозило армии гибелью, и 30 марта в Москву полетела телеграмма: «Положение с продфуражом в армии настолько обострилось, — сообщали Ворошилов и Буденный, — что дальнейшее промедление в применении радикальных мер повлечет за собой серьезные последствия. РВС видит единственный выход в немедленной переброске армии в район Маныча и Среднего Егорлыка... Положение катастрофическое. Ждем ответа немедленно».

М. В. Фрунзе, командовавший тогда войсками Украины и Крыма, поддерживал это предложение, но Троцкий не пожелал прислушаться к мнению командования 1-й Конной, и 5 апреля последовал приказ оставить армию на Украине, сократив ее на треть; одну из дивизий предписывалось отправить в Тамбовскую губернию.

Мириться с надвигавшейся гибелью армии возглавлявшие ее людп, естественно, не могли, и 12

апреля в РВС Республики и ЦК РКП (б) было отправлено письмо за подписями Фрунзе, Ворошилова и Буденного. Оставление 1-й Конной на Украине будет гибельным для нее, писали авторы, и «уничтожение хорошо слаженного армейского аппарата и прекрасно организованных, крепких политически и технически дивизий — представит незаменимую утрату для Республики. Для создания вновь такой силы потребовались бы целые годы».

Ворошилов и Буденный настойчивы — 17 апреля они телеграфируют: «Мы считаем по долгу нашей совести и службы довести до вашего сведения, что очень опасаемся, как бы к моменту разрешения вопроса о переводе армии в район возможного питания наша армия (конский состав) не ликвидировалась бы на месте... Если почему-либо армию решено ликвидировать, необходимо изыскать иные пути ее роспуска...»

Вмешательство ЦК РКП (б) и лично Ленина спасло 1-ю Конную. 20 апреля Политбюро ЦК в специальном постановлении определило: сократив армию до размера двух дивизий и сохранив армейский аппарат, немедленно перевести ее в район Маныча. Спустя несколько дней РВС Республики принял решение создать Северо-Кавказский военный округ. Командование им возлагалось на Ворошилова. В состав РВС округа входили С. М. Буденный, А. С. Бубнов, М. К. Левандовский.

Территория округа была огромна: он занимал бывшие Донскую, Кубанскую, Терскую области, Ставропольскую и Черноморскую губернии; позднее к округу присоединили территорию Горской республики, Дагестана и Нижнего Поволжья с Царицыном. Кроме 1-й Конной, в состав округа вошли 9-й и 15-й стрелковые корпуса, а также ряд других частей.

Трудности переживала не только 1-я Конная: и в стрелковых частях недоставало продовольствия, бойцы и командиры были плохо одеты и обуты. Размещались войска не только в казармах (как правило, разрушенных и неблагоустроенных), но и в частных домах. Словом, новое дело Ворошилова было хлопотливым.

В то же время, несмотря на сокращение численности и испытываемые неурядицы, от войск округа и тем самым от его командующего требовалось не снижать боевой мощи, быть готовым отразить высадку белогвардейских десантов на черноморском побережье: с такой возможностью тогда приходилось считаться. Но, пожалуй, самой главной задачей Ворошилова и подчиненных ему войск была борьба с бандитизмом.

На Северном Кавказе, как и по всей стране, бандитизм — политический и уголовный — распространился повсеместно. В Донской области, пожалуй, бандитов было относительно меньше^[32], но на Кубани и в предгорьях Кавказа свирепствовали крупные банды. Всего в пределах округа, по весьма приблизительным сведениям разведки, насчитывалось до 7 тысяч бандитов. И это были не просто разбойники: среди них находилось немало деникинских и врангелевских офицеров, лютых врагов Советской власти, готовых сражаться с ней до конца, до последнего патрона в нагане. Бандиты имели сторонников среди местного населения, и это делало борьбу с ними особенно трудной.

Быстрый и прочный успех могли принести только согласованные действия военных и гражданских властей на территории округа. Поэтому Ворошилов уже в июне 1921 года создает специальный орган — краевое военное совещание по борьбе с бандитизмом. Одним из первых действий совещания было издание приказа о

помиловании всех добровольно сдавшихся бандитов. «Разбитые в открытом бою враги трудящихся, — говорилось в приказе, — все еще продолжают свои безумные попытки сорвать великое дело трудовой России... Крестьяне и казаки! Вы должны отдать себе ясный отчет, куда ведут вас белогвардейские агенты и заговорщики своей кровавой игрой, их цель — снова вызвать в измученной стране беспорядок и разруху...»

В следующие недели советским властям сдались добровольно сотни бывших бандитов. Но в конце августа — сентября 1921 года вновь стало заметным повсеместное усиление бапдитизма. Непосредственной причиной тому, как отмечал Ворошилов, послужило взимание продналога: в голодном 1921 году это мероприятие не могло не вызвать осложнения обстановки.

На Кубани и в предгорьях Кавказа банды были крупнее, и в столкновениях с ними приходилось применять все силы войск округа, вплоть до бронепоездов и авиации. Ворошилов не только руководит уничтожением бандитов, но и участвует в сражениях с ними. Тревожна и опасна его жизнь и в эти первые после окончания гражданской войны годы ^[33].

Кроме искоренения бандитизма, командующему округом приходилось заниматься самыми различными, большими и малыми делами. Приблизительное представление о них можно составить хотя бы по протоколу заседания РВС СКВО от И февраля 1922 года. Рассматривались: состояние топливного снабжения войск округа, план строительства, необходимость упразднения лишних клубов и выделения средств для содержания госпиталей. Членам РВС надо было удовлетворить или отвергнуть разнообразнейшие ходатайства: об оказании помощи семьям военнослужащих, о предоставлении участков земли под

огороды, о распределении бекаш для сотрудников сануправления, о выделении средств кинофабрике «Ренессанс» для съемок фильма о Красной Армии и т. д. и т. п.

Сидеть на месте Ворошилов, разумеется, не хочет и не позволяет засиживаться другим. К примеру, по инициативе командующего округом был организован стоверстный пробег, и в нем должен был участвовать весь начальствующий состав штаба округа. Готовится к пробегу и Ворошилов. «Пусть не думают, что мы с Маузером постарели! — смеется он. Но именно Маузер чуть было не подвел хозяина. Когда до финиша оставалось не более 20 верст, защелкала, грозя оторваться, подкова. Всадник соскочил, чтобы осмотреть ее, но Маузер вырвал поводья и ускакал прочь. Хорошо, выручил Буденный, поймал и привел коня. На ростовский ипподром командующий округом все же прискакал одним из первых.

Ворошилов ведет большую политическую работу, он член Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б). В 1921 году он делегат XI партконференции и IX Всероссийского съезда Советов, в 1922 году — XI съезда РКП (б), X Всероссийского и I Всесоюзного съездов Советов, IV конгресса Коминтерна... Избирают его и на местные, краевые и областные съезды: в ноябре 1921 года он участвует в работе учредительного съезда Советов Кабардинской автономной области, в декабре того же года присутствует на заседаниях IV съезда Советов Донской области...

Не стояла в стороне от политической жизни края и Екатерина Давыдовна. Она работала заведующей женотделом Донецкого комитета РКП (б). Позднее, после переезда в Москву, Екатерина Давыдовна была инструктором женотдела МК ВКП(б), редактором женской странички и заведующей бюро расследований газеты «Беднота». Почти десять лет она трудилась на

посту заведующей кабинетами истории партии и социально-экономических наук Высшей школы пропагандистов, Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК ВКП(б).

Став членом ЦК партии, Ворошилов часто выезжает в Москву и активно участвует в работе пленумов ЦК. Так, в 1921 году он присутствовал на пленумах в мае, августе, октябре, декабре.

15 января 1924 года Ворошилов был введен в состав организационной комиссии по подготовке очередной Всесоюзной партийной конференции. 31 января он делал доклад на пленуме ЦК партии об охране здоровья руководящих кадров партии. На этом же пленуме его и Бубнова ввели в комиссию по обследованию Красной Армии.

Командующий округом постоянно в разъездах, а это и огромные расстояния, и калейдоскопическая смена людей, обстоятельств, условий. Северный Кавказ в тот период был средоточием самых различных политических, классовых, экономических, национальных, религиозных конфликтов и противоречий. Повсюду Ворошилов внимателен и даже придирчив, повсюду он вникает в суть дела, старается добраться до корня проблем.

В мае 1923 года вместе с М. И. Калининым он совершает поездку по округу. Цель ее — «установление более тесной связи с горскими республиками, ознакомление со структурой и работоспособностью советского аппарата в этих республиках и областях, выяснение финансового и налогового дела». Четыре дня комиссия была в Дагестане. Побывав на строительстве 75-верстного канала имени Октябрьской революции, Ворошилов отмечает полное отсутствие технических средств. В Горской республике он осматривал предприятия по добыче цинка,

винодельческий завод и восстановительные работы на Военно-Грузинской дороге... Особое внимание командующего округом привлекали случаи бандитизма. К тому времени в остальных районах округа бандитизм был уже на исходе, но в Дагестане и Горской республике постоянно жаловались на налеты чеченцев. «В мое присутствие, — писал Ворошилов, — когда мы ночевали на станции Чир-Юрт, было совершено нападение на соседнюю станцию Хасав-Юрт, причем было убито 2 кондуктора, ранен дорожный мастер и ограблен товарный поезд. Такие налеты совершаются чуть ли не ежедневно, то в одной, то в другой местности...».

Далее в докладе Ворошилов описывает инцидент в Дагестане. Руководители Кизлярского округа для борьбы с бандитизмом вознамерились было вооружить ногайцев. Ворошилов осуждает это решение как ошибочное и сообщает, что «если бы Чугуев (местный работник. — В. К.) вооружил 12 тысяч ногайцев и караногайцев и оставил безоружными 60 тысяч казаков, то, естественно, у казаков можно было бы получить резко враждебное отношение по отношению к Советской власти, как вооружающей туземные народы против русского населения...».

В сутолоке будней Ворошилов не забывает: надо учиться. Теперь, когда его судьба навсегда (он в этом уверен) связана с армией, нужно много, очень много знать о военном деле, военном искусстве. Ему, уже перешагнувшему рубеж 40 лет, после которого не каждый человек хочет и может учиться, надо много и серьезно читать, систематически пополнять недостаток военного образования. Тем более что положение Красной Армии, несмотря на окончание войны, оставалось тяжелым.

Разрушенная, разоренная, истощенная войной страна не могла, конечно, содержать в мирное время

большую армию. Уже с декабря 1920 года началась демобилизация военнослужащих старших возрастов. Сопряженная с весьма существенными затруднениями, демобилизация растянулась на несколько лет и завершилась лишь к концу 1924 года: Советские Вооруженные Силы уменьшились в 10 раз — с 5,5 миллиона до 562 тысяч человек.

Это был нижний возможный предел. Теперь Красная Армия насчитывала на 183 тысячи бойцов меньше, чем армия Франции — самая сильная в Европе, и на 17 тысяч человек меньше, чем армия западных соседей — Польши, Румынии и Прибалтийских стран, вместе взятых. Если во Франции на 10 тысяч населения имелось 200 солдат, в Румынии — 95, в Польше — 93, в Эстонии — 123, то в СССР на то же число населения приходился лишь 41 солдат. К тому же территория СССР, протяженность ее границ, которые надо было охранять от многочисленных врагов, не шли ни в какое сравнение с границами и территорией названных стран^[34].

Сокращение армии требовало не только уменьшения количества частей и соединений, уменьшения аппарата, но и коренных изменений в организации армии, в методах обучения призывного контингента. И здесь партия, руководимый Лениным ЦК вновь натолкнулись на сопротивление Троцкого и его сторонников.

Основные направления строительства Вооруженных Сил в мирное время были указаны еще в специальном решении X съезда партии. Но Троцкий, возглавлявший РВС, и его ставленники в центральных военных учреждениях не только не выполняли этих решений, но повели с ними борьбу. Троцкий считал невозможным применение марксизма к военному искусству, военному строительству, он отрицал необходимость изучения

опыта гражданской войны, охаивал этот опыт. В практической деятельности Троцкий пытался изолировать Красную Армию от влияния и руководства партии, намеревался сделать ее орудием своих честолюбивых замыслов. Позже Ворошилов писал: «Внутрипартийная борьба 1923–1924 гг. характерна тем, что Троцкий вместе с рядом своих единомышленников — военных работников, увлеченный борьбой против партии, проглядел внутриармейские проблемы, вставшие перед нами во всей своей остроте. Красная Армия, перешедшая к этому времени на мирное положение, переживала внутренний кризис. Ее организационная структура, внутренний уклад, проблемы командных и политических кадров, комплектования, обучения, вооружения, снабжения — все они не находили своего разрешения, не встречали внимательного изучения со стороны тех, кому надлежало этим заниматься. Им было не до этого...»

Глубокая тревога распространилась среди армейских партийных работников-ленинцев. Взгляды Троцкого и его порочная практика подверглись резкой критике. Особое значение имела статья Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия», опубликованная в июле 1921 года. В статье Фрунзе, опираясь на ленинские указания и используя опыт гражданской войны, сформулировал свои основные положения по вопросам подготовки армии и развития военного искусства. В марте 1922 года, на XI съезде партии, по инициативе Фрунзе и Ворошилова военные делегаты потребовали от Троцкого информации о положении в армии. Троцкий в докладе отстаивал свои оппортунистические взгляды. Съезд перенес обсуждение доклада для его детального разбора на совещание военных делегатов.

Критика Троцкого на совещании была всесторонней и сокрушительной. Фрунзе в докладе «Основные

военные задачи момента» не оставил камня на камне от положений Троцкого. Против оппортуниста выступали С. М. Буденный, Н. Д. Каширин и другие. С резкой отповедью Троцкому выступил и Ворошилов. Показав несостоятельность мнения Троцкого о невозможности планового строительства в армии и ненужности разработки мобилизационных планов на случай войны, Ворошилов говорил:

— Мы не можем сказать, когда начнется война и какие формы она примет, но у нас имеется весьма обильный материал для того, чтобы в общих чертах определить возможности для того, чтобы хотя бы приблизительно готовиться к тому, что нас ожидает.

В конце 1922 года Ворошилов выступал с тезисами по организации Красной Армии на совещании политических работников и военных делегатов X Всероссийского съезда Советов. Главной мыслью тезисов было: «Основой организации Вооруженных Сил РСФСР остается постоянная Красная Армия». Так как небольшая армия не может обеспечить обучение всего призывного контингента, оно «должно производиться частью в армии, частью вневойсковым обучением по территориальному принципу...» Тезисы Ворошилова были одобрены на совещании.

На протяжении 1922 года положение армии оставалось очень тяжелым, и в конце октября Фрунзе писал: «Для характеристики минувшего периода жизни Красной Армии достаточно одной фразы: армия жила голодной, холодной, полураздетой и разутой». Но в 1923 году ситуация в армии обострилась еще и потому, что сторонники Троцкого вслед за своим лидером возобновили атаку на партию. Оппозиционеры в армии не только защищали линию Троцкого в общих вопросах, но требовали изменения сложившихся форм руководства партии военным строительством.

Фракционная борьба в армии приняла чрезвычайно резкие формы. Попытались было троцкисты обосноваться и в партячейках СКВО, но командующий округом сумел дать им отпор. Не выгорело дело троцкистов и вообще в северокавказской парторганизации: возглавлявший ее тогда А. И. Микоян при поддержке Ворошилова и других ленинцев сумел разгромить врагов партии.

Положение в армии стало предметом внимания специальной комиссии, которую сначала возглавлял В. В. Куйбышев, а затем С. И. Гусев. На пленуме ЦК партии 3 февраля 1924 года был заслушан и обсужден доклад Гусева. Выводы комиссии оказались весьма неутешительными, и виновниками тяжелого положения армии были Троцкий и его сторонники. Выступавшие на пленуме один за другим давали резкие оценки положению. Армия фактически «превратилась в проходной двор», — докладывал Гусев. «Политическое состояние Красной Армии и ее боеспособность постоянно падают», — заявил И. С. Уншлихт. «Положение нашей Красной Армии чрезвычайно тяжелое, — говорил М. В. Фрунзе, — и считать армию боеспособной мы не можем». И. В. Сталин характеризовал состояние армии в следующих словах: «Если бы бог нам не помог... и нам пришлось бы впутаться в войну, нас распушили бы в пух и прах».

Ворошилов в речи на пленуме подчеркивал, что особенно губительно сказывалась на работе в армии постоянная текучесть, смена состава. Об этом он еще в конце декабря 1923 года докладывал главкому, а на пленуме заявил:

— Ни Реввоенсовет Республики, ни штаб не предпринимали всех необходимых мер для ликвидации или хотя бы ослабления этого бича нашей армии.

Далее Ворошилов дал примеры вопиющих недостатков в снабжении войск и утверждал, что «хаос

и бесплановость приобрели характер как бы твердой плановости и нужны неимоверные усилия, чтобы выйти из тупика, в котором мы сейчас находимся». Основной опасностью он справедливо считал стремление Троцкого и его сторонников поставить аппарат Наркомвоенмора вне контроля партии.

— Я лично думаю, — говорил Ворошилов, — что до тех пор, пока Военвед не будет уравнен со всеми другими ведомствами в отношении воздействия на него ЦК, то есть пока военное ведомство будет представлять из себя организацию, отгороженную от ЦК, до тех пор нам не изжить тех ненормальностей, которые грозят закончиться полной катастрофой для Красной Армии... Оборона страны должна быть обеспечена во что бы то ни стало. За это несут ответственность не отдельные лица, а весь ЦК, вся партия в целом.

Пленум ЦК решил радикально обновить и укрепить руководство Вооруженными Силами страны. 11 марта 1924 года заместителем председателя РВС СССР был назначен М. В. Фрунзе, 26 января 1925 года он стал председателем РВС. В марте же 1924 года был образован новый состав РВС, в который вошли А. С. Бубнов, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Тухачевский и др. В мае 1924 года Ворошилов назначен командующим Московским военным округом. 2 июня того же года он был введен в Оргбюро ЦК партии.

Торжественно провожали Ворошилова товарищи. 12 мая на пленарном заседании Краевого экономического совета Б. П. Позерн говорил, что «в специфических условиях юго-востока деятельность т. Ворошилова являлась сочетанием военной работы с хозяйственной — по восстановлению нормальной экономической жизни края, бывшего в течение 3-х лет театром гражданской войны». Проводить отъезжающих на вокзал собралась большая группа товарищей и друзей.

На посту командующего МВО Ворошилов сменил сторонника Троцкого Н. И. Муралова. Назначая испытанного ленинца на эту должность, партия и правительство, конечно, рассчитывали на то, что он не позволит врагам партии продолжать свою разрушительную работу, что Московский военный округ станет передовым форпостом осуществления военной реформы.

Основными задачами реформы были: переход к территориальному строительству Красной Армии в сочетании с кадровым; перестройка и укрепление аппарата управления армией; изменение организационно-штатной структуры частей и соединений; перестройка системы подготовки командных кадров; введение единоначалия. В задачи военной реформы входило также укрепление партийно-политического аппарата и усиление воспитательной работы в Вооруженных Силах. Требовалось перестроить боевую подготовку войск, развернуть военно-научную работу.

Осуществляя перестройку Вооруженных Сил, необходимо было в то же время сохранить мобилизационную готовность страны, ограничившись минимальной численностью армии. Проведение военной реформы ни на одно мгновение не должно было снижать боеспособность армии, ее готовность дать отпор врагу.

В Московский военный округ тогда входили 15 губерний Северной и Центральной России. На этой огромной территории, составлявшей самое сердце страны, имелось немало воинских соединений и частей. Ворошилову надо было со всеми познакомиться, везде побывать.

Одна из первых его задач — создание территориальных дивизий, их удачное сочетание с кадровыми. Территориальную систему пришлось

избрать не от хорошей жизни: страна просто не могла содержать большую армию. «Конечно, — говорил М. В. Фрунзе, — если бы перед нами был выбор между 1,5—2-х миллионной кадровой армией и нынешней системой милиции, то с военной точки зрения все данные были бы в пользу первого решения. Но ведь такого выбора у нас нет...».

Отныне войска Красной Армии подразделялись на кадровые и территориальные. В кадровых призванные в армию проходили без перерыва весь срок службы — два года. В территориальных же частях они призывались на сборы ежегодно на протяжении пяти лет: в первый раз на три месяца, а в последующие по одному месяцу. В территориальных дивизиях имелся кадровый состав, 16–20 процентов штата. Такая система давала возможность обучить весь контингент призывников и в то же время значительно экономила средства, столь необходимые стране. В случае угрозы нападения территориальные дивизии, располагавшие кадровым ядром, можно было быстро развернуть до штатной величины.

Под руководством Ворошилова переход к территориальной системе в МВО был успешно завершён: к концу 1925 года 9 дивизий округа стали территориальными и лишь одна 10-я Майкопская кавалерийская дивизия^[35] да части технических родов войск оставались кадровыми.

Реорганизация требовала огромного труда, но она была только частью работы Ворошилова. В 1924–1925 годах он проводил опытные мобилизации в отдельных зонах округа, маневры регулярных частей, инспекторские поездки. В частях командующий округом в первую очередь интересовался службой и боевой готовностью войск, в особенности огневой подготовкой. О посещении командующего округом интересно

рассказывает А. М. Василевский, командовавший в ту пору полком в 48-й Тверской дивизии.

Приехав в Тверь, где размещался полк, Ворошилов побеседовал с командованием дивизии, партийными работниками города, вечером встретился с рабочими городских предприятий, а в девять утра был уже на стрельбище, где батальон отрабатывал упражнение в стрельбе из винтовки.

Самым тщательным образом проверив подготовку к стрельбе, Ворошилов после нее пошел к мишеням и стал в присутствии стрелков осматривать их. Результаты были неплохими, но один из бойцов ни разу не попал в цель.

— Почему вы так скверно стреляете? — поинтересовался Ворошилов.

— Винтовка плохая, товарищ командующий!

— Плохая винтовка? — Ворошилов обернулся к комполка. — Проверено ли оружие перед стрельбой?

— Так точно, — последовал ответ, — все винтовки проверены.

Тут же принесли пристрелочную карточку на винтовку — оружие по документу было в порядке. Тогда Ворошилов вместе с владельцем винтовки отправился к прицельному станку и опробовал оружие. Убедившись в его исправности, командующий приказал:

— Установите мишень на триста метров!

Из положения «лежа с руки» Ворошилов показал отличный результат. После этого он обратился к бойцам:

— Товарищи! Я доволен вашей стрельбой, ваши командиры и вы немало потрудились. Благодарю вас за хорошую службу! Но вот один ваш товарищ ни разу не попал в цель и винил в этом винтовку! Посмотрите на эту мишень! Винтовка отличная, в умелых руках, разумеется. Тут можно вспомнить пословицу: «Неча на зеркало пенять...» Стрелять надо учиться. По окончании

сборов прошу командира полка сообщить мне, каких результатов достиг этот товарищ в стрельбе.

«Проверив еще две смены, — вспоминает А. М. Василевский, — а затем ознакомившись с тем, как организованы и проводятся на стрельбищном поле стрелковые занятия в других ротах батальона, К. Е. Ворошилов заявил, что хотел бы побывать на тактических занятиях полка. Узнав, что как раз в те часы подразделения первого и третьего стрелковых батальонов отрабатывали на фоне ротных учений сколачивание отделений и взводов, он попросил провести его на занятия в третью роту. К тактическим занятиям командующий отнесся с большим интересом, задавал много вопросов, сделал полезные предложения по тактике боевых действий, использованию местности, оружия, лопаты, по маскировке, а командному составу — и по методике подготовки занятий. В целом, как он заявил на ротном разборе занятий, организация и проведение занятий его вполне удовлетворили... Хорошо прошла на следующий день и проверка строевой подготовки полков». На митинге Ворошилов благодарил полк за усердие и пожелал дальнейших успехов.

Подобным образом он проверял работу и в других частях. Летом 1925 года на стрельбах в 19-й Воронежской дивизии Ворошилов, казалось, был неутомим. Десятки раз шагал он от линии огня до мишеней и обратно, проверял бой винтовок. Стреляли полки неважно. Раздосадованный этим, Климент Ефремович наконец потребовал:

— Дайте винтовку!

Стал стрелять — и выполнил условия стрельбы. То же — из нагана; то же — из пулемета... Шепот побежал по рядам бойцов: «Вот это командующий!» А он уже в казармах, на кухне — быт бойцов интересовал его не

меньше, чем результаты стрельб, внимание к людям — одно из главных правил Ворошилова.

Служивший в те годы в штабе МВО К. А. Мерецков вспоминал, как ему при составлении мобилизационных планов удалось, наладив по-новому работу, одновременно сократить вдвое число работников отдела. Составив план, он принес документы Ворошилову. «Командующий забрал все материалы и поехал с ними к... Фрунзе. Вернулся он только к концу дня. Оказалось, что Фрунзе изучал схемы очень обстоятельно. Затем Климент Ефремович спросил, сколько времени ушло на данную работу. Отвечаю: если считать с проверкой сведений на местах, то шесть месяцев. А сколько человек выполняло ее? Пять человек, говорю.

Тут же командующий приказал представить всем пятерым полуторамесячный отпуск и отправить на курорт, в Гурзуф, вызвал сотрудника для особых поручений и дал указание премировать меня двухмесячным окладом. Я сказал, что в гурзуфский санаторий меня не пустят, так как у меня маленький ребенок, а оставить семью и ехать один я сейчас не могу. Тогда командующий приказал выделить мне в санатории отдельную семейную комнату...

Признаюсь, это меня растрогало. Это был первый такой случай в моей жизни. Сейчас мы уже привыкли к тому, что отдыхаем в санаториях или домах отдыха... А тогда этого не было...»

Популярность Ворошилова среди бойцов и командиров округа сделалась почти легендарной. О нем говорили: всё видит, всё знает, всё помнит и до всего доходит. Популярности этой суждено было стать всенародной, когда он возглавил Вооруженные Силы Республики.

Ворошилов очень подружился и сблизился с Фрунзе. По службе они были теперь все время рядом: 26 января

1925 года Ворошилова назначили заместителем народного комиссара по военным и морским делам, то есть заместителем Фрунзе. Но и свободное время они стали проводить вместе. В октябре 1924 года они целый месяц охотились в горах Азербайджана. Вставали с рассветом и пропадали весь день, карабкаясь в погоне за дичью по крутым склонам, готовили себе пищу у костра. Фрунзе чувствовал себя здоровым, хотя о болезни — язва желудка — и не следовало бы забывать.

В июле 1925 года Фрунзе попал в автомобильную катастрофу, получил ушибы, но уже через неделю, 1 августа, они с Ворошиловым целые сутки провели на охоте, в болотах верст за сто тридцать от Москвы. Собирался на охоту Фрунзе и в начале сентября, когда приехал в Мухалат-ку (Крым), где уже отдыхали Сталин и Ворошилов. Один раз сходили, побродили по склонам гор, и, хотя охота была неудачной, Фрунзе повеселел. Но врачи запрещали Фрунзе охотиться, и Ворошилов отвечал на его просьбы:

— Не пойду, Миша, ни за что не пойду с тобой на охоту! Тебе лечиться надо!

Вскоре Фрунзе стало хуже, его перевезли в Москву и после долгих колебаний 31 октября оперировали. Сердце не выдержало... В статье «Памяти дорогого друга» Ворошилов тогда писал: «Дело, которому служил и отдал жизнь незабвенный друг, по-прежнему требует напряжения всех сил и воли»^[36].

В первую очередь это дело потребовало всех сил и воли самого Ворошилова: пост народного комиссара по военным и морским делам был предложен именно ему. Имеются свидетельства: Ворошилов отказывался от этого назначения, так как считал, что не в состоянии заменить такого крупного государственного и военного деятеля, каким был Фрунзе. Но воле партии Ворошилов подчинился; 6 ноября 1925 года он был назначен

наркомвоенмором. Отныне, почти на 15 лет, строительство Вооруженных Сил нашей страны связано с его именем.

Непосредственное руководство строительством Вооруженных Сил осуществлял Центральный Комитет партии. На пленумах, заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК систематически обсуждались военные вопросы. Все важнейшие мероприятия военных ведомств постоянно направлялись и контролировались высшими партийными органами.

Перед обсуждением военных вопросов в Политбюро или на пленумах ЦК партии для полного и всестороннего изучения существа дела выделялись специальные комиссии. По отдельным вопросам материалы поручалось готовить членам Политбюро. Центральный Комитет принимал постановления, циркуляры, направлял письма, инструкции по вопросам строительства Вооруженных Сил. Руководящие деятели партии и правительства поддерживали живое общение с личным составом Красной Армии и Флота.

Народный комиссариат по военным и морским делам был общесоюзным и руководил строительством Вооруженных Сил, их управлением и снабжением на всей территории СССР. Ему надлежало разрабатывать планы обороны страны, подготавливать население к военной службе, комплектовать армию и флот, обучать и воспитывать личный состав, обеспечивать постоянную боевую готовность войск. Комиссариат имел право представлять на утверждение высших органов власти вопросы, затрагивающие военное ведомство, издавать руководящие документы по армии и флоту, распоряжения об учете и призыве населения, обязательные для всех граждан Советского Союза. Во главе комиссариата стоял народный комиссар. В своей практической деятельности он обязан был

руководствоваться Конституцией СССР и общими положениями о народных комиссарах. Будучи одновременно председателем РВС СССР, наркомвоенмор имел право отдавать приказы от имени этого коллегиального органа. В сумме наркомвоенмор располагал немалой властью, но в то же время нес огромную ответственность за судьбу страны. И пост его требовал неустанного, всепоглощающего труда.

Разумеется, никто не в состоянии был бы руководить Вооруженными Силами Страны Советов, если бы взялся за это один. Но в своей работе Ворошилов опирался на целую плеяду крупных военачальников. 25 ноября 1925 года был утвержден новый состав РВС СССР. В него, кроме председателя — К. Е. Ворошилова, входили П. И. Баранов, А. С. Бубнов, С. М. Буденный, А. И. Егоров, С. С. Каменев, Г. К. Орджоникидзе, М. Н. Тухачевский, И. С. Уишлихт и другие. При их активном участии и шло строительство Вооруженных Сил.

В 1925–1940 годы Ворошилов был наркомвоенмором, а затем наркомом обороны. Проблемы, встававшие перед руководителями Красной Армии в эти годы, существенно различались да и возможности были иными.

Прежде всего следовало решить: какую армию строить? Это был отнюдь не теоретический вопрос. В публиковавшихся в 20-е годы военных трудах нередко встречались неправильные оценки того, какими станут армии капиталистических стран в ближайшем будущем и, следовательно, какой должна быть армия Страны Советов. Авторы этих трудов утверждали, что в грядущей войне капиталистическим государствам вряд ли удастся мобилизовать и двинуть против СССР массовые армии и поэтому придется иметь дело с небольшими, но отлично обученными, вооруженными до зубов механизированными армиями. Так, например, А.

И. Верховский в 1928 году утверждал, что «массовая армия исчезнет, ее заменит небольшая армия рыцарей, которую можно построить по классовому принципу».

Известно, что ничего подобного в военном деле не произошло. Необходимо отметить, что советское военное руководство — как Фрунзе, так и Ворошилов, — следуя ленинским указаниям, с самого начала придерживалось единственно правильного решения: армия должна быть массовой и в то же время вооруженной новейшей техникой и механизированной.

Правильный вывод был сделан в первую очередь потому, что советская военная теория уже и в ту пору смело и глубоко рассматривала сложнейшие проблемы характера будущей войны и оценки сил вероятного противника. Главное место здесь, несомненно, принадлежит трудам М. В. Фрунзе. Именно он еще осенью 1921 года критически отнесся к широко распространенному тогда тезису: армия любой империалистической державы в ближайших столкновениях с Красной Армией из-за классовых противоречий и классовой борьбы не сможет противостоять натиску советских войск.

Фрунзе считал, что «вполне вероятным является факт появления перед нами противника, который очень туго будет поддаваться доводам революционной идеологии». В речи 17 июня 1925 года он говорил: «Нам нельзя рассчитывать на то, что война, которую нам придется вести, будет легкой войной, что она может быть кончена без больших усилий, без больших жертв. Эта возможность почти исключается...»

Перспективы развития теории и практики военного дела были уже в 20-е годы тщательно проанализированы в работах Б. М. Шапошникова («Мозг армии»), М. Н. Тухачевского («Вопросы современной стратегии»), В. К. Триандафиллова («Характер операций современных армий»), К. Б. Калиновского («Танки в

обороне») и других. Советская военная мысль напряженно и плодотворно работала, стараясь предугадать очертания грядущей войны, определить и вероятного противника, и соотношение сил в столкновении, и место, которое займут различные виды и роды Вооруженных Сил в нем, и роль человека и техники. Можно сказать, что советская военная наука в целом верно определила характер грядущей войны, а это позволило Советским Вооруженным Силам развиваться в необходимом направлении.

Однако, чтобы вооружить Красную Армию новейшей техникой, механизировать ее, требовалось обладать определенными предпосылками — мощной оборонной промышленностью. Здесь пути строительства Советских Вооруженных Сил неизбежно смыкались с необходимостью социалистической индустриализации всей страны.

Чтобы обезопасить себя в случае нападения агрессора, надо было создать почти заново оборонную промышленность: расширить и построить новые артиллерийские, снарядные, пулеметные, патронные, танковые, авиационные заводы. Делать это приходилось по возможности быстрее: неизвестно было, когда разразится война. В речи по случаю 8-й годовщины Красной Армии Ворошилов говорил:

— Мы не закрываем глаза на то, что... войны нам не избежать и что в этой предстоящей войне нам нужно будет иметь мощную Красную Армию, мощную не только по организованности, но и по численности.

Подчеркнув успехи в реорганизации и обучении войск, достигнутые в ходе осуществления военной реформы, Ворошилов в то же время отметил:

— Военная промышленность все еще находится в тяжелом положении. В настоящее время на военную промышленность мы тратим немалые средства, но продукция нашей промышленности — я имею в виду

здесь не только валенки, сапоги и штаны, но и винтовки, и патроны, и нашу пушку, — эта продукция все еще не стоит на должной высоте, а ее цена заставляет нас разговаривать с руководителями этой промышленности весьма внушительным и не совсем дружеским языком...

Состояние Красной Армии в 1925–1926 годах резко улучшилось, но предстояло сделать еще очень многое. Об этом Ворошилов не устал напоминать. К примеру, в сентябре того же 1926 года на торжестве по случаю выпуска командиров РККА он сказал:

— Наша Красная Армия является сейчас уже достаточно сильным фактором, с которым всерьез приходится считаться империалистическим захватчикам... Однако прорех, недостатков, недочетов внутри нее еще хоть отбавляй...

Ворошилов не жалеет своих сил, и когда теперь говорят об армейских буднях той поры, то не всегда требуется называть его имя в связи с тем или иным конкретным делом — настолько это само собой разумеется. В каждом деле, о котором будет идти речь ниже, есть частичка, и немалая, труда Клина Ворошилова.

Красная Армия, армия нового типа, пользовалась любовью и уважением населения страны, оборона государства составляла предмет особых забот рабочих и крестьян Советской страны. Ворошилов знал это и ранее, но лишь после своего назначения на пост наркомвоенмора он в полной мере почувствовал, насколько глубока эта любовь и одновременно насколько требовательны и внимательны рабочие и крестьяне к делу обороны страны.

По работе наркомвоенмор встречался и разговаривал с сотнями и тысячами людей, военных и гражданских. Зная доступность и внимательность Ворошилова, немалое число советских граждан

обращалось к нему с письмами. Так, вскоре после назначения, лишь за первые шесть месяцев 1926 года на имя наркома пришло около 3 тысяч писем. Анализ их чрезвычайно показателен для характеристики того времени и отношения рабочих и крестьян к своей родной армии.

Только немногие письма носили сугубо личный характер, все же остальные имели общественный интерес и затрагивали важные, а часто и больные места армейского и гражданского быта. Военнослужащие среди корреспондентов наркомвоенмора составляли лишь 27 процентов, демобилизованных насчитывалось 18 процентов, а остальные не состояли на военной службе. Но эти «несостоящие» почти целиком принадлежали к активным участникам гражданской войны и с полным правом считали Красную Армию организацией, наиболее близкой для себя.

Три четверти корреспондентов были знакомы с Ворошиловым лично либо по революционной работе, либо по службе в Красной Армии. Зная Ворошилова, они были убеждены, что их предложения рассмотрят, а просьбы удовлетворят. Содержание писем было очень разнообразным, но можно выделить несколько основных проблем.

Первое место (25 процентов) занимали просьбы о приеме в военно-учебные заведения, причем большинство их исходило от комсомольцев. Тяга в армию, в военные школы была тогда очень велика, и письма шли отовсюду, даже из самых глухих, так называемых «медвежьих углов» страны. Следующую большую группу (23 процента) составили просьбы о содействии разным, главным образом крестьянским, культурно-просветительным организациям. Были здесь письма пионерских отрядов, избачей, демобилизованных красноармейцев, организующих военные уголки и кружки военных занятий; они просили

литературу, пособия и указание, «как проводить занятия среди крестьян». Крупную группу писем (18 процентов) образовывали просьбы о пенсиях и пособиях семьям красноармейцев и инвалидов войны. Такие просьбы требовали особого внимания, и наркомвоенмор тщательно их рассматривал.

Таково было его правило: не забывать за большими, государственными делами о судьбах отдельных, конкретных людей, видеть в частном общее.

Тем временем осуществление мероприятий военной реформы продолжалось. Территориальная система упрочилась. Если к концу 1924 года на эту систему было переведено 52,4 процента дивизий, то в 1930 году их было 58 процентов. Впоследствии территориальные дивизии стали абсолютным большинством в Красной Армии: в 1935 году они составляли почти три четверти всех дивизий. Такая система экономила немало средств, но имела и свои весьма существенные недостатки. Однако с ней приходилось до поры до времени мириться.

Реорганизации подверглись центральный и местный аппарат военного управления. С приходом Ворошилова эта реорганизация была завершена. В июле 1926 года по приказу РВС СССР в Штабе РККА были сосредоточены все вопросы, связанные с подготовкой армии в целом. Штаб (возглавляли его М. Н. Тухачевский, затем Б. М. Шапошников) разрабатывал оперативные и мобилизационные планы, изучал опыт империалистической и гражданской войн, разрабатывал основы строительства Вооруженных Сил. Главное управление РККА руководило повседневной работой армии и флота. Специальный орган — инспекторат РККА — занимался подготовкой комсостава, боевой подготовкой войск, инспектировал их. Ворошилов, враг бюрократизма и «бумажного творчества», продолжал линию, взятую Фрунзе, стремился сделать систему

руководства войсками более живой и оперативной. Бумажная отчетность в эти годы была сокращена на три четверти, а центральный и местный аппарат — на 40–50 процентов.

Важнейшее мероприятие военной реформы — введение единоначалия — также закончилось в период пребывания Ворошилова наркомвоенмором. Единовластие в частях и соединениях вводилось постепенно, на протяжении нескольких лет. Ворошилов, еще будучи командующим МВО, говорил в августе 1924 года:

— Здесь нам нужно будет соблюдать сугубую осторожность, разрешать вопрос особо в каждом конкретном случае. Всякая поспешность была бы совершенно неправильной...

В то же время он считал:

— Необходимо решительно предупредить против разделения комсостава на две части — краскомов и некраскомов... Поступать так — значит подрывать единство и крепость Красной Армии.

Вопрос о путях развития единовластия неоднократно обсуждался в РВС, в ЦК партии. В постановлении ЦК ВКП(б) «О командном и политическом составе РККА» от 25 февраля 1929 года подытоживалась почти пятилетняя работа в этой области: «Центральный Комитет констатирует, что с периода военной реформы 1924 г. достигнуты значительные успехи в деле укрепления политического и боевого совершенствования кадров начальствующего состава, в результате чего к настоящему времени РККА обладает подготовленным и политически устойчивым начальствующим составом, вполне обеспечивающим боеспособность армии». Напряженная работа в этом направлении продолжалась, и к концу 1931 года единоначалие в той конкретной форме, в какой оно вводилось в 1925 году, было осуществлено:

подавляющее большинство подразделений, частей, соединений РККА возглавлялось полными единоначальниками. Это был крупный шаг на пути укрепления Красной Армии, и он неразрывно связан с именем Ворошилова.

Введение единоначалия было тесно соединено с подготовкой командного состава, его обучением и воспитанием, ведь от этого в значительной степени зависит боеспособность армии. Огромная работа, проделанная в Вооруженных Силах в этом отношении, осуществлялась на основе решений Центрального Комитета партии и под его постоянным руководством. Выработанные им руководящие документы обеспечивали твердую организационную основу процессу подготовки кадров, придавали ему необходимую логическую последовательность.

Зная, какими талантами обладают командиры-военачальники, закаленные в гражданской войне, наркомвоенмор в то же время очень хорошо представлял и присущие им недостатки, в особенности нехватку специального образования. Народный комиссар учился сам и стремился, чтобы учились и его подчиненные. Он внимательно следил за этим, помогал.

Показателен пример с Ф. Д. Гореленко. Впервые Ворошилов увидел его еще в 1918 году, под Царицыном. Приехав в часть, которой командовал Гореленко, он поинтересовался, где размещены батареи. Выяснилось, что Гореленко, прекрасно зная, где находятся батареи, не может показать их положение на карте. Тогда Ворошилов отметил батареи карандашом и спросил:

— Верно ли? — Увидев смущение Гореленко, добавил: — Надо научиться читать карту!

Прошло несколько лет. Во время очередного инспектирования Ворошилов вновь встретился с

Гореленко (уже комполка) и имел с ним неприятный разговор:

— Тебя я, Гореленко, знаю как боевого командира. Хорошего, боевого командира, — повторил он. — А скажи, откуда рыба начинает портиться?

— С головы, товарищ командующий.

— Верно! Пословица верная! Подумай над этим хорошенько!

Но все же Гореленко вскоре послали учиться. Прошло еще несколько лет. В 1926 году на маневрах МВО Ворошилов, увидев старого знакомого, вновь поинтересовался:

— Как учеба? Карту наконец осилил?

По приказу наркомвоенмора Гореленко направили учиться в академию, и впоследствии на протяжении 20 — 30-х годов Ворошилов неизменно интересовался делами Гореленко.

Таких случаев можно было бы припомнить много.

В случае каких-либо нарушений дисциплины Ворошилов всегда стремился понять причину проступка и лишь затем определять меру наказания. Здесь он не любил спешить.

...Весной 1929 года слушатель академии имени Фрунзе Л. при защите диплома использовал схемы и таблицы, взятые у товарища по группе. Проступок достаточно серьезный, и начальник академии Р. П. Эйдеман подал наркомвоенмору рапорт об отчислении слушателя. Ворошилов не решает с ходу. Первая резолюция на рапорте (она сделана чернилами) гласила: «Дать личное дело. В.31.111-29». На следующий день и личное дело, и объяснение слушателя были на столе у Ворошилова. Из объяснения видно, что Л. находился в крайне стесненных семейных обстоятельствах: у него было двое маленьких детей и тяжело болела жена. У Л. просто не могло быть времени, чтобы самому составить схемы. В своем

объяснении он писал: «Вполне сознавая свое преступление, я не оправдываюсь, а прошу о помиловании, прошу об оставлении меня в академии». Тогда наркомвоенмор 1 апреля пишет новую резолюцию, уже красным карандашом: «Л-ва из В[оенной] А[кадемии] не отчислять, ограничившись дисциплинарным взысканием». Таков был его стиль работы с людьми.

Без преувеличения можно сказать: в те годы в РККА учились все, от младших командиров до высших военачальников. С. М. Буденный, который уже приближался к 50-летнему рубежу, вместе с группой высших командиров — Д. Ф. Сердичем, И. Р. Апанасенко, О. И. Городовиковым, Г. И. Бондарем, — занимался в особой группе академии имени Фрунзе. Атмосфера всеобщей жажды учиться господствовала в среде красных командиров, и наркомвоенмор, первое лицо в армии, всемерно ее поддерживал, прежде всего тем, что неустанно учился сам.

О размахе этого всеобщего обучения можно судить хотя бы из того, что в 1927 году подготовкой высшего и старшего начальствующего состава занимались шесть военных академий, а также высшие академические курсы при них, четыре высшие школы и пять военных факультетов при гражданских институтах. Ежегодный выпуск академий все время возрастал: если в 1926 году их окончили 424 человека, то в последующие два года — 527 и 751. К 1928 году лишь 9 процентов командиров не имели военного образования, и в подавляющем большинстве это были младшие командиры.

Разумеется, повышение профессионального уровня командного состава шло в неразрывном единстве с моральным и политическим воспитанием военнослужащих. Центральный Комитет через Политическое управление РККА (ПУР), возглавляемое А. С. Бубновым, осуществлял идейное руководство в

армии. В принятом на XIV съезде (декабрь 1925 года) Уставе партии имелся специальный раздел «О парторганизациях в Красной Армии», который окончательно закреплял организационные формы, права и обязанности партийных организаций Вооруженных Сил. Непрерывно росло количество коммунистов в армии и на флоте.

Необходимо подчеркнуть, что осуществление военной реформы, как и все социалистическое строительство, затруднялось выступлениями оппозиционеров, с которыми партии в эти годы пришлось вести ожесточенную борьбу. Единодушно и сплоченно выступили военные партийные организации против сформировавшейся на идейной платформе троцкизма «новой оппозиции». На XIV съезде Ворошилов резко критиковал оппозиционеров. На съезде Ворошилов был избран членом Политбюро ЦК. В январе

1926 года он вместе с другими членами ЦК — А. А. Андреевым, М. И. Калининым, С. М. Кировым, Г. И. Петровским — выступал на собраниях партийных организаций Ленинграда, разоблачал, громил врагов партии. На Металлическом заводе он говорил, что «большевистская партия — цельная и монолитная партия. В ее рядах место только дисциплинированным большевикам-ленинцам».

На июльско-августовском пленуме ЦК и ЦКК 1927 года Ворошилов, отметая клеветнические утверждения Зиновьева о наличии в Красной Армии людей, «мечтающих о роли русского Чан Кайши», сказал:

— Если оппозиция имеет данные о том, что командный состав состоит из кулаков и старых офицеров, готовых изменить в любой момент, если имеются сведения, что верхушка командного состава представляет собой изменнические милитаристические элементы, которые в самый критический момент

поведут Красную Армию к поражению, то оппозиционеры должны указать персонально на этих людей и немедленно предложить конкретные мероприятия, которые смогут излечить армию от этих страшных, смертельных недугов...

Ворошилов доказал нелепость клеветнических потуг оппозиционеров и заверил партию и правительство, что Красная Армия и ее военачальники были и будут всегда верны делу социализма.

На этом же пленуме Ворошилов дал резкую отповедь Троцкому, который в многотомном опусе под претенциозным названием «Как вооружалась революция» занимался беззастенчивой саморекламой, изображая себя «вождем» Красной Армии. Ворошилов писал в заявлении пленуму: «Достаточно пробежать хотя бы один том его «сочинений», «Как вооружалась революция», чтобы понять эту несложную механику, с помощью которой с исторической сцены исчезает партия, тысячи славных рабочих-коммунаров, сам Ленин и остается один «сказочный герой» Троцкий, который совместно с несколькими меньшего масштаба «героями», большей частью специалистами, «вооружали революцию...».

Партийные организации Вооруженных Сил СССР в ходе подготовки к XV съезду партии отвергли платформу троцкистско-зиновьевского блока: за линию ЦК в армии и на флоте голосовали 99,61 процента всех членов партии, против — 0,19 процента. Партийная организация Вооруженных Сил была единой и монолитной.

Одним из основных направлений, по которым шло наращивание боевой мощи армии, было ее техническое перевооружение. В мае 1927 года ЦК обсудил план работы по вооружению армии. Правда, тогда условия не позволяли еще развернуть всестороннее переоснащение армии техническими средствами —

социалистическая индустриализация только начиналась, — но и в эти годы было сделано уже немало. Так, количество артиллерии с 1924 по 1929 год возросло более чем в два раза. Если в 1923 году на каждую тысячу человек в дивизии приходилось в среднем 1,6 орудия, то в 1929 году — 4,3 орудия и 0,7 миномета. На вооружение поступило высококачественное оружие: полковая пушка образца 1927 года, зенитная пушка 1928 года.

Войска стали получать новое стрелковое вооружение отечественного производства: ручные пулеметы конструкции Токарева и Дегтярева, автоматы Федорова, не уступавшие иностранным образцам. Ворошилов, знаток оружия, внимательно следил за работой отечественных конструкторов, помогал им. Так, пулемет русского самоучки, рабочего-изобретателя В. А. Дегтярева, неоднократно подвергавшийся испытаниям, был принят на вооружение в 1928 году по настоянию Ворошилова, который лично убедился в его высоких качествах.

Не могли пожаловаться на невнимание наркома и многие другие советские конструкторы. Оружейники С. Г. Симонов, В. Г. Федоров, Г. С. Шпагин, Б. Г. Шпитальный, конструкторы-артиллеристы В. Г. Грабип, И. И. Иванов, Ф. Ф. Петров, Б. И. Шавырин и многие, многие другие — все они были знакомы с наркомом, во всех их делах он старался разобраться, помочь, а когда надо — и потребовать.

В эти же годы было положено начало советским бронетанковым силам: в 1927 году началось серийное производство отечественных танков МС-1 (Т-18). Танк имел на вооружении 37-миллиметровую пушку и пулемет, весил 5,5 тонны и развивал скорость до 16 километров в час. Все это, конечно, неважные еще показатели, но начало было положено. Знаменательно, что на базе этих первых советских образцов были

созданы опытные танковые и механизированные части, с ними проводились учения. В 1929 году был создан уже опытный сводный механизированный полк. Таким образом, с самого начала советские бронетанковые силы стояли на верном пути.

Наличие собственных конструкций самолетов и моторов позволило тогда же развивать военную авиацию. В 1925–1930 годах на вооружение поступили отечественные истребители И-2, И-5, разведывательные самолеты Р-3, Р-5. А. Н. Туполевым был сконструирован АНТ-4, военный вариант которого ТБ-1 явился основой конструкции советских бомбардировщиков.

Ворошилов изо дня в день интересовался делами самолетостроения, был знаком с директорами заводов, с авиаконструкторами. Когда другой самолет Туполева — трехмоторный АНТ-9 — показал исключительно хорошие пилотажные и эксплуатационные качества, Ворошилов писал о нем в Политбюро: «Выпущенный к 1 мая с. г. первый советский трехмоторный пассажирский металлический самолет АНТ-9 выявил на испытаниях качества, более благоприятные, чем это намечалось при конструкторских работах... Учитывая эти результаты, РВС считает целесообразным продемонстрировать Западной Европе успех советского самолетостроения...» Успех был продемонстрирован: М. М. Громов в 1929 году совершил перелет по маршруту Москва — Берлин — Париж — Рим — Лондон — Варшава — Москва.

После окончания гражданской войны отечественный Военно-Морской Флот очень пострадал, особенно на Черном море, требовалось его восстановить. Это чрезвычайно сложное, дорогостоящее, трудоемкое дело началось еще до того, как Ворошилов стал наркомом. Республика Советов не могла существовать без флота. Советское правительство и, конечно, наркомвоенмор даже в то трудное время изыскивали средства для усиления обороны наших морских рубежей. В декабре

1926 года утверждается шестилетняя программа военного кораблестроения, предусматривавшая ремонт, модернизацию имевшихся кораблей, строительство новых. Программа эта успешно выполнялась, и в апреле 1927 года Ворошилов на IV Всесоюзном съезде Советов говорил, что флот наряду с сухопутной армией стал организованной силой.

Забываясь о восстановлении флота, Ворошилов не забывал и о его боевой подготовке. Уже в январе 1926 года он побывал в Кронштадте, посетил линкоры «Марат» и «Парижская коммуна». При его участии в следующем году Балтийский флот впервые провел сложные учения, направленные на отработку взаимодействия с сухопутными войсками на побережье и авиацией.

В 1928 году наркомвоенмор вновь на кораблях Балтийского флота. Насколько напряженной была его работа, показывает распорядок дня на 12 августа:

«8–9 часов. Смотр линейным кораблям «Октябрьская революция» и «Парижская коммуна».

9—9 1/2 час. Осмотр Дома Красной Армии и Флота.

972—1172 час. Доклад командному составу.

11 1/2 — 13 час. Осмотр английской подводной лодки^[37]... Обед на «Марате».

13—14 час. Беседа с личным составом «Марата».

14—16 час. Смотр эскадренным миноносцам и крейсеру «Профинтерн». Общий митинг на стенке.

16.15. Отбытие на посыльном судне «Пионер» в Ленинград».

Ворошилов постоянно в разъездах, инспекциях, он следит за боевой подготовкой войск. В 1927 году, кроме Черноморского и Балтийского флотов, он посетил еще маневры в Ленинградском, Белорусском и Украинском военном округах, причем задерживался там подолгу. Так, войска УВО он инспектировал с 15 мая по 2 июня.

Знакомство с жизнью войск позволило ему наряду с успехами в боевой подготовке, политическом воспитании и устройстве быта подметить и многие недостатки. Часть из них, несомненно, была следствием все еще недостаточной материально-технической обеспеченности войск, но многие огрехи объяснялись неточным выполнением соответствующих директив и уставов. В циркуляре наркома говорилось, что подобные недостатки «не являлись специфически присущими только Украинскому военному округу, а отражают собой более или менее положение всей Красной Армии», и поэтому давались конкретные указания соответствующим центральным управлениям.

Ворошилов следил и за всеми бытовыми мелочами, несомненно составляющими неотъемлемую и немаловажную сторону жизни армии.

Аккуратность во всем — таково было правило Ворошилова, и когда он замечал отсутствие порядка в чем бы то ни было, то немедленно вмешивался. Вот его письмо от

1 апреля 1929 года заместителю наркома путей сообщения: «Во время моей последней поездки в Ленинград я невольно обратил внимание на заброшенность ленинградских вокзалов. Некоторые из них буквально поражают своим обшарпанным внешним видом (Финляндский), разбитыми стеклами, дырявыми крышами (Балтийский и Варшавский). Все это оставляет тяжелое впечатление бесхозяйственности и разрухи... Я счел необходимым о всех этих моих личных наблюдениях сообщить кратко Вам, не доводя пока до сведения других органов и лиц».

В тех случаях, когда дело было важным и неотложным, даже если оно и не касалось обороны страны, Ворошилов не колебался прибегать к «другим органам и лицам». Так, получив письмо рабочих Торецкого завода имени Ворошилова в Дружковке с

жалобой на простои завода, наркомвоенмор 15 июня 1929 года пересылает это письмо в ЦК и сообщает, что письмо «меня настолько удивило, что я считаю необходимым послать его в ЦК... Мне больше всего непонятно следующее. Мы строим завод, затрачиваем на него громадные средства и не успеем его пустить, как он уже испытывает затруднения в снабжении материалами. Это беда хотя и большая, но понятная. Но совершенно непонятно, почему только что пущенный завод начинает сокращать свое производство из-за недостатка заказов. Кажется очевидным, что в таком случае не надо было торопиться с его постройкой...». Не ограничиваясь тем, что он поставил ЦК в известность об этом, к сожалению, далеко не единичном в ту пору случае, Ворошилов 5 июля просит заместителя председателя ВСНХ сообщить ему, «что предполагает сделать ВСНХ по поводу письма торецких рабочих... Меня это интересует потому, что в зависимости от Вашего ответа необходимо решить, стоит ли обсуждать этот вопрос на ЦК или нет».

Ворошилов хорошо понимал значение воинских уставов в жизни армии. Разработка этих важнейших документов, начатая еще до его прихода на пост наркомвоенмора, продолжалась. В 1929 году войска получили Полевой устав РККА, который исходил из оценки будущей войны как войны маневренной и давал развернутое понятие о взаимодействии войск. В 1927–1929 годах в действие были введены Боевой устав пехоты, Боевой устав артиллерии, Боевой устав броневых сил, военно-воздушных сил, конницы и ряд других. В новых уставах, критически перерабатывавших опыт империалистической и гражданской войн, командиры получали конкретные ответы на важнейшие вопросы военного искусства и боевой подготовки войск.

Таким образом, на протяжении первых лет пребывания Ворошилова на посту наркомвоенмора

военная реформа получила завершение. Ворошилов оказался достойным преемником Фрунзе. Красная Армия и Флот были перестроены в соответствии с требованиями времени: войска получили устойчивую организационную структуру; были установлены сроки службы; упорядочено комплектование армии; переработаны уставы; налажена учеба командного состава и планомерная боевая и политическая подготовка войск; введено единоначалие. Красная Армия представляла серьезную силу, и в этом вскоре имели возможность убедиться ее враги.

В 1928–1929 годах на наших восточных границах не прекращались провокации, гибли красноармейцы и мирные жители. Дипломатические ноты и протесты не помогали. Тогда Советское правительство отдало приказ войскам Особой Дальневосточной армии, возглавляемой В. К. Блюхером, дать военный отпор провокаторам и заставить их уважать международные соглашения. Несмотря на то, что армия Чжан Сюэляна по численности превосходила наши войска в несколько раз, китайско-маньчжурские милитаристы были разбиты в нескольких последовательных операциях с 12 октября по 20 ноября 1929 года. Наши войска показали хорошую выучку, отвагу, мужество.

Для укрепления обороны страны было сделано немало. Но не приходилось закрывать глаза на то, что немногочисленная Красная Армия (в 1928 году в ней насчитывалось 617 тысяч человек) к тому же еще отставала в оснащении техникой и вооружением от армий крупнейших капиталистических стран. Сказывалось нелегкое экономическое положение страны, слабое развитие оборонной промышленности. Все это ясно видело советское военное руководство, но ликвидировать отставание было возможно, лишь увеличив индустриальный потенциал страны.

Курс на социалистическую индустриализацию страны был взят XIV съездом партии. Не страшась тягот и трудностей, советский народ, возглавляемый Коммунистической партией, пошел неизведанными дорогами строительства социализма. Наша страна стала огромной строительной площадкой. Сооружались колоссы индустрии — Днепрогэс, Сталинградский и Харьковский тракторные, автозаводы в Москве и Горьком. Началась подготовка к строительству Магнитогорского, Кузнецкого, Криворожского металлургических комбинатов, десятков и сотен заводов и фабрик. Шла реконструкция старых предприятий.

Необходимо помнить, что важнейшие решения Советского правительства, определившие на многие десятилетия судьбу страны, разрабатывались, рассматривались и принимались при непосредственном участии Ворошилова. Он по-прежнему активно участвовал в работе пленумов ЦК партии, его Политбюро. Особенно велика роль Ворошилова в решении вопросов, связанных с обороной страны.

Тем временем международная обстановка обострялась. В решениях XVI, XVII, XVIII съездов партии отмечалось нарастание угрозы новой войны и со всей решительностью указывалось на необходимость сконцентрировать внимание партии и всего советского народа на укреплении обороноспособности СССР, дальнейшем повышении боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Реконструкции подверглись и Советские Вооруженные Силы. В 1928 году РВС СССР и Штаб РККА разработали первый пятилетний план строительства Вооруженных Сил. Он был составлен с таким расчетом, «чтобы обороноспособность государства ни в коем случае не отставала от общего хозяйственного роста страны». Но уже в первые два года пятилетки стало

очевидным, что развитие экономики нашей страны благодаря энтузиазму строителей социализма идет значительно быстрее, чем планировалось. Это давало возможность пересмотреть контрольные цифры пятилетнего плана развития РККА.

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1929 года «О состоянии обороны СССР», выработанном при непосредственном участии Ворошилова, предлагалось усилить взятый темп работ по усовершенствованию техники Красной Армии, наряду с модернизацией существующего вооружения «добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, всех современных типов танков, бронемашин и пр.». Для авиации считалось необходимым «скорейшее доведение ее качества до уровня передовых буржуазных стран».

Через два дня, 17 июля РВС СССР принял постановление ЦК к исполнению. Были сделаны уточнения плана, но во время подготовки к XVI съезду партии ЦК ВКП(б) и Советское правительство, исходя из возросших возможностей страны и учитывая осложнение международной обстановки, потребовали от РВС СССР вновь пересмотреть план военного строительства. Предполагалось, что Советские Вооруженные Силы должны:

«а) по численности — не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны ^[38];

б) по технике — быть сильнее противника по трем решающим видам вооружения, а именно: по воздушному флоту, артиллерии и танкам».

В июне 1930 года уточненный план был утвержден. Поражает размах мероприятий, направленных на укрепление обороны страны. План предусматривал: перевооружение армии и флота новейшими образцами

военной техники; создание и совершенствование новых родов войск (авиация, танки), специальных войск (химических, инженерных и др.); модернизацию старой техники; моторизацию и организационную перестройку пехоты, артиллерии, кавалерии; осуществление массовой подготовки технических кадров и овладение новой техникой личным составом армии. Был разработан календарный план строительства РККА на 1931–1933 годы, и он успешно выполнялся. Разумеется, это требовало неустанных забот всех советских военачальников и прежде всего самого наркома.

Первый пятилетний план строительства РККА был успешно осуществлен. Но грандиозные задачи создания могучей армии не могли быть выполнены в одну пятилетку. В докладе правительству от 8 июня 1932 года Ворошилов, подводя итоги минувшего пятилетия, перечислял и существующие серьезные недостатки: слабая механизация армии, отсутствие механизированной тяги в артиллерии и необходимого резерва техники и боеприпасов, недостаточное для развития непрерывных и глубоких операций количество танков и бронемашин.

Поэтому при составлении второго пятилетнего плана было предусмотрено как устранение существовавших пробелов в обороне страны, так и дальнейшее развитие Вооруженных Сил. К 1937 году наша страна должна была иметь армию, способную в случае империалистической агрессии действовать одновременно на нескольких фронтах и нанести сокрушительные удары по армиям империалистических держав. Во второй пятилетке предстояло: достичь такого уровня механизации, который позволил бы бронетанковым войскам стать одним из основных, решающих элементов в будущей войне; увеличить авиацию в три раза, форсировать развитие тяжелой бомбардировочной и истребительной авиации;

модернизировать существующие и создать новые артиллерийские системы, перевести артиллерию на механическую тягу; моторизовать и реорганизовать стрелковые войска; создать мощный подводный флот.

Это была впечатляющая программа.

Советское правительство было вынуждено увеличивать и вооружать армию ввиду непрерывного и все ускоряющегося обострения международной обстановки. На этот счет Ворошилов говорил в октябре 1934 года после маневров в Белоруссии:

— Наше положение своеобразно. Не желая ни с кем воевать, страстно желая мира, борясь за этот мир всеми средствами и всеми способами, мы тем не менее всегда находимся в таком неопределенном положении, когда не знаешь, кто, как, когда и с какого участка нашей необъятной страны заставит РККА взяться за оружие для того, чтобы преградить доступ вражьи войскам на нашу советскую землю. Поэтому-то мы, товарищи, и должны иметь такую армию, какую мы сегодня имеем.

Начиная с 1929 года новая техника непрерывно, все увеличивающимся потоком стала поступать в войска.

Это иллюстрирует следующая таблица.

**Рост вооружения и боевой техники
Советских Вооруженных Сил в 1918—1935 годах**

Виды вооружения и боевой техники	Состояло на вооружении (шт.)		
	1928	1932	1935
Винтовки (тыс.)	1 596	2 292	3 050
Ручные пулеметы	8 811	22 553	83 922
Станковые пулеметы	24 230	33 118	53 492
Орудия (16-мм и выше)	6 645	10 684	13 837
Танки (преимущественно легкие)	92	1 053	7 633
Танкетки	Не было	348	2 547
Бронемашины	7	213	464
Бронепоезда	52	46	42
Автомобили	1 050	5 669	35 303
Тракторы	301	1 387	5 550
Самолеты	1 394	3 285	6 672

Проще всего оценить размах технической реконструкции армии, проведенной в годы первых пятилеток, и роль Ворошилова в этой титанической работе, если рассмотреть изменения, происшедшие в каждом роде войск по отдельности.

Стрелковые войска следовало насытить автоматическим оружием. Для решения этой проблемы организовали подготовку кадров конструкторов, и в эти годы сложилась замечательная школа советских оружейников. В результате в РККА появились в массовом количестве высококачественные образцы пулеметов отечественной конструкции: ручной, танковый и авиационный пулеметы, а также пулеметные зенитные установки. Не забыта была и безотказная русская трехлинейная винтовка капитана С. И. Мосина, ее модернизировали, и она еще хорошо послужила Родине.

Почти заново была создана промышленная база для производства артиллерийских орудий и боеприпасов к ним. Конструкторские бюро, созданные в эти годы, разрабатывали новейшие артиллерийские системы. Один за другим армия получала превосходные орудия: 37-миллиметровую противотанковую пушку образца 1930 года, 76-миллиметровую зенитную пушку образца 1931 года, 203-миллиметровую гаубицу образца 1931 года, 45-миллиметровую противотанковую пушку образца 1932 года... По скорострельности, дальности и мощности снарядов эти новые орудия полностью соответствовали требованиям современной войны. Соотношение видов артиллерии также изменилось за счет повышения процента тяжелой гаубичной и противотанковой артиллерии.

Интерес советских руководителей к артиллерии чрезвычайно показателен вообще для его отношения к вопросам обороны. Вышло так, что в 30-х годах среди артиллерийских специалистов не было единого мнения

о путях развития артиллерии. Увлекаясь занесенными с Запада теориями, кое-кто из военных руководителей и конструкторов отстаивал необходимость преобладания в дивизии гаубичной артиллерии. Существовала также крайне заманчивая с виду идея создания универсализованных пушек, которые были бы способны вести огонь как по наземным, так и по воздушным целям.

Споры среди артиллеристов продолжались несколько лет, и это мешало дальнейшему прогрессу в артиллерии. Решил все смотр в июне 1935 года руководителями партии и правительства образцов артиллерийских систем на одном из подмосковных полигонов. Внимательно, придирчиво и в то же время заинтересованно и доброжелательно руководители партии и правительства следили за стрельбами, беседовали с конструкторами. Вскоре после смотра состоялось специальное заседание Советского правительства, где были собраны и военные работники, и ведущие конструкторы. Детально обсудив важнейшие проблемы артиллерийского вооружения армии, совещание пришло к выводу: универсализация артиллерии — неправильный путь, такие орудия будут плохо стрелять и по самолетам, и по наземным целям. Конструкторы-артиллеристы получили задание создать хорошие образцы отдельно дивизионной пушки и отдельно — зенитной. Такие пушки, удовлетворявшие самым высоким требованиям — скорострельности, дальнобойности, кучности боя, маневренности, надежности в эксплуатации и удобства в обращении, — были созданы в непродолжительный срок.

Один из крупнейших советских артиллерийских конструкторов, В. Г. Грабин, вспоминал, как на одном из показов техники в 1938 году Ворошилов знакомился с конструкцией новых орудий. Приказав провести боевые стрельбы с большим напряжением, нарком, наблюдая за

работой механизмов и орудийных расчетов, интересовался задержками, если они случались, и тут же старался разобраться в их причинах. После первого огневого налета он обошел все орудия и расспросил расчеты о качествах системы. Если оказывалось, что орудийный расчет не выдерживал огневого режима, нарком тут же изучал причины этого. После перерыва Ворошилов поехал на наблюдательный пункт, откуда следил за кучностью боя орудий.

Смелые, творческие искания конструкторов-артиллеристов всегда встречали поддержку у наркома, но он не забывал и напомнить им, что не следует отрываться от действительности. Беседуя с Грабиным о новых артиллерийских системах, он сказал, что «принятое по одной из машин решение совершенно неудачное. Свое указание он обосновал весьма убедительно, я бы сказал, даже красочно. В заключение беседы т. Ворошилов тут же дал необходимые указания кому следует... Вскоре были изготовлены опытные образцы...».

Тот же Грабин рассказывал, что каждый раз во время доклада наркому тот неизменно спрашивал:

— А чем надо помочь?

Столь же внимательно Ворошилов относился и к нуждам других конструкторов, всегда стремился облегчить и ускорить конструирование и внедрение в производство новых образцов вооружения. В то же время он оставался исключительно требовательным и придирчивым заказчиком. Благодаря, не в последнюю очередь, заботам наркома советская артиллерия находилась на правильном пути.

То же нужно сказать о бронетанковых войсках. Значение их в современной войне было правильно оценено советской военной наукой еще в 20-х годах. Тогда же была поставлена проблема самостоятельных

действий танков, о чем не мыслили военные теоретики нигде в мире, кроме Англии.

По докладу В. К. Триандафиллова РВС СССР 17 июля 1929 года принял постановление: «Принимая во внимание, что новый вид оружия, каким являются бронесилы, недостаточно изучен как в смысле тактического его применения (для самостоятельного и совместно с пехотой и конницей), так и в смысле наиболее выгодных организационных форм, признать необходимым организовать в 1929–1930 годах постоянную опытную механизированную часть». Уже в 1929 году был сформирован опытный механизированный полк, на следующий год его развернули в первую механизированную бригаду, а осенью 1932 года — в первый в мире механизированный корпус. Ни одна армия в мире не имела тогда такого крупного самостоятельного оперативного соединения — более 500 танков и 200 автомобилей. За ним последовали еще три корпуса.

Организационная структура советских мотомеханизированных войск была вполне современной. На пленуме РВС СССР в октябре 1932 года Ворошилов говорил на этот счет:

— Самостоятельные танковые и мотомеханизированные части, наряду с этим пехота и артиллерия, усиленные танками и моторами, — вот по-настоящему единственно правильная организационная форма использования танка и мотора.

Мотомеханизированные войска превратились в серьезную боевую силу, и немалая заслуга в том наркомвоенмора Ворошилова.

По своим качествам тогдашние советские танки не уступали зарубежным, но серийное производство их далось стране нелегко. Танкостроительные предприятия испытывали острый недостаток

квалифицированных кадров, не хватало инструментов, высокосортной стали.

Положение с квалифицированной рабочей силой в стране вообще было тогда напряженным. Вот что говорил Ворошилов в январе 1933 года:

— Прошлым летом я был на одном из наших крупных заводов... Я был командирован туда ЦК ликвидировать так называемый прорыв. Должен сказать, что, копнувшись поглубже в том, что делается на заводе, я понял, почему завод плохо работает. Люди, которые должны были производить на машинах машины, еще месяц-два, в лучшем случае — год назад не имели никакого понятия о машинах. Это были крестьяне, которые, запачкавшись маслом и сажой, выглядели доподлинными пролетариями, а на самом деле представляли в массе совершенно неквалифицированную силу...

Ворошилов, в прошлом квалифицированный пролетарий, прошедший нелегкую трудовую школу, хорошо видел недостатки в профессиональной подготовке новых рабочих. Те же проблемы беспокоили его и в армии. Приходя в РККА, вчерашние рабочие и крестьяне сталкивались с новыми, неизвестными им сложными машинами. Здесь так же, как и на производстве, самым насущным был лозунг: «Кадры решают все!» На XVI съезде партии Ворошилов говорил: «Было время, когда все мы... тревожились вопросом: справятся ли со сложной, неизвестной техникой наш командир и красноармеец?» Тут же нарком с радостью восклицал: «Опасения наши рассеяны действительностью. Красная Армия восприняла технику с любовью, рвением и интересом».

Особое место в освоении новой техники Ворошилов отводил молодежи, комсомолу. В речи на IX съезде ВЛКСМ 18 января 1931 года наркомвоенмор говорил:

— Война в нынешних условиях требует огромного количества машин... И нам, в особенности вам, дорогие друзья, к этому делу необходимо готовиться по-настоящему... Прежде всего вы должны будете комплектовать все наши военные школы, и в особенности школы воздушного и морского флота, бронетанковые и все технические школы... Как это дело с комплектованием военных школ обстояло до сих пор? Плоховато. Меня ЦК партии неоднократно грел за то, что я не нажимал на комсомол, не требовал от ЦК комсомола соответствующих контингентов для комплектования военных школ. Поэтому я пользуюсь случаем и перед вашим съездом самым настоящим образом ставлю задачу — комплектовать военные школы...

Спустя полтора года в приветствии VII конференции ВЛКСМ Ворошилов писал: «Наше строительство требует величайшей организованности, общественной и личной дисциплинированности и нашей социалистической культуры и культурности. Всего этого у нас пока еще мало. Однако история не дает нам отсрочек и требует быстрейшего приобретения этих навыков, без которых невозможно, повторяю, невозможно успешное осуществление наших строительных планов. И наши взоры снова и снова обращаются в ту же сторону — к нашей молодежи и к передовому отряду — краснознаменному комсомолу».

Темп выпуска танков нарастал; всего за первую пятилетку их было произведено свыше 5 тысяч. Это была весьма внушительная сила. Но бронетанковое вооружение страны имело и недостатки: многотипность боевых машин, большой удельный вес легких танков и танкеток, сравнительно слабая огневая мощь и недостаточная броневая защита. В армиях капиталистических стран, вероятных противников

РККА, стали появляться новые, более мощные типы танков, и это требовало создания в СССР соответствующих образцов. В 1938 году ЦК партии и Советское правительство признали необходимым по возможности быстрее создать однобашенные танки с усиленной броневой защитой при сохранении приемлемых весовых данных машин. Конструкторские бюро целого ряда заводов спешно разрабатывали новые образцы танков, которым суждено было противостоять танковым армадам фашистского вермахта.

Не стояла на месте и авиация. В январе 1930 года РВС СССР утвердил подробный план строительства ВВС, основной упор делался на создание мощной бомбардировочной и истребительной авиации. Уже в годы первой пятилетки Красная Армия получила новые типы боевых самолетов отечественного производства: были приняты на вооружение и пущены в серийное производство истребители конструкции Д. П. Григоровича, тяжелые бомбардировщики А. Н. Туполева, легкие бомбардировщики и разведчики Н. Н. Поликарпова. Теперь ВВС почти полностью обеспечивались отечественной техникой. Однако уровень авиационного моторостроения не позволил в те годы добиться высоких летно-тактических характеристик самолетов (по скорости и высоте). Требовалась дальнейшая работа по созданию новых типов самолетов.

Авиационное производство, его трудности и нехватки нарком Ворошилов знал так же досконально, как артиллерийское и танковое. Практически не было ни одного предприятия самолето- и моторостроения, где не побывал бы он. Приехав на предприятие, нарком никогда не ограничивался встречей с руководителями, но непременно направлялся в конструкторское бюро, цехи, беседовал с инженерами, рабочими.

Через несколько недель после осмотра артиллерийских систем, 12 июля 1935-го, руководители партии и правительства в Тушине смотрели авиационную технику, полет планеристов, прыжки с парашютами. Такие встречи были регулярными.

Важнейшие вопросы строительства авиации решались ими всегда после обстоятельного обсуждения со специалистами. В августе 1933 года С. В. Ильюшина вызвали к Ворошилову. Вместе с начальником Главного управления авиапромышленности П. И. Барановым они обсуждали состояние морской авиации. Затем отправились на дачу к Сталину. Здесь совещание продолжалось еще три часа, а затем Сталин позвал гостей размяться в сад — поиграть в городки. Разделились надвое: Сталин и Ворошилов против Ильюшина и Баранова. Несмотря на упорное сопротивление Ильюшина (Баранов больше мазал), победителями остались Сталин и Ворошилов. Пообедали и вновь принялись за работу. И Сталин, и Ворошилов внимательно слушали авиаторов и проявляли такую осведомленность в специальных вопросах, что Ильюшин изумился:

— Откуда Сталин так знает авиацию?

К осведомленности Ворошилова он давно привык и воспринимал ее как должное.

Строительство ВВС в те годы неразрывно увязывалось с гражданской авиацией страны. Как понималась необходимость этого единства, свидетельствует письмо Сталина и Ворошилова в Политбюро ЦК от 16 августа 1930 года. Находясь на отдыхе в Сочи, Сталин и Ворошилов считали необходимым напомнить товарищам, что комиссия по развитию гражданской авиации, возглавляемая Я. Э. Рудзутаком, медлит с представлением предложений. «Следует учесть, — писали они, — что военный воздушный флот крупнейших империалистических

стран базируется в основном на мощности гражданского воздушного флота. Мы должны учесть тот факт, что без превосходного гражданского воздушного флота, как базы военного воздушного флота, мы не можем разрешить задачи обороны страны и ее жизненных центров вообще... Ввиду почти полного отсутствия у нас гражданского воздушного флота и в связи с этим абсолютной слабости военного воздушного флота, считаем неотлагательно необходимым наверстать упущенное время и взяться немедленно за организацию мощного гражданского флота... Разрешение этой задачи потребует, разумеется, сотен миллионов рублей, но останавливаться перед этим мы не имеем возможности, и приходится действовать смелее... В соответствии с этим необходимо немедленно приступить... к постройке ряда заводов (к востоку от Волги) по моторостроению, самолетостроению и дирижаблестроению, с тем чтобы в кратчайший срок довести тоннаж Гражданского воздушного флота до 10-15 тысяч тонн. Разумеется, это повлечет за собой создание специального органа...»

Во второй пятилетке предусматривалось довести количество боевых самолетов в строю до 10 тысяч, и к концу 1937 года эта цифра была достигнута. Удалось сконструировать, принять на вооружение и пустить в серийное производство скоростной моноплановый истребитель И-16 конструкции Н. Н. Поликарпова, бомбардировщик СБ А. Н. Туполева (скорость его — 400 километров в час — в то время была наибольшей для самолетов такого типа), дальний бомбардировщик ДБ-3 конструкции С. В. Ильюшина. В 1935-1936 годах началось массовое перевооружение частей этими самолетами. Советская авиапромышленность теперь могла выпускать разнообразные типы самолетов и в большом количестве. Постоянно улучшалось качество летных машин.

В эти же годы возникают и советские воздушно-десантные войска. Массовый парашютный спорт в СССР охватывал десятки тысяч людей. Даже Буденный, в ту пору уже 50-летний человек, во время обучения в академии совершил прыжок с парашютом, за что получил нагоняй от Сталина: будучи членом правительства, Буденный не имел права так рисковать.

Военное руководство страны видело значение парашютного спорта, и Ворошилов с гордостью говорил в 1935 году:

— Парашютизм — это область авиации, в которой монополия принадлежит Советскому Союзу. Нет страны в мире, которая могла бы сказать, что она может в этой области хоть приблизительно равняться с Советским Союзом...

Иностранные армии не могли равняться с РККА и в применении воздушных десантов. Именно в СССР были впервые сформированы воздушно-десантные части. Начиная с 1934 года в Красной Армии стали проводить опыты по высадке крупных воздушных десантов. На маневрах в Белоруссии осенью 1934 года Ворошилов после высадки десанта беседовал с парашютистами и был восхищен как их мастерством, так и мужеством. Он говорил позднее: «Действительно, народ наш очень скромный, не рисуется. Им говорят — нужно выброситься, они и выбрасываются.

— Как себя чувствуете?

— Превосходно.

— Сколько раз выбрасывались?

— Одни по несколько раз, другие по два-три раза. Готовы выброситься в любое время, днем и ночью, на любом участке, когда угодно, при всякой погоде.

Когда выброска десанта вчера была отложена вследствие неблагоприятной погоды, красноармейцы говорили — нужно выброситься сегодня, ибо маневры

закончатся и им, может быть, не удастся показать себя, доказать, на что они способны...»

В следующем году, на маневрах Киевского военного округа, был высажен посадочный десант в составе 2500 человек с вооружением, боеприпасами, полевой артиллерией и прочей техникой. В эту же осень на маневрах в Белоруссии с самолетов было сброшено 1800 парашютистов и высажен десант в 5700 человек. В сентябре 1936 года на учениях в Московском военном округе 2200 человек прыгали с парашютом, а 3 тысячи человек были переброшены на транспортных самолетах на расстояние 420 километров. У иностранных наблюдателей, присутствовавших в те годы на маневрах Красной Армии, буквально глаза на лоб лезли от удивления, и в донесениях начальству они описывали увиденное с нескрываемой завистью.

Особо надо подчеркнуть, что применение воздушных десантов в РККА прежде всего было рассчитано на выполнение основной задачи современного военного искусства: нанесение мощного одновременного удара на всю глубину обороны противника. В этом Красная Армия опережала армии капиталистических стран, и они, в первую очередь — вермахт, заимствовали опыт у парашютно-десантных войск СССР.

Если ни один род войск не мог пожаловаться на невнимание или пренебрежение наркома Ворошилова, если тут у него не было пасынков, то Военно-Морские Силы, несомненно, были его любимым детищем.

В феврале 1929 года на основании указаний ЦК партии разрабатывается вторая судостроительная программа (1928–1933 годов). Впоследствии она была уточнена.

Строительство боевых кораблей — дорогое и трудоемкое дело. Поэтому оно разворачивалось постепенно: в 1930 году началось серийное

строительство сторожевых кораблей, торпедных катеров; на следующий год появились первые подводные лодки типа «Д», в 1933 году — лодки типа «Л» и «Щ»; в 1932 году был заложен лидер эскадренных миноносцев «Ленинград» и началось сооружение еще нескольких подобных кораблей, в 1934 году — эсминцев типа «Гневный»; головной корабль этой серии вошел в строй в 1936 году. В этом же и последующем годах развернулось строительство крейсеров типа «Киров» и «Чапаев»...

Почти ежегодно наркомвоенмор посещал флоты — Балтийский и Черноморский, — а иногда и дважды в год. Он ходил на учения, проверял подготовку личного состава, вникал во все детали. Осенью 1932 года он вместе с С. М. Кировым вышел в море на линкоре «Марат». Проверяя работу боевых постов, нарком в башнях следил за действиями орудийных расчетов с секундомером в руках; в помещении главных машин знакомился с тем, как личный состав овладел сложной техникой. В 1933 году на крейсере «Красный Кавказ», только что вернувшемся из заграничного похода, Ворошилов обследовал все. Несмотря на то, что нарком впервые прибыл (крейсер был недавней постройки) на этот корабль, окружающие чувствовали: он хорошо знает тактико-технические данные крейсера, следил за его постройкой и прекрасно помнит, какие боевые задачи может решать корабль. Легко и уверенно спускался Ворошилов в машинные отделения, с поразительной для неморяка быстротой поднимался по трапам. К концу обхода кое-кто из сопровождавших наркома стал отставать или уклоняться от осмотра намеченных объектов. Но он за всеми наблюдал и не давал никому отставать. По его настоянию большинство гостей поднялись на носовой команднодальномерный пост — для непривычных людей это было не совсем приятным восхождением.

После каждого морского учения Ворошилов проводил разбор. Выступая, он давал подробные указания, хвалил за достижения, ругал за недостатки, даже самые мелкие, видел малейшие упущения по службе.

Везде и всегда нарком беседовал с краснофлотцами и командирами. Исключительно простой в обращении с людьми, он приходил в кубрик, на боевые посты, останавливал моряков на палубе. Расспрашивал не только о том, как они работают, хорошо ли учатся, но вникал во все подробности быта. Разумеется, нарком ежедневно пробовал качество пищи команды, отмечая результаты в книге. На «Марате», проверив пищу на камбузе, он записал однажды: «Ужин 3 октября хорошо приготовлен, из хороших продуктов, хорошими коками, для хороших краснофлотцев. *К. Ворошилов*».

Заботы Ворошилова о хорошем питании бойцов и командиров широко известны. Тем более примечателен его приказ «Берегите советский хлеб!» от 28 августа 1932 года: «При посещении частей РККА и в прошлые, и, к сожалению, в нынешнем году я наблюдал в очень многих красноармейских и командирских столовых нехозяйское, небрежное отношение к расходованию хлеба. Хлеб режется большими ломтями; отламываются от этих ломтей куски, полностью не съедаются, остаются большие огрызки, которые в большинстве случаев попадают в отбросы, часто смешанные с песком и негодные даже для корма свиней.

Страна наша дает своему красноармейцу большой хлебный паек, чем получает солдат в любой капиталистической стране. Но разве из этого следует, что, раз хлеба много, излишки можно превращать в отбросы? Видал ли кто-нибудь, чтобы в рабочей или крестьянской семье так разбрасывались хлебом? Я не видал.

Очень давно, лет 26 тому назад, был за границей и наблюдал я, как там в чайных, столовых трудящиеся едят хлеб. Там хлеб режут маленькими, тонкими ломтями, подают его к еде очень мало и за каждый лишний кусочек заставляют особо платить. Ни одна крошка не пропадает...

Тем более удивляет меня и возмущает такое нетерпимое, я бы назвал — барское, а лучше будет сказать — дурацкое и дикое отношение к хлебу у нас, в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Нужно с этим безобразием покончить, и возможно скорее...»

Выполняя указания Центрального Комитета партии, Ворошилов много сил отдавал строительству Тихоокеанского и Северного флотов. С начала 30-х годов безопасность наших дальневосточных рубежей оказалась под угрозой. Там сложился первый очаг новой мировой войны — империалистическая Япония приступила к осуществлению обширной захватнической программы. В 1931 году японские милитаристы оккупировали Маньчжурию и не скрывали намерений отторгнуть Советский Дальний Восток. Необходимы были срочные меры по укреплению обороны, и летом 1931 года большая группа военных работников во главе с наркомвоенмором выезжает на Дальний Восток.

В Хабаровск они прибыли 20 июля. В этот же день на флагмане Амурской военной флотилии мониторе «Ленин» нарком отправился вниз по Амуру. Поход продолжался четыре дня, флотилия провела тактические учения, стрельбы у села Малмыж. Затем на пароходе «Боровский» Ворошилов вместе с командующим ОКДВА В. К. Блюхером вышел в море: главной заботой наркома был выбор мест для будущих баз флота и районов, где предстояло строить оборонительные сооружения. 29 июля пароход прибыл на рейд Владивостока. Отсюда началась более чем полуторамесячная поездка.

Нет возможности хотя бы перечислить все места, где побывал нарком в эти недели, все митинги, где он выступал. 29-31 июля он провел во Владивостоке, 1 августа посетил Сучанские рудники, 2-3 августа был под Никольск-Уссурийском, 4 и 5 августа осматривал зимние квартиры войск, колхозы и коммуны в приграничных районах, 6 августа вновь приехал в Хабаровск, затем посетил Благовещенск, 13-го прибыл в Читу, 17-го — в Улан-Удэ, 18-го — в Селенгинский район, 19-го — в Иркутск...

Повсюду Ворошилов прежде всего инспектировал войска, досконально ознакомился с боевой и политической подготовкой частей и соединений, с условиями жизни дальневосточников, советовал или отдавал приказы. Под Никольск-Уссурийском он, к примеру, два дня с утра до позднего вечера присутствовал на учениях ОКДВА, в которых принимали участие две стрелковые дивизии, кавалерия, авиация, танки, и остался очень доволен ходом учений. В одном гарнизоне он провел широкие маневры, ка митинге хвалил бойцов и командиров. В Иркутске нарком остался недоволен результатом стрельб и требовал ликвидировать «стрелковую немощь».

— Все, без исключения, командиры, — говорил он, — обязаны стрелять отлично из оружия, присвоенного им лично и их частям. Не умеющий хорошо стрелять командир непригоден для службы в Красной Армии.

Но главное внимание Ворошилов на протяжении этой исключительно длинной и напряженной поездки отводил новостройкам. На пути в Москву, во второй половине августа и начале сентября, он посетил Кузнецкстрой, Березниковский комбинат, Челябинстрой, Магнитострой, Урал-машзавод, а всего за поездку — около 20 крупных городов и промышленных центров. Он спускался в коли и поднимался на строительные леса вокруг доменных печей, осматривал зверосовхозы и

рыбные заводы, конструкторские бюро и сельскохозяйственные коммуны. Повсюду — митинги, митинги, митинги, иногда по четыре раза в день. В выступлениях Ворошилов говорил о самых насущных, сложных проблемах жизни строителей социализма, благодарил, хвалил, но не стеснялся и отругать, если видел непорядок.

На пятитысячном митинге во время обеденного перерыва на Красноярском паровозоремонтном заводе он говорил:

— В сегодняшней вашей газете помещена заметка под заголовком «Вот как нужно работать». В этой заметке подчеркиваемся как большое достижение, что на днях был выпущен паровоз, у которого в пути обнаружилось только, — тут Ворошилов повысил голос, — только 18 неполадок! Это не достижение, а позор! Можете мне в этом поверить, позор!..

14 сентября он приехал в Самару и тотчас же отправился на маневры Приволжского военного округа, 16 сентября устроил разбор маневров, 19-го прибыл в Москву, а 23 сентября уже присутствовал на маневрах МВО! И это после более чем двухмесячной, несомненно, крайне утомительной поездки через всю страну! Таков был темп работы наркомвоенмора Ворошилова в мирное время.

Итогом его поездки стали широкие меры по усилению соединений, охранявших дальневосточную границу, по строительству оборонительных сооружений. В апреле 1932 года началось формирование морских сил Дальнего Востока — в 1935 году они были переименованы в Тихоокеанский флот.

В июле 1933 года Сталин, Ворошилов и Киров совершили поездку по Беломорско-Балтийскому каналу. После этого по только что открытому каналу на север, в Мурманск, были проведены 2 эсминца, 2 сторожевых катера и 2 подводные лодки, положившие начало

Северной военной флотилии. Ознакомившись с состоянием гидротехнических сооружений, советские руководители через беломорский порт Сорока выехали на Мурманск. Тут они осмотрели порт и бухту Полярную: оборона северного фланга нашей страны требовала усиления. В 1937 году здесь был создан Северный флот.

В 1933 году Ворошилову выпала еще одна длительная и интересная поездка: по случаю празднования 10-летнего юбилея Турецкой республики 23 октября он совместно с С. М. Буденным, А. С. Бубновым, Г. М. Кржижановским выехал в Анкару с официальным визитом. Советских гостей встречали с почетом: во время парада войск Ворошилов объезжал их вместе с президентом республики Мустафой Кемалем. Власти города Измира присвоили Ворошилову звание почетного гражданина, позднее, в 1935 году, его именем был назван бульвар в этом городе.

Во второй пятилетке строительство флота продолжалось. Теперь наша судостроительная промышленность могла дать флоту гораздо больше кораблей самых различных типов. В конце 1937 года была утверждена программа создания большого флота на 1937–1943 годы, и для ее выполнения в декабре этого года организуется Народный комиссариат Военно-Морского Флота. Со стапелей один за другим сходят корабли: на Балтийском флоте в 1938 году входит в строй крейсер «Киров», в 1940 году — «Максим Горький»; на Черном море в том же году — крейсер «Ворошилов». Строились линейные корабли типа «Советский Союз».

Новая техника, обильно поступавшая в войска, требовала изменений в тактике. Подготовка войск в тактическом отношении совершенствовалась во время опытных учений и маневров.

Первыми наиболее крупными маневрами в рассматриваемый период были всеармейские учения сентября

1929 года в Белорусском военном округе. Руководил ими нарком, а организатором был начальник Штаба РККА Б. М. Шапошников. Маневры, как отмечал на их разборе Ворошилов, «являются большим и очень дорогим удовольствием для нашей бедной страны и стоят громадных денег». Посвящены маневры были отработке вопросов начального периода войны.

— Мы поставили своей задачей проверить, — говорил Ворошилов, — сможем ли мы в обстановке весьма трудной, с одной стороны, отмотилизоваться с таким расчетом, чтобы отмотилизованные наши части были бы боееспособны; смогли бы принять участие в борьбе за нашу территорию, и, с другой стороны, сможем ли мы достаточно умело, достаточно сноровисто справиться с той сложной военной техникой, которой нас снабжает наше пролетарское государство. С этой целью на этих маневрах мы нарочито разработали план маневров столь сложно, что многим из наших командиров и политработников казалось, что мы не справимся с задачей, которую перед собой поставили. Мы должны были, повторяю, отмотилизовать целый округ, мы должны были создать боевые единицы в условиях, когда противник, враг уже не только перешел нашу границу, но шествует с боем, разрушая наши села на нашей земле.

Нарком сказал, что, действуя в столь сложной обстановке, войска показали «сносные» результаты, но тут же отметил недостатки в организации, в использовании артиллерии. Любопытна его оценка действий механизированного полка, впервые участвовавшего в маневрах:

— Я целиком разделяю точку зрения Бориса Михайловича (Шапошникова), он вел себя младенчески,

как «теленки» (смех), но идея создания его себя целиком оправдала. Комполка невиновен в неправильном его использовании. Например, во втором ходе «синие» использовали механизированный полк следующим образом: для обеспечения фланга (заслон) были использованы танки, а стрелки, посаженные на машины, посылаются для прорыва оборонительной полосы противника; танки использованы в пустом пространстве. Идея правильного использования технических сил и механизированных частей должна у нас привиться...

Критическое отношение к достигнутым результатам всегда было свойственно нарком. Через месяц после маневров на расширенном заседании РВС, посвященном рассмотрению итогов боевой подготовки РККА в 1928–1929 годах, Ворошилов говорил:

— Недочетов у нас без конца, а потому на будущее время нам нужно будет на подобных заседаниях быть более откровенными... Надо не бояться беспощадно вскрывать свои недочеты...

Тут же нарком перечислил немало недостатков. К примеру, о связи он сказал, что ее «как общее правило, не существует. Самое лучшее, если мы имеем сносную проволочную связь...». Обращает на себя внимание оценка Ворошиловым подготовки кавалерии.

— Что мы видим теперь, товарищ Буденный? — говорил он. — Конная артиллерия или действует не тогда, когда нужно, ею не умеют управлять. Действия пулеметов — один сплошной позор. Вы помните, как умело наши пулеметы дрались с тачанок? Сейчас этого нет, как нет дальней и ближней разведки, как нет охранения в походе, на отдыхе, как нет боевого обеспечения движения, и т. д., и т. п...

Ворошилов особо подчеркнул:

— Условия боя и войны, которые нам предстоят, будут в 10, в 100 раз сложнее, серьезнее, чем в

гражданскую войну. Вспомните, как нас поливала под Львовом польская авиация, где мы несли огромные потери в людях и консоставе в течение одного дня. Для нас это было событие, граничащее с катастрофой. Но в будущей войне надо ожидать худшего...

Ворошилов неизменно требовал готовить войска в условиях, максимально приближенных к боевым. Показателен случай, происшедший уже во второй половине 30-х годов.

На маневрах в БВО «красные» успешно, по всем правилам выбросили десант в тыл «синих». Маневры заканчивались, и, полюбовавшись на храбрых десантников, Ворошилов уехал. Но у понтонного моста он увидел, что рота саперов изготовилась к бою, и поинтересовался у командира, почему тот так поздно, за час до конца маневров, собрался воевать.

— Возможно появление «противника», товарищ нарком, — последовал ответ. — В наш тыл выброшен десант.

— Отлично. А как намерены встретить «противника»? Командир изложил свой план.

— Только посредник ушел, — добавил он, — некому будет судить.

— Некому судить? — Ворошилов вышел из машины. — Делайте свое дело, посредник найдется.

Тут из-за леса послышалась песня — это «победители»-даращютисты катили на машинах по вечерней темнеющей дороге. Разведки они не выслали.

— А ну дай им жизни! — сказал нарком командиру саперов. — Дураков учить надо!

Десант был «отброшен» от моста с большими «потерями». Командир парашютистов, «убитый» одним из первых, пытался доказать саперу, что это плохие шутки — играть в войну за час до отбоя, но последовал ответ:

— По этому вопросу прошу вас обратиться к моему посреднику. Вот он, пожалуйста!

И командир десанта увидел, что к нему направляется нарком...

Упорная работа с кадрами РККА в течение ряда лет дала благоприятный итог: войска овладели сложными формами ведения современного боя. На пленуме РВС 18 ноября 1933 года Ворошилов напоминал, что обилие недостатков «до некоторой степени пугало, особенно когда стала к нам поступать техника в большом количестве... Сейчас положение резко изменилось, и этого не отметить мы не можем. Наш командный состав... дал громадный рост».

Наиболее успешными были маневры 1935 года в Киевском военном округе. Стрелковый корпус, усиленный танковыми батальонами и артиллерией РГК, прорывал укрепленную полосу, кавалерийский корпус развивал прорыв, в тыл «врага» был выброшен крупный авиадесант, мехкорпус совместно с кавдивизией окружил и «уничтожил» в своем тылу прорвавшуюся группу «противника».

В маневрах участвовали все роды войск, и все они показали отличные результаты. Стрелковые войска и кавалерия в ходе учений совершили длительные марши — до 200 километров — и стремительные броски без единого отставшего. 1040 боевых танков участвовали в «сражениях»; мехкорпус и отдельная мехбригада днем передвигались со средней скоростью 20 километров в час, сохраняли маршевую дисциплину, командиры их не теряли управления. Некоторые танковые части совершили переход в 600–650 километров. Авиация осуществляла полеты днем и ночью, на цель летчики выходили, как правило, со стороны солнца и на малой высоте. Словом, маневры удались, и иностранные наблюдатели — французские, итальянские и

чехословацкие военачальники — рассыпались в похвалах.

Но нарком 16 сентября на разборе, хотя и похвалил подчиненных, все же сказал:

— Взаимодействие родов войск выглядело в общем и целом прилично. До превосходного еще далеко...

Он считал нужным предупредить:

— Если на нас нападут когда-либо враги, то наша оборона будет активной. Наша армия будет бить врага не только у себя на территории. Мы уже говорили не раз, что если на нас нападут, то пусть потом нападающий не прогневается. Мы постараемся войну закончить на его собственной территории.

Эти слова присутствовавшие встретили аплодисментами.

Техническая реконструкция наших Вооруженных Сил требовала и соответствующих теоретических изысканий. В 1929–1935 годах разрабатывались основы новой теории, получившей позднее название теории глубокого боя. Генеральное направление в развитии тактики и оперативного искусства было определено уже в 1931 году в докладе заместителя начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллова «Основные вопросы тактики и оперативного искусства в связи с реконструкцией армии». Доклад широко и очень темпераментно обсуждался высшим командным составом армии. После трагической гибели Триандафиллова во время авиационной катастрофы начальник Штаба РККА А. И. Егоров и оперативное управление Штаба под руководством И. П. Обысова завершили дело, и в феврале 1933 года Ворошилов утвердил «Временные указания по организации глубокого боя».

Как и во всяком новом деле, не обошлось без споров и расхождений во мнениях: при обсуждении принципов теории глубокого боя высказывались и устаревшие

положения, и архиреволюционные, ниспровергающие все авторитеты. Ворошилов, как и ряд других видных военачальников, со своей стороны, тоже не сразу в полной мере оценил значение новой теории.

Правильность отдельных взглядов и положений была доказана в ходе широких теоретических поисков, опытных учений и маневров. Разработкой новых положений, их обобщением и тщательной проверкой на практике занимались П. А. Белов, А. И. Егоров, М. В. Захаров, Г. С. Иссерсон, К. Б. Калиновский, К. А. Мерецков, И. П. Обысов, С. К. Тимошенко, В. К. Триандафиллов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Ф. Федько, Б. М. Шапошников и другие теоретики и военачальники. На расширенном Военном Совете при Народном комиссариате обороны^[39] в декабре 1934 года Ворошилов, отказавшись от прежних взглядов, говорил: «...Глубоким боем называется всякий бой... современный бой не может быть иным, только глубоким... И вопрос не в том, как понимать глубокий бой, а вопрос в том, как вести этот глубокий бой во всех его разнообразиях, во всех его множественных проявлениях... В этом главная задача, и научиться этому труднее, чем вести схоластические споры...» 9 марта 1935 года, после проверки ряда положений в войсках, Ворошилов утвердил «Инструкцию по глубокому бою».

Партийно-политическая работа в РККА в эти годы, естественно, была направлена на повышение боеспособности войск. На этом пути армейские коммунисты под руководством Ворошилова достигли многого. Нарком с полным основанием мог сказать перед лицом XVI съезда партии:

— Затруднения с хлебозаготовками и вылазки кулацких элементов, перегибы, допущенные в отдельных местах при коллективизации, напор

мелкобуржуазной стихии, происки правого уклона — все это, товарищи, такие факторы, которые дали нам полную возможность основательно проверить политическую устойчивость и преданность красноармейских масс делу пролетарской революции. После этих проверок мы можем с гордостью заявить, что, невзирая на затруднения, несмотря на обостренную классовую борьбу... Красная Армия ни разу не дрогнула.

Идейная зрелость кадров Красной Армии подтвердилась во время чисток партийных рядов 1929 и 1933 годов: число исключенных из партии в Вооруженных Силах существенно разнилось в сравнении с числом выбывших в территориальных партийных организациях. Так, если в 1929 году из партии в целом было исключено около 10 процентов ее состава, то в РККА процент этот был вдвое меньше. В 1933 году в Вооруженных Силах было исключено из партии 3,5 процента коммунистов, прошедших чистку, и переведено в кандидаты 2,4 процента, в то время как в местных, территориальных, организациях было исключено 17 и переведено в кандидаты 6,3 процента. Чистки показали, что армейские коммунисты стали одним из наиболее надежных отрядов партии, способных настойчиво и последовательно осуществлять ее военную политику.

Наркомвоеимор, сам неуклонно боровшийся за чистоту рядов большевистской партии и отнюдь не склонный прощать оппозиционерам различных толков их прегрешения, в то же время всегда выступал за внимательное, объективное рассмотрение дел членов партии, против огульного их шельмования. На заседании РВС в 1929 году он, приведя примеры разносной, необъективной критики прессой армейских командиров, говорил:

— Армия представляет собою чрезвычайно деликатный организм, требующий сугубо внимательного отношения к себе. Под видом самокритики нельзя разрушать то, что с таким трудом создавалось, нельзя шельмовать всех и каждого... Критикуйте, но критикуйте дружески, а не враждебно. Вскрывайте язвы и гнойники, разоблачайте носителей и виновников этих болячек, но никогда не забывайте сути дела.

На протяжении первых пятилеток продолжалась усиленная подготовка командных кадров. Всего к концу второй пятилетки командиры с высшим образованием готовились в 13 военных академиях, военном институте и на пяти военных факультетах при гражданских вузах. Сеть средних военно-учебных заведений еще расширилась — в 1938 году средний командный и начальствующий состав подготавливали 75 военных училищ. Всего за 12 лет, с 1925 по 1937 год, военные училища и школы выпустили 135 тысяч командиров, военные академии — около 13 тысяч. Теперь во главе частей и соединений РККА, реорганизованной и перевооруженной, стояли специалисты, за уровнем образования которых Ворошилов строго следил.

Контролировал он и их физические качества. Немало командиров самого высокого ранга имели случай услышать неприятную реплику наркома:

— Опять брюшко нагулял? Не годится!

Рассказывая в ноябре 1933 года на заседании РВС о поездке в Турцию, Ворошилов с возмущением описывал толстых, ожиревших турецких генералов и передал разговор, состоявшийся на этот счет у него с начальником турецкого генштаба Февзи-пашой:

— Скажите, пожалуйста, как вы думаете воевать с такими генералами, как они будут командовать и на каком расстоянии они будут находиться от своих войск? Как они будут ходить по горам, лазить по оврагам?

Февзи-паша усмехнулся:

— Трудно будет!

— Если бы меня это касалось, я бы нашел способ ликвидировать такое безобразие.

Начальник генштаба Турции слушал рекомендации Ворошилова очень внимательно...

На этом же заседании Ворошилов ратовал за необходимость изучения командирами иностранных языков. Он темпераментно говорил:

— Нужно положить конец такому безобразию, когда мы лишены возможности пользоваться такими благами, как изученце или, по крайней мере, чтение литературы различных государств. Конечно, было бы очень хорошо, если бы можно было ликвидировать все языки и установить один русский во всем мире (смех). Язык это ленинский, язык Октябрьской революции. Ничего в этом зазорного не было бы, но даже если бы мировая революция произошла, народы на это не скоро пошли бы...

Работая без устали, если надо — и без сна, Ворошилов не забывал о здоровье своих ближайших сотрудников. Бывали случаи, когда он заставлял их отдыхать в приказном порядке. Так, в декабре 1938 года врачи предписали Б. М. Шапошникову «полное прекращение работы на 5–6 дней и специальное лечение». Начальник Генерального штаба не послушался медиков, и тогда на документе о состоянии его здоровья появилась категорическая резолюция Ворошилова: «Приказываю прервать работу на 6 суток согласно заключению комиссии врачей». Далее следовала товарищеская приписка: «От себя рекомендую, Б. М., сократить курение раз в 6–7 и подышать за городом свежим воздухом, если вы не враг самому себе, и все обойдется».

Сам Ворошилов очень любил спорт всякого рода, он соответствовал его горячей натуре. Восхищаясь силой,

ловкостью, мужеством спортсменов, нарком всячески утверждал спорт в армии. Даже тогда, когда ему перевалило за пятьдесят лет, он прекрасно бегал на коньках и лыжах, плавал, играл в городки. Зимой и летом нарком продолжал регулярно ездить верхом, и его посадка на парадах оставалась прежней — уверенной и прямой. Но больше всего он любил отдыхать на природе.

У озера под Москвой ютится избенка: «Опытная станция рыбоводства». Рыбоводство здесь пока в проекте. С вечера нарком удочкой ловил рыбу. В это время остальная компания взялась за бредень. Не утерпел Ворошилов, подошел к рыбакам. Смотрел, смотрел, как его секретарь Г. И. Лецкий в одной рубахе тянет бредень, стал кричать: «Забирай левее! Левее бери! Упустите! Стойте, стойте!» Не выдержал, бултыхнулся в воду одетым, ухватился за бредень, стал помогать его тащить... Улов удался. Поели ухи, выпались. А с утра вновь на рыбалку, и трудно догадаться, что рулевой, уверенно правящий шестом на корме, и есть знаменитый народный комиссар...

В часы досуга, очень редкие впрочем, нарком любил сходить в театр, послушать музыку. Разумеется, Ворошилову, выходцу из глубин русского народа, были близки те писатели, художники, актеры, которые следовали великим традициям русской литературы и искусства. В этом случае симпатии наркомвоенмора всегда были им обеспечены.

В 1926 году Ворошилову стало известно о тяжелом положении И. Е. Репина, жившего в Финляндии, и его желании возвратиться на Родину. По инициативе Ворошилова к великому художнику была отправлена группа советских живописцев. В октябре 1926 года нарком писал Репину: «...Я отлично понимаю, как трудно Вам, прожившему так долго вдали от бурь и вихрей, пронесшихся за последние годы над нашей

страной, покинуть свой тихий уголок. Решиться променять свою скромную и тихую пристань на нечто новое, неведомое Вам, конечно, нелегко.

Но, поскольку неведомыми мне путями, судьбе было угодно свести нас на знакомство, разрешите, дорогой Илья Ефимович, заверить Вас, что, решаясь переехать на Родину, которую, не сомневаюсь, Вы любите так же глубоко и сильно, как и все мы, Вы не только не делаете личной ошибки, но совершаете поистине большое, исторически общественное дело. Вашу личную жизнь и Ваших близких Государство обеспечит полностью. А Ваша духовная жизнь, жизнь великого художника, снова сольется с жизнью титана-народа, который, выдвинув Вас в первые ряды культурных сил, вдохновлял Вас на великое творчество. Наша страна ныне сама, в миллионной своей массе, стала величайшим художником и творцом нового человеческого будущего и настоящего...»

Это горячее и проникновенное послание тронуло Репина. Вскоре в письме знакомому он признался: «А еще есть лицо, в Москве же, Климент Ефремович Ворошилов! (Получив о нем понятие только по письму, я начал серьезно верить: что Россия жива...)». Болезнь и преклонный возраст, однако, не позволили великому художнику вернуться на Родину.

Горячее участие Ворошилов принимал в судьбе М. Б. Грекова. Впервые картины художника он увидел еще в 1922 году в рабочем клубе, когда приехал инспектировать Новочеркасский гарнизон. Оценив огромный талант художника-баталиста, увидев, какие он таит возможности разработки патриотической темы, командуя поддержал Грекова, находившегося тогда в очень стесненных обстоятельствах.

Художник приехал в Ростов, беседовал с членами РВС округа и выразил желание писать картины на тему «Гражданская война». В его присутствии произошел

характерный разговор. Один из командиров засомневался:

— У нас армия без штанов, а мы будем картины писать...

— Ты рассуждаешь неверно, — возразил Ворошилов, — у нас должны быть и армия, и искусство.

Он обещал Грекову привезти из Москвы краски и обещание сдержал. Впоследствии художник писал: «Я встретился с Климентом Ефремовичем Ворошиловым. У него я нашел запросы к искусству того общественного смысла, на основе которого только и может развиваться большое искусство... Оглядываясь теперь на это прошлое, я забываю формальное несовершенство своих вещей и благодарю Климента Ефремовича, что благодаря ему я недаром прожил то время...»

На протяжении последующего десятилетия наркомвоенмор неизменно поддерживал художника-баталиста. Такая помощь была очень важна: в 20-х — начале 30-х годов художники-реалисты подвергались яростным атакам, шельмованию и даже преследованию со стороны представителей «архиреволюционных», «левых» — модернистских, формалистических — течений в искусстве. Картины художников-реалистов не принимались на выставки, их обливали грязью в печати под видом борьбы за «пролетарское искусство». А. М. Герасимов, который сам во многом обязан Ворошилову поддержкой, вспоминал, как однажды беседовал с наркомом об организации очередной выставки к годовщине РККА. Выяснилось, что картины Грекова забракованы: модернисты господствовали в жюри. Лицо Ворошилова погрузнело, и он тихо сказал:

— Эх, обидели старика!

Приехав перед открытием выставки и просмотрев экспозицию, он обратился к устроителям ее:

— Ну а теперь покажите, что вы забраковали... После смерти художника в специальном приказе от

29 ноября 1934 года нарком обороны писал, что «полотна художника Грекова с их беспредельными южными степями, охваченными революционным пожаром, красными всадниками, в дыму кровавых схваток мчащимися навстречу смерти и победе, навсегда останутся ценнейшими живыми документами суровой и великой эпохи...». Тогда же по инициативе наркома была создана студия художников-баталистов имени Грекова. Вплоть до последних лет жизни Ворошилов следил за работой студии.

Глубокий знаток народных характеров А. М. Горький видел в нем человека, типичного для русского революционного движения. Он писал: «Павел Власов — характер также нередкий. Именно вот такие парни создали партию большевиков. Многие из них уцелели в тюрьмах, ссылке, в гражданской войне и теперь стоят во главе партии, напр., Клим Ворошилов и другие такие же талантливые люди». По предложению главы «цеха литераторов» наркома обороны включили во Всесоюзный пушкинский комитет: Горький не без основания полагал, что нарком, влюбленный в стихи Пушкина, поможет пропаганде великих творений поэта, столетие смерти которого пришлось на 1937 год.

Советовался Горький с Ворошиловым и по вопросам современной литературы. В архиве хранится письмо Горького от 29 апреля 1934 года: «Я хочу напомнить об одном Вашем пожелании — дать художественное произведение, посвященное «Обороне Царицына»... За дело взялся Алексей Толстой, а всю подготовительную работу и историческую консультацию мы возложили на т. Минца. Сейчас предварительная работа закончена, и т. Толстой собирается уже писать. Я очень просил бы Вас принять тт. Толстого и Минца и заслушать их сообщение. Как ни много собрано материалов, но без указаний руководителей и активных участников трудно дать богатую, полную пафоса историю борьбы за

Царицын. А хотелось бы создать большую вещь!» А. Толстой был принят наркомвоенмором в мае 1934 года, встречались они и позднее. Это, несомненно, способствовало созданию «больших вещей» — «Хлеба» и «Хмурого утра».

В архиве сохранилось и письмо кинорежиссеров Г. Н. и С. Д. Васильевых от 2 ноября 1934 года: «Проработав в течение 17-и лет над звуковой военно-оборонной фильмой «Чапаев» и закончив ее к дням XVII годовщины Октября, мы убедительно просим Вас не отказать в разрешении показать ее лично Вам в любой день и час до выпуска на экраны». На письме резолюция: «Нужно посмотреть. 7.XI.34 г.».

Обращаются не только писатели, художники, кинорежиссеры. Вот письмо организаторов конкурса на массовую походно-строевую комсомольскую песню для РККА. Жюри (в него входили А. В. Косарев, Д. Бедный, М. М. Ипполитов-Иванов, Н. Я. Мясковский, С. Н. Василенко и др.) просит: «Зная, какое значение Вы придаете красноармейским песням, хотелось бы до принятия окончательного решения жюри конкурса и определения премий, чтобы Вы согласились прослушать эти отобранные песни...» Ворошилов слушал песни 28 июня 1934 года.

Ворошилов был одним из организаторов Центрального музея Вооруженных Сил СССР, Центрального театра Советской Армии, Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии... И в этих делах нарком обороны видел прямую связь со своим занятием — строительством мощных Вооруженных Сил СССР.

Вместо малочисленной, слабо вооруженной и технически отсталой армии 1925 года уже к середине 30-х годов наша страна располагала массовой, хорошо вооруженной современной армией. В 1936 году в ней насчитывалось 1100 тысяч человек. Значительным было

и число соединений, частей: к концу 1935 года советское командование располагало 86 стрелковыми и 19 кавалерийскими дивизиями, 4 механизированными корпусами, 14 механизированными бригадами. Важно отметить, что то были в подавляющем большинстве кадровые войска: наша страна теперь могла позволить себе отказаться от территориально-кадровой системы. Вполне обоснован вывод авторов первого тома «Истории второй мировой войны»: «К середине 30-х годов Вооруженные Силы Советского Союза полностью соответствовали уровню развития экономики нашей страны и задачам ее обороны».

Разумеется, это стало возможным только благодаря неустанным труду нашего народа, руководимого Коммунистической партией, разумеется, только усилия целой когорты советских военачальников сделали Красную Армию столь могущественной и организованной. Но не может быть забыта и роль Климента Ефремовича Ворошилова в укреплении обороноспособности страны. Признанием его заслуг было присвоение ему 20 ноября 1935 года вместе с четырьмя другими военачальниками звания Маршала Советского Союза.

МАРШАЛ

В середине 30-х годов даже самым оптимистичным современникам было очевидно — новая мировая война не за горами. Акты агрессии следовали один за другим: 3 октября 1935 года итальянские войска вторглись в Эфиопию, 7 марта 1936 года фашистские батальоны без сопротивления заняли Рейнскую демилитаризованную зону; в июле — августе этого же года Италия и Германия начали интервенцию против республиканской Испании, в июле 1937 года Япония приступила к расширению войны в Китае, 12 марта 1938 года вермахт оккупировал Австрию... Последовательность и всевозрастающий размах агрессивных действий убеждали Советское правительство в близости войны.

Нельзя было с уверенностью сказать, где начнется война, на западе или на востоке, где большая опасность грозит нашему государству. Ныне, спустя почти сорок лет после трагических событий Великой Отечественной войны, как-то стерлось, затушеввалось в памяти людей, что во второй половине 30-х годов вся страна с волнением и тревогой следила в первую очередь за событиями на Дальнем Востоке.

Японские милитаристы не скрывали своих притязаний на огромные участки советской территории. Они провоцировали многочисленные инциденты: за три года (1936–1938) на границе захваченной японцами Маньчжурии и СССР произошло 231 столкновение, из них 35 крупных. В конце же июля 1938 года у пограничного озера Хасан разыгрался весьма серьезный конфликт, грозивший перерасти в войну.

На этом участке, находящемся в 10 километрах от берегов Тихого океана и в 130 километрах напрямую от

Владивостока, уже давно было неспокойно. Японских милитаристов прельщали высоты Заозерная и Безымянная, откуда открывался великолепный обзор на Посьетский залив и бухту Тихую. Захватив высоты, японцы получили бы возможность держать под обстрелом эти важнейшие участки советского побережья.

Советское военное руководство, отдав необходимые указания об усилении охраны дальневосточных границ, в то же время стремилось локализовать конфликт, не дать ему перейти в войну. Поздно вечером 26 июля 1938 года В. К. Блюхер, завершая доклад о положении на границе, спрашивал у наркома обороны: «...7) Прошу разъяснить, как понимать указание об усилении па горе Заозерная, то есть следует ли его понимать как приказ, в котором должны принять участие и части войск фронта, или это должно быть сделано только силами пограничных войск? У меня все. Ответ будут ждать у аппарата».

В 23 часа последовал приказ Ворошилова: «Никакого особого усиления на горе Заозерной, кроме того, что уже там имеется, не предпринимать». На это Блюхер отвечал: «Понятно. Указания приняты к исполнению. 6.15 минут Хабаровского времени. Блюхер».

Однако японские войска довольно значительными силами вторглись 29 июля на советскую территорию, захватили столь важные высоты Заозерная и Безымянная и стали их укреплять. Теперь не могло быть и речи о сдержанности. 1 августа Сталин и Ворошилов отдали по прямому проводу приказ в кратчайший срок выбросить с нашей территории японцев. Поскольку во время атаки, предпринятой 2 августа, высоты очистить не удалось, нарком обороны 3 августа направил командованию Дальневосточного фронта директиву, в которой требовал сосредоточить в районе конфликта

усиленный 39-й стрелковый корпус и 2-ю механизированную бригаду, решительными действиями покончить с японской агрессией и восстановить государственную границу.

Болотистая местность, ограниченное число дорог за трудняли концентрацию войск. Двое суток они подтягивались в район боевых действий. Удалось сосредоточить свыше 15 тысяч человек, 1014 пулеметов, 237 орудие 285 танков — силы немалые. Ворошилов требовал правильного их применения: «Наступление начинать мощной артиллерийской подготовкой, действия авиации тесно связывать с действиями пехоты, танков и артиллерии».

Во время атаки 6 августа артиллерия и авиация помогли вернуть советские высоты, но японские агрессоры не уgomонились, и бои продолжались вплоть до 9 августа, 10 августа японское правительство запросило мира, и советское руководство, всегда стремившееся к дипломатическому урегулированию, пошло ему навстречу. Вечером 10 августа Ворошилов приказал с 12.00 местного времени 11 августа прекратить все военные действия, но одновременно предупреждал: «В случае, если после 12 часов 11 августа 1938 года японские войска все же будут продолжать военные действия, то в этом случае мы действуем с прежней силой... Должны быть применены меры полной постоянной готовности и в особенности артиллерии и авиации...» С 11 августа боевые действия у озера Хасан прекратились, но положение на дальневосточных рубежах оставалось напряженным. Теперь японские милитаристы перенесли свои провокаторские усилия значительно западнее — они готовили авантюру против союзной нам Монгольской Народной Республики.

У озера Хасан Красная Армия впервые после гражданской войны столкнулась с кадровыми войсками

империалистической державы. Подобный опыт был важен: обнаружилось, что лобовые атаки подготовленной врагом обороны без сильной огневой поддержки бесперспективны и что само по себе количественное превосходство в технике не гарантирует успеха. Немедленно в боевую и оперативную подготовку войск и штабов следовало внести необходимые коррективы. Генеральный штаб разработал соответствующий проект приказа, и нарком внимательно его рассмотрел. А. М. Василевский вспоминает по этому поводу: «У меня осела в памяти, свежа и до сих пор поправка, внесенная рукою любимого нами К. Е. Ворошилова, в раздел о недостатках в тактической подготовке бойца. Там, где говорилось о слабом умении бойцов при наступлении пользоваться малой шанцевой лопатой, о пренебрежительном отношении к ней, о неумении быстро окапываться при перебежках, что приводило к излишним потерям в людях, К. Е. Ворошилов вписал в приказ (привожу по памяти): «Наш долг добиться от бойца уважения и любви к своей лопате и научить его пользоваться ею так же быстро и сноровисто, как быстро и сноровисто он орудует ложкой за столом». Приказ был утвержден Политбюро ЦК партии.

Между тем и на Западе положение быстро осложнялось. Ободренный безнаказанностью «аншлюса» — присоединения Австрии, Гитлер принялся готовить агрессию против Чехословакии. Когда в середине сентября 1938 года Германия предъявила ультиматум Чехословакии, правительства Франции и Великобритании, связанные договором с этой страной, вместо помощи ей занялись постыдной торговлей с Гитлером. Уступками за счет других стран они думали умиротворить агрессора и достичь своей желанной цели — направить фашистские армии против СССР.

По условиям советско-чехословацкого договора СССР обязался помогать Чехословакии только в том случае, если ей будет оказана помощь и Францией. Несмотря на то, что наше государство не располагало тогда непосредственной границей с Чехословакией, Советское правительство неоднократно заявляло правительству Бенеша, что оно окажет военную помощь, даже если Франция не сдержит своего обязательства, но только в том случае, если Чехословакия сама будет сопротивляться. По приказу Ворошилова с июня 1938 года в Белорусском особом военном округе (БОВО) и Киевском особом военном округе (КОВО) началось срочное формирование крупных армейских групп. К 1 сентября их развертывание было завершено.

21 сентября 1938 года нарком обороны приказал войскам КОВО начать выдвижение к государственной границе, 23 сентября такое же указание получили войска БОВО. Всего в эти дни были приведены в боевую готовность 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад. 25 сентября Ворошилов телеграфировал военновоздушному атташе СССР во Франции для передачи начальнику французского генерального штаба о предупредительных мерах по оказанию помощи Чехословакии: «1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий. 2. Части соответственно пополнены резервистами. 3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности».

Кроме войск, находившихся в непосредственной близости от границы, был приведен в боевую готовность и второй эшелон: 30 стрелковых и 6 кавдивизий, 2 танковых корпуса, 15 отдельных

танковых бригад... Спустя год во время переговоров с англо-французской военной делегацией Ворошилов говорил: «У нас не только войска были готовы, но и правительство, вся страна, весь народ — все хотели оказать помощь Чехословакии, выполнить свои договорные обязательства». Однако правительство Чехословацкой республики, располагавшее многочисленной и хорошо вооруженной армией, поддалось нажиму Великобритании и Франции, капитулировало перед фашистами. Советские войска находились у границы до 25 октября, а затем были ^олвращены в районы постоянной дислокации.

Теперь угроза войны вплотную встала перед страной. На XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 года Ворошилов говорил: «Миролюбивые государства, среди которых имеются и наши ближайшие соседи, мало делают для упрочения мира и подготовки отпора агрессорам. Поэтому мы должны, как и раньше, полагаться только на себя. Мир, благами которого народы Советского Союза пользуются на протяжении более полутора десятка лет, является результатом огромной работы нашей партии, Правительства и всего народа. Мир для своего государства мы делаем своими собственными руками».

Советское правительство стремилось создать преграду фашистской агрессии и настойчиво добивалось результативных контактов с правительствами Англии и Франции. Поскольку в этих странах прогрессивная общественность требовала соглашения с СССР, правительства Англии и Франции пошли на переговоры, не оставляя, впрочем, тайной надежды на то, что им все-таки удастся подтолкнуть Гитлера к агрессии на Востоке.

Всю весну и лето 1939 года по дипломатическим каналам шел обмен мнениями, и англо-французская сторона и кивала всевозможные проволоочки,

нагромождала искусственные преграды по таким вопросам, которые при доброй воле и искренних намерениях западных партнеров могли бы быть разрешены без помех. Как писал А. А. Жданов 29 июня 1939 года, «англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами». Это стало особо очевидно, когда для военных переговоров в СССР была направлена делегация западных стран.

Советское правительство отнеслось к ведению этих переговоров со всей серьезностью. Это видно хотя бы из того, что делегацию СССР на переговорах возглавил нарком обороны Ворошилов. В нее входили: начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, начальник ВВС РККА А. Д. Локтионов и заместитель начальника Генерального штаба И. В. Смородинов. В то же время возглавлявший делегацию Великобритании адмирал Р. Дракс и делегацию Франции генерал Ж. Думенк, так же как и их спутники, не были в своих странах достаточно авторитетными лицами, чтобы вести столь важные переговоры. К тому же они получили удивительные по тем обстоятельствам инструкции. Английская военная миссия, к примеру, получила указание «вести переговоры очень медленно» и не забывать, что «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться в военном соглашении возможно более общими формулировками».

Истекали последние недели мира в Европе, десятки миллионов людей с тревогой следили за газетными сооб

щениями о подготовке фашистской Германии к войне, а англо-французские военные представители, снабженные подобными инструкциями, «не спешили». 25 июля английское правительство приняло наконец советское предложение о необходимости заключить военное соглашение, не лишь 5 августа западные делегации покидают Лондон. Они не летят самолетом, не едут курьерским поездом, они...вступают на борт тихоходного пакетбота «Сити оф Экстерс» (скорость не выше 13 узлов!). Переговоры начинаются только 12 августа.

Сразу же выясняется, что советская делегация не только гораздо более авторитетна, но и располагает всеми необходимыми для достижения реального результата полномочиями. Ворошилов зачитывает должным образом оформленный документ, где сказано, что он и его товарищи уполномочены «вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны». Ворошилов спрашивает, имеют ли подобные полномочия англо-французские представители.

И тут выясняется ошеломляющий и в то же время знаменательный факт: письменные полномочия, хотя и очень ограниченные, есть у генерала Думенка, но адмирал Дракс ими не располагает. Он говорит, что «не имеет письменного полномочия; он уполномочен вести только переговоры, но не подписывать пакта (конвенции)».

Ворошилов не поверил своим ушам и во второй раз спросил Дракса, имеет ли тот письменные полномочия, и во второй раз получил отрицательный ответ. Далее последовал такой диалог:

«Маршал Ворошилов... Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы

уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут закончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи... Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров...

Адмирал Дракс...заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия, но ввиду дальности расстояния от Лондона он не может подписать конвенцию без того, чтобы эту конвенцию не видело его правительство.

Маршал Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании».

Этот инцидент сразу же показал Советскому правительству, что его партнеры по переговорам не стремятся к заключению военной конвенции, которая действенным образом сдержала бы агрессора. Тем не менее работа совещания продолжалась.

После первого заседания, так же как и впоследствии, Ворошилов докладывал Сталину о результатах переговоров. Выслушав неутешительные вести, Сталин все же решил не прерывать переговоров и заставить англо-французских представителей ясно определить свою позицию: хотят ли они заключить тройственный союз или нет? 13-17 августа состоялись еще семь заседаний.

Делегации Англии и Франции, следуя полученным инструкциям, старались вести отвлеченные дискуссии и отнюдь не собирались переходить к конкретным решениям, которые в той обстановке только и могли способствовать отпору агрессорам. Дракс провозглашал прописные истины вроде того, что надо «отрезать

неприятелю все пути сообщения» или «найти и разбить флот противника», и т. п. Западные миссии даже не согласовали, хотя бы предварительно, план совместных операций против агрессора. В то же время начальник Генерального штаба РККА СССР Б. М. Шапошников на одном из заседаний огласил совершенно конкретный план, гарантировавший пресечение агрессии. По плану предусматривалось три варианта действий: 1) Когда блок агрессоров нападет на Англию и Францию; 2) Когда агрессия будет направлена на Польшу и Румынию и 3) Когда Германия, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, нападет на СССР. Ворошилов и его коллеги, откровенно информировав партнеров по переговорам о Советских Вооруженных Силах, заверили их, что в случае подписания военной конвенции Советский Союз готов выставить против агрессора на своих западных границах 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков и от 5 до 5,5 тысячи самолетов.

Как сами эти впечатляющие цифры, так и деловая форма, в которой они были сообщены, не оставляли сомнений: СССР действительно стремится к соглашению с Англией и Францией. В донесениях своим правительствам западные представители подчеркивали это обстоятельство. Данные англичан и французов о своих вооруженных силах, которые они сочли необходимым сообщить на переговорах, были гораздо более расплывчатыми. Все же создавалось впечатление: совместные вооруженные силы трех держав настолько внушительны, что никакой агрессор не рискнет начать войну, если СССР, Англия и Франция выступят против него единым фронтом. Но именно этого и не желали в тот момент правительства Англии и Франции. Совершенно очевидно стало это, когда Ворошилов перешел к кардинальному вопросу переговоров.

В конце третьего заседания, вечером 13 августа, он спросил партнеров по переговорам: «Как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию или если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, а также если агрессор нападет на Турцию? Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против нас?»

Постановка этого вопроса отнюдь не была чем-то новым и неожиданным для западных дипломатов. СССР не имел границы с Германией, и его войска могли вступить в боевые действия с вермахтом, только пройдя по территории Польши или Румынии. Вопрос о такой возможности уже затрагивался во время предыдущих дипломатических переговоров. Но ясного ответа Ворошилов не получил, как ранее и другие советские дипломаты.

Когда на следующий день, 14 августа, он повторил вопрос, генерал Думенк не мог сказать ничего удовлетворительного:

«Генерал Думенк...Генерал Гамелен думает, а я, как его подчиненный, думаю так же, что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этом фронте. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело — защищать свою территорию... Но мы им окажем помощь, когда они потребуют ее.

Маршал Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Генерал Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал Ворошилов...если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они

подняли руки кверху, что они сдаются.

Генерал Думенк. Это было бы крайне неприятно.

Маршал Ворошилов. Что тогда предпримет французская армия?

Генерал Думенк. Франция тогда будет держать на своем фронте силы, которые она сочтет необходимыми...»

В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что западные делегации не могут ответить на вопрос: будут ли пропущены советские войска через территорию Польши и Румынии? В конце заседания Ворошилов прочел заявление, в котором говорилось: «Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал».

Английская и французская делегации запросили свои правительства, но скорого и вразумительного ответа не получили, да и не могли получить, поскольку правительства этих стран не желали искреннего соглашения с СССР, а переговоры вели лишь с целью оказать давление на Германию, запугать ее возможным соглашением с СССР. Попытки правительств Англии и Франции договориться с Польшей о пропуске советских войск были очень вялыми, а потому и тщетными. 19 августа военный атташе Франции в Польше сообщал в военное министерство после беседы с польскими лидерами: «Завещанная Пилсудским догма, основанная на соображениях исторического и географического порядка, запрещает даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию». Меньше чем через две недели на

территорию Польши все же вступят иностранные войска — это будут солдаты вермахта! И лишь спустя пять лет в Польшу, многострадальную, истерзанную, потерявшую 6 миллионов своих граждан, придут освободители — и это будут героические советские солдаты! Так политическая слепота польских лидеров-националистов обратилась трагедией для польского народа. В августе же 1939 года французский атташе, следуя безрассудной линии польских правителей, советовал прибегнуть к прямому обману советского руководства: «По согласованию с Беком было признано, что наша делегация в Москве может маневрировать так, как если бы перед поляками не ставилось никакого вопроса».

Однако, когда 22 августа генерал Думенк попытался осуществить этот «маневр», это тут же было разгадано. В длительной беседе Ворошилов изложил позицию советской стороны и, в частности, сказал: «Прошло одиннадцать дней, и вся наша работа за это время сводилась к топтанию на месте. Поэтому я лишен возможности согласиться на участие в дальнейшей работе совещания до тех пор, пока не будут получены все официальные ответы. Я не сомневаюсь, что генерал получил положительный ответ от своего правительства. Но позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна. Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред. Я убежден, что поляки сами захотели бы участвовать в наших переговорах, если бы они дали согласие на пропуск советских войск. Поляки непременно потребовали бы своего участия, их генеральный штаб не пожелал бы остаться в стороне от вопросов, которые обсуждаются и которые так близко их касаются...»

Маршал был прав: даже и в этот момент, за десять дней до начала мировой войны, правительства Англии и

Франции готовы были пойти всего лишь на разговоры. Советское же правительство не могло довольствоваться ими: на востоке, в пределах союзной Монгольской Народной Республики, на реке Халхин-Гол, уже третий месяц шла необъявленная война. В ожесточенных боевых действиях участвовали десятки тысяч бойцов, многие сотни самолетов и танков. Каждый раз, возвращаясь с переговоров, нарком обороны с тревогой прочитывал донесения, подписанные комкором Жуковым. Через два года эта фамилия станет известной всему миру, чтобы затем занять в истории нашей Родины место в том же ряду, что и фамилии Суворова и Кутузова. Но то была первая операция, которой привелось руководить Жукову. Начатая 20 августа, она завершилась к 31 августа блестящей победой — окружением и уничтожением японской группировки. Однако 21-22 августа исход операции был еще неясен.

Реальная перспектива войны на два фронта в условиях международной изоляции встала перед правительством СССР. Убедившись в нежелании правительств Франции и Англии достигнуть соглашения, Советское правительство принимает смелое, единственно правильное в той обстановке решение, меняющее международную обстановку: подписывает с Германией договор о ненападении. Он расстроил расчеты империалистов и позволил зыиграть время для укрепления обороны страны.

И тогда, и ныне буржуазные журналисты, дипломаты, историки приходят в ярость при упоминании о советско-Германском пакте августа 1939 года. Это, кстати, служит еще одним доказательством того, насколько пакт противоречил интересам «западных демократий», насколько он в корне разрушал их расчеты на немедленное столкновение Германии и СССР. Искреннее стремление договориться с Англией и Францией со стороны Советского

правительства не подлежит сомнению. 25 августа, когда Драке и Думенк нанесли Ворошилову прощальный визит, маршал сказал им:

— К сожалению, нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер...

1 сентября 1939 года началась мировая война. Первой ее жертвой стала Польша, правители которой, руководствовавшиеся узкими классово-националистическими интересами, столь безумно отказались от сотрудничества с восточным соседом — СССР. Союзники же Польши реальной помощи ей не оказали. Более того, после разгрома Польши на западном фронте стало твориться нечто невиданное: армия Германии и войска Франции и Англии на многие месяцы застыли в неподвижности друг против друга. Боевых действий на суше практически не велось, и журналисты вскоре стали придумывать для этой войны особые названия — «странной», «смешной». Но она была ни той, ни другой: просто правительства Англии и Франции не желали воевать с фашистской Германией и все еще надеялись, что им вскоре удастся повернуть вермахт против СССР.

Советское правительство, разумеется, понимало, что не следует полагаться на верность фашистского диктатора своим дипломатическим обязательствам, и стремилось до предела использовать выигранную почти двухлетнюю отсрочку. Непосредственно перед Великой Отечественной войной, в 1939–1941 годах, оборона нашей страны существенно усилилась.

1 сентября 1939 года был принят закон о всеобщей воинской повинности, обеспечивавший армии и флоту большой контингент призывников, закреплявший кадровый принцип строительства Вооруженных Сил.

Основой их оставались сухопутные войска. В их составе к началу войны насчитывалось 303 стрелковые,

танковые, моторизованные и кавалерийские дивизии (81 дивизия, правда, находилась в стадии формирования).

Советская пехота в предвоенные годы получала новые образцы автоматического стрелкового оружия. В 1940 году была создана самозарядная винтовка Ф. В. Токарева, на год раньше — станковый пулемет системы В. А. Дегтярева. Ему же принадлежал пистолет-пулемет (ППД). Непосредственно перед войной в войска стал поступать пистолет-пулемет Г. С. Шпагина (ППШ), отличавшийся высокими боевыми качествами, простым устройством и безотказностью в бою. Всего с 1939 года и по начало войны оборонная промышленность дала армии более 105 тысяч ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов, около 100 тысяч автоматов. Пулеметами Красная Армия была оснащена гораздо обильнее, чем немецкие войска, но общая насыщенность автоматическим оружием за счет недостатка пистолетов-пулеметов (автоматов) была меньшей, и это непосредственно сказывалось на ходе военных действий в первый период войны.

Опыт боевых действий начала второй мировой войны привел к изменению взглядов на роль кавалерии и вызвал дальнейшее сокращение ее численности в РККА. Если в 1938 году в нашей армии было 32 кавалерийские дивизии, то в 1941 году осталось только 13 (четыре из них были горнокавалерийскими). К тому же каждая кавдивизия имела теперь танковый полк.

По-прежнему нарком обороны не жалел сил для развития артиллерийского вооружения, и оно совершенствовалось из года в год. Без преувеличения надо сказать: основное артиллерийское вооружение РККА было лучшим в мире. Советская полковая 76-миллиметровая пушка была гораздо лучше 75-миллиметрового пехотного орудия немцев. 150-миллиметровое тяжелое орудие немцев уступаало

соответствующим советским системам. Наша дивизионная и корпусная артиллерия, наши горные орудия были совершеннее немецких систем.

К началу войны Красная Армия располагала прекрасными 82-миллиметровыми и 120-миллиметровыми минометами. Создание этого оружия шло негладко, и все же на 1 июня 1941 года в войсках насчитывалось 14200 82-миллиметровых батальонных минометов и 3800 120-миллиметровых полковых. Уместно будет напомнить, что фашистская армия располагала лишь 81-миллиметровым минометом, и только в 1943 году немецкие конструкторы ввели на вооружение пехоты 120-миллиметровый миномет. По конструкции он отличался от советского небольшими изменениями в опорной плите.

В предвоенные годы были разработаны и изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок, знаменитых, наводивших ужас на врагов «катюш». Всего же в Красной Армии на 22 июня 1941 года имелось 67 335 орудий и минометов (кроме того, имелось 24158 50-миллиметровых минометов). Это была огромная сила.

Реализуя постановление правительства от 1938 года, советские танкостроители спроектировали и уже во второй половине 1939 года построили первые опытные образцы новейших, оригинальных конструкций машин. Коллектив под руководством М. И. Кошкина, А. А. Морозова и Н. А. Кучеренко создал лучший в ту пору и на многие последующие годы танк Т-34. Нарком обороны следил за работой над ним, помогал конструкторам и, конечно, с волнением ждал испытаний.

На танкодром он приехал вместе с Н. А. Вознесенским, А. А. Ждановым и А. И. Микояном. Начались испытания, и стоявший рядом с маршалом ученый-металлург В. С. Емельянов почувствовал, что

Ворошилов тревожится, нервничает. Он крепко, до боли сжал плечо Емельянову, когда Т-34 пошел к холму с очень крутым склоном. Не отводя глаз от стального чудища, нарком приговаривал:

— С ума он сошел, ведь переверпет машину! Не может танк взлезть на такую кручу!

Но оказалось, что может, и Ворошилов первым заплодировал искусству танкостроителей и водителя.

— Здорово! — кричал он. — Здорово! Атаковать противника по такому откосу! Ай да молодцы!

Подошел начальник Автоброневоего управления Д. Г. Павлов.

— Товарищ народный комиссар! Разрешите повалить лес?

— Знаю я тебя, — засмеялся маршал, — разреши, и ты действительно весь лес валять начнешь! Только одно дерево!

Павлов передал приказ водителю, Т-34 направился к высокой сосне, свалил ее, а затем с деревом, повисшим на броне, спустился к реке и форсировал поток...

Очень удачной вышла и машина, изготовленная коллективом под руководством Ж. Я. Котина. Она получила название КВ — «Клим Ворошилов». Это был тяжелый танк принципиально нового типа. До того все иностранные и советские тяжелые танки были многобашенными: они имели 2, 3, даже 5 башен. Команда, обслуживавшая такие танки, насчитывала 10–12 человек, вес их достигал 45–55 тонн, а броня в большинстве случаев не превышала 30 миллиметров. КВ был первым однобашенным тяжелым танком. Экипаж его — всего 5 человек, броня — 75 миллиметров, при общем весе в 46 тонн. Ни одна из противотанковых пушек того времени, даже с близкого расстояния, не могла пробить такую броню. КВ имел 76-миллиметровую пушку с высокой начальной скоростью снарядов и (так же как и Т-34) дизельный двигатель — новшество,

которое дало советским танкам немалое преимущество перед немецкими. Конструкторы танков в Германии до конца войны не смогли освоить дизельный двигатель, хотя и пытались это сделать.

Таким образом, КВ и особенно Т-34 были вершинами танкостроения того времени. Именно такими танками и намеревалось руководство Красной Армии перевооружить бронетанковые войска в 1941-1942 годах. К началу войны они находились в стадии реорганизации. Формировалось большое количество механизированных корпусов (в 1940 году было создано 9, в феврале — марте 1941 года началась организация еще 20 механизированных корпусов). Для их полного укомплектования требовалось 15 тысяч Т-34 и КВ, однако до 22 июня 1941 года заводы успели выпустить лишь 636 КВ и 1225 Т-34. Этого, конечно, было мало, новые танки поступали в войска поздно, не были должным образом освоены. Большинство механизированных корпусов к началу войны либо располагали устаревшими танками, изношенными, с ограниченным моторесурсом, либо остались вообще неуккомплектованными.

Переворужались и ВВС страны. Опыт войны в Испании показал, что новейшие немецкие самолеты превосходили наши боевые машины, созданные еще во второй пятилетке, и советским авиаконструкторам следовало наверстать это отставание. В 1939-1940 годах под руководством С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина, А. И. Микояна, В. М. Петлякова и А. С. Яковлева были созданы новые истребители — Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и другие. В 1940 году был произведен 8331 боевой самолет, но подавляющее большинство составляли машины устаревших конструкций. В первой половине 1941 года промышленность выпустила 2650 новых самолетов, но

это количество не могло радикально изменить неблагоприятное соотношение в случае столкновения с авиацией Германии.

Не стояла на месте и советская военная наука. В определении основных направлений оборонного строительства, в подготовке к отражению агрессоров советская военно-теоретическая мысль исходила из вероятности столкновения с гитлеровской Германией и ее союзниками. Руководствуясь этим, командование Красной Армии соответствующим образом вело боевую и политическую подготовку войск.

Надо сказать, что и в вооружении войск, и в их подготовке, и в военно-теоретических установках того времени были ошибки, недостатки, недочеты. Такое большое дело не могло во всем идти гладко. Необходимо напомнить также, что, как сказано в «Истории второй мировой войны», «в 1937-1938 годах вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников».

Многие из этих недостатков, недочетов, промахов в вооружении, подготовке войск, в тактических установках стали очевидными во время советско-финской войны 1939-1940 годов.

Провокации финской военщины на границе с СССР продолжались уже более 20 лет, с 1918 года, но осенью 1939 года они стали особенно нетерпимыми. Государственная граница проходила тогда всего лишь в 30 километрах от Ленинграда, крупнейшего промышленно-оборонного центра нашей страны. Неоднократно Советское правительство предлагало правительству Финляндии передвинуть границу еще на несколько десятков километров от Ленинграда и взамен предоставляло значительно большую территорию к северу от Ладожского озера. После этого предполагалось заключить пакт о ненападении и

взаимопомощи. Но правительство Финляндии отклонило эти миролюбивые предложения, и провокации на границе продолжались.

Военные действия на Карельском перешейке начались 30 ноября 1939 года и оказались гораздо более сложными и затяжными, чем это предполагало командование Ленинградского военного округа, которому было поручено осуществить операцию. Финская армия, опираясь на новейшую, мощную линию обороны — линию Маннергейма, — ожесточенно сопротивлялась. Задача советских войск была очень и очень нелегкой, так как боевые действия развернулись в лесисто-болотистой местности, затруднявшей а иногда и исключавшей применение техники, особенно танков, и в условиях невиданно суровой зимы. Только после прорыва линии Маннергейма и взятия Выборга в начале марта 1940 года начались мирные переговоры.

Итоги зимней кампании в апреле 1940 года обсуждались на расширенном заседании Главного военного совета. Были выработаны принципиальные решения, направленные на усиление обороноспособности и боеготовности Красной Армии. Особенно подчеркивалась необходимость готовить войска к боевым действиям в сложных условиях, увеличить число учений и маневров. ЦК ВКП(б) и СНК сочли необходимым провести перемещения в руководящем составе Наркомата обороны. 7 мая 1940 года К. Е. Ворошилова назначают заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и председателем Комитета Обороны при СНК — специального органа, ведавшего вопросами обороны страны. Наркомом обороны стал соратник Ворошилова в годы гражданской войны С. К. Тимошенко. Реорганизационные мероприятия продолжались фактически до начала Великой Отечественной войны. А она была уже близко.

Предвидя это, Советское правительство усиливало армию и флот. Численность Советских Вооруженных Сил к 1 января 1941 года возросла до 4207 тысяч человек. В мирное время это была огромная армия и немалое бремя для экономики страны, И все же наша страна, испытывавшая недостаток рабочей силы и средств на стройках социализма, продолжала наращивать армию — к тому вынуждала обстановка. Генеральный штаб РККА разработал план обороны государственной границы, в феврале 1941 года утверждается план мобилизации Вооруженных Сил и осуществляется ряд мобилизационных мероприятий. В начале июня проводится учебный сбор, и в войска дополнительно вызываются 755 тысяч приписного состава. В мае — июне ряд дивизий и корпусов передислоцируется ближе к границе, из внутренних округов на запад начинается выдвижение войск...

Надвигалась гроза сорок первого года.

Когда заходит речь о трагических событиях лета и осени этого года, нередко возникает вопрос о причинах наших неудач. В «Истории Коммунистической партии Советского Союза» сказано: «Гитлеровская Германия использовала в борьбе против Советского Союза временные преимущества: милитаризацию своей экономики и всей жизни страны, длительную подготовку к захватнической войне и опыт военных действий на Западе, превосходство в современном вооружении и численности войск, заблаговременно сосредоточенных в пограничных районах. В распоряжении гитлеровской Германии... оказались военно-экономические ресурсы почти всей Западной Европы. Поработив Францию, почти полностью прекратив воздушные налеты на Англию и, не ведя, таким образом, по существу, военных действий на Западе, она смогла бросить против СССР все свои сухопутные и воздушные силы.

Сыграли свою роль и допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на нас гитлеровской Германии и упущения в подготовке к отражению первых ударов»^[40].

Германские милитаристы всегда умели наладить военную машину. Достаточно вспомнить первую мировую войну, когда они умудрились четыре с лишним года вести войну с противником, существенно превосходившим армию Германии и в людских и в материальных ресурсах. А тут, в июне 1941 года, военная мощь фашистского блока, на который работала промышленность почти всей капиталистической Европы, обрушилась на Красную Армию.

Первый удар врага был страшен. 190 дивизий, полностью укомплектованных личным составом, вооружением и транспортом, располагали 5,5 миллиона человек, 3712 танками, 4950 боевыми самолетами, 47 260 орудиями и минометами. Этой невиданной дотоле в истории военной махине в западных приграничных округах противостояли не полностью укомплектованные и оснащенные 170 советских дивизий и 2 бригады (всего 2,9 миллиона человек), рассредоточенные по фронту и в глубину. Войска располагали значительным количеством устаревших самолетов с ограниченным летным ресурсом и всего 1540 самолетами новых типов, большим количеством легких танков старых конструкций и всего 1800 тяжелых и средних танков (в том числе 1475 новых типов). Орудий и минометов было 34 695. Таким образом, соотношение сил с самого начала было далеко не в пользу советских войск: по личному составу вражеские дивизии превосходили наши войска в 1,8 раза, по средним и тяжелым танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3,2 раза, по орудиям и минометам — в 1,25 раза. На направлениях

главных ударов противник обладал еще большим, временами подавляющим превосходством в силах и средствах. Инициатива была на стороне фашистов, они первыми наносили удар, а в современной войне тот, кто наносит удар первым, располагает если не решающим, то, во всяком случае, весьма существенным преимуществом. На этот счет маршал Жуков писал: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов».

На всех направлениях с первых же часов развернулись ожесточенные сражения. Хорошо известен героизм защитников Брестской крепости. Но столь же упорно сражались советские войска под Лиепайей, на Рава-Русском направлении, в районе Перемышля... Накал боев был исключительно высок. Сражения в Минском укрепленном районе, под Могилевом и Витебском, под Луцком, Ровно и Дубно, жестокая борьба за Даугавпилс, контрудары на Лепельском направлении, упорные бои за Житомир и Бердичев — вот только небольшая часть ратных дел защитников нашего Отечества в первые недели войны. В невероятно сложной обстановке, ценою своей жизни стремились они задержать врага.

Для руководства военными действиями 23 июня была создана Ставка Главного Командования Вооруженных Сил СССР во главе с наркомом обороны С.

К. Тимошенко. Ворошилов был включен в ее состав, и с этого дня для него вновь наступила боевая страда.

Положение на фронте между тем обострялось. Используя свои преимущества, немецко-фашистские войска рвались в глубь страны. Особо опасной была ситуация на Западном направлении — на прямом пути в Москву. Командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов оказался не на высоте, потерял управление войсками, и находившиеся в его распоряжении достаточно крупные силы не были использованы должным образом. Это грозило тяжелыми последствиями. Для помощи командованию Западного фронта были направлены маршалы Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик. 27 июня туда же выехал Ворошилов.

Страшными были фронтовые дороги в те страшные дни июня сорок первого. Машина Ворошилова то и дело обгоняла колонны войск, спешившие на фронт. Навстречу им нескончаемой вереницей тянулись беженцы — испуганные, нередко полуодетые женщины, дети, старики. А над дорогами, вдоль них, особенно у мостов, над железнодорожными станциями кружили, пикировали, шли бреющим полетом самолеты врага: фашистская авиация сумела в первые дни достичь господства в воздухе.

В Могилеве Ворошилову стало ясно: положение еще хуже, чем это представлялось издалека. Потеряв управление, командование Западного фронта не знало целиком обстановки и, следовательно, не могло реально воздействовать на ход событий. Вот выдержка из разговора начальника Генерального штаба Жукова и начальника штаба Западного фронта генерала В. Б. Климовских в два часа ночи 28 июня: «У аппарата Жуков. Доложите, что известно о 3-й, 10-й и 4-й армиях, в чьих руках Минск, где противник?

Климовских. Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевичи высажен

десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса в районе Мипска десант ликвидируется.

Авиация противника почти весь день бомбила дорогу Борисов — Орша. Есть повреждения на станциях и перегонах. С 3-й армией по радио связь установить не удалось...

Жуков. Где Кулик, Болдин, Коробков? Где мехкорпуса, кавкорпус?

Климовских. От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска.

Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам...

Жуков. Знаете ли вы о том, что 21-й стрелковый корпус вышел в район Молодечно — Вплейка в хорошем состоянии?

Климовских. О 21-м стрелковом корпусе имели сведения, что он наметил отход в направлении Молодечно, но эти сведения подтверждены не были.

Жуков. Где тяжелая артиллерия?

Климовских. Большая часть тяжелой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му гап и 120-му гап.

Жуков. Где конница, 13-й, 14-й и 17-й мехкорпуса?

Климовских. 13-й мехкорпус в Столбцах. В 14-м мехкорпусе осталось несколько танков, присоединились к 17-му, находящемуся в Бараповичах. Данных о местонахождении конницы нет...».

К вечеру 28 июня наши войска оставили Минск. Еще за день до этого Ставка Главного Командования решила, используя соединения 13, 19, 20, 21 и 22-й армий, немедленно создать на рубеже среднего течения Западной Двины и Днепра новую линию обороны. Это решение было принято не в последнюю очередь благодаря советам Шапошникова и Ворошилова. Разобравшись на месте в обстановке, они пришли к выводу: на рубеже Березины долго удержать

противника не удастся, так как инициатива на его стороне, и можно лишь выиграть какое-то время. В телеграмме на имя Главнокомандующего они после характеристики боевых действий сообщали: «По нашему мнению, основным рубежом обороны может быть только рубеж Днепра, и то при условии, если самым форсированным порядком будут брошены свежие дивизии и мехчасти на этот рубеж. Между тем по докладу начштаба 16, бывшего сегодня в Орше и вернувшегося в Могилев, туда прибыло несколько эшелонов с второстепенными частями его армии».

В разговоре со Сталиным по ВЧ Ворошилов еще раз подчеркнул: противник, безусловно, продолжит наступление к Днепру на флангах фронта. Маршал вновь повторил: огромное значение имеет своевременный выход резервов на Днепр и Западную Двину. Обобщая уже имевшийся опыт боевых действий, Ворошилов говорил, что войскам на этих рубежах немедленно придется столкнуться с танками и авиацией противника, а потому необходимо строить глубоко эшелонированную противотанковую оборону, заставить войска по возможности глубже зарыться в землю. «Без этого, — говорил он, — как показывает практика, немецкие танки при поддержке массированных ударов с воздуха сравнительно легко прорывают нашу оборону». Сталин обещал принять эти замечания к сведению.

Надо понять чувства маршала Ворошилова в тот момент: ведь отступала, оставляя врагу города и села, та самая Красная Армия, в которой уже почти четверть века заключался смысл его жизни, гибли родные и близкие бойцы и командиры, доверявшие ему и любившие его! Что же произошло, что могло быть упущено, недоделано им самим или другими военачальниками? Ныне, располагая цифрами и фактами, мы можем сопоставлять и размышлять. Но у

военачальников Красной Армии тогда не было времени на анализ и критику, тяжелому настроению они не поддавались, а стремились собрать в кулак, организовать, направить все силы, чтобы остановить врага, стремились выполнить свой солдатский долг.

Ворошилов в эти дни работает почти без сна. Он организует управление войсками, сам восстанавливает воинский порядок и дисциплину. Одновременно он помогает местным партийным и советским руководителям наметить и осуществить меры по организации днепровской оборонительной линии.

Перед лицом грозной опасности партия и правительство призвали наш народ к отпору врагу. 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей была направлена директива СНК СССР и ЦК ВКП(б), ставшая на практике первым военно-политическим планом, на основе которого была проведена мобилизация всех людских и материальных ресурсов страны.

В директиве наряду с прочим говорилось и о необходимости создания партизанских отрядов в тех областях СССР, которые были оккупированы фашистскими войсками или которым грозило вражеское вторжение. Такие отряды немедленно были созданы, и Ворошилов несколько раз встречался с советскими патриотами, отправлявшимися в тыл врага.

Вблизи от расположения штаба фронта 30 июня Ворошилов, Шапошников и белорусские партийные работники беседовали с очередной такой группой. Маршалы конкретно и обстоятельно советовали, как вести борьбу в тылу врага, к чему надо стремиться в первую очередь. Видно было, что Ворошилов непременно хочет убедиться: действительно ли добровольно идут в тыл партизаны.

Внимательно вглядываясь в их сосредоточенные лица, маршал говорил:

— Товарищи, я должен предупредить вас, что предстоит вам чрезвычайно важное и в то же время исключительно опасное дело. Воевать в тылу врага будет гораздо опаснее, чем в годы гражданской войны. От вас ежедневно и ежечасно будет требоваться подвиг, и если кто-нибудь чувствует, что ему будет трудно, что он может не выдержать, то лучше сейчас же или после совещания отказаться. Мы никого не попрекнем, всем найдется работа...

Маршал обвел взглядом добровольцев, но никто не думал отказываться. Наоборот, один из будущих партизан ответил:

— Среди нас нет таких! — Голос его звучал твердо.

Ворошилов был явно растрогал:

— Тогда могу сказать одно: в добрый путь, дорогие мои товарищи! Бейте врага, не жалея сил!

Наступление немецко-фашистских войск продолжалось. Произошла смена командования фронта. Новому командующему, генерал-лейтенанту А. И. Еременко^[41], Ворошилов говорил, вводя его в обстановку:

— Дела наши плохи, сплошной фронт отсутствует. Наши войска достаточно стойко защищают отдельные очаги, но у противника превосходство в силах и инициатива. К тому же все время нарушается связь, и тогда управление делается почти невозможным. Задача заключается в том, чтобы продержаться, подтянуть резервы. Только после этого удастся заполнить бреши во фронте...

В ночь на 1 июля Ворошилов сообщил по ВЧ Сталину, что положение ухудшается, что гитлеровцы в ряде мест форсировали Березину и это создает реальную угрозу Могилеву и Рогачеву. Днем 1 июля маршал участвовал в совещании партийного актива Белоруссии, а вечером этого дня его отозвали в Москву.

«Моя поездка, — писал он после войны, — явилась кратковременной — с 27 июня по 1 июля 1941 года, — но она была настолько тяжелой и напряженной, что стоила мне, по всей вероятности, многих лет жизни...»

В Москве, однако, Ворошилова ждали не менее ответственные и изнурительные дела. Еще 30 июня был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО), возглавляемый Сталиным. Этот авторитетный орган, совершенно необходимый в военных условиях, сосредоточил в своих руках всю полноту власти: постановления и распоряжения ГКО подлежали беспрекословному исполнению всеми гражданскими, партийными и советскими организациями. Ворошилов был включен в его состав.

10 июля ГКО преобразовал Ставку Главного Командования в Ставку Верховного Командования (с 8 августа Ставка Верховного Главнокомандования). Возглавил Ставку также Сталин. Ставка занималась решением оперативно-стратегических и иных важнейших вопросов, связанных с ведением вооруженной борьбы. О ее составе и деятельности маршал Василевский, хорошо знакомый с работой этого органа, пишет: «Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находясь далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте... Но... каждый из членов Ставки держал с Верховным Главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, а поэтому не считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для

выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения...»

Так как управлять войсками непосредственно из Ставки было трудно, 10 июля создаются три главных командования. Ворошилов стал Главнокомандующим Северо-Западным направлением; ему подчинялись войска Северного и Северо-Западного фронтов, Северный и Балтийский флоты.

ГКО потребовал от вновь назначенных главнокомандующих направлениями (кроме Ворошилова, это были С. К. Тимошенко и С. М. Буденный), чтобы они не ограничивались оперативным руководством, заботились о поддержании высокого боевого духа как войск, так и гражданского населения, не стеснялись обращаться «к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей». Главнокомандующие должны были также организовать партизанское движение в тылу врага и руководить им.

Днем 11 июля Ворошилов уже был в Ленинграде. Вместе с ним прибыл небольшой штаб во главе с генерал-майором М. В. Захаровым. Членом Военного совета Северо-Западного направления был назначен А. А. Жданов. В тот же день Ворошилов и Жданов заслушали доклады командующего Северным фронтом генерал-лейтенанта М. М. Попова и начальников родов войск о положении дел. 12 июля маршал и Жданов выехали в Новгород, в штаб Северо-Западного фронта.

Вновь перед Ворошиловым прифронтовая дорога, вновь бредут навстречу беженцы, вновь расстреливают их с воздуха фашистские пираты. Картина та же, что и на Западном фронте, с той только разницей, что здесь враг уже успел приблизиться к жизненно важному центру нашей страны, к колыбели Октябрьской революции — Ленинграду.

Быстрый захват города на Неве (Гитлер упорно именовал его Петербургом) был одним из главных требований плана «Барбаросса». В конце июня — начале июля немецко-фашистским войскам группы армий «Север» удалось оккупировать почти всю Прибалтику и с юго-запада вступить в пределы Ленинградской области. Воспользовавшись тем, что наши войска не успели занять оборонительный рубеж по реке Великой, фашисты 5 июля ворвались в Остров, 9 июля — во Псков. Они изготавились к стремительному прорыву на Ленинград.

Знакомство с положением дел убедило маршала, что войска Северо-Западного фронта, потерпевшие поражение в Прибалтике и понесшие большие потери, не смогут остановить противника. Соотношение сил было явно не в пользу советских войск. Ворошилов, конечно, не располагал тогда исчерпывающими сведениями о противнике, но ныне мы знаем, что к 10 июля группа армий «Север» превосходила войска Северо-Западного фронта по пехоте в 2,4 раза, по орудиям — в 4 раза, по минометам — в 5,8 раза, по танкам — в 1,2 раза. На стороне врага было и превосходство в авиации. Сознавая это, фашистское командование в типичной для него самоуверенной и авантюристичной манере уже считало успех окончательным. Вот что записал генерал Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии, в свой дневник 8 июля 1941 года, на 17-й день войны: «Противник уже не в состоянии создать сплошной фронт, даже на наиболее важных направлениях... Формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии...» Приходится только удивляться, насколько плохо гитлеровские стратеги знали

противника! Они жестоко, непоправимо ошибались как в масштабах всего советско-германского фронта, так и на ленинградском его участке.

После обсуждения обстановки в штабе Северо-Западного фронта Ворошилов принялся за организацию управления войсками на юго-западных подступах к Ленинграду. На оборонительную линию по реке Луге, строительство которой, к сожалению, было еще далеко от завершения, из состава Северного фронта выдвигаются кадровые дивизии, так же как и спешно формируемые дивизии ленинградского народного ополчения.

14 июля Ворошилов обратился к войскам с приказом: «Над городом Ленинградом — колыбелью пролетарской революции — нависла прямая опасность вторжения врага...» Ворошилов подчеркивал, что если войска Северного фронта в целом мужественно отстаивали каждую пядь родной земли, то на Северо-Западном фронте враг далеко не всегда встречал должный отпор. «Отдельные паникеры и трусы, — писал маршал, — не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов... Мною даны указания произвести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и старые заслуги, предать суду Полевых Военных трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела...» Призывая бойцов и командиров драться до конца, Ворошилов заканчивал приказ следующими словами: «Я знаю, я верю, что вы выполните свой священный долг перед Родиной и советским народом!»

Наряду с кадровыми войсками и дивизиями народного ополчения в Ленинграде спешно формировали истребительные полки, предназначенные

для действий в ближайших тылах противника. Отбирали только добровольцев, знавших оружие, подготовленных более или менее к тяжелым испытаниям в тылу врага. За день 13 июля было создано четыре таких полка, каждый численностью около тысячи человек. Вечером их командиров и комиссаров в Смольном приняли Ворошилов и Жданов. Рассказав вкратце о положении на фронте, Ворошилов разъяснил будущим партизанам их задачи: «Противник дерзок, нахален, рассчитывает на нашу неорганизованность, продвигаясь вперед небольшими группами без разведки, полагая, что Советская власть никому не нужна и бояться некого, мер предосторожности принимает мало, нужно этим воспользоваться. У нас мало сил, требуется некоторое время, пока укрепим. Противника надо задержать ударами по тылам, по коммуникациям, главным образом в ночное время. Этого зарвавшегося врага надо крепко бить с тыла. У вас в отрядах будут потери, но враг потеряет в десять раз больше. Вас будет поддерживать население в этом благородном деле». Маршал был прав: советские люди на оккупированной территории поддерживали партизан и в эти трагические дни лета 1941 года, и в дальнейшем. Народная война в тылу врага как на территории Ленинградской области, так и во всех оккупированных фашистами районах страны стала со временем могучим фактором, способствовавшим победе.

Тем временем 10 июля фашистские войска после перегруппировки возобновили наступление. Они сумели прорваться к городу Луге, но, встретив здесь упорное сопротивление, 13 июля изменили направление движения на северо-запад, чтобы прорваться к Ленинграду через Копорское плато. Скрытно, по проселочным и лесным дорогам танковые части 41-го фашистского моторизованного корпуса достигли реки

Луги в 20-25 километрах юго-восточнее Кингисеппа, 14 июля переправились через нее и захватили плацдармы в районах Ивановского и Большого Сабска. Реальной стала угроза прорыва фашистских танков прямо на Ленинград.

Командование фронта, до того не располагавшее на этом участке достаточными силами, срочно бросило сюда части 2-й дивизии народного ополчения и танковый батальон. Но уже во время выгрузки на станции Веймарн ополченцы попали под яростную авиационную бомбардировку. Было много убитых и раненых, а это, естественно, плохо сказалось на настроении необстрелянных людей. Времени для боевой подготовки, обучения у ополченцев было мало, и потому неудивительно, что они, предприняв несколько отчаянных атак, не смогли выбить врага из Ивановского. Удивительно, пожалуй, другое: как эти необученные, недостаточно вооруженные, ведомые неопытными командирами ополченческие полки сумели вообще противостоять кадровым немецко-фашистским танкистам. А они сражались, дрались хоть и неумело, но упорно, героически — решимость отстоять свой город вела ленинградцев вперед, и воля их не могла быть сломлена.

Ворошилов убедился в этом еще раз, когда днем 14 июля прибыл сюда, на самый опасный участок. К этому времени гитлеровцы после артиллерийской и авиационной подготовки атаковали ополченцев. Не выдержав вражеского натиска, кое-кто начал отступать...

Навстречу машине командующего стали попадаться одиночки и мелкие группы бойцов. Маршал не выдержал, вышел из машины и пошел к передовой, останавливая отступающих. Присутствие известного всей стране человека здесь, в самом пекле, действовало охлаждающе, успокаивающе, так как и теперь, словно и

не минуло двадцати лет, спокоен и уверен в бою был Ворошилов. Подоспели танки, и с пистолетом в руке маршал повел ополченцев в атаку... Продвижение врага прекратилось, но выбить его из Ивановского все же не удалось.

На поросшей кустарником опушке, в нескольких сотнях метров от Ивановского, Ворошилов встретил М. М. Попова, еще ранее приехавшего сюда. Генералы смотрели в бинокли. Наша артиллерия била по селу, горели избы, и клубы дыма застилали окуляры. Сквозь дым то там, то здесь поблескивали вспышки: это немецкие танки вели ответный огонь.

Не обращая внимания на разрывы и свист осколков, Ворошилов продолжал наблюдать за боем, а в соседнем окопе переговаривались ополченцы:

— Смотри, смотри, это же сам Ворошилов!

— Точно, это Клим!

— И не боится, как в землю врос.

— Да он заговоренный, его ни пуля, ни снаряд не берут!..

В это время генерал Попов вынужден был выслушивать неприятные слова:

— Что же это за контратака? — отчитывал его Ворошилов. — Артиллерия бьет по пустому месту, избы горят, а немцев там и нет, они на окраине!

— Ополченцы только что из эшелонов, товарищ маршал, — оправдывался командующий фронтом. — Артиллерия на случайных огневых позициях, и разведку не было времени провести...

— Так извольте разобраться в обстановке, навести порядок и выбить противника с плацдарма до темноты! Там сейчас нет еще основных сил! Промедлите — поздно будет!

Видимо, разговор с маршалом настолько взволновал Попова, что он самолично отправился на разведку в Т-34. Поблизости от села танк был обстрелян

противотанковыми орудиями врага, и только надежная броня Т-34 спасла генерала от гибели. Когда он возвратился, Ворошилов, бывший свидетелем этой «рекогносцировки», встретил генерала опять-таки нелюбезно:

— Ты что, с ума сошел? Твое ли дело в разведку ходить?

Он, конечно, забыл, что и ему не следовало бы находиться здесь, в пределах видимости врага. Но уж таково было тогда время, что никому не приходилось думать о собственной безопасности, да и характер у маршала Ворошилова остался прежним: если посылаешь людей в бой, не прячься и сам!

Приказав атаковать противника, Ворошилов вскоре уехал. К сожалению, ликвидировать вражеский плацдарм не удалось. Ворошилов, конечно, хорошо понимал, что самоотверженность ленинградских ополченцев не может полностью компенсировать необученность, недостаточное вооружение, нехватку командных кадров. В приказе 16 июля он требовал от командования Северного фронта: «1-й полк 2 СД ополчения отвести с фронта в ближайшие деревни и привести в полный порядок. Выявить отсутствующий ком. и политсостав и заменить его новым. Списки на отсутствующих в копии представить мне. Увеличить количество кадровых командиров, организовать на месте боевое сколачивание дивизии...» Сколачивать части и соединения приходилось в бою, сражение продолжалось, и итогом его была остановка войск противника.

Не удалось ему достигнуть своих целей и на Новгородском направлении. Здесь 14 июля по указанию Ворошилова 11-я армия Северо-Западного фронта нанесла контрудар по 56-му моторизованному корпусу Э. Манштейна. Впервые в ходе второй мировой войны этот самоуверенный гитлеровский генерал попал в

тяжелое положение. Угроза Новгороду временно была устранена. 19 июля фашистское командование отдало приказ приостановить наступление. Попытка прорваться с ходу к Ленинграду сорвалась. У Ворошилова, у защитников Ленинграда появилось хоть какое-то время для укрепления обороны.

Анализируя ход боев на Северо-Западном фронте, 21 июля Ворошилов писал: «Считаю, что обход флангов наших дивизий противником не может быть обязательным поводом к отводу целого корпуса на новый оборонительный рубеж, то есть отход войск от 10 до 25 километров... Гораздо целесообразнее и во всех отношениях более правильно на действия противника во фланг нашим войскам отвечать дерзостными ударами по его флангам и тылу, вместо попыток обязательно располагать войска фронтальным порядком, притом ценою оставления больших кусков территории. Пора нам усвоить, что противник и впредь будет стремиться ломать фронт наших частей и бить им во фланг и тыл. И если этой тактике мы не противопоставим свою маневренную тактику, мы вынуждены будем всякий раз в тревоге намечать новые рубежи отводов наших войск...»

Несколькими днями позже, 29 июля, Ворошилов высказывает свое мнение еще по одному чрезвычайно важному и актуальному тогда вопросу. В этот день он отменил как неправильный и в военно-оперативном и в политическом отношениях приказ Военного совета одного из подчиненных ему объединений: «Требовать разгрома противника, не считаясь ни с какими потерями, — это означает ориентировать руководящий комсостав не на победу малой кровью, а поощрять неорганизованность и плохое руководство, как правило, влекущие за собой большие и напрасные потери...»

В разговоре с командующим 23-й армией генерал-лейтенантом М. Н. Герасимовым 6 августа Ворошилов

требовал удержать Сортавалу, обещал дать подкрепление — одну дивизию. Далее последовало:

«*Герасимов...* Батальоны сохранили минимальное количество живой силы. 2 батальон 588 сп, командир капитан Уколов, после выхода из окружения сохранил только 75 человек. При выходе из окружения нами уничтожено за невозможностью вывезти уже три дивизиона артиллерии. В результате дивизии ослаблены. При наличии свежей дивизии, мы полагаем, сумеем...

Ворошилов. Если вы будете уничтожать по три дивизиона артиллерии при всяком окружении того или иного батальона, вместо того чтобы этими дивизионами громить противника, то наши дивизии не только будут ослаблены, они просто перестанут существовать как дивизии. Товарищ Герасимов и товарищ Сосновиков, я вас убедительно прошу поменьше поддаваться окруженческой психологии и по-настоящему взять войска в руки, чтобы ими руководить как подобает истинным генералам и политработникам...»

Обратим внимание на тон этого разговора, неприятного для обеих сторон. В своих распоряжениях, директивах, приказах Ворошилов, даже и в то суровое время, оставался прежним: требовательным, но всегда далеким от грубости.

Немцы временно были остановлены. Новый натиск врага, однако, следовало ждать со дня на день, и об этом Ворошилов говорил 21 июля на совещании руководящих военных и партийных работников в Смольном. Не должно быть ни малейшей самоуспокоенности — таков был его вывод.

Через три дня в Смольном вновь собралось около 700 партийных, советских, хозяйственных работников. Ворошилов проанализировал военную обстановку и остановился на перспективах:

— Оптимизм советских людей, воля к победе, — говорил он, — должны быть подкреплены высокой организованностью, претворены в дела. Трудности предстоят большие. Преимущества пока на стороне врага. На ряде участков немецко-фашистские войска остановлены, но они по-прежнему угрожают многим основным жизненным центрам страны. Задача всех задач — не допустить фашистов к этим центрам, остановить противника и подготовить контрнаступление.

Сотни тысяч ленинградцев вышли на оборонительные работы. Это была огромная сила, и ее следовало правильно использовать. В двадцатых числах июля, по воспоминаниям начальника инженерного управления фронта Б. В. Бычевского, в кабинете Ворошилова состоялся следующий разговор:

«Главком выразил крайнее недовольство неправильным, по его мнению, распределением рабочей силы.

— Почему у вас так много людей на ближних рубежах к Ленинграду? — возмущался он. — Где вы думаете оборонять город? В Красногвардейске, в Петергофе? Оттуда по городу из орудий можно бить! Почему у вас под Красногвардейском и Колпином рабочих больше, чем под Лугой?

Действительно, в начале июля работы развернулись именно так. Генерал-майор Зайцев, возглавивший строительство тыловых рубежей, сосредоточил главные силы и средства вблизи города. И надо сказать, секретари райкомов партии относились к этому сочувственно, максимум энергии они отдавали созданию обороны поближе к своим предприятиям.

— Пора такое местничество прекратить, — потребовал Ворошилов. — Наряды на отправку людей под Лугу и Новгород надо выполнять в первую очередь.

Главком сердито оглядел нас, словно прикидывая, кому еще дать взбучку. Он побывал в разных местах на строительстве рубежей, видел недостатки работ, тактически неправильное расположение рвов и огневых точек. Зайцев пытался было оправдаться нехваткой военных и технических кадров:

— Один техник на пятьсот строителей, товарищ маршал. За всеми уследить не можем...

Ворошилов резко обрывает его:

— Вы что же, свою вину на рабочих свалить хотите? Выл я сегодня у вас на строительстве, разговаривал с рабочими. Да они скоро нас с вами заткнут за пояс. Послушайте, какие умные вещи говорят! Почему, мол, мы так делаем, что если фашистский танк заберется в ров, то до него не доберешься, а сам он может стрелять оттуда? Выходит, не препятствие мы готовим, а укрытие для немецких танков. Как вам нравится такая критика?..

После той встречи с Ворошиловым основная масса рабочей силы города, инженерные части и материальные средства стали направляться под Лугу».

Одновременно, конечно, продолжалось строительство и под самым городом; как показали события, укреплениягодились и здесь.

В конце июля Ворошилов и Жданов были вызваны в Ставку, где обсуждалась возможность возобновления противником наступательных операций. Через неделю положение под Ленинградом действительно осложнилось.

8 августа с плацдармов за Лугой гитлеровцы перешли в наступление через Копорское плато. Продолжались бои на Карельском перешейке и около Петрозаводска. Ясно вырисовывалось намерение гитлеровского командования окружить и взять город.

Превосходство в силах и средствах по-прежнему было на стороне врага, и, несмотря на героическое

сопротивление советских войск, ему удалось осуществить прорыв. 16 августа наши части оставили Кингисепп, 19-20 августа начались бои в Красногвардейском укрепленном районе. На юге противник 19 августа захватил Новгород и, повернув на север, 20 августа ворвался в Чудово, тем самым перерезав основную артерию Ленинграда — Октябрьскую железную дорогу. На земле, на море, в воздухе сражались советские люди. Тяжело было повсюду, но особенно болезненно воспринималось в войсках господство вражеской авиации.

13 августа главкома ВВС Северо-Западного направления генерал-лейтенанта А. А. Новикова вызвал к себе Ворошилов. Маршал был мрачен:

— Знаете ли вы, что немцы под Новгородом жмут на сорок восьмую армию?

— Да, товарищ маршал.

— Почему же там нет нашей авиации? Акимов^[42] жалуется, что летчики только ночью действуют. Днем они, видимо, летать боятся?

— Товарищ маршал, главные силы под Кингисеппом. А ночные полеты — вынужденные, у нас нет истребителей для прикрытия бомбардировщиков.

— Как, и истребителей нет? — Маршал нахмурился еще больше.

— Товарищ маршал, ведь истребители теперь у нас универсалы: и истребители, и штурмовики, и бомбардировщики. Пилоты по шесть-восемь вылетов в день делают, бывает, что к концу дня люди падают и теряют сознание...

— Но не можем же мы оставить Акимова без прикрытия с воздуха?

Новиков обещал помочь 48-й армии и, воспользовавшись удобным моментом, предложил объединить всю авиацию в одних руках, чтобы иметь

возможность маневрировать ею, перебрасывая на наиболее угрожаемые участки. Маршал согласился.

— Хорошо, только надо посоветоваться в Военном Совете. '

Все свои важнейшие решения, приказы, директивы главнокомандующий Северо-Западным направлением неизменно считал нужным обсудить в Военном Совете: мнение такого авторитетного, выдающегося деятеля партии, как Жданов, очень много значило для него. Жданов, волевой и умелый руководитель, вникал во все детали обороны города и неизменно поддерживал Ворошилова. Не возражал он и в этом случае. Вскоре все силы ленинградской авиации были объединены. Ставка утвердила эту реорганизацию.

С каждым днем боевые действия перемещались все ближе к Ленинграду, в его предместья, и советским войскам не удавалось остановить врага.

20 августа в Смольном, во второй раз с начала войны, собрался партийный, советский, хозяйственный актив города. Настроение собравшихся было очень тревожным, о тяжелом положении знал каждый. И все же, когда Ворошилов, выступавший первым, стал рассказывать о боевой обстановке под Ленинградом и показал на карте, где проходит линия фронта, зал затаил дыхание: настолько близко был враг, настолько реальной была опасность. А Ворошилов анализировал намерения врага, вкратце описал действия советского командования.

— Положение, как видите, довольно трудное, — говорил он, — но у нас есть возможность не только задержать продвижение противника, но разбить его и уничтожить. Имейте в виду, что враг разовьет бешеную атаку, будет применять и авиацию и артиллерию. Артиллерии у нас хватит. Поединок мы с ним организуем неплохой. Надо производить больше снарядов, мин и минометов. Врага мы не только не

пустим в Ленинград, но и расколотим его здесь. Ленинград станет для него могилой!

В этот же день руководители обороны Ленинграда составили два обращения — к войскам и к населению города — с призывом отстоять Ленинград. В приказе к войскам Ворошилов предупреждал о грозной опасности, нависшей над колыбелью пролетарской революции, о недопустимости отступления. «Отдельные бойцы, командиры и политработники преступно забывают воинскую присягу и проявляют в бою позорную растерянность, малодушие и трусость... Нельзя терпеть в Красной Армии подобные позорные факты...» Тут же Ворошилов выражал уверенность: «Ленинград был, есть и навеки останется городом Великого Октября!» Завершался приказ словами: «Ни шагу назад! Бесстрашия, мужества, отваги ждет от вас родной город! Вперед, к победе!»

Бесчисленны подвиги, совершенные защитниками города и в эти, и в последующие критические дни. Однако остановить врага сразу не удавалось. 21 августа Б. М. Шапошников телеграфировал Ворошилову: «В связи с создавшейся обстановкой под Ленинградом Верховный Главнокомандующий срочно предлагает вам представить соображения по плану действия». На следующий день Ворошилов докладывал в Ставку: «22.8.41 г. войска Ленинградского участка Северного фронта ведут бой на фронте общим протяжением до 400 км. На этом фронте действуют 22 стрелковые дивизии. За исключением 5 стрелковых дивизий, боевая ценность остальных низкая. Семь СД из них (1-я гвардейская рабочая, 1-я ДНО, 4-я ДНО, 70-я, 237-я, 128-я и 311-я) имеют в своем составе от 500 до 3000 человек, но не имеют почти совершенно тяжелого оружия пехоты, артиллерии и раций...»

Учитывая слабость своих войск, Ворошилов выдвигал следующий план действий: «1) Ввиду

превосходства сил у противника и усталости большинства наших соединений, а также необходимости пополнить их и привести в порядок, в ближайший период времени предполагается ограничиться обороной, при этом наиболее потрепанные дивизии по очереди будут выводиться в резерв, пополняться людьми, вооружением и приводиться в боевое состояние; 2) Со стороны противника надо ждать активных действий в самое ближайшее время, поэтому не исключена будет необходимость на некоторых участках фронта отхода на тыловые рубежи, а также эвакуация войск, прикрывающих Лужскую губу...»

Одобрив в основном меры по обороне Ленинграда, Ставка 23 августа разделила Северный фронт на два — Ленинградский и Карельский. 29 августа ГКО объединил Главное командование Северо-Западного направления с командованием Ленинградского фронта, а Северо-Западный фронт подчинил непосредственно Ставке. До 5 сентября Попов оставался командующим Ленинградским фронтом, затем — всего на несколько дней — этот пост занял Ворошилов.

Не проходило дня, чтобы Ставка, внимательно следившая за развитием событий под Ленинградом, не принимала того или иного решения, направленного на изменение обстановки. Сталин и Шапошников, насколько это было в их силах, корректировали планы обороны, заботились о пополнении соединений фронта людьми и техникой. Поскольку ситуация под Ленинградом делалась все более тревожной, из Москвы выехала правительственная комиссия в составе Н. Н. Воронова, П. Ф. Жигарева, А. Н. Косыгина, Н. Г. Кузнецова.

До Череповца члены комиссии долетели на самолете, дальше следовали поездом. Но у станции Мга пришлось покинуть его: станцию нещадно бомбили

немецкие самолеты, она горела. Пешком члены комиссии прошли через станцию, на другой ее стороне сели в дрезину и поехали навстречу бронепоезду, высланному из Ленинграда. Такова была тогда обстановка под Ленинградом. Ворошилов и Жданов, до предела озабоченные, встречали комиссию и сразу же сообщили: враг рвется к Ладожскому озеру, чтобы отрезать город от остальной страны, и бомбардировка Мги — часть его наступления.

Впрочем, фашисты наступали и на других направлениях. Они штурмовали укрепления Красногвардейского УРа. 25 августа войска противника захватили Любань, 29-го вышли к Колпину. Обойденные с севера и востока, оказавшиеся в глубоком тылу противника, войска Лужской оперативной группы с невероятным трудом пробивались из окружения, несли большие потери. В конце августа противник захватил Тосно, в последующие дни гитлеровцы вышли к Неве в районе Ивановского и заняли станцию Мга. Ленинград лишился железнодорожного сообщения со страной.

Такой ход событий, разумеется, не мог устраивать Ставку, и в ее директивах руководителям обороны Ленинграда поневоле появляются суровые и, по-видимому, несправедливые нотки. Такова оценка действий командующего Ленинградским фронтом Попова в телеграмме от 1 сентября: «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта. Ленинградский фронт занят только одним — как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончить с героями отступления? Ставка последний раз разрешает Вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда. *И. Сталин. Б. Шапошников.* 6 часов 40 минут. 1.9.41.»

И командование Ленинградского фронта, и рядовые его защитники, и гражданское население не жалели ни

сил, ни самих жизней своих, чтобы отстоять город. Однако перевес сил по-прежнему был на стороне противника. В боях с 30 августа по 9 сентября войска 55-й армии отбили все попытки врага прорвать главную полосу Слуцко-Колпинского УРа. Но на востоке после ожесточенных боев гитлеровцам 8 сентября удалось выйти к южному берегу Ладожского озера и захватить Шлиссельбург. Больше Ленинград не имел связи со страной по суше. Началась блокада.

О потере Шлиссельбурга Ставка узнала 9 сентября из сообщений иностранного радио и потребовала объяснений от комфронта. Ворошилову было и без того тяжело: после сильной артиллерийской и авиационной подготовки немецко-фашистские войска в этот день вновь пошли на штурм Красного Села. Части 3-й гвардейской дивизии народного ополчения 9—10 сентября сражались героически, неоднократно контратаками отбрасывали врага, но все же вынуждены были медленно отступать. 10 сентября в район Красного Села была переброшена 1-я бригада морской пехоты. Около полудня на следующий день маршал сам выехал на угрожаемый участок. У штаба ему попался на глаза начальник инженерного управления фронта.

— Товарищ Бычевский, почему в бригаде морской пехоты нет малых лопат? Чем они окапываться будут?

— Мне это не было известно, товарищ маршал.

— Плохо заботитесь о солдате! В вашем распоряжении полтора часа. Лично доставьте лопаты в бригаду!

Бычевский бросился выполнять распоряжение. Ворошилов, захватив с собой Новикова, поехал в Красное Село.

Сопровождаемая охраной машина промчалась по улицам города. Чем ближе к окраинам, тем чаще улицы перегораживали баррикады — Ленинград готовился

драться до конца. На КП 42-й армии генерал-лейтенант Ф. С. Иванов доложил:

— Немцы вплотную прижали 3-ю гвардейскую дивизию к Красному Селу, шоссе на Ропшу перерезано, и они пытаются обойти город с двух сторон. Положение тяжелое, сил в резерве нет.

— Их нет и у меня! — резко ответил маршал. — Отдал тебе последнее — пятисотый стрелковый и моряков. Поедем посмотрим, как вы воюете.

Ехали на машине, пока было можно, потом шли... Впереди бушевал бой, тянуло дымом и гарью. Наконец добрались к морякам: они изготавились к атаке.

Командующий фронтом стоит перед шеренгой морских пехотинцев. На позициях врага рвутся снаряды — это артиллерия кораблей Балтийского флота расчищает путь товарищам. В небе — вой истребителей, смертный бой идет и там. Лица бойцов суровы, многие сняли каски, и порывистый ветер с залива треплет ленточки бескозырок. Он же доносит до защитников города Ленина слова маршала о Родине, о партии, о присяге. Вот он прерывает речь: «За мной, ребята! Вперед!» — и молодо, подняв над головой руку с пистолетом, бежит в сторону врага. За ним, обгоняя, окружая его, хлынула лавина морских бушлатов...

Атака была удачной. Но вскоре фашисты контратаковали... С пригорка, прикрытого редким кустарником, маршал наблюдал за боем. Поблизости рвались снаряды и мины, но Ворошилов во весь рост ходил по пригорку и отмахивался от предложений уйти в укрытие. Настойчивого начальника охраны и вовсе оборвал:

— Если боишься, то прячься! Я тебя не держу...

Вечером этого дня, составляя донесение в Ставку, он писал: «На протяжении двух месяцев все наши усилия были направлены к созданию сильной ударной группировки, с тем, чтобы, вырвав у противника

инициативу, перейти к активным действиям. Казалось, этому способствовали сформированные нами четыре дивизии народного ополчения, три гвардейские дивизии народного ополчения, стрелковая дивизия НКВД и четыре стрелковые дивизии, присланные нам Ставкой.

К сожалению, эти дивизии, сформированные разновремененно, к тому же совершенно необученные и слабо вооруженные автоматическим оружием, по необходимости приходилось бросать на наиболее угрожаемые участки фронта.

Так было во второй половине июля при одновременных ударах противника на Петрозаводск, Олонец и Ивановское.

В середине августа это повторилось в большом масштабе, когда противник одновременно с прорывом нашего фронта на Новгородском направлении разрезал 8-ю армию в Эстонии, повел наступление на Красногвардейском направлении и на Карельском перешейке. То же самое произошло в конце августа и первых числах сентября, когда противник одновременно наступал на трех направлениях: Мгинском, Красногвардейском и Карельском».

Ставка сочла необходимым изменить руководство Ленинградским фронтом. 9 сентября в Ленинград вылетел генерал армии Жуков. Вскоре он вступил в командование войсками^[43].

Смещение Ворошилов переживал тяжело. Очевидец рассказывал, что, прощаясь с работниками штаба, маршал говорил:

— До свидания, товарищи! Отзывает меня Верховный... — Помолчал и добавил: — Так мне, старому, и надо!...А в том, что разгромим мы здесь фашистскую сволочь, ни минуты не сомневайтесь!

Ставка, конечно, тогда имела достаточно поводов быть недовольной ходом боевых действий под Ленинградом. Но при оценке их сегодня, когда мы располагаем более или менее точными цифрами, следует исходить прежде всего из несомненного превосходства гитлеровских войск в силах и средствах на Северо-Западном направлении. Даже краткие сведения о боевых действиях на этом участке фронта, приведенные выше, показывают, что Главнокомандующему Северо-Западным направлением все время приходилось руководить войсками, отбивавшими натиск превосходящих сил врага. Инициатива все время была у гитлеровцев, они наносили удары своими бронированными соединениями в наиболее уязвимых направлениях, и перед Ворошиловым все время стояла необходимость затыкать возникающие бреши. Тем не менее: если за первые 19 дней войны, до 10 июля 1941 года, фашистские войска на Северо-Западном направлении сумели продвинуться на 500 километров (в среднем по 26 километров в сутки), то за 30 дней наступления в июле и августе они смогли преодолеть только 150 километров (то есть по 5 километров в сутки). В августе же и сентябре этот темп был еще меньше — по 2,2 километра в сутки. За это продвижение немецко-фашистские войска платили высокую цену — и людьми, и техникой. Но Ленинград они не взяли. Тем самым план «Барбаросса» был сорван и на северном участке фронта, «блицкриг» не состоялся и здесь.

Обстановка на всем советско-германском фронте осенью 1941 года была грозной: достаточно вспомнить неудачу наших войск в сентябре восточнее Киева и окружение под Вязьмой в начале октября. Такого рода неудачи в первую очередь надо объяснять не свойствами командующих армиями и фронтами, хотя они, эти свойства, имеют немаловажное значение, а

общим соотношением сил и средств. Это соотношение, как известно, было далеко не в пользу наших войск. Не может быть забыто и то, что в успехе отражения вражеского штурма в сентябре под Ленинградом есть и значительная доля труда, сил, нервов предыдущего командующего фронтом — Ворошилова.

С тяжелым чувством оставил он Ленинград. Желание что-то сделать для осажденного города не покидало его, и поэтому он охотно поехал вновь на Ленинградский фронт, в 54-ю армию.

Эта армия еще 2 сентября начала сосредотачиваться в районе Новая Ладога — Волховстрой — Тихвин. Ей удалось воспрепятствовать продвижению войск противника к востоку от Мги. Но другую свою задачу — прорыв кольца, сомкнувшегося вокруг Ленинграда, — армия выполнить не смогла. Когда в ночь на 20 сентября у Московской Дубровки 115-я стрелковая дивизия, переправившись через Неву, захватила плацдарм на ее левом берегу, соединения 54-й армии не смогли пробиться на помощь ленинградцам с востока. Немалая доля вины в том падала на командующего армией Г. И. Кулика. Ворошилов знал его хорошо еще со времени боев на Украине весной 1918 года, знал его храбрость и преданность, но как командующий армией Кулик оказался не на высоте. 25 сентября он был смещен, а на следующий день пришлось прекратить наступление армии. Первая попытка деблокады Ленинграда не удалась. 54-я армия не смогла прорвать кольцо, но она отвлекла соединения 39-го механизированного корпуса фашистов, которые в противном случае участвовали бы в штурме Ленинграда.

29 сентября Ворошилов возвратился в Москву и сразу же получил новое задание — теперь уже дипломатическое.

29 сентября — 1 октября 1941 года в Москве состоялась конференция трех держав. В советскую делегацию входили Сталин и Ворошилов, от Великобритании — лорд В. Бивербрук, от США — А. Гарриман. Пока Сталин вел нелегкие дискуссии с главами делегаций союзников, в подкомиссиях по армии, флоту, ВВС обсуждались конкретные вопросы. Переговоры были очень сложным делом: и в Англии, и в США имелось достаточно людей, которые не желали помогать Советскому Союзу, а предоставление помощи обставляли кабальными условиями, на что, разумеется, советские руководители не могли пойти. Все же удалось договориться об организации поставок в СССР вооружения и сырья.

Но надеяться на скорую помощь союзников не приходилось, а обстоятельства складывались тяжелые.

30 сентября — 2 октября фашистская группа армий «Центр» начала операцию «Тайфун», имевшую целью захват Москвы. Уже в первые дни противнику удалось окружить под Вязьмой и Брянском несколько наших армий. Москва была в опасности. В ночь на 5 октября ГКО принимает решение о ее защите. На Можайскую линию — главный рубеж обороны — направлялись все наличные силы и средства. Их очень мало, и для помощи командованию фронта ГКО посылает в район Гжатска и Можайска своих представителей — А. М. Василевского, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова.

Опять перед Ворошиловым горькие дороги отступления, как в июне под Могилевом, а в июле — августе под Ленинградом. Бредут навстречу беженцы и, что гораздо хуже и тревожнее, отдельные бойцы и командиры. Они вырвались из окружения, они потеряли свои части и командиров, их надо собрать, вооружить, вновь повести в бой. Выходят и целые соединения, с оружием и командирами, решительными,

хладнокровными и инициативны-» ми. Этих надо только одобрить, направить — и они будут сражаться, сражаться до конца: ведь позади Москва, и отступить некуда! Воля советских воинов не сломлена!

Вот в небольшом одноэтажном домике, в помещении штаба фронта, перед Ворошиловым навтыжку стоит рослый и статный красавец генерал. Он только что со штабом армии, присоединив по пути ряд частей и соединения, с боем вышел из окружения. Но маршал суров:

— Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся под Вязьмой...

Генерал предъявляет письменный приказ. В разговор вступает только что прибывший новый командующий фронтом — Г. К. Жуков. Он дает указания генералу, и тот уходит, чтобы немедленно поспешить к Волоколамску. Через неделю-другую его будет знать вся страна, и имя его навечно войдет в историю нашей Родины — это Константин Рокоссовский.

День следует за днем, без сна и отдыха. 12 октября Ворошилова отзывают в Москву.

Гитлер давно и много раз на словах уничтожал Красную Армию. Если верить его речам, то в октябре 1941 года перед вермахтом практически нет боеспособных советских дивизий. Нет их и в советском тылу: в этом убежден Гитлер, в это верят его генералы, в этом старается убедить других и адмирал Канарис, начальник абвера, военной разведки. Однако все они жестоко ошибаются.

Глубоко в тылу согласно решению ГКО формировались 10 резервных армий. Главное управление формирования и укомплектования войска РККА (Главупраформ), возглавляемое Е. А. Щаденко, ежедневно сообщало в Москву, как готовятся резервы.

Ворошилову было поручено контролировать формирование и обучение резервных частей и соединений.

13 октября он выехал в глубь страны. Инспектируемые им войска формировались в Московском, Приволжском, Уральском, Южно-Уральском и Среднеазиатском военных округах. Огромные расстояния и постоянные разъезды — вот измерения жизни маршала в течение последующих 14 месяцев.

Создание резервных соединений было исключительно сложным делом: наша страна ощущала недостаток во всем. Мало было собрать необходимое количество людей (людские ресурсы не безграничны, рабочие руки требовались и на заводах, и в колхозах), но этих людей следовало одеть, и одеть тепло — близилась зима, накормить, а продовольствия остро не хватало, обучить — подавляющее большинство их не служило в армии — и главное — вооружить, вооружить, вооружить! Промышленность страны в ту осень не была в состоянии производить все необходимое армии: важные промышленные области захватил враг, эвакуированные на восток предприятия еще не развернули производство. Армия нуждалась в самых существенных видах вооружения — не хватало даже винтовок.

И все же резервы готовились, не могли не готовиться: враг вел наступление на Москву, и вся страна участвовала в решающей схватке. Воля советского народа, его благородные цели в войне, его решимость отстоять свое социалистическое Отечество были с исчерпывающей полнотой охарактеризованы в речи И. В. Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 года. Эта речь широко известна, но отнюдь не все знают, что в этот день и в Куйбышеве, где тогда

находились высшие государственные, партийные, военные учреждения страны^[44], состоялся парад.

Командовал парадом генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. Ровно в десять утра на площадь выехал Ворошилов. Объехав войска, он поднялся на трибуну и произнес речь. Маршал говорил о тяжелом положении нашей страны, об опасности, о суровой борьбе, о том, что гитлеровцы бросают на фронт все новые и новые полчища.

— Мы обязаны все эти полчища истреблять дочиста, без остатка. Это наш великий и святой долг. Мы защищаем свою Родину, свой дом, наше великое будущее. Мы будем биться, истреблять фашистских разбойников, сколько бы их ни было, и так долго, сколько требуется для их полного уничтожения. Гитлер с его фашистским генералитетом жестоко ошибается, полагая, что Красная Армия, советский народ уже накануне истощения своих сил... Нет, господа фашисты. Вооруженные Силы, боевые резервы и ресурсы страны Советского государства еще настолько велики, что их больше чем достаточно, чтобы воевать с вами до вашей полной гибели, до вашего уничтожения вчистую!

Ворошилов хорошо знал, что говорил: он был одним из тех, кто приводил эти ресурсы нашего народа в действие. Время в ту пору у него было расписано по минутам. Вот только один день — 25 ноября 1941 года^[45].

С утра Ворошилов проверил, как идет передислокация штаба и соединений 61-й армии в район Рязск — Раненбург — Мичуринск. Он ознакомился с укомплектованием дивизий, дал распоряжение точно установить местонахождение эшелонов и барж с оружием, проследить, чтобы они прибыли вовремя. Затем вместе с областными партийными и советскими

руководителями маршал осмотрел строительство запасного оборонительного рубежа, причем остался недоволен и выбором места, и темпами работ. После этого он побывал в обкоме ВКП(б) на совещании партийных работников, направленных для службы в армию, и произнес перед ними речь. Наступил вечер, но рабочий день маршала далеко еще не закончился. Помощник его — Л. А. Щербаков — записал в дневнике: «В 20.00 маршал принял командующего армией т. Попова и члена Военного Совета т. Колобякова.

В 21.00 маршал заслушал доклад генерал-лейтенанта т. Чибисова о проделанной работе группы командиров по организации боевой подготовки и сколачиванию частей армии.

В 22.00 маршал принял зам. начальника Управления НКВД т. Осетрова.

В 23.00 маршал прибыл в обком, откуда разговаривал по телефону с т. Щаденко о состоянии дивизий — о неукomплектованности армии, полков связи, дивизий личным составом, вооружением и имуществом.

(Разговаривал) с т. Хрулевым о необходимости быстрее снабдить отправленные (на фронт) дивизии всем положенным.

В 0.20 (26 ноября) маршал разговаривал по телефону с начальником ГАУ т. Яковлевым о снабжении дивизий вооружением.

В 0.35 (разговаривал) с т. Василевским, который проинформировал об обстановке на фронтах.

Кроме того, в 0.50 маршал выяснил с т. Найденовым положение со снабжением дивизий средствами связи и отправкой телефонного кабеля в 325 и 326 сд.».

Эти последние дивизии входили в состав 10-й армии, штаб которой разместился в городе Кузнецке Пензенской области. Командующий генерал-лейтенант Ф. И. Голиков выехал из Москвы в Кузнецк 26 октября. В

назначенных местах дивизии сосредоточились лишь 8 ноября. Днем же 24 ноября Голиков получил распоряжение двигаться на фронт. Таковы были тогда темпы! На 22 ноября три стрелковые дивизии — 324, 325 и 326-я — совершенно не имели вооружения. Тем не менее 2 декабря армии надлежало быть на фронте: защитники Москвы изнемогали, им требовалась помощь. На ходу, на железнодорожных станциях, нередко и на местах выгрузки получали бойцы винтовки, ручные пулеметы, теплое обмундирование...

Ворошилов инспектировал войска и этой армии. На дивизионном учении в 322-й дивизии он побывал в большинстве частей, расспрашивал командиров и политработников:

— Каково настроение бойцов? За этим надо следить!

— Как устроены люди? Сыты ли? Теплое обмундирование получили? Торопите снабженцев, зима, видно, будет лютой.

— Есть ли больные? Как с госпиталями? Не стесняйтесь привлекать местные силы, советские люди всегда помогут.

Зная, что большинство бойцов и командиров армии еще не участвовало в боях, маршал считал необходимым напомнить:

— Главное — преодолеть танкобоязнь! Учите бойцов бороться с танками... И непременно добивайтесь победы в первом бою. Хоть маленькой, но победы!

В короткий срок 10-я армия общей численностью около 100 тысяч человек была создана и переброшена к фронту. Воины ее располагали 65 632 винтовками, 2 тысячами ручных и станковых пулеметов, 1209 автоматами, 249 орудиями полковой и дивизионной артиллерии, 237 батальонными и 18 полковыми минометами, 27 малокалиберными зенитными орудиями, 69 противотанковыми 45-миллиметровыми орудиями... Из этого перечня видно, что армии многого

еще не хватало. Тем не менее это была немалая сила. В подобных условиях в то время приходилось создавать и другие резервные соединения и объединения. Фронт ждал, требовал резервов...

Наличие в тылу таких армий было реальной, более того — решающей помощью фронту. Советские люди, пусть недостаточно вооруженные и обученные, шли в бой, спасая свою столицу — Москву, свое Отечество. 6 декабря 1941 года 10-я армия, одна из трех резервных армий, предоставленных в распоряжение командующего Западным фронтом, перешла в контрнаступление на левом фланге фронта против войск генерала Гудериана. В битве под Москвой эта армия, как и другие резервные армии, достигла крупных успехов. Не будет преувеличением сказать: исход битвы под Москвой был предрешен тем, что партия и советский народ смогли вовремя сформировать, вооружить, обучить и перебросить на фронт новые армии.

С наступлением суровой зимы сражения на огромном советско-германском фронте, от Заполярья до Крыма, не прекращались. По-прежнему требовались резервы и всю зиму 1941/42 года Ворошилов провел в разъездах. Выполнял он и другие важные поручения Ставки.

Начиная с 1942 года Ставка при осуществлении крупных операций, в особенности когда в них участвовали два или более фронтов, направляла на этот участок своих представителей. Они располагали большими правами, но и несли немалую ответственность. Представитель Ставки оказывал помощь командованию, отвечал за составление детального плана операции, за правильную подготовку войск, за взаимодействие фронтов в ходе операции, за бесперебойное снабжение войск, а в итоге — за выполнение задачи. В свое распоряжение

представитель Ставки получал небольшую группу командиров Генерального штаба и соответствующие средства связи. Как правило, одновременно на фронт направлялись и представители специальных родов войск. 15 февраля 1942 года по приказу Ставки на Волховский фронт выехал Ворошилов.

В осажденном Ленинграде голод косил сотни тысяч людей. Стремясь помочь городу, войска Волховского фронта с 13 января 1942 года вели наступательные действия, имевшие целью прорыв блокады. Войска 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова сумели прорвать оборону противника на реке Волхове и продвинулись на 75 километров в направлении Любани. Фашистские войска, однако, не только оборонялись, но и стали пытаться перехватить горловину прорыва у Мясного Бора (ширина его здесь не превышала 13 километров) и тем самым отрезать 2-ю ударную армию.

Ставка была недовольна развитием операции. Ворошилов передал командующему фронтом генералу армии К. А. Мерецкову требование Ставки активизировать наступательные действия на Любаньском направлении. Затем маршал отправился в войска и побывал почти во всех армиях фронта. Особенно тщательно он знакомился с состоянием частей 2-й ударной армии. Несколько дней Ворошилов провел вместе с бойцами 13-го кавалерийского корпуса генерала Н. И. Гусева. Корпус этот наиболее глубоко прорвался в тыл врага, но дальнейшее его продвижение застопорилось. Побеседовав с бойцами и командирами, обследовав на месте состояние частей, Ворошилов убедился, что они не смогут достичь поставленной цели. Повсюду был большой некомплект подразделений и частей, бойцы устали. Суровая зима, недостаточное снабжение продовольствием и боеприпасами, господство вражеской авиации — все это сказывалось

на их настроении. Отметим Ворошилов и неумелую организацию наступления.

Обо всем этом маршал доложил в Ставке. Ему было велено возвратиться на Волховский фронт. 9 марта вместе с ним туда прилетели член ГКО Г. М. Маленков и заместитель командующего ВВС Красной Армии А. А. Новиков.

Совместно с командованием фронта были приняты меры к продолжению Любаньской операции, но успеха она все же не принесла. Силы наших войск иссякли, а противник, перейдя в середине марта в наступление, 19 марта сумел перерезать горловину прорыва к западу от Мясного Бора. 2-я ударная армия оказалась в окружении. С этого момента на протяжении более 3-х месяцев (до конца июня) в условиях весенней распутицы наши войска вели ожесточенные бои по прорыву окружения.

Но Ворошилов их свидетелем не был: 25 марта его отозвали в Москву. Близилась весна, она предвещала расширение военных действий и, как следствие, потребность в новых обученных и вооруженных дивизиях. Вновь Ворошилов в непрерывных поездках. Но теперь было очевидно: самое трудное позади, войска получают все больше и больше оружия и техники, у них есть время подготовиться. Разбирая 12 июня 1942 года итоги двустороннего учения в частях 139-й стрелковой дивизии, Ворошилов говорил:

— Второй раз я присутствую на занятиях вашей дивизии. Если в первый раз дело вышло не совсем хорошо, то сегодня все три полка выглядели значительно лучше... Каждый час, каждая минута должны быть разумно вами попользованы. Каждый последующий час должен наращивать новые знания и навыки в боевой подготовке. Урон врагу нанесет только тот, кто хорошо овладеет военным делом!

Всего за время работы с резервами Ворошилов и подчиненные ему инспекторские группы приняли участие в подготовке 64 стрелковых и 8 кавалерийских дивизий, 58 бригад, 11 армий. Это был огромный труд.

Летом 1942 года на советско-германском фронте вновь развернулись колоссальные сражения. Под Сталинградом советские солдаты истребляли лучшие вражеские дивизии. Тем временем наши союзники — правительства Великобритании и США — не думали выполнять своего обещания открыть в 1942 году второй фронт в Европе. Поскольку нарушение этого обещания серьезно сказывалось на состоянии союзнических отношений, в Москву для объяснений с советскими руководителями пожаловал премьер-министр Великобритании сэр Уинстон Черчилль.

Вечером 12 августа 1942 года в Кремле Черчилль и А. Гарриман были приняты Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. Беседа с самого начала приняла напряженный, а по временам даже и слишком острый характер. Черчиллю приходилось нелегко, так как он был вынужден под любыми предлогами, часто и надуманными, объяснять, почему же союзники считают невозможной высадку в Северной Франции и тем самым фактически отказываются помочь Красной Армии, несущей основную тяжесть схватки с вермахтом. Разговор на эту тему был Черчиллю «крайне неприятен», по его собственному признанию в мемуарах.

И на этом заседании, и на последующих Черчилль пытался убедить Советское правительство, что планируемая союзным командованием высадка войск в Северной Африке может решающим образом сказаться на положении в Европе. О том же шла речь и 15 августа 1942 года на встрече военных представителей союзников с Ворошиловым, Шапошниковым и Вороновым.

Начальник генерального штаба Великобритании А. Брук долго говорил о невероятных трудностях, с которыми столкнутся союзники при попытке высадки десанта в Северной Франции. Советским военачальникам, уже 14 месяцев на практике решавшим такие проблемы ведения современной войны, которые и не снились англо-американским генералам, доводы Брука не могли не казаться более чем отговорками, даже и смешными. Столь же неубедительными для них были и рассуждения маршала авиации А. Теддера, пытавшегося уверить слушателей, будто англо-американская авиация, располагавшая уже и тогда многими тысячами совершенных боевых машин, не в Состоянии обеспечить десанту прикрытие с воздуха. Ворошилов долго выслушивал союзников молча и наконец спросил:

— Почему же для такой важной десантной операции Англия выделяет только шесть дивизий из двадцати имеющихся в наличии?

Генерал Брук долго не хотел говорить прямо, что английское правительство не намерено высаживать десант во Франции, а готовится к операции «Факел» в Северной Африке.

— Какими силами и когда эта операция будет осуществляться? — немедленно поинтересовался Ворошилов.

Генерал Брук и здесь предпочел уйти от прямого ответа, сославшись на то, что не уполномочен Черчиллем подробно говорить об этой операции.

Зато сами союзники очень хотели получить важные и, несомненно, глубоко секретные сведения. Это обнаружилось, когда командующий английскими войсками в Юго-Восточной Азии фельдмаршал А. Уэйвелл задал следующий вопрос:

— Нас интересует обстановка на Кавказе, ибо ухудшение ее создает угрозу нашим войскам на

Ближнем Востоке и в Индии. Было бы желательно, чтобы вы, — он обратился к Ворошилову, — получили разрешение вашего правительства вести переговоры по вопросу о Кавказе.

Давний интерес англичан к Кавказу, к его нефти был хорошо известен, и напрасно Уэйвелл пытался замаскировать преследуемые им цели.

— Нам не требуется какого-то специального разрешения правительства, — отвечал Ворошилов, — чтобы обменяться мнениями о ходе сражений на Северном Кавказе. Такое согласие будет необходимо, если мы вознамеримся принимать конкретные решения.

После небольшого перерыва, на втором заседании Уэйвелл вновь настойчиво просил рассказать о положении на Кавказе. Было очевидно, что английские военачальники, сбитые с толку своими «экспертами», всерьез опасались за Кавказ. Эти «эксперты» предсказывали английскому правительству окончательный разгром Красной Армии еще в июле — августе, затем осенью 1941 года, а летом 1942 года вновь стали со дня на день ожидать крушения Советского государства и настойчиво убеждали в его близости свое начальство^[46].

— Мы не собираемся отдавать Кавказ, — голос Ворошилова был тверд, — и абсолютно уверены, что в ближайшее время немцы будут там остановлены. Принимаются надежные меры к удержанию этого, — маршал усмехнулся, — крайне важного и для нас района.

Теперь разговор продолжил Брук:

— Какими силами вы располагаете на Кавказе?

— Сил и средств у нас здесь не меньше, чем у немцев, — отвечал Ворошилов, — что-то около 25 дивизий. А ведь наступают они, мы обороняемся...

После этого зашла речь о возможной помощи англичан. Брук долго распространялся на тему о союзнической верности Великобритании. Наконец Ворошилов не вытер* пел:

— Хотелось бы знать конкретно, какую помощь мы можем получить?

И тут выяснилось, что можно рассчитывать лишь на восемь авиационных эскадрилий, и то только после успешного завершения операции в Северной Африке! В качестве же предварительного условия такой «щедрой» помощи англичане хотели бы ввести на Кавказ свои аэродромные части и подразделения. На это Советское правительство никак не могло пойти. Когда же Ворошилов и его коллеги возвратились к разговору об открытии второго фронта, Брук стал раздражаться.

— Бесполезно продолжать наш разговор! — заявил он. — Операция проведена не будет!

Черчилль в мемуарах писал, что «в конце концов Брук даже повел себя несколько резко, и военное совещание было прервано довольно внезапно». Поскольку было ясно, что решение отложить открытие второго фронта не будет пересмотрено союзниками, Советское правительство не стало обострять отношений, так как это лишь ослабило бы антифашистскую коалицию. Приходилось рассчитывать только на свои силы.

В приволжских степях, у города, который когда-то защищала 10-я армия Ворошилова, шло решающее сражение второй мировой войны. Момент был очень напряженным, и советские люди как на фронте, так и в тылу использовали все ресурсы, имевшиеся в их распоряжении. Необходимо было активизировать также и сопротивление на оккупированной территории, поддержать, развить партизанское движение.

С первых недель войны советские партизаны были весьма серьезным противником гитлеровских

оккупантов, и Ворошилов еще летом 1941 года немало сделал для развертывания партизанской войны в Ленинградской области. Но то было только начало. За прошедший год, несмотря на испытания и потери зимой 1941/42 года, партизаны стали грозной силой. Ставка учитывала возможность их использования при проведении тех или иных операций на фронте. Для централизации действий партизан 30 мая 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с П. К. Пономаренко. Штаб координировал действия партизанских отрядов, посылал своих представителей в тыл врага, вызывал партизанских вожakov в Москву, устраивал их совещания. В конце августа в Москву из Брянских лесов прилетела большая группа руководителей партизанских соединений.

И. А. Гудзенко, М. И. Дука, Д. В. Емлютин, С. А. Ковпак, М. П. Ромашин, А. Н. Сабуров очень волновались, когда 31 августа их позвали в Кремль. Приняли партизан глубокой ночью: рабочий день Сталина заканчивался далеко за полночь, можно сказать — утром. Кроме него, в кабинете были Ворошилов и Молотов.

Нерешительно столпились партизаны у двери. Первым пришел в себя Ковпак, старший по возрасту. Вытянув по давней солдатской привычке руки по швам, он начал докладывать:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий...

Но Сталин прервал его. Выйдя из-за стола и подавая руку, он сказал:

— Вольно, вольно, товарищи!

Познакомились. Ворошилов засмеялся, когда Ковпак представился:

— Так вот он какой, этот Ковпак!

Началась беседа, и в ней Сталина и Ворошилова интересовало все: и обстановка на оккупированной территории, и мероприятия гитлеровцев, и отношение

жителей к партизанам, и снабжение партизан, и их тактика. Вопросы следовали один за другим:

— Зачем вам столько пулеметов? Что вы делаете с минометами? Зачем вам артиллерия? Нужно ли партизанам такое тяжелое и громоздкое оружие? А для чего вы захватываете города? Всегда ли вы в состоянии их удержать? Почему вы стремитесь сохранить определенную территорию?..

Особо интересовались Сталин и Ворошилов рейдовой тактикой соединений Ковпака и Сабурова. В конце беседы они предложили этим партизанским руководителям подумать: могут ли их соединения отправиться в рейд на Правобережную Украину, туда, где партизанское движение еще не развернулось широко? На немедленном ответе не настаивали.

Подробно и точно руководители правительства отвечали на вопросы партизан. Кто-то спросил:

— Будет ли второй фронт и когда?

Сталин, как всегда расхаживавший по кабинету с трубкой в руках, ответил:

— Будет, обязательно будет, но только тогда, когда он потребуется самим нашим союзникам. Пока что, — он засмеялся, поглядывая в сторону Ворошилова, — вы и есть наш второй фронт!

Завершая совещание, Сталин поинтересовался, как устроили партизан в столице.

— Они живут в гостинице «Москва», — отвечал Ворошилов, — и ведут себя очень скромно. Непохоже, что лесные бродяги, — пошутил он, — даже от банкета отказались, который им дирекция гостиницы устроить собралась.

— И правильно, — бросил Сталин. — Сейчас не время для банкетов...

Вопрос о рейде обсуждался на следующий день. Теперь Сабуров и Ковпак продумали все, на карте они показали, куда и как намерены двигаться.

Переправиться через Днепр Сабуров намеревался у Лоева. Это вызвало вопрос у Ворошилова:

— А почему не ниже Киева?

— Нам будет трудно пройти по открытому, безлесному месту с обозом. На предполагаемой же трассе есть и леса, и партизанские отряды. Да и гарнизон в Лоеве слабый, мы его легко собьем...

Но Ворошилов неудовлетворен:

— Почему вы выбираете такой маршрут, при котором придется форсировать три реки подряд: Десну, Днепр и Припять? Не лучше ли пройти по Дымерскому мосту?

— Ни в коем случае! — согласно восклицают Ковпак и Сабуров. Они объясняют причины, побуждающие их действовать так, а не иначе. Видя, что партизанские руководители исходят из богатого опыта боев с фашистами, Сталин подводит итог:

— Товарищи хорошо продумали маршрут, надо его утвердить.

После этого зашла речь о местах базирования соединений на Правобережной Украине. Показывая Сабурову на карте деревню Волавск на границе Украины с Белоруссией, Ворошилов говорил:

— Здесь хорошее поле клевера, ровное, гладкое, хорошее будет посадочное поле для самолетов. Да и место вокруг подходящее: болота, дороги плохие, крупные населенные пункты далеко.

Сабуров был явно удивлен подобными познаниями, а Ворошилов продолжал рассказывать об Олевском, Новоград-Волинском, Лугинском районах, называл глухие деревни, характеризовал местность. Заметив наконец изумление партизан, он засмеялся:

— Да я там лет десять подряд охотился! Потому и знаю эти места. Запасайтесь ружьями, дичи там... — И он покрутил головой.

В ходе дальнейшего разговора Сталин спросил, чем надо помочь. Ковпак и Сабуров тут же составили заявки, и Верховный их утвердил.

— Мы можем теперь дать вам все, — заметил он, — и оружие, и боеприпасы. Лишь бы вы дрались хорошо!

На прощание Ворошилов поинтересовался, потребуется ли снабжать партизан продовольствием.

— Нет, не надо, — уверил Ковпак, — на пути будут фашистские заготовительные базы; хватит и нам, и населению перепадет кое-что...

Итоги этого совещания послужили материалом для приказа Верховного Главнокомандующего № 0189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». Приказ требовал «добиться, чтобы партизанское движение развернулось еще шире и глубже, чтобы партизанская борьба охватила широчайшие массы народа на оккупированной территории. Партизанское движение должно стать всенародным». На следующий день ГКО учреждает должность главнокомандующего партизанским движением. Этот пост занимает Ворошилов.

Партизанское движение должно быть всенародным — этим девизом руководствовался Ворошилов на новом посту. К сентябрю 1942 года положение страны было не из легких. Защитникам Сталинграда надо помочь. И в приказе Ковпаку и Сабурову от 15 сентября 1942 года Ворошилов пишет: «Противник из далекого тыла перебрасывает свои резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт и вывозит из нашей страны в глубь Германии награбленное имущество и хлеб. Районы Житомирской и Киевской областей, расположенные в правобережной части Украины, с наиболее развитой сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки являются стратегически важными пунктами... Именно здесь широко поставленная народно-партизанская война

позволит нанести врагу серьезный удар с тыла и тем самым окажет неоценимую услугу Красной Армии...»

Ворошилов следил за подготовкой соединений Ковпака и Сабурова, за отправкой им обещанного оружия и боеприпасов. В октябре 1942 года партизаны ушли на запад. Героические их дела хорошо известны.

В сентябре были предприняты специальные меры, имевшие целью расширение партизанской войны. 9 сентября формируется Белорусский штаб партизанского движения. 18 сентября утвержден план практических мероприятий по осуществлению приказа № 0189. План предусматривал установление бесперебойной двусторонней связи с партизанскими отрядами и партийными органами в тылу врага, подготовку партизанских кадров, организацию материально-технического обеспечения партизан и подпольщиков.

В конце сентября Ворошилов провел совещание с некоторыми руководителями белорусских партизан. Маршал внимательно слушал рассказы белорусских товарищей, задавал вопросы, делал пометки. Наибольший интерес проявил он к тактике партизанской борьбы. Что выгоднее: удерживать освобожденную территорию в тылу врага или же непрерывно двигаться, рейдировать; какие отряды иметь: крупные и тем самым менее маневренные или же достаточно сильные, но не чрезмерно большие, чтобы иметь возможность уклоняться в случае столкновения с более сильным противником?

На посту главнокомандующего партизанским движением Ворошилов пробыл, однако, недолго. 18 ноября 1942 года Политбюро рассмотрело вопрос организации и руководства партизанским движением и сочло необходимым упразднить пост главнокомандующего партизанским движением. 15

декабря этого же года Ворошилов получил новое задание.

Ставка направила его на Ленинградский и Волховский фронты для координации их действий при прорыве блокады Ленинграда.

На протяжении 1942 года бои под Ленинградом не прекращались. Гитлеровское командование вновь вознамерилось было взять город штурмом и уже перебросило сюда освободившиеся после падения Севастополя дивизии 11-й армии Манштейна. Упреждая врага, советское командование в сентябре — октябре провело Синявинскую наступательную операцию, но она не дала ожидаемого результата — деблокады Ленинграда. Немецко-фашистское командование, в свою очередь, было вынуждено отказаться от штурма города.

Прорвать блокаду было решено на узком шлиссельбургско-синявинском выступе, разделявшем войска Волховского (командующий — генерал армии К. В. Мерецков) и Ленинградского (командующий — генерал-лейтенант Л. А. Говоров) фронтов. 8 декабря Ставка отдала директиву командующим фронтами. Через неделю в Ленинград вылетел Ворошилов.

Прошло 15 месяцев, как в сентябре 1941 года он покинул этот город. Невиданные в истории испытания перенесли его защитники и жители. Но теперь самое страшное было позади, и мысли ленинградцев, ритм их жизни были подчинены одному — грядущей победе.

Достичь этой победы будет нелегко — в этом Ворошилов убедился, когда ознакомился с обстановкой на том участке фронта, где предстояло наступление. Только полтора десятка километров разделяло здесь наши войска, но то были особые километры. Гитлеровцы, прекрасно понимая важность этого участка и считая его наиболее уязвимым, постарались укрепить синявинско-шлиссель-бургский выступ (они называли

его «фляшенхальс» — бутылочное горло). Лесисто-болотистая местность представляла чрезвычайно выгодные условия для обороны. На востоке, где должны были наступать войска 2-й ударной армии генерал-лейтенанта В. З. Романовского, — сплошные минные поля и болота изрытых глубокими канавами Синявинских торфоразработок, практически непроходимые для танков и тяжелой артиллерии. Немцы построили здесь мощные опорные пункты. Вот что представлял собой опорный пункт роща «Круглая», за который в сентябре 1942 года так долго сражались и который тогда не удалось взять. Эта возвышенность, господствовавшая над окружающей болотистой местностью, имела около 100 пулеметных и оружейных точек, сплошную сеть проволочных заграждений, минные поля, два дерево-земляных вала. Зимой немцы облили вапы водой, и лед делал их, казалось, неприступными.

С запада, где должны были наступать войска 67-й армии генерал-лейтенанта М. П. Духанова, оборона врага проходила по возвышенному и крутому берегу Невы. Само по себе гладкое пространство замерзшей реки, шириною 500–800 метров, представляло очень серьезное препятствие. Но дальше было хуже: обледенелые скаты левого берега Невы высотой до 12 метров, опутанные проволокой, сплошь заминированные, простреливались перекрестным огнем пулеметов и орудий врага. Огневых точек здесь насчитывалось по 30–40 на километр, они были укрыты в каменных зданиях и блиндажах. В пяти метрах от обрыва шла первая траншея, в 300–400 метрах от нее — вторая, затем — третья... Перед каждой — минные поля и проволочные заграждения. К тому же плотность войск врага была здесь вдвое выше, чем это предписывалось немецкими уставами. Не мудрено, что фашистское командование считало этот участок неприступным.

Да, выбить эту «пробку» будет нелегко, думал Ворошилов. Проломить такую оборону возможно только после тщательной и всесторонней подготовки, с использованием всех средств подавления врага. В середине декабря 1942 года командование Ленинградского фронта провело штабное учение, план которого исходил из реальной обстановки в полосе 67-й армии. 25 декабря в Смольном состоялось заседание Военного совета фронта. Несколько раз за ночь в городе объявляли воздушную тревогу, слышались разрывы бомб и стрельба зениток. Ворошилов, Говоров, Жданов рассматривали доклады командиров соединений и начальников родов войск о подготовке наступления. Разошлись в шесть часов утра...

Вместе с Говоровым Ворошилов стал объезжать соединения, которым предстояло наступать. В 268-ю стрелковую дивизию Г. Н. Борщева они приехали в девять утра. Командир дивизии ждал их на перекрестке восточнее Колтушей. Утро было и морозным, и ветреным, а маршал был в шинели и хромовых сапогах. Приглядевшись к командиру дивизии, он спросил:

— Где же я вас видел?

— В конце августа прошлого года, товарищ маршал, в Слуцке, в штабе сто шестьдесят восьмой дивизии!

— Да, верно, — чуть помедлив, вспомнил Ворошилов. И добавил: — Вот было время! А вы, помнится, были майором?

— Так точно, товарищ маршал! — Осмелев, Борщев заметил: — Вы замерзнете, легко одеты...

— Не беспокойтесь, — засмеялся маршал, — как бы вы скорее не замерзли!

Сначала начальство направилось на тактические учения в 952-м стрелковом полку. В первый раз «атака» и «бой» батальонов в «населенном пункте» не удались, пришлось их повторить. Учение в 942-м полку, отрабатывавшем бой в лесисто-болотистой местности,

прошло удачно. Маршал хвалил и бойцов и командиров, а у комбата, старшего лейтенанта С. Г. Зуйкова, спросил:

— В настоящем-то наступлении сможете ли действовать так же?

— Действовать будем еще лучше, товарищ маршал, — отвечал тот, — ведь сейчас задача усложнена.

Комбат чем-то расположил Ворошилова, он обнял командира за плечи.

— Ну, не подведи своих командиров, да и меня, старика, — и добавил: — Черт ты мой рыжий!

Проведя весь день на холоде, маршал, казалось, не замечал его, но к вечеру мороз стал крепчать, и, глядя на уставших и замерзших бойцов, Ворошилов сказал командующему фронтом:

— Прикажете дать людям водочки!

Говоров распорядился выдать по 50 граммов на человека.

— Скуповат у вас командующий! — смеялся Ворошилов. — Леонид Александрович, добавьте до ста граммов, в такую погоду с бойцами ничего не случится, только на пользу пойдет...

Побывал Ворошилов и в 136-й дивизии. Комдив генерал-майор Н. П. Симоняк умело организовал учение. Много раз бойцы повторяли попытки пробежать 400-500 метров единым духом, то есть так, как им предстояло в бою. Добился комдив и того, что огневые средства пехоты — станковые пулеметы, минометы, орудия — не отставали. Посмотрев учения, маршал остался доволен:

— Если удастся в бою добиться такой же организованности — успех будет обеспечен! — сказал он Говорову. Но тот, чрезвычайно пунктуальный, требовательный и к себе и к подчиненным военачальник, с сомнением покачал головой.

Репетировали трудную переправу не только пехотинцы, но и артиллеристы и танкисты. На Неве в районе Ново-Саратовской колонии Ворошилов с интересом наблюдал за пробной переправой танков. Для сравнительно легких Т-60, которые должны были действовать в первом эшелоне, пройти по льду не составило труда. Для Т-34 приготовили специальную переправу: деревянный настил, поперечины которого — шпалы — крепились ко льду сквозными болтами.

— Ишь ты как инженеры исхитряются, — одобрил маршал.

Тем временем в танк садится водитель-сержант Михаил Иванов, и машина с открытым люком спускается на лед. Он потрескивает, но Ворошилов и Говоров идут следом. Остановить их никто не пытается: характер маршала знаком всем. Не прошли и 150 метров, как Т-34 провалился под лед. Танкист спустя мгновение вынырнул в полынье, его вытащили, кто-то протянул флягу с водкой...

В основном подготовку к наступлению закончили в установленный срок — до 1 января 1942 года. Но из-за неустойчивой погоды лед на Неве был тонким, а болота — труднопроходимыми. Поэтому 27 декабря командование обоих фронтов обратилось в Ставку с просьбой отложить начало операции до 10-12 января. Ставка удовлетворила просьбу.

В начале января отработка наступательной операции продолжалась. Военные советы 2-й ударной и 67-й армий на совместном совещании обсудили все вопросы взаимодействия.

Рано утром 10 января на Волховский фронт прибыл Жуков. В вагоне Ворошилова состоялось последнее совещание перед операцией, были внесены последние коррективы. Затем Ворошилов и Говоров уехали в 67-ю армию; Жуков остался на Волховском фронте.

На КП 67-й армии в этот день Ворошилов заслушал доклады о готовности к выступлению командиров дивизий, которым предстояло в первом эшелоне атаковать врага, С. Н. Борщева, А. А. Краснова, Н. П. Симоняка, В. А. Трубачева. Все, казалось, было готово.

— Надеюсь, все будет в порядке, — сказал маршал, прощаясь с комдивами, — я еще навещу вас.

В ночь на 11 января дивизии вышли на исходный рубеж, и Ворошилов в этот день объехал их. К вечеру он прибыл в 268-ю дивизию, откуда только что уехал Говоров. Настроение маршала было хорошим — все увиденное за день способствовало тому. Неудачи быть не должно!

Вновь маршал побывал в 942-м полку и, встретив старшего лейтенанта Зуйкова, спросил:

— Помнишь ли свое обещание?

— Помню, товарищ маршал, и свое слово сдержу!

— Я в это верю. — Ворошилов обнял Зуйкова и, повернувшись к Борщеву, добавил: — Стыдно будет не победить с такими ребятами!

В ночь на 12 января войска изготавились. Волновались все: вдруг противник что-нибудь узнал и ждет наступления! Утро выдалось ясным и морозным — 23 градуса ниже нуля. В 9.30 земля вздрогнула, противоположный берег Невы вздыбился и исчез — сплошные разрывы скрыли его. Наблюдая за началом артподготовки, Ворошилов ликовавал: мощь советского оружия, ради которой он жил и работал уже четверть века, была налицо. Такая концентрация артиллерии была до тех пор невиданной. В полосе 67-й армии удалось сосредоточить 1873 орудия и миномета калибра 76 миллиметров и крупнее, что составило среднюю плотность в 144 ствола на километр фронта, вдвое больше, чем во время наступления под Сталинградом. А на востоке в полутора десятках километров перед фронтом 2-й ударной армии эта

плотность была еще большей — до 180 орудий и минометов на километр.

Два часа двадцать минут долбили оборону врага артиллеристы Ленинградского фронта. В 11.45 огонь, казалось, достиг наивысшей силы. Затем последовал огневой налет гвардейских минометов, и на лед Невы, от Шлиссельбурга до Московской Дубровки, ринулись советские войска. Дивизия Симоняка начала атаку под музыку духового оркестра: сквозь шум боя надо льдом разнеслись звуки «Интернационала».

Наибольшего успеха в первый день достигли части 136-й дивизии. Отлично действовала и 268-я дивизия^[47]. На Волховском фронте также удалось прорвать оборону врага. Но гитлеровцы упорно оборонялись и в этот, и в последующие дни. Командование 18-й фашистской армии срочно перебросило подкрепления, начались контратаки. К исходу 14 января между войсками Ленинградского и Волховского фронтов оставался лишь перешеек в 1,5–2 километра шириной, но пройти эти два километра было очень трудно. Вражеские части, оборонявшиеся к северу в районе Шлиссельбурга и у побережья Ладожского озера, могли спастись, только отойдя через этот перешеек, и немецкие солдаты получили приказ любыми средствами удержать его. Дважды части 136-й дивизии врывались с запада в Рабочий поселок № 5, но закрепиться не могли. Три раза в течение ночи 16 января с востока штурмовали поселок полки 18-й дивизии, но успеха не имели. И лишь 18 января наши войска соединились. Блокада Ленинграда была прорвана.

Ворошилов поехал посмотреть Шлиссельбург. Город горел — во второй раз за последние полтора года. На колокольне реяло Красное знамя. Развалины домов, вражеские трупы на потемневшем от гари снегу — и

пустота. Жителей в этом старом русском городе осталось всего около двух с половиной сотен, остальных оккупанты либо угнали, либо убили. Картина была страшной, но в последующие два года Ворошилову много раз пришлось наблюдать подобное...

Враг был еще недалеко, его артиллерия могла обстреливать город. В районе Синявинских болот кипел бой. Ворошилов поехал на Волховский фронт. Встретившись с Жуковым, он поздравил его с успехом и одновременно с присвоением высокого звания Маршала Советского Союза. 20 января они вдвоем возвратились в Ленинград.

Защитники героического города ликовали. Ворошилова и Жукова, участников трагических событий осени 1941 года, поразило то, что во время многочисленных встреч никто из ленинградцев не жаловался на лишения и утраты, пережитые с тех пор. Теперь, после прорыва блокады, мысли ленинградцев имели одно направление — окончательно разгромить врага.

Тем временем бои в районе Синявинских болот продолжались. Наши войска пытались расширить пробитый коридор, но фашистское командование бросило сюда все резервы и сумело удержать позиции. Не принесло успеха и предпринятое с 10 февраля 1943 года наступление обоих фронтов в направлении Мги.

Вместе с Мерецковым Ворошилов находился на КП одной из дивизий 54-й армии, вклинившейся в расположение противника. Забрались достаточно далеко: маршал, как всегда, хотел дойти до передовой. Внезапно КП оказался окруженным вражескими автоматчиками. Следовало бы пробиваться в тыл, но Мерецков боялся за безопасность представителя Ставки. Пришлось занять круговую оборону, а тем временем комфронта связался с командованием 7-й

гвардейской танковой бригады и велел немедленно выслать помощь.

В цепь обороняющихся легли и связисты, и автоматчики охраны, но помощь пришла вовремя. Т-34 отбросили врагов, и немного погодя командир танкового взвода, войдя в блиндаж, докладывал:

— Товарищ генерал армии! Ваше приказание выполнено, автоматчики врага отброшены.

Вглядевшись в него попристальнее (танкист был весь в копоти), Ворошилов ахнул:

— Кирилл Афанасьевич, это же твой сын!

Сына Мерецкова — Владимира — он видел только раз до войны. Командующий фронтом, обрадованный встречей и взволнованный ее необычностью, больше всего, однако, был доволен тем, что опасность для маршала миновала...

Всю зиму 1942/43 года на советско-германском фронте шли упорные бои, гитлеровские войска несли поражения и вынуждены были отступать. На дорогах, полях, в населенных пунктах они оставляли свою хваленую технику: тысячи и десятки тысяч автомашин, тракторов, орудий, танков, не говоря уж о «мелочах» — автоматах, пулеметах. От этого металлического хлама надо было очистить нашу землю, учесть захваченные в целости орудия, машины, танки, боеприпасы, продовольствие, а что нельзя было использовать — отправить в переплавку как металлолом. Для этого при ГКО был создан специальный трофейный комитет, куда вошли Н. М. Шверник, А. В. Хрулев, Н. Д. Яковлев. С 25 мая 1943 года работу комитета возглавил Ворошилов.

Красная Армия продолжала громить врага, и союзники фашистской Германии стали подумывать о том, как бы побыстрее покинуть блок агрессоров. Пожалуй, первыми реально забеспокоились правители Финляндии. На них большое впечатление произвели уничтожение группировки Паулюса под Сталинградом и

операция по прорыву блокады Ленинграда: что, если эти тысячи советских орудий в ближайшее время начнут громить финские укрепления на Карельском перешейке? Уже в феврале 1943 года правители Финляндии начали поиски сепаратного выхода из войны. Они пытались нащупать дипломатические пути к правительствам США и Англии. К Советскому Союзу они не желали обращаться, так как не хотели признать советско-финляндской границы 1940 года.

Начали дипломатический зондаж и правительства Румынии и Венгрии. Поэтому в сентябре 1943 года при Наркомате иностранных дел СССР создается Комиссия по вопросам перемирия, в которую были включены М. Р. Галактионов, А. А. Игнатьев, И. М. Майский, В. П. Потемкин, Б. М. Шапошников. Возглавил комиссию Ворошилов, и она немало способствовала выработке советских условий мирного урегулирования. Позднее эта комиссия была реорганизована: существовали Комиссия по перемирию с Германией (в старом составе) и Комиссия по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией. Ворошилов стал председателем и этой комиссии.

В то время как сателлиты фашистской Германии лихорадочно искали пути для выхода из войны, руководители государств антигитлеровской коалиции чувствовали, что они еще не во всем достигли согласия. Это мешало быстрой победе. Договориться же, как известно, проще всего при встрече.

Вечером 24 ноября от одного из московских вокзалов отошел специальный состав. Ему предстоял долгий путь, и очень ограниченный круг лиц знал, куда же он направляется.

В течение довольно долгого времени «Большая тройка» — Сталин, Рузвельт и Черчилль — не могла договориться о месте встречи. Английский премьер в принципе не возражал против любого пункта — он был

очень легок на подъем и в свои 69 лет готов лететь на край света. Сталин не мог надолго отлучаться из Москвы, этого не позволяли дела на фронте. Наконец сошлись на Тегеране.

28 ноября 1943 года здесь началась историческая конференция. Советская делегация состояла из Сталина, Молотова и Ворошилова. Делегации союзников были многочисленнее.

Основным вопросом, острой занозой, если можно так выразиться, на протяжении всей конференции оставался вопрос об открытии второго фронта в Европе. Союзники и в 1943 году не сдержали своего обещания открыть его, и теперь Сталин решительно требовал, чтобы в 1944 году высадка десанта наконец состоялась. Черчилль по-прежнему не хотел давать конкретных обещаний, но Сталин серией последовательных вопросов и замечаний буквально вынудил британского премьер-министра признать, что операция «Оверлорд» должна представлять главную операцию союзников, что начать ее надо не позже мая 1944 года и проводить на территории Северной Франции. Черчилль, неохотно уступая, сказал, что военным специалистам следовало бы обсудить дату высадки.

— Хорошо, — отвечал Сталин. — Мы не думали, что будут обсуждаться чисто военные вопросы, поэтому мы не взяли с собой представителей Генерального штаба, но я полагаю, что маршал Ворошилов и я сможем это дело как-либо устроить.

На следующий день в половине одиннадцатого утра состоялось заседание военных представителей трех держав. Американскую сторону представляли адмирал У. Леги и генерал Д. Маршалл, англичан — генерал А. Брук и маршал авиации Ч. Портал. Ворошилов был с переводчиком В. М. Бережковым.

Председательствующий Леги дал слово уже знакомому Ворошилову генералу Бруку, и тот долго

рассказывал о сложности высадки десанта в Северной Франции и необходимости до этого провести десантную операцию в Средиземном море. Генерал Маршалл также говорил о трудностях десантирования войск, в особенности танков и машин. Ворошилов внимательно выслушал союзников, а затем сразу же перешел к сути дела, к тому, о чем союзные, в особенности английские, представители не хотели говорить определенно.

— Во-первых, — спросил он, — что делается для того, чтобы разрешить проблему транспортных и десантных средств? Из доклада генерала Маршалла я понял, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной операцией. Так вот, во-вторых, считает ли генерал Брук, как глава Британского генерального штаба, что эту операцию можно было бы заменить какой-либо другой операцией в районе Средиземного моря или где-либо в другом месте?

И сами вопросы, и резкость их постановки вызвали некоторое замешательство у партнеров Ворошилова по переговорам. Брук стал перебирать лежавшие перед ним бумаги, и слово взял Маршалл:

— Поскольку речь идет о Соединенных Штатах, то делается все, чтобы все необходимые приготовления были закончены к моменту начала операции «Оверлорд». В частности, готовятся десантные баржи, каждая из которых сможет перевозить до сорока танков...

Собравшись с мыслями, Брук поднял два пальца в знак того, что хотел бы выступить:

— Прежде всего, — начал он, — я хочу ответить на вопрос маршала Ворошилова о том, как рассматривают англичане операцию «Оверлорд». Англичане придают этой операции важное значение и рассматривают ее как существенную часть этой войны. Но для успеха этой операции должны существовать определенные предпосылки...

И вновь, не отвечая прямо на вопрос, Брук стал пространно рассуждать о затруднениях, могущих встретиться при высадке. Это побудило Ворошилова повторить вопрос:

— Я еще раз хочу спросить генерала Брука, считают ли англичане операцию «Оверлорд» главной операцией?

— Я ждал этого вопроса, — отвечал Брук, — и должен сказать, что не желаю видеть неудачу операции как в Северной, так и в Южной Франции. При некоторых же обстоятельствах эти операции обречены на неудачу.

Видя, что ему не удастся принудить Брука дать определенный ответ, Ворошилов решил изложить советскую точку зрения.

— Маршал Сталин, — сказал он, — и советский Генеральный штаб рассматривают операции в районе Средиземного моря как операции второстепенного значения. Маршал Сталин считает, однако, что операция в Южной Франции, осуществленная за два-три месяца до операции в Северной Франции, могла бы иметь решающее значение для успехов «Оверлорда». Опыт войны и успехи англоамериканских войск в Северной Африке и операции по высадке десантов в Италии, действия англо-американской авиации против Германии, степень организации войск США и Соединенного королевства, могучая техника США, морская мощь союзников и в особенности их господство в Средиземном море показывают, что при желании «Оверлорд» может быть успешно осуществлен. Необходима лишь воля...

Ворошилов говорил, что операции должны планироваться военными так, чтобы основная из них не страдала из-за вспомогательных.

— Мы рассматриваем, — продолжал он, — операцию через канал как операцию не легкую. Мы понимаем, что

эта операция труднее форсирования рек, но все же на основании нашего опыта по форсированию крупных рек, таких, как Днепр, Десна, Сож, правый берег которых гористый и при этом хорошо укреплен немцами, мы можем сказать, что операция через канал, если она по-настоящему будет проводиться, будет успешной. Немцы построили на правом берегу указанных рек современные сильные железобетонные укрепления, вооружили их мощной артиллерией и могли обстреливать левый низкий берег на большую глубину, не давая возможности нашим войскам приблизиться к реке, но все же после концентрированного артиллерийского, минометного огня, после мощных ударов авиации нашим войскам удалось форсировать эти реки, и враг был разгромлен. Я уверен, что хорошо подготовленная, а главное, полностью обеспеченная сильной авиацией операция «Оверлорд» увенчается полным успехом.

Брук и Маршалл выступили вновь с разъяснениями, и в итоге каждая сторона осталась при своем мнении. Брук предложил продолжить обсуждение 30 ноября. Однако второй встречи военных представителей не пришлось проводить: вопросы были решены на пленарных заседаниях членами «Большой тройки».

Вторая такая пленарная встреча состоялась в тот же день, в 16 часов. Но ей предшествовала торжественная церемония, вылившаяся в демонстрацию единства союзников: от имени короля Георга VI и английского народа Черчилль преподнес советской делегации символический дар героям Сталинграда: огромный меч с двуручным эфесом и инкрустированными ножнами, выкованный потомственными оружейниками Великобритании.

После исполнения советского и британского государственных гимнов Черчилль открыл лежавший на

столе футляр, достал меч, покоившийся на бархатной подушке, взял его обеими руками и сказал:

— Его величество король Георг Шестой повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч... На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа».

Приняв подарок из рук Черчилля, Сталин вынул клинок, поцеловал его, поблагодарил за подарок. Затем он показал меч Рузвельту, уложил его в футляр и передал Ворошилову. Сопровождаемый автоматчиками — почетным караулом, — Ворошилов отнес меч в соседнюю комнату...

На открывшемся сразу же после церемонии втором пленарном заседании глав правительств атмосфера была не столь сердечной. Поскольку основной вопрос — открытие второго фронта — оставался неразрешенным, Сталин попробовал добиться ясности от своих собеседников, действуя по-иному, и спросил в упор:

— Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд»?

Вопрос имел подтекст: если союзники действительно собирается высаживаться, они непременно должны назначить командующего. Сталин рассчитал верно — ответ Рузвельта был неутешительным:

— Этот вопрос еще не решен.

— Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд», — уверенно констатировал Сталин. — Кто несет моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором!

Дискуссия продолжалась более трех с половиной часов, и все же благодаря упорству Черчилля проблема «Оверлорда» не выходила из тупика. После того как Черчилль дал понять, что при определенных обстоятельствах высадка может и вообще не состояться, Сталин порывисто встал с кресла и, повернувшись к Молотову и Ворошилову, сказал:

— Пойдемте, делать нам здесь нечего. У нас и на фронте хватает дел!

Положение спас Рузвельт — он старался быть посредником и даже чаще поддерживал Сталина, чем Черчилля.

— Мы очень голодны сейчас, — примирительно заметил он, — поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на том обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин...

Спор вызывали все темы, затронутые на переговорах: и вступление Турции в войну, и будущие границы Польши, и послевоенное устройство Германии, и наказание военных преступников... Однако настойчивость советских руководителей дала плоды: союзники торжественно обязались открыть второй фронт в мае 1944 года. Были достигнуты и другие обнадеживающие результаты. В совместной декларации трех держав говорилось: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим...»

2 декабря советская делегация покинула Тегеран. Только 6-го утром поезд прибыл в Москву. Следовало торжество: на советско-германском фронте шло наступление. Оно было и беспощадным, и нарастающим.

15 декабря 1943 года Ворошилов снова в пути: как представитель Ставки он едет на самый южный участок

фронта. Сопровождали маршала генерал-майор Л. А. Щербаков и полковник Л. М. Китаев. Вместе с ними ехал и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-полковник С. М. Штеменко.

«До того мне не приходилось близко соприкасаться с Ворошиловым, — вспоминал Штеменко, — хотя, как и все военные, я много был наслышан о нем... Уже при первом знакомстве с Ворошиловым по пути в Крым я имел возможность убедиться, что это очень начитанный человек, любящий и понимающий литературу и искусство. В его вагоне оказалась довольно большая и со вкусом подобранная библиотека. Как только мы исчерпали самые неотложные служебные вопросы и сели за ужин, Климент Ефремович поинтересовался, какие оперы я знаю и люблю. Мною были названы «Кармен», «Риголетто», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Чио-Чио-сан».

— Эх, батенька, — засмеялся Ворошилов, — этого же очень мало.

И начал перечислять названия оперных произведений, о которых до того я даже не слышал.

— А кого из композиторов вы предпочитаете? — продолжал наступать Ворошилов».

Штеменко не мог считать себя тонким знатоком музыки и откровенно в этом признался. В ответ «мой собеседник сочувственно улыбнулся и заметил только, что музыка всегда украшает жизнь, делает человека лучше.

«Экзамен» по литературе прошел более успешно. Я не только ответил на заданные мне вопросы по отечественной классике, но показал и некоторую осведомленность в отношении произведений западноевропейских писателей прошлого и современности.

По вечерам Климент Ефремович просил обычно Китаева читать вслух что-нибудь из Чехова или Гоголя.

Чтение продолжалось час-полтора. Китаев читал хорошо, и на лице Ворошилова отражалось блаженство».

На фронте Ворошилова и его спутников ожидало важное дело: настал черед освобождать Крым. В октябре 1943 года войска Северо-Кавказского фронта очистили от врага Таманский полуостров, а в начале ноября захватили плацдарм на Керченском полуострове. В ноябре же войска 4-го Украинского фронта ворвались на Перекопский перешеек, форсировали Сиваш. Немецко-фашистское командование, сознавая стратегическое и политическое значение Крыма, требовало от своих войск удержания его любой ценой. Прорваться с ходу в глубь полуострова советским войскам не удалось, и теперь, без сомнения, предстояли упорные и затяжные бои.

На рассвете поезд Ворошилова остановился на сожженной дотла станции Варениковская. Здесь приехавших ожидал командующий Отдельной Приморской армией генерал-полковник И. Е. Петров.

— Поедем на плацдарм, — приказал маршал, и вскоре вереница штабных машин потянулась к морю. На косе Чушка пересели на бронекатер и помчались по проливу. Сумрачное небо, свинцово-серая вода — как это было непохоже на ласковое южное море, так хорошо знакомое Ворошилову! На горизонте угрожающе вырисовывался силуэт горы Митридат — она оставалась в руках гитлеровцев, оттуда они просматривали пролив и корректировали артиллерийский огонь.

Керчь!.. Много пролито крови за этот кусочек советской земли! В первый раз гитлеровцы оккупировали город 16 ноября 1941 года, но спустя полтора месяца, 30 декабря, после дерзкой и блестящей десантной операции советских войск, поспешно бежали из города. Во второй раз враг

захватил его 19 мая 1942 года вследствие трагических для нас событий на Керченском полуострове. И вот теперь, с начала ноября 1943 года, здесь дрались за каждый камень, за каждый шаг... Трудно подобрать слова для характеристики мужества и стойкости советских солдат и матросов — достаточно вспомнить одно из самых незабвенных дел в героической истории Великой Отечественной войны — десант на Эльтинген 1 ноября 1943 года!..

Плацдарм Отдельной Приморской армии в глубину не превышал 10-12 километров и весь насквозь простреливался артиллерией врага. На берегу повсюду воронки. Дальше — траншеи, землянки, ходы сообщения, блиндажи, изрыта вся земля. На скате одной из высот, обращенном к проливу, отвели землянку и Ворошилову. Поблизости в нескольких блиндажах находился штаб армии.

Но в нем маршал не стал задерживаться. Заслушав доклад Петрова и командующего Черноморским флотом вице-адмирала Л. А. Владимирского, он на следующий же день побывал в штабах обоих стрелковых корпусов, а затем отправился на передовую. Командирам, пытавшимся его отговорить — их стремление оградить представителя Ставки от опасности понятно, — маршал неизменно отвечал:

— Никогда вражеских пуль не боялся и им не кланялся... Если же кто считает, что ему на передовой делать нечего, то я его с собой не зову...

После изучения обстановки на плацдарме маршал и начальник оперативного отдела Генштаба согласились с мнением Петрова: прорыв обороны противника и освобождение Керченского полуострова — задача очень нелегкая, операцию нужно тщательно подготовить, не мешало бы предварительно расширить плацдарм. В Москву были посланы планы проведения операции.

Ставка их утвердила, выделив необходимые пополнения.

Из резерва Ставки в Приморскую армию была передана 9-я Краснознаменная пластунская дивизия, состоявшая из кубанских и терских казаков. Дивизию создали по инициативе Сталина, и использовать ее разрешалось только с ведома Ставки. Для ознакомления с дивизией Ворошилов возвратился на материк и пожелал отправиться к казакам верхом. Штеменко считал, что проще будет проехать 20 километров на машинах, но Ворошилов заявил:

— Ты не понимаешь психологии казаков! Не могу же я, — он подчеркнул местоимение «я», — прибыть в казачью дивизию в автомобиле! — И настоял на своем. После верховой езды кое-кто из сопровождавших маршала почувствовал себя не слишком-то хорошо, но Ворошилову такая поездка была нипочем...

Пластунская дивизия оказалась великолепной: и полнокровной, и хорошо обученной. Все, и бойцы, и командиры, были одеты в бешметы и кубанки. В строю Ворошилов увидел немало усатых стариков добровольцев. На груди у них поблескивали тщательно сберегаемые уже три десятилетия Георгиевские кресты, заработанные в боях с немцами в 1914-1917 годах. Действительно, не мог же маршал Ворошилов появиться перед такими молодцами иначе как верхом!

Наступление началось утром 10 января высадкой морских десантов в тылу врага. С наблюдательного пункта командарма па высоком обрыве у моря, километрах в двух от передовой, Ворошилов с тревогой поглядывал на волны: разыгрался шторм. Как-то там, в предрассветной темноте, подходят к берегу утлые десантные суденышки, как прыгают с них в воду, стараясь держать повыше оружие, морские пехотинцы, как они, накрываемые с головой волнами, рвутся к берегу?.. Наконец в тылу врага послышалась стрельба:

десант пошел. Начала обстрел артиллерия, затем поднялись пехотинцы...

Несколько дней продолжались бои, но без особого успеха. 15 января Ворошилов, Петров и Штеменко доносили в Ставку:

«Товарищу Иванову^[48]

1. Сегодня войска армии продолжали наступление на правом фланге двумя дивизиями и в центре одной дивизией...

128 гв. сд после упорного боя, доходившего до рукопашных схваток, сломила сопротивление противника и полностью овладела высотой 92,7. В траншеях на высоте захвачено 20 человек в плен.

Противник, не имея крупных резервов, упорно сопротивляется, опираясь на высоты, превращенные им в мощные узлы сопротивления. Бои носят ожесточенный характер, войскам приходится штурмовать каждую высоту, так как обходить их невозможно, в силу того, что глубокого маневра при таком узком фронте осуществить нельзя, а обход высот по близлежащим лощинам и оврагам невозможен из-за сильных фланкирующих огней с соседних высот.

2. Завтра наступление будет продолжаться с целью последовательного захвата опорных пунктов противника перед правым флангом и центром армии...»

В донесении, конечно, не сообщалось, что артиллерия противника все время яростно обстреливала плацдарм и что в этот день — 15 января — землянка Ворошилова была разрушена прямым попаданием снаряда. Часовой был убит; к счастью, маршал в тот момент находился на КП Петрова.

Ход боевых действий не удовлетворял Ставку, Верховный не раз в телефонных разговорах выражал свое неудовольствие, а 27 января Ворошилов и Петров получили довольно резкую директиву:

«Из действий Приморской армии видно, что главные усилия армии направлены сейчас на овладение г. Керчь путем уличных тяжелых боев. Бои в городе приводят к большим потерям в живой силе и затрудняют использование имеющихся в армии средств усиления — артиллерии, РС, танков, авиации...

Ставка считает, что главные усилия армии должны быть направлены для действий против противника в открытом поле, где имеется полная возможность эффективно использовать все армейские средства усиления...»

В заключение Ставка требовала представить соображения о плане дальнейших действий. На следующий день Ворошилов, Петров и Штеменко такие соображения представили. О характере январских боев на Керченском плацдарме в докладе сообщалось: «Армия в прошедшей операции главный удар наносила на правом фланге с целью не связывать себя затяжными боями в населенных пунктах Керчь и Булганак и только 22 января, не прекращая действий на правом крыле, перешла в наступление непосредственно на Керчь. Это было произведено потому, что в ходе боев было выявлено резкое ослабление противником Керченского участка и переброска резервов с этого направления на правый фланг. Сложившаяся обстановка была использована, и половина гор. Керчи с пристанью занята нашими войсками, но противник подбросил в Керчь два полка новой 336 пд и сумел приостановить наступление наших войск. Оборону противника, несомненно, прорвать можно, и главный удар, как и прежде, нужно наносить в обход населенных пунктов...»

Дней через десять-двенадцать руководство Приморской армии предполагало организовать новую операцию, и Ставка утвердила эти предложения. Однако попытки очистить Керченский полуостров до

начала основной операции по освобождению Крыма успеха не принесли. 11 февраля в командование Приморской армией вступил генерал армии А. И. Еременко. Вскоре Ворошилова и Штеменко вызвали в Москву.

Ворошилов информировал Ставку о положении дел в Приморской армии. С конца февраля началась подготовка операции по освобождению Крыма. Замысел Ставки заключался в том, чтобы нанести главный удар с севера, от Перекопа и Сиваша; это должны были сделать войска 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии Ф. И. Толбухин). Вспомогательный удар из района Керчи предстояло осуществить Приморской армии.

Провести операцию поначалу намеревались в марте 1944 года, но неблагоприятная погода в Крыму, сильные штормы в Азовском море не позволили сделать это. А. М. Василевский, координировавший действия 3-го и 4-го Украинских фронтов, побывал на Сиваше в 51-й армии генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера, ознакомился с подготовкой к наступлению и сообщал 3 марта в Ставку: «Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабочего состояния дороги. Весь автотранспорт стоит на дорогах в грязи. С трудом кое-как работают лишь тракторами. От попытки пробраться к Крейзеру на машинах пришлось отказаться, летели на У-2. При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни...» Влияло на изменение сроков и положение на соседних участках фронта. Поэтому Ставка разрешила начать освобождение Крыма после того, как наши войска выйдут к Одессе.

К концу марта подготовка завершалась. Утром 29 марта в Кривом Роге состоялась встреча маршалов Ворошилова и Василевского. Они обсудили ход

подготовки, согласовали вопросы взаимодействия 4-го Украинского фронта и Приморской армии. Настроение у маршала было хорошим. На советско-германском фронте наши войска наступали, за несколько дней до этого — 26 марта 1944 года — они достигли государственной границы на реке Прут. Было очевидно, что освобождение всей оккупированной гитлеровцами территории нашей страны уже не за горами. Впоследствии Василевский писал: «Память об этой очередной встрече храню до сих пор. Радующие и гостеприимство всегда были свойственны Клименту Ефремовичу...»

На следующий день, уже в Мелитополе, совещание продолжалось. Итогом его был следующий доклад Верховному: «1. Считаю необходимым принятие решительных мер по организации настоящей блокады Крыма, которая воспрепятствовала бы переброске войск и материальных ресурсов как в Крым, так и обратно... 2. 4-й Украинский фронт полностью подготовлен к выполнению задачи. Выпал глубокий снег, который вывел аэродромы из строя, а частые метели и туманы исключают возможность проведения нормальной работы артиллерии. Если погода позволит, то 4-й Украинский фронт начнет операцию не позже 5 апреля 1944 года. На Керченском направлении предлагаем начать через 2-3 дня после начала Перекопской операции. Просим утверждения. *К. Ворошилов. А. Василевский*».

1 апреля Ворошилов был уже в штабе Приморской армии. Вместе с Еременко они детально рассмотрели план Керченской операции.

На севере войска 4-го Украинского фронта начали операцию 8 апреля. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, но оборона их была прорвана, и 11 апреля наши части вступили в Джанкой. Приморская армия начала боевые действия в 22 часа 10 апреля, и к

утру ее части освободили Керчь. Противник поспешно отходил на запад. 13 апреля враг был выбит из Евпатории, Симферополя и Феодосии, 14 апреля — из Бахчисарая и Судака, 15 апреля подвижные части 4-го Украинского фронта достигли внешнего оборонительного обвода Севастополя. В то же время войска Приморской армии освобождали одну за другой здравницы Южного берега Крыма. В ночь на 16 апреля они очистили от врага Ялту и подошли с востока к Севастополю...

Прекрасен весенний Крым! В эти дни на его солнечных дорогах Ворошилов вспоминал ноябрь 1920 года, когда он с бойцами 1-й Конной так же рвался к Севастополю, к морю, чтобы сбросить в него врага. Красоты Крыма, этого райского уголка нашей страны, неудержимо влекли гитлеровцев: они считали, что здесь до XVI века проживали предки «нации господ» — готы. Гитлер собирался выселить из Крыма советских людей и создать здесь немецкие колонии, Гиммлер уже приступил было к их организации... Теперь же, спешно покидая крымскую землю, захватчики уничтожали все, что успевали...

15 апреля Ворошилов, сопровождаемый заместителем командующего Отдельной Приморской армией генерал-лейтенантом К. С. Мельником, встретился в Сарабузе Болгарском с Василевским. Обсуждая проблемы взаимодействия войск во время предстоящего штурма Севастополя, маршалы пришли к мнению о целесообразности подчинения Приморской армии командованию 4-го Украинского фронта. Такого же мнения придерживался и Верховный Главнокомандующий. В ночь на 16 апреля был получен соответствующий приказ Ставки.

Утром 16 апреля в штабе 51-й армии в деревеньке Чистенькая, что в 8—10 километрах юго-западнее Симферополя, маршалы еще раз обсудили план штурма

Севастополя. Гитлер требовал от своих войск защищать «последнюю крепость готов» до последней возможности. Штурм обещал быть сложным, на подступах к Севастополю враг уже оказывал исключительно упорное сопротивление, и Ворошилов едет в войска Приморской армии. Но Ставка отзывает его в Москву, 19 апреля он покидает Крым.

Весной 1944 года положение нашей страны существенно изменилось. Теперь следовало думать не только об окончательном очищении нашей земли от вражеских войск, но и о перенесении военных действий на территорию соседних стран. Можно было предвидеть, что великая освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы потребует усиления партийно-политической, идеологической и морально-психологической работы в войсках. Политбюро ЦК созвало специальное совещание первых членов Военных советов фронтов. На совещании, открывшемся 5 мая 1944 года, с большой речью выступил Сталин.

Он охарактеризовал военную обстановку, подчеркнул неизбежность перенесения военных действий на территорию Германии, ее союзников и оккупированных ими стран. Сталин потребовал, чтобы политработники армии объективно и всесторонне информировали ЦК о положении в этих странах, о том, как население встречает Красную Армию. У бойцов и командиров, говорил Верховный, надо воспитывать не только желание победить, но и непреклонную веру в правоту дела, за которое они сражаются, идеологическую стойкость. Доклад Сталина оживлейно обсуждался. На этом совещании выступал и Ворошилов.

В последующие недели и месяцы он исполняет многообразные и многотрудные обязанности члена ГКО. В начале июля Ворошилов участвует в совещании Политбюро ЦК и Ставки, на котором был рассмотрен

план боевых действий на заключительном этапе войны. Одновременно маршал продолжает и свое дипломатическое поприще.

После того как в июне — июле 1944 года советские войска нанесли поражение финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии, правительство Финляндии решило наконец выйти из войны. Еще 29 июня 1944 года Ворошилов был назначен председателем Комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией при Наркомате иностранных дел СССР. После длительных Колебаний финское правительство 25 августа обратилось с просьбой начать переговоры о перемирии. Ворошилов участвовал в состоявшихся 14-19 сентября в Москве переговорах. Они завершились подписанием соглашения о перемирии.

К тому времени Красная Армия очистила нашу землю от гитлеровских захватчиков, и боевые действия развернулись на территории Польши, Румынии, Венгрии. Задачи Красной Армии, несшей освобождение народам Европы от нацистского ига, были определены в специальных постановлениях ГКО, и Ворошилов участвовал в их разработке.

На территорию Венгрии наши войска вступили в конце сентября 1944 года, а с 6 октября 2-й Украинский фронт развернул наступление на венгерской земле. 27 октября ГКО принял выработанное при участии Ворошилова постановление, в котором разъяснялось, что Красная Армия пришла в эту страну не для приобретения территории или изменения существующего строя, а лишь в силу военной необходимости. Советская военная администрация не собиралась менять существовавшие венгерские органы власти, систему экономического и политического устройства. Эти положения широко разъяснялись

венгерским гражданам и неукоснительно соблюдались советскими военными властями.

В конце декабря 1944 года в Дебрецене было создано Временное национальное правительство Венгрии, которое запросило у правительства СССР условия перемирия. После длительных и сложных переговоров перемирие было подписано 20 января 1945 года в Москве, и от союзного командования подпись под ним поставил Ворошилов. Контроль за выполнением условий перемирия был возложен на Союзную контрольную комиссию. Такая контрольная комиссия на территории Венгрии была создана постановлением СНК СССР от 28 января 1945 года. Возглавил комиссию маршал Ворошилов.

Положение в Венгрии было очень тяжелым: последствия проигранной войны, в которую фашистские правители втянули венгерский народ, сказывалось во всем. На территории страны продолжались ожесточенные сражения: с начала января 1945 года нашим войскам пришлось отражать сильные контрудары противника, окруженная в Будапеште вражеская группировка была уничтожена только к 13 февраля, и лишь 4 апреля советские войска полностью очистили Венгрию. Жизнь страны была парализована: города разрушены, промышленные предприятия остановились, население голодало. Новому правительству приходилось действовать в условиях острых классовых противоречий, буржуазные партии, разбитые в открытой схватке, не желали прекращать борьбу.

Советская контрольная комиссия делала все, что было в ее силах, чтобы способствовать нормализации жизни. В первую очередь следовало позаботиться о восстановлении работы промышленности. 15 февраля Ворошилов, которого венгерское правительство просило допускать на бездействующие предприятия их

владельцев, обращается к командованию 3-го Украинского фронта: «1. Дать указания военным комендантам и представителям фронта о беспрепятственном допуске на неиспользуемые для нужд фронта промышленные предприятия их владельцев, или представителей их, или лиц, уполномоченных правительством... 2. Сообщить Ваши соображения о возможности и порядке использования венгерским правительством и местными властями свободных мощностей тех предприятий, которые не полностью используются для нужд армии...» Ворошилов беспокоится о предоставлении венгерскому правительству банковского кредита, о снабжении венгерских городов продовольствием и топливом...

Война заканчивалась. Красная Армия освобождала одну европейскую столицу за другой. Радостно было в эти месяцы на сердце всех советских людей, от мала до велика. Радостно было и Ворошилову. Его многолетний труд не пропал даром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

За три десятилетия XX века наша страна дважды познала исключительные испытания: сначала, в 1914–1921 годах, империалистическая и гражданская война, теперь, в 1941–1945 годах, — война Великая Отечественная. Погибли десятки миллионов людей, страшные разрушения охватили огромные территории. Поневоле, когда пишешь о происшедшем в эти годы, приходится употребить эпитеты: исключительные, страшные, огромные... Казалось, такие испытания выше сил человеческих. Недруги наши (а их оставалось достаточно и после разгрома фашизма) злорадствовали: Россия истощена и обескровлена, она долго не сможет прийти в себя. Но у советского народа, руководимого Коммунистической партией, нашлось достаточно сил, чтобы не только залечить свои раны, но и помочь сделать это другим народам.

Одной из крайне нуждавшихся в помощи стран была Венгрия. Положение здесь и после окончания войны оставалось катастрофическим.

Уже в апрельские дни 1945 года советские солдаты-освободители помогали жителям городов и сел Венгрии возрождать нормальную жизнь. Председатель Союзной контрольной комиссии — им и после окончания войны был Ворошилов — не оставался глух к нуждам венгерского населения. Поскольку от успешного весеннего сева зависела дальнейшая жизнь страны, Советское правительство отпустило из армейских запасов 11 тысяч тонн горючего и 700 тонн смазочных масел для тракторов. Это позволило весной вспахать около 1 миллиона хольдов земли. Одновременно

воинские части весной 1945 года предоставили неимущим венгерским крестьянам несколько тысяч лошадей, ремонтировали им инвентарь, а советские минеры очищали поля от мин. Осенью 1945 года советские солдаты помогали убирать урожай.

Председатель Союзной комиссии делал все от него зависящее, чтобы нормализовать жизнь. Когда в июне 1945 года в Будапеште вновь сложилось крайне тяжелое продовольственное положение, по представлению Ворошилова правительство СССР еще раз выделило существенные материальные средства для помощи. В письме от 21 июня премьер-министр венгерского правительства Бела Миклош, благодаря Ворошилова за заботу, писал: «Разрешите, господин маршал, выразить Вам по этому поводу сердечную благодарность не только трудящихся Будапешта, но и всего венгерского народа. Я убежден, что Вы, как Председатель Союзной контрольной комиссии, и в дальнейшем будете благосклонно относиться к венгерскому народу в эти трудные для Венгрии дни».

Премьер-министр мог не сомневаться — для трудового народа сердце маршала Ворошилова всегда было открыто. Вот письмо маршала премьер-министру Венгрии от 10 октября 1945 года: «Имею честь сообщить Вам, что, учитывая трудности, создавшиеся в Венгрии по снабжению населения солью, по распоряжению Советского правительства производится погрузка для отправки в Венгрию в счет общего торгового договора 2000 тонн соли. Поступление соли ожидается в ближайшее время...»

Несколькими днями ранее, 2 октября, в связи с угрозой наводнения в Будапеште Ворошилов писал: «Учитывая серьезность угрозы, в случае если русло р. Дунай не будет своевременно очищено от обломков взорванных мостов, Советское командование приняло решение оказать Венгрии наибольшую возможную

помощь в этих работах и выделило воинские части, которые в ближайшее время приступят к работам».

Красавцы мосты через Дунай, взорванные гитлеровцами во время боев за Будапешт, восстановлены были в основном советскими воинами. Одновременно советские воинские части восстанавливали как другие мосты, так и всю железнодорожную сеть Венгрии. В конце октября 1945 года Ворошилов присутствовал на торжественной церемонии по случаю передачи венгерским властям управления железными дорогами страны.

Помогая венгерскому народу быстрее возвратиться к мирной жизни, советские люди, и в том числе Ворошилов, исполняли свой великий интернациональный долг. Спустя несколько лет, на торжественном заседании, посвященном столетней годовщине венгерской революции 1948 года, Ворошилов говорил:

— Борьба за независимость и свободу народов была одной из важнейших задач советской политики и в период второй мировой войны.

Подобную же мысль развивал Ворошилов в речи 23 августа 1951 года на торжественном заседании в Бухаресте в честь 7-й годовщины со дня освобождения Румынии Советской Армией. Маршал говорил:

— Дружба наших народов давняя и своими корнями уходит в далекое прошлое. Эта исторически сложившаяся дружба, спаянная кровью лучших сынов наших народов в борьбе за свою независимость против турецких поработителей, вопреки воле румынского народа была нарушена после первой мировой войны тогдашними правителями Румынии в угоду американским, английским и французским империалистам... С освобождением Румынии от иноземного империалистического ига и внутренней

монархо-фашистской диктатуры Антонеску открылась новая эра в истории румынского народа...

До апреля 1946 года Ворошилов оставался Председателем Союзной контрольной комиссии. За этот период в Венгрии было немало сделано для восстановления порядка, намечены пути к коренному переустройству страны на социалистической основе. Ворошилову радостно было сознавать это, и во время своих последующих посещений Венгрии он с удовлетворением замечал приметы нового в жизни страны. В апреле 1955 года он вспоминал:

— Восстановление и дальнейшее развитие экономики Венгрии проходило в условиях бешеного сопротивления антинародных сил. Враги пророчили, что восстановление венгерского народного хозяйства потребует многих десятилетий и может быть осуществлено только в том случае, если Венгрия получит помощь от американских миллионеров. Но эти пророчества не оправдались. Трудящиеся Венгрии успешно преодолели все трудности...

По окончании войны перед советским народом встала ясная цель, выполнение которой было рассчитано на десятилетия: упрочить и развить построенный еще до войны социализм, завершить строительство развитого социалистического общества, осуществить постепенный переход к коммунизму. Ближайшей же, насущной задачей было — в кратчайшие сроки устранить тяжелые последствия войны, залечить страшные раны, нанесенные ею советской экономике и культуре, жизненному уровню населения.

В феврале 1946 года Ворошилов во второй раз был выбран в депутаты Верховного Совета СССР от Минского городского избирательного округа. Выступая 7 февраля 1946 года перед избирателями, он говорил о

разрушениях и потерях Белоруссии и ее столицы, о необходимости восстановления и закончил речь так:

— Товарищи! Я уже сказал, что если вы меня снова изберете в Верховный Совет, если я буду представлять людей столицы Белоруссии — города Минска, я приложу все мои усилия, чтобы все те задачи, которые стоят ныне перед нашей партией, перед великим Советским Союзом... выполнить с честью на благо советскому народу!

На первой сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 года Ворошилов был утвержден заместителем Председателя Совета Министров СССР. На этом посту в послевоенные годы он немало потрудился над восстановлением и дальнейшим развитием народного хозяйства и культуры нашей страны.

В июне 1947 года его назначают председателем Бюро культуры при Совете Министров. Круг обязанностей его был широк, и они очень соответствовали его интересам и наклонностям, хотя предыдущие тридцать лет он занимался совсем иным делом.

Война и здесь нанесла огромный ущерб нашей стране. Надо было восстанавливать здания, печатать книги, готовить кадры. Советское правительство, ясно сознававшее перспективы развития страны, не жалело ни сил, ни средств на развитие нашей социалистической Культуры.

В четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы Главными задачами в области народного образования были: обеспечение всеобщего обязательного обучения детей, начиная с семилетнего возраста как в городе, так и на селе, а также подготовка необходимых условий для перехода в пятой пятилетке ко всеобщему обязательному среднему образованию в столицах союзных республик и наиболее крупных городах. Для

выполнения этой программы требовалось полностью восстановить всю довоенную школьную сеть и значительно расширить ее. Делать это приходилось в исключительно трудных условиях: не хватало школьных помещений, учебников, наглядных пособий и школьных принадлежностей, ощущался острый недостаток учителей.

Прошло уже более полувека с тех пор, как двенадцатилетний Клим Ворошилов переступил порог школы в Васильевке. Но он, выходец из народа, и по сию пору хорошо помнил, что значила для него возможность учиться, и старался, чтобы такая возможность была у всех советских детей, у всей нашей молодежи. С присущей ему энергией Климент Ефремович руководит восстановлением и расширением сети школ, техникумов, высших учебных заведений.

В этой работе заместитель Председателя Совета Министров всегда руководствовался своим богатейшим жизненным опытом, постоянно стремился учесть, будет ли польза народу от того или иного решения, думал, как отнесутся к нему трудящиеся. Заботясь о материальной базе школ и вузов, Ворошилов неизменно интересовался бытом учащихся и преподавателей. Такой всесторонний подход восхищал окружающих. Министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов вспоминал, как Ворошилов отнесся к вопросу о создании женского педагогического института в одной из среднеазиатских республик: «Климент Ефремович настоял на принятии этого предложения, предложив создать при новом институте интернат для студенток, чтобы обеспечить наилучшие условия для учебы девушкам, приехавшим из сельских мест».

Уже в первой послевоенной пятилетке школы и высшие учебные заведения были восстановлены. В 1949 году началось осуществление повсеместного всеобщего обязательного семилетнего обучения. К началу 1951

года в стране насчитывалось 37 миллионов учащихся. В вузах обучалось 1200 тысяч человек, и с каждым годом число студентов росло.

Ворошилов активно способствовал проведению в жизнь постановлений по идеологическим вопросам, принятых партией и правительством. Он глубоко вникал в перспективы развития киноискусства в нашей стране, рассматривал планы создания новых кинофильмов, содействовал улучшению кинообслуживания населения.

Всячески помогал Ворошилов самодеятельности, в особенности хоровым народным коллективам, ведь он помнил, какое влияние на него когда-то оказало знакомство с народной музыкой. В 1948 году состоялся Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности. Заключительный концерт смотра был дан на сцене Большого театра, заснят на киноплёнку и демонстрировался в кинотеатрах.

Творческие работники — писатели, актеры, художники, музыканты — ощущали внимание и заботу Ворошилова. Все, кому приходилось встречаться с Климентом Ефремовичем в бытность его заместителем Председателя Совета Министров СССР, кто бывал у него в Кремле и дома, неизменно отмечали сердечность и деликатность маршала в обращении с людьми, его глубокую заинтересованность в решении людских судеб, испытывали чувство признательности к этому большому, по-настоящему доброму человеку. Ворошилов стремился полностью воплотить указания партии о неуклонном продвижении нашего искусства и литературы по пути социалистического реализма, о необходимости сохранения ими высокой идейности.

У председателя Бюро культуры была еще одна — и немаловажная — обязанность: физическая культура и спорт. Уже в первые послевоенные годы улучшилась подготовка работников физического воспитания, были открыты новые институты физической культуры в

союзных республиках, восстановлена и расширена довоенная сеть стадионов, спортивных площадок. Успешно развивались все основные виды спорта. Заметно расширились международные связи советских спортсменов. Отечественный спорт выходил на мировую арену.

Маршал по-прежнему любит спорт, он будет заниматься им до глубокой старости и даже в очень преклонном возрасте во время прогулок сможет пройти 10-12 километров. Он стремится достичь, чтобы физическая культура и спорт пришли во все уголки нашей необъятной страны, в особенности в сельскую местность. При непосредственном участии Ворошилова были созданы спортивные общества в сельских районах, объединившие сотни тысяч деревенских физкультурников.

В 1951 году Ворошилову исполнилось 70 лет — возраст почтенный в любом случае. Седина украсила голову маршала, но сердце его, неугомонное сердце революционера, не хотело покоя. Он мог и готов был еще служить Родине.

Вместе со всем советским народом радовался Ворошилов тому, что затягиваются раны войны, что встают из пепла города и села, что новая жизнь возникает там, где, казалось, ничто уже не будет расти. В марте 1950 года в Минске на собрании своих избирателей Ворошилов говорил об этом:

— В 1946 году я видел, во что превратили подлые враги столицу Белоруссии. Сплошные развалины и кое-где полуразвалившиеся строения — вот все, что осталось от Минска после изгнания врага. Сегодня всюду видны поразительные результаты огромного четырехлетнего труда...

Итоги послевоенного развития нашей страны были подведены в октябре 1952 года на XIX съезде партии.

Здесь же были утверждены директивы плана на следующую пятилетку.

Закрывая работу съезда, Ворошилов говорил:

— Целая историческая полоса отделяет XIX съезд от XVIII съезда партии. История не знает периода более насыщенного событиями всемирного значения, чем истекший период...

На съезде Ворошилов был избран членом ЦК, а на Пленуме — членом Президиума ЦК КПСС.

Через несколько месяцев скончался И. В. Сталин. 15 марта 1953 года на сессии Верховного Совета СССР Ворошилов был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Находясь на этом посту в течение семи лет, он неуклонно проводил в жизнь линию партии на дальнейшее укрепление Советского государства.

В 1954 году Ворошилов баллотировался в Верховный Совет по Кировскому избирательному округу Ленинграда. В своей речи перед избирателями 10 марта он говорил:

— Внутренняя политика нашей партии и Советского правительства неизменно направлены на подъем материального положения советского народа. Начиная с 1947 года шесть раз проводилось снижение цен на товары широкого потребления, и тем самым неуклонно повышалась реальная заработная плата рабочих и служащих...

Рассматривая положение дел в Ленинграде и области, кандидат в депутаты пенял местным руководителям:

— С сельским хозяйством в вашей области далеко не благополучно, урожаи зерна, картофеля и овощей низкие, животноводство малопродуктивно. Областные организации не отрешились еще от бюрократических методов руководства сельским хозяйством...

В декабре 1955 года Ворошилов прибыл в Ленинград для вручения ордена Ленина коллективу Ленинградского метростроя. Первую половину дня 16 декабря Ворошилов уделил поездке по только что открытой трассе Ленинградского метро, осматривал подземные залы и наземные вестибюли, интересовался геологическими условиями, в которых протекало строительство, новыми способами прокладки тоннелей, архитектурным убранством и освещением станций.

Осмотрев станцию «Автово», Ворошилов поехал на Кировский завод, к своим избирателям. Здесь, конечно, он побывал в цехах и беседовал с рабочими и инженерами. Вечером же Ворошилов в Академическом театре оперы и балета имени Кирова смотрел спектакль «Тарас Бульба».

На следующий день, вручая в Таврическом дворце награду, Председатель Президиума хвалил строителей, справившихся с нелегкой задачей сооружения метро в городе, расположенном на болотах.

Он сказал:

— Мне хочется также отметить, что наше советское метро оказывает, если можно так выразиться, благотворное влияние на тех, кто пользуется услугами его. В самом деле, величественная архитектура станций метро, их безупречная чистота, четкая работа обслуживающего персонала, одним словом, вся атмосфера, окружающая человека в метро, заставляет его подтягиваться, быть лучше, вести себя как в хорошем клубе или Дворце культуры...

В июне 1958 года, вручив на V съезде уполномоченных потребительской кооперации СССР орден Ленина, которым эта организация была награждена, Ворошилов стал вспоминать:

— Товарищи, я здесь выступаю не только как Председатель Президиума Верховного Совета, но и как ваш соратник. С гордостью могу об этом вкратце

сказать вам. В 1912 году, освободившись из ссылки, я прибыл на станцию Алчевская, на Юрьевский завод. На этом заводе был очень хороший потребительский кооператив. У этого кооператива был не только свой магазин, но и большая хлебопекарня. На заводах и шахтах мне тогда нигде не удавалось пристроиться из-за преследований царских властей. Меня взяли на работу мои братья-рабочие кооператоры, спасибо им большое за это. *(Бурные аплодисменты.)* Из царского арестанта они меня сразу же сделали заведующим хлебопекарней. *(Аплодисменты.)* ...Этим я теперь законно горжусь...

Осенью этого же года, возвращаясь из Афганистана, Ворошилов добывал в гостях у своего друга — председателя таджикского колхоза «Москва» дважды Героя Социалистического Труда С. Урунходжаева. Ворошилов осмотрел фермы, сады колхоза, Дворец культуры. По возвращении в Москву он направил колхозникам подарок — 200 книг по вопросам сельского хозяйства и 50 томов художественной литературы из своей личной библиотеки. Ворошилов писал колхозникам: «Буду сердечно рад, если эти книги принесут хотя бы небольшую пользу вашему прекрасному талантливому и трудолюбивому коллективу».

Крупнейшим событием в жизни нашей страны был XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 года. На съезде был дан глубокий анализ международной обстановки и внутреннего положения Советского Союза, раскрыты перспективы развития и определены задачи Коммунистической партии во всех областях ее деятельности. Ворошилов говорил в речи на партийном форуме:

— В отчетный период Центральный Комитет в своей деятельности твердо и последовательно проводил ленинский принцип коллективности руководства. Мы

должны и впредь укреплять этот ленинский принцип коллективности в работе, ибо только при этих условиях мы можем предостеречь себя от возможных ошибок и еще теснее сплотить вокруг партии широкие массы трудящихся...

Президиум Верховного Совета, возглавляемый Ворошиловым, тесно увязывал свою деятельность с жизнью страны. Для иллюстрации этого достаточно перечислить лишь несколько наиболее важных законов, принятых Верховным Советом в тот период: «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»; «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций»; «О государственных пенсиях». Немаловажными были указы Президиума Верховного Совета «О повышении размера не облагаемого налогами минимума заработной платы рабочих и служащих»; «Об усилении охраны труда»; «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам» и многие другие.

Одновременно Верховный Совет СССР принял ряд важнейших решений, направленных на укрепление социалистической законности и дальнейшее развитие социалистической демократии. В декабре 1955 года он утвердил положение о прокурорском надзоре, в феврале 1957 года — положение о Верховном Суде СССР, в декабре 1958 года — основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В июне 1955 года была образована парламентская группа Верховного Совета СССР, которая вступила в Межпарламентский союз и активно участвует с тех пор в его деятельности. На конференциях союза советская парламентская группа неоднократно была инициатором важнейших мероприятий. Большую роль сыграла она в укреплении связей с парламентами других стран. Был налажен обмен делегациями. В 1955–1958 годах в

Советском Союзе побывали 32 парламентские делегации, депутаты советского парламента нанесли 22 ответных визита.

Активно работали постоянные комиссии обеих палат Верховного Совета — мандатная, законодательных предположений, бюджетная, по иностранным делам. Комиссия законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей в 1956 году рассмотрели проекты законов о пенсиях, о расширении прав союзных республик, проект положения о Верховном Суде СССР. Только при рассмотрении проекта закона о пенсиях комиссиями было рассмотрено свыше 12 тысяч писем трудящихся.

Деятельность Советов как центральных, так и местных, значительно оживилась и расширилась. Однако их работа еще недостаточно глубоко освещалась в общеполитической печати, а специального органа тогда не было. В 1957 году появился специальный журнал — «Советы депутатов трудящихся». В передовой первого номера журнала Ворошилов писал: «Новый журнал должен широко освещать передовой опыт и демократические принципы работы Советов и их исполкомов с тем, чтобы работники советских органов, опираясь на широкие трудящиеся массы, могли лучше руководить хозяйственным и культурным строительством».

Особое место в деятельности Верховного Совета занимало проведение определенного Коммунистической партией курса на мирное сосуществование со всеми странами. К этому были направлены многие акции Верховного Совета, к примеру, указы его Президиума «О ратификации Женевских конвенций от 12 августа 1949 года о защите жертв войны» (апрель 1954 года); «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией» (январь 1955 года); «О ратификации

Государственного Договора о восстановлении независимой и демократической Австрии» (июнь 1955 года) и другие. Стремясь разрядить международную обстановку, Верховный Совет в декабре 1957 года предложил правительствам США и Великобритании прекратить с 1 января 1958 года одновременно с СССР все испытания атомного и водородного оружия. 31 марта 1958 года Верховный Совет постановил прекратить испытания этого оружия в Советском Союзе.

18 сентября 1955 года в посольстве Финляндии президент Финляндской Республики Ю. К. Паасикиви вручил Ворошилову Большой крест ордена «Белой Розы» Финляндии с золотой цепью. Этот орден Финляндской Республики предназначен только для награждения глав государств. На церемонии его вручения Паасикиви произнес прочувствованную речь, в которой охарактеризовал дружественные отношения между нашими государствами и подчеркнул роль Ворошилова в их установлении. Принимая орден, Ворошилов говорил в ответ:

— Все, что вы сказали, я мог бы полностью повторить. В ваших словах столько правды, разума, человеческих чувств, так хорошо и объективно сказано о наших взаимоотношениях!...Мой сосед — господин Э. Скуг^[49] — сказал мне, что здесь хорошая политическая погода. Я ему ответил, что мы гарантируем для народа Финляндии, для его руководителей замечательную, чудесную политическую погоду. В этом народ Финляндии может быть уверен...

Благородным целям мира и взаимопонимания между народами и правительствами служат встречи с прибывающими в СССР главами иностранных государств и правительств, так же как и поездки советских государственных и партийных руководителей за рубеж. Уместно будет напомнить, что такие встречи

и поездки, принявшие ныне широкий, привычный для нас характер, стали практиковаться именно в середине 50-х годов, и Ворошилов был одним из инициаторов создания этой традиции. В постановлении Верховного Совета СССР от 5 августа 1955 года отмечалось, что личные контакты государственных деятелей способствуют созданию атмосферы делового сотрудничества между странами и отвечают интересам укрепления мира.

В 1956 году Ворошилов посетил Финляндию и Германскую Демократическую Республику. В апреле 1957 года он совершил поездку по странам Юго-Восточной Азии.

В три часа дня 15 апреля 1957 года Ту-104 приземлился на пекинском аэродроме. Поездка была длительной — вплоть до 5 мая — и напряженной. Ворошилов побывал в Пекине, Аньшане, Шеньяне (Мукдене), Шанхае, Хан-чжоу, Кантоне... Он приезжал на стройки и заводы, беседовал с рабочими, крестьянами и видел, с каким энтузиазмом китайские трудящиеся приступили к строительству социализма. В Мукдене, встретившись с советскими специалистами, работавшими в Китае, Ворошилов призвал их отдать все силы, знания и опыт, чтобы помочь развитию народного хозяйства Китая.

Китайские руководители рассыпались в любезностях. Мао Цзэдун, к примеру, на приеме в честь Ворошилова 17 апреля 1957 года говорил: «Китайский народ в ходе борьбы за национальное освобождение встречал братскую симпатию и поддержку со стороны советского народа. После победы китайской революции Советский Союз также оказывает всестороннюю, огромную помощь делу строительства социализма в Китае. Всего этого китайский народ никогда не забудет...» Да, будем надеяться, всего этого не забудет китайский народ, не может забыть, как бы ни хотелось

ныне китайским руководителям вытравить у него из памяти воспоминания о бескорыстной помощи советских людей, как бы ни клеветали они ныне на советский народ!

6 мая Ворошилов прилетел в Джакарту и до 19 мая познакомился с Индонезией.

Утомительная для 76-летнего человека поездка была еще далеко не завершена: 20–24 мая 1957 года Ворошилов побывал в Демократической Республике Вьетнам, на обратном пути остановился в Пекине, а 26–30 мая провел в Монгольской Народной Республике.

На следующий год, 16 апреля 1958 года Ворошилов выехал в Польшу и находился там по 26 апреля... Он побывал в Афганистане, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Вьетнаме, ГДР, Индии, Индонезии, Китае, Монголии, Непале, Польше, Румынии, Турции, Финляндии, Чехословакии и повсюду был желанным гостем.

26 апреля 1959 года после продолжительной и тяжелой болезни скончалась Екатерина Давыдовна. Ухудшилось здоровье и Климента Ефремовича, и в начале мая 1960 года на V сессии Верховного Совета СССР пятого созыва он просит освободить его от обязанностей Председателя Президиума. Просьба была удовлетворена. В этот же день — 7 мая — Президиум Верховного Совета присвоил Ворошилову звание Героя Социалистического Труда.

Восемь десятков лет за плечами у Ворошилова. Можно отдыхать — маршал заслужил покой. Но, несмотря на болезнь, Ворошилов продолжает служить обществу, В 1962 и 1966 годах его вновь избирают депутатом Верховного Совета СССР, и до конца своих дней он остается членом Президиума Совета. Он участвует в работе XXII и XXIII съездов КПСС. На XXIII съезде его в последний раз избирают в ЦК партии, в рядах которой он состоял вот уже 65 лет...

События в жизни страны по-прежнему волнуют и трогают его. С восхищением и радостью Ворошилов воспринимает успехи советской науки и техники в освоении космоса. Полет Юрия Гагарина был для него настоящим праздником. Маршал послал теплое приветствие первопроходцу космоса, а позднее, будучи на отдыхе в Сочи, встретился и сфотографировался с Гагариным.

Ворошилов стремится чаще быть с молодежью, к ней он адресует свои статьи в журналах и газетах.

Еще в 1957 году, вручая комсомолу орден Ленина, он говорил:

— Как бы вы, дорогие товарищи, вернее все мы вместе, ни гордились вашей молодостью, но жизнь идет, наступит время, когда вы будете сперва папашами (многие из вас уже теперь папаши), а затем и дедушкамц. А потом и нужно будет оглянуться: что я оставляю после себя на земле? Это мы должны помнить, мы должны оставить после себя все лучшее, что только может человек создать на земле.

По-прежнему Ворошилова, несмотря на возраст, интересуют спорт, спортивные достижения нашей молодежи. Когда в октябре 1967 года в связи с полувековым юбилеем Советской власти редакция журнала «Спортивные игры» обратилась к Ворошилову с просьбой выступить на страницах журнала, 87-летний ветеран откликнулся с удовольствием. Связывая развитие физической культуры в стране с осуществлением главной задачи, стоящей перед нашим народом, — строительством коммунистического общества, Климент Ефремович желал советским спортсменам еще выше поднять престиж СССР на спортивных форумах. «Особенно хочется увидеть наконец, — писал он, — наших теннисистов и футболистов не только среди призеров, но и на высшей ступени мирового пьедестала почета. Им есть с кого

брать пример — с наших замечательных хоккеистов и баскетболистов...»

Теперь, когда у него есть время, Ворошилов начинает работать над воспоминаниями. Одна за другой появляются статьи о Владимире Ильиче Ленине, о VI съезде партии, о 1-й Конной, о разгроме кронштадтского мятежа. Память у маршала хорошая, события 70-летней давности она сохранила ярко, но тем не менее ее следует подкреплять документами, их надо искать в книгах и архивах. Это кропотливое и сложное дело. Все же в феврале 1968 года выходит первая книга «Рассказов о жизни».

Возраст, однако, дает себя знать, силы покидают маршала, и в ночь на 3 декабря 1969 года, на 89-м году жизни, Климент Ефремович Ворошилов скончался...

В Колонном зале Дома союзов у гроба Ворошилова в почетном карауле стоят руководители партии и правительства. На бархатных подушечках лежат награды, которых был удостоен покойный. Их очень много: Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов был дважды Героем Советского Союза, Героем Социалистического Труда, он был награжден восемью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, многими другими советскими и иностранными орденами и медалями.

Клим Ворошилов похоронен у кремлевской стены. Всегда — в революционном подполье, в огне фронтов, на трибуне партийных съездов, в кабинете государственного деятеля — был он верным сыном партии и народа, плотью от плоти его и кровью от крови. Иной жизни Ворошилов для себя не мыслил и незадолго до смерти писал: «Я благодарен своей судьбе за то, что мне выпал именно тот путь, который мне довелось пройти. Нет выше доли рабочего человека и солдата революции!»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Е. ВОРОШИЛОВА

1881, 23 января — День рождения К. Е. Ворошилова.

1887-1888 — Начало трудовой деятельности.

1893-1895 — Ворошилов учится в школе села Васильевна.

1896-1899 — Работает на заводе Донецко-Юрьевского металлургического общества в Алчевске.

1898 — Вступает в социал-демократический кружок.

1899-1902 — В поисках работы скитается по югу России.

1903 — Устраивается работать на паровозостроительный завод Гартмана в Луганске и вскоре становится членом РСДРП.

1905, февраль — Руководит забастовкой рабочих гартмановского завода.

Июль — декабрь — Арест, заключение в луганскую тюрьму.

1906, апрель — Участвует в работе IV съезда РСДРП в Стокгольме.

1907, апрель — май — Участвует в работе V съезда РСДРП в Лондоне.

Июль — Арест и заключение в луганскую тюрьму.

Октябрь — Высылка в Архангельскую губернию.

Декабрь — Побег из Пинеги.

1908, январь — сентябрь — Работает в Баку.

20 сентября — Арест в Петербурге.

6 октября — Высылка в Архангельскую губернию.

1912, июль — октябрь — Возвращается в Донбасс и работает в Алчевске.

1913, январь — Новый арест.

13 марта — Высылка в Пермскую губернию.

1914, март — Возвращается в Луганск.

Май — Устраивается на работу в Царицыне.

1915-1917 — Работает в Петрограде.

1917, февраль — Участвует в Февральской революции.

Март — Направляется в Луганск.

24-29 апреля — Участвует в работе VII (апрельской) конференции РСДРП (б).

26 июля — 3 августа — Принимает участие в работе VI съезда партии.

Ноябрь — Избран членом Учредительного собрания и выезжает в Петроград.

Декабрь — Назначен председателем комитета по охране Петрограда.

1918, март — Возвращается в Луганск и вскоре отправляется на фронт.

15 апреля — Назначен командующим 5-й Украинской армией.

Апрель — июнь — Руководит отходом армии к Царицыну.

Июль — декабрь — Во главе обороны Царицына.

1919, 29 января — Назначен наркомом внутренних дел Украины.

18-23 марта — Участвует в работе VIII съезда РКП (б).

10 мая — Назначен командующим войсками Харьковского военного округа.

7 июня — Вступает в командование 14-й армией.

17 октября — Назначен начальником 61-й стрелковой дивизии.

19 ноября — Назначен членом РВС 1-й Конной армии.

1920, 26 июня — Награжден орденом Красного Знамени.

30 декабря — Награжден Почетным революционным оружием.

1921, март — Участвует в работе X съезда РКП (б), избран членом ЦК партии.

11-18 марта — Участвует в подавлении кронштадтского мятежа, награжден вторым орденом Красного Знамени.

27 мая — Назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

1924, март — Введен в состав Реввоенсовета СССР.

17 мая — Вступил в командование войсками Московского военного округа.

1925, 26 января — Назначен заместителем народного комиссара по военным и морским делам.

6 ноября — Назначен Народным комиссаром по военным и морским делам и председателем РВС СССР.

18-31 декабря — Участвует в работе XIV съезда РКП (б). На пленуме ЦК избран членом Политбюро ЦК. Участвовал в работах последующих съездов партии. Избирался в состав Политбюро.

1934, 20 июня — Назначен Народным комиссаром обороны СССР.

1935, 20 ноября — Присвоено звание Маршала Советского Союза.

1937, 12 декабря — Избран депутатом Верховного Совета СССР.

1940, 7 мая — Назначен заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председателем Комитета Обороны при СНК СССР.

1941, 23 июня — Введен в состав Ставки Главного командования (в дальнейшем Верховного Главнокомандования).

30 июня — Введен в состав Государственного Комитета Обороны.

10 июля — Назначен главнокомандующим Северо-Западным направлением. *с 13 октября* — По поручению

Ставки осуществляет контроль за формированием и обучением резервных армий.

1942, 15 февраля — 25 марта — Представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Волховском фронте.

6 сентября — Назначен Главнокомандующим партизанским движением.

15 декабря — Направлен Ставкой на Ленинградский и Волховский фронты.

1943, 12-18 января — Координирует вместе с Г. К. Жуковым операцию по прорыву блокады Ленинграда.

25 мая — Назначен председателем трофейного комитета при ГКО.

28 ноября — 1 декабря — Участвует в работе Тегеранской конференции трех держав.

15 декабря — Выехал в Отдельную Приморскую армию.

1944, 22 февраля — Награжден орденом Суворова 1-й степени.

Апрель — Вместе с А. М. Василевским координирует действия войск по освобождению Крыма.

29 июня — Назначен председателем комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией.

1945, 1 февраля — Назначен председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии.

1946, март — Утвержден заместителем Председателя Совета Министров СССР.

1947, июнь — Назначен председателем бюро культуры при Совете Министров СССР (по совместительству).

1952, 5—14 октября — Участвует в работе XIX съезда партии

1953, 15 марта — Избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

1956, 3 февраля — Присвоено звание Героя Советского Союза.

14-25 февраля — Участвует в работе XX съезда КПСС.

1959, 27 января — 5 февраля — Участвует в работе XXI съезда партии.

1960, 7 мая — По личной просьбе (по состоянию здоровья) — освобожден от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1961, 17-31 октября — Участвует в работе XXII съезда КПСС.

1966, 29 марта — 8 апреля — Участвует в работе XXIII съезда КПСС.

1968, 22 февраля — Награжден второй медалью «Золотая Звезда».

1969, 2 декабря — Кончина К. Е. Ворошилова.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Полное собрание сочинений, тт. 9, 12, 31, 35, 41, 45.

«История Коммунистической партии Советского Союза» в 6 т., тт. 2-5, 1966-1970.

Ворошилов К. Е. Борьба за Донбасс. Октябрьские дни в г. Луганске. «Горнорабочий», 1929, № 41.

Ворошилов К. Е. Верный соратник Ленина. В кн.: «Рыцарь революции». М., 1967.

Ворошилов К. Е. Воспоминания о взятии Ростова. Ростов/Дону, 1940.

Ворошилов К. Е. Из истории подавления кронштадтского мятежа. «Военно-исторический журнал», 1961, № 3.

Ворошилов К. Е. Из недавнего, бесконечно далекого прошлого. «Архів Рядянської України», 1932, № 4-5.

Ворошилов К. Е. Оборона СССР. М., 1937.

Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1937.

Ворошилов К. Е. Памяти дорогого друга. В кн.: «О старом друге». М., 1925.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни. Кн. 1. М., 1968, 1971.

Ворошилов К. Е. Речь на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г. М., 1939.

Ворошилов К. Е. Речь на параде Красной Армии 7.XI-1941 г. в г. Куйбышеве. Ташкент, 1941.

Ворошилов К. Е. Речь на XIX съезде КПСС 14.X-1952 г. М., 1952.

Ворошилов К. Е. Речь на XX съезде КПСС 20.11-1956 г. М., 1956.

Ворошилов К. Е. Срочное поручение. В кн.: «Солдатами были все». Минск, 1972.

Акшинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов. Издание второе. М., 1976.

Алтайский К. Н. Донбасс о Ворошилове. М., 1931.

Берхин И. Б. Луганская большевистская организация в период первой русской революции. М., 1947.

Берхин И. Б. Юношеские годы К. Е. Ворошилова. «Исторический журнал», 1941, № 2.

Вардин И. В. Ворошилов, рабочий вождь Красной Армии. М. — Л., 1926.

«К. Е. Ворошилов и луганский пролетариат в 1900–1918 гг.». Луганск, 1931.

«К. Е. Ворошилов на Царицынском фронте». Сб. документов. Сталинград, 1941.

«Ворошиловград — Сталинград». М., 1938.

Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940.

Гореленко Ф. Д. Встречи с маршалом. «Ленинград», 1941, № 4.

Жидков П. Большой сердечный человек. «Огонек», 1941, № 3.

Калинин С. Первый маршал СССР, «Сибирские огни», 1939, № 1.

«Краткий очерк революционного движения на Луганщине (1900–1920 гг.)». Луганск, 1928.

Леонидов О. Л. К. Е. Ворошилов. Жизнь и боевая работа. М., 1925.

Луцкий Л. Луганский слесарь. «Смена», 1939, № 2–3.

Мальков А. Ф. Жизнь в революции. «Советский воин», 1968, № 7.

«На службе пролетарской революции». Сб. воспоминаний. М., 1931.

Немчинский Н. Боевой путь. «Техника — молодежи», 1941, № 1.

Никулин Л. Прекрасная жизнь. «Красная новь», 1941, № 2.

«Оборона Царицына». Сталинград, 1937.

Орловский С. Н. К. Е. Ворошилов. М., 1931.

«Первая Конная в изображении ее бойцов и командиров». М.—Л., 1930.

«Пребывание К. Е. Ворошилова в Китае, Индонезии, Вьетнаме и Монголии». Сб. материалов. М., 1957.

«Пребывание К. Е. Ворошилова в Польской Народной Республике», Сб. материалов. М., 1958.

«Президиум РВС СССР». М., 1925.

Розов Л. Залізний борець — непохитний ленинець. Харків, 1933.

Харитонов Н. Н. К. Е. Ворошилов. М., 1931.

Иллюстрации

Мария Васильевна Ворошилова, мать Климента Ефремовича.

Ефрем Андреевич Ворошилов, отец Климента Ефремовича.

Железнодорожная будка на линии Екатерининской (ныне Донецкой) железной дороги, где родился К. Е. Ворошилов.

К. Е. Ворошилов (второй справа в третьем ряду) в группе рабочих завода ДЮМО. 1896 г.

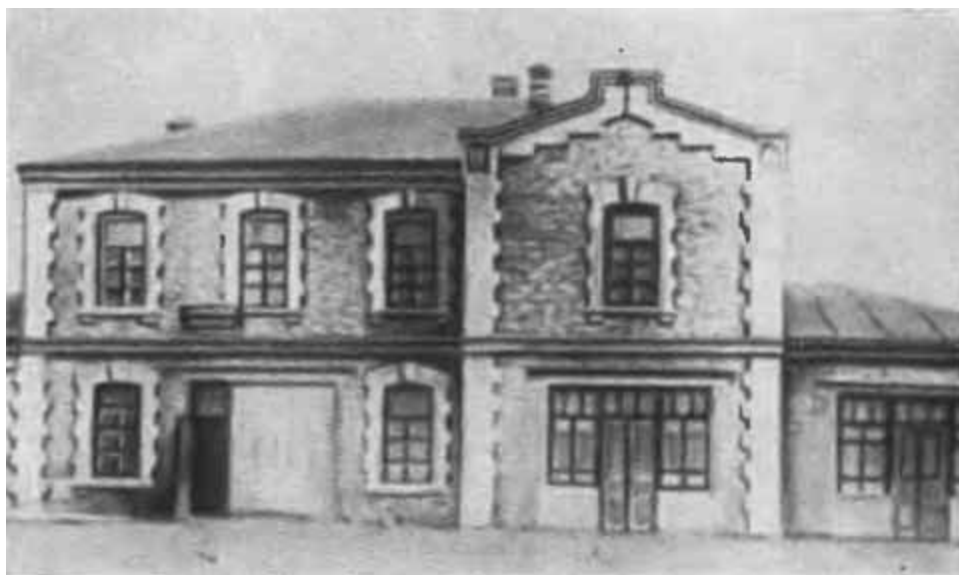
К. Е. Ворошилов — рабочий завода Гартмана. 1903 г.

Общий вид старого Луганска.

К. Е. Ворошилов и С. М. Рыжков. 1898–1901 гг.

Луганская тюрьма, в которой с июня по октябрь 1905 года находился в заключении К. Е. Ворошилов.

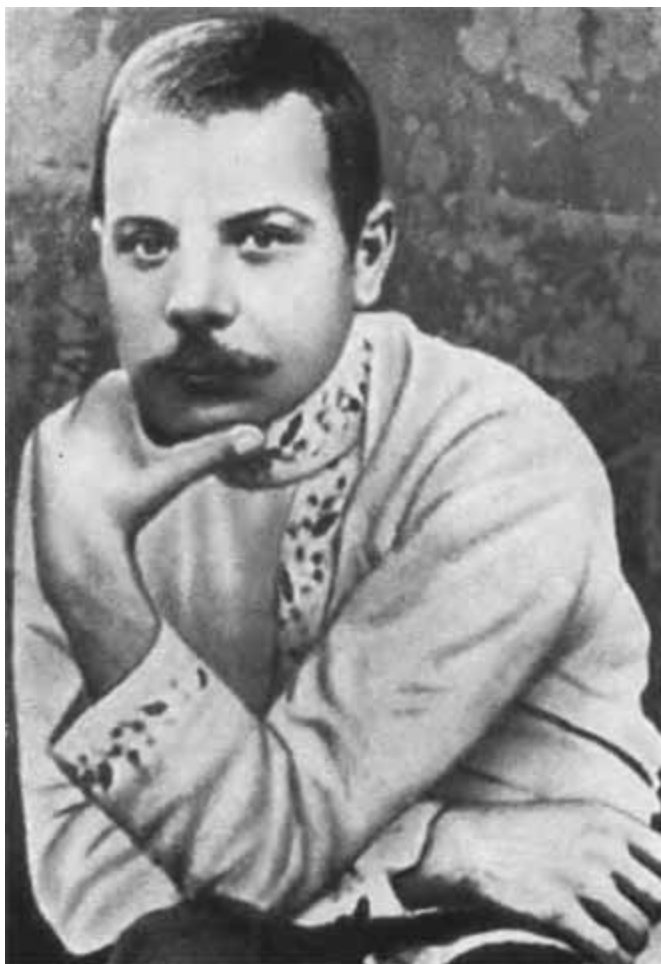

К. Е. Ворошилов в Архангельской ссылке. Снимок охранного отделения. 1910-1912 гг.

К. Е. Ворошилов и Е. Д. Ворошилова в ссылке.

К. Е. Ворошилов в годы ссылки. 1911 г.

К. Е. Ворошилов среди членов полкового комитета
Измайловского полка. 1917 г.

А. Я. Пархоменко, К. Е. Ворошилов, Е. А. Щаденко, Ф. Н. Алябьев (*справа налево*). Царицын. 1918 г.

К. Е. Ворошилов. Южный фронт.

Реввоенсовет 1-й Конной армии. Слева направо: К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Е. А. Щаденко. 1920 г.

К. Е. Ворошилов выступает перед бойцами 1-й Конной армии. Май 1920 г.

К. Е. Ворошилов и А. И. Седякин в дни ликвидации кронштадтского мятежа 1921 г.

В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов среди делегатов X съезда РКП(б) — участников ликвидации кронштадтского мятежа. 1921 г.

К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников объезжают войска на первомайском параде. Москва, 1928 г.

К. Е. Ворошилов, Е. Д. Ворошилова, С. М. Буденный. Ростов-на-Дону. 1922 г.

К. Е. Ворошилов среди пионеров. 1925 г.

К. Е. Ворошилов с детьми М. В. Фрунзе Татьяной и Тимуром. 1926 г.

К. Е. Ворошилов и Е. Д. Ворошилова. Май 1930 г.

К. Е. Ворошилов и И. В. Сталин.

К. Е. Ворошилов и С. М. Киров на инспекторских стрельбах ЛВО. 1929 г.

К. Е. Ворошилов на Магнитострое. 1931 г.

К. Е Ворошилов и А. И. Егоров на береговой артиллерийской батарее. 1932 г.

К. Е. Ворошилов. Октябрь 1933 г.

К. Е. Ворошилов и С. Орджоникидзе на Центральном аэродроме. 1935 г.

К. Е. Ворошилов и О. Ю. Шмидт на трибуне
Мавзолея. 1934 г.

К. Е. Ворошилов стреляет из нагана. 1931 г.

К. Е. Ворошилов на маневрах БВО беседует с бойцом. 1936 г.

Мишень, по которой стрелял К. Е. Ворошилов 2 августа 1931 г.

К. Е. Ворошилов делает запись в журнале после пробы пищи на матросском камбузе во время маневров Балтфлота. 1936 г.

К. Е. Ворошилов. 1939 г.

К. Е. Ворошилов принимает рабочих в Наркомате обороны. 1936 г.

К. Е. Ворошилов с сыном Петром. Конец 30-х годов.

К. Е. Ворошилов на лыжной прогулке.

К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, А. А. Андреев, Н. А. Вознесенский, Н. М. Шверник, М. Ф. Шкирятов на трибуне во время парада в Куйбышеве 7 ноября 1941 г.

К. Е. Ворошилов с группой лыжников в зоне формирования резервов. 1942 г.

К. Е. Ворошилов и командир стрелкового полка Агафонов с группой бойцов. Волховский фронт, март 1942 г.

К. Е. Ворошилов на одном из участков Ленинградского фронта.

К. Е. Ворошилов осматривает выставку образцов трофейного оружия. Москва, 1944 г.

К. Е. Ворошилов на избирательном участке. 1946 г.

К. Е. Ворошилов. Февраль 1945 г.

К. Е. Ворошилов с внуками Климом и Володи́ей.

К. Е. Ворошилов. 1956 г.

На торжественном обеде в честь К. Е. Ворошилова у президента Финляндской Республики У. К. Кекконена (справа). Слева — Ю. К. Паасикиви. 21 августа 1951 г.

К. Е. Ворошилов принимает в Кремле шахиншаха Ирана Мохамеда Реза Пехлеви. Июнь 1956 г.

К. Е. Ворошилов беседует с рабочими, ремонтирующими мостовую в Кремле. 4 сентября 1956 г.

К. Е. Ворошилов и Ю. А. Гагарин. Сочи, 1961 г.

К. Е. Ворошилов. 25 августа 1966 г.

---

notes

Примечания

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 81–82.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201–202.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 180.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 399.

Такие случаи имели место. Хотя индивидуальный террор прямо противоречил социал-демократической тактике, отдельных рабочих-дружинников все же очень трудно было удержать от нападений на полицейских и администрацию. В Луганске в 1906–1907 годах, в основном эсерами и анархистами, было совершено несколько покушений, в том числе был убит пристав Григорьев. *(Здесь и далее примечания автора.)*

Мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна, была сестрой датского короля.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 137.

В 1921 году Советское правительство возвратило долг Фэлзу.

Комитет сохранил название Петербургского, так как большевики считали, что изменение названия было бы уступкой шовинизму.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

В. И. Ленин. Полн. собр соч., т. 31, с. 106.

На II съезде Советов К. Е. Ворошилов был заочно избран в состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 395.

Межлаук Иван Иванович (1891-1938) — член Коммунистической партии с 1918 года. В 1918 году комиссар юстиции и предревтрибунала в Харькове.

Межлаук Валерий Иванович (1893–1938) — член Коммунистической партии с июля 1917 года, один из организаторов Красной гвардии на Украине. В 1918 году наркомфин Донецко-Криворожской республики.

Руднев Николай Александрович (1894–1918) — член Коммунистической партии с марта 1917 года, прапорщик старой армии. С февраля 1918 года замнаркома по военным делам Донецко-Криворожской республики.

Донецко-Криворожская советская республика была создана в конце января 1918 года. Возникновение ее было следствием тенденций к сепаратизму, существовавших тогда среди ряда работников. В условиях еще не сложившегося окончательно советского центрального аппарата такие случаи не были единичными: в Одессе, Николаеве, Донской области были созданы свои Советы Народных Комиссаров. Существовали такие же республики и в других районах России.

Семен Михайлович Буденный родился в 1883 году на хуторе Козюрин, вблизи от станицы Платовской. Старший унтер-офицер Буденный с осени 1903 года служил в кавалерии и обладал высшей боевой солдатской наградой в дореволюционной армии: он был полным георгиевским кавалером, то есть сумел заслужить все четыре степени Георгиевского креста и четыре степени Георгиевской медали. С первых дней Октября он стал на сторону большевиков, а с февраля 1918 года вел упорную, чаще всего успешную партизанскую борьбу с контрреволюционными отрядами казаков. Уже в первых столкновениях весны и лета 1918 года Буденный обнаружил блестящие качества кавалерийского командира.

ЧК не располагала доказательствами его участия в подготовке мятежа. Поспешно уехав из Царицына, Носович около 2 месяцев состоял в распоряжении главкома, затем в октябре был командирован в штаб Южного фронта. Здесь, на участке 8-й армии, со станции Лиски он перебежал к казакам. В декабре Носович представил Деникину докладную записку о своей контрреволюционной Деятельности в штабах красных, из которой и стали известны подробности заговора в Царицыне.

10-я армия была образована в начале октября 1918 года, К. Е. Ворошилов был назначен ее командующим.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 199.

«История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2. М., 1968, с. 275–276.

«Ленинский сборник, XXXVII». М., 1970, с. 138–139.

Атаман с небольшой группой бандитов бежал в Херсонские степи. 27 июля 1919 года неподалеку от Александрии, в селе Сентове, Григорьев был убит Махпо; анархистский «батько» не терпел конкурентов.

Рвались к Киеву и националисты, и деникинцы, но первыми 30 августа со стороны пригорода Святошино в город вступили части «галицийской армии». Упоенные успехом, националисты на следующий день вознамерились было устроить парад на Думской площади (ныне площадь Калинина). Однако спозаранку 31 августа по Цепному мосту от Дарницы в Киев вошли белые части, и националистам пришлось оставить город.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 44.

Оглупление и обесчеловечивание противника умаляют подвиги бойцов и командиров Красной Армии, принижают совершенное ими: много ли чести расправиться с пугалом огородным! Кстати, и сами бойцы Красной Армии в некоторых произведениях изображены чрезвычайно, можно сказать, намеренно примитивно, оглупленно, и тенденция эта идет издавна, к примеру от произведений И. Бабеля о Конной армии. Недаром С. М. Буденный сразу же по выходе книги Бабеля резко и справедливо протестовал в печати против того, как были изображены в «Конармии» его героические кавалеристы. К счастью, в советской литературе есть замечательные произведения, позволяющие современному читателю прочувствовать, постичь атмосферу гражданской войны. В них сочетается глубокое понимание психологии сражающихся сторон с точнейшими знаниями истории — речь идет в первую очередь о «Тихом Доне» М. А. Шолохова.

Генерал Павлов сменил умершего от сыпного тифа
Мамонтова.

О лицах, занимавших эти посты, следует упомянуть хотя бы вкратце, так как именно они, а отнюдь не Троцкий, практически руководили боевыми действиями на фронтах. Сергей Сергеевич Каменев (1881-1936), полковник дореволюционной армии, окончивший Академию Генштаба в 1907 году, с начала 1918 года добровольцем вступил в ряды Красной Армии, был командующим войсками Восточного фронта, с июля 1919 по апрель 1924 года занимал пост главкома Вооруженных Сил Республики. Павел Павлович Лебедев (1872-1933), генерал-майор старой армии, окончил Академию Генштаба в 1900 году. Также добровольно пошел в Красную Армию, был начальником штаба и командующим Восточным фронтом. В 1919-1924 годах начальник полевого штаба РВС Республики. Начальник оперативного управления Борис Михайлович Шапошников (1882-1945), полковник русской армии, Академию Генерального штаба закончил в 1910 году. Впоследствии Маршал Советского Союза.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 353–354.

В отсутствие Ворошилова его избрали членом Центрального Комитета партии; с тех пор он удостоивался этой чести на протяжении почти полувека.

Здесь природные условия в какой-то мере сдерживали образование крупных банд: в открытой степи не так-то легко укрываться от преследования. Другое дело плавни Кубани или ущелья предгорий Кавказа. Кроме того, донское казачество очень устало от гражданской войны, понесло в пей огромные потери: по данным М. И. Калинина, во многих станицах население убавилось на треть.

2 декабря 1925 года Ворошилов был награжден третьим орденом Красного Знамени — «за заслуги в бытность командующим войсками Северо-Кавказского военного округа».

Только западные границы СССР (от Ледовитого океана до Черного моря) протянулись на 3 тысячи километров. Из них 1500 километров составляла граница с Финляндией, около 380 — с Эстонией и Латвией, 800 — с Польшей и 320 — с Румынией.

Она уже знакома нам: под номером 14 она ранее входила в состав 1-й Конной.

Климент Ефремович очень нежно относился и к детям М. В. Фрунзе — Тимуру и Татьяне. Когда в сентябре 1926 года умерла их мать — Софья Алексеевна, Ворошиловы взяли сирот к себе. Сын Фрунзе вырос достойным отца — 19 января 1942 года летчик-истребитель Тимур Фрунзе в бою над Старой Руссой один дрался с целой группой вражеских самолетов... Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Татьяна Михайловна — ученый, профессор, доктор химических наук.

Речь идет об английской подводной лодке Л-55, потопленной эсминцем «Азард» в бою 4 июня 1918 года. В 1928 году лодку под няли, восстановили, и она была включена в состав Балтийского флота; любопытно, что именно Ворошилов предложил оставить кораблю прежнее наименование, только английское «L» было заменено русским «Л».

В январе 1931 года этот пункт подвергся существенной правке: «По численности — превосходить наших вероятных противников на главнейшем театре войны».

В середине 30-х годов произошла реорганизация центральных органов военного управления. 20 июня 1934 года РВС СССР был упразднен, а Народный комиссариат по военным и морским делам переименован в Народный комиссариат обороны. 22 сентября 1935 года Штаб РККА переименовывается в Генеральный Штаб РККА; начальником его остается А. И. Егоров.

«История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., Политиздат, 1970, с. 153.

1 июля 1941 года командующим Западным фронтом был назначен маршал С. К. Тимошенко.

Генерал-лейтенант С. Д. Акимов, командующий 48-й армией.

В своих воспоминаниях Г. К. Жуков писал, что вступил в командование войсками *10* сентября. Однако приказ о назначении его командующим датирован 13 сентября. Постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 13 сентября за № 00253—00256 имеют подпись Ворошилова, постановление № 00257 за это же число подписано уже Жуковым (АМО, ф. 217, оп. 1258, д. 4, лл. 156–166).

В Москве оставались ГКО, Ставка и минимально необходимый для оперативного руководства страной и армией партийный, правительственный и военный аппарат.

Сведения взяты из книги В. С. Английского
«Климент Ефремович Ворошилов».

Чтобы несколько умерить пессимизм английских военных, Сталин дал указание продемонстрировать им на подмосковном полигоне стрельбу советской реактивной артиллерии. Высшие военачальники Великобритании были потрясены действием гвардейских минометов, засыпали хозяев вопросами и выразили желание иметь такие же установки в своей армии.

Сергей Георгиевич Зуйков сдержал данное маршалу слово: его батальон первым пересек Неву и, продвигаясь вперед, достиг рощи «Тигр». Когда же 13 января гитлеровцы стали контратаковать, батальон не дрогнул и отбил их натиск. Комбат погиб, и тело его долго не могли найти. Старший лейтенант был изрешечен пулями до неузнаваемости, вокруг него валялось 14 вражеских трупов...

Так в тот период в донесениях условно именовался И. В. Сталин.

Министр обороны Финляндской республики.